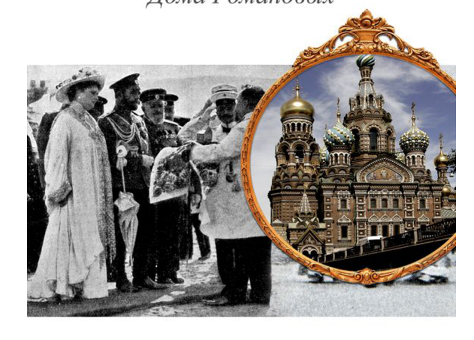
Владимир Хрусталев

Тайны на крови. Триумф и трагедии Дома Романовых

Предисловие

В России, особенно в последние годы, значительно усилился интерес к подлинной истории нашего Отечества, не искаженной всякими идеологическими штампами. Доказательство тому – постоянно увеличивающееся из года в год количество издаваемых исторических книг (в том числе переводных), посвященных многим событиям, которые входили в советские времена в число «закрытых тем» и являлись предметом особой охраны в многочисленных спецхранах библиотек и государственных архивов. Вновь, как и в прежние времена Российской империи, ныне возрождено знаменитое Историческое общество. Актуальным вопросом сегодняшнего дня является написание устоявшихся школьных учебников по истории России, которые в наши времена «великих перемен» отличаются порой различной трактовкой одних и тех же событий. Многие темы остаются недостаточно изученными, а некоторые все еще представляют собой, так называемые белые или черные пятна истории и ждут своих исследователей. Порой ажиотажный интерес к истории тех или иных событий, недостаток знаний многие любители

«сенсаций» пытаются восполнить за счет нового мифотворчества, чем особенно грешат журналисты. На экранах центрального телевидения можно видеть интересные передачи, посвященные многим основным историческим вехам нашей Родины, но иногда наблюдается тенденция наполнить их мистическим смыслом, притянуть надуманные сюжеты под видом достоверных фактов, которых в действительной жизни никогда не существовало. Это явление негативно влияет на формирование психологии подрастающего поколения, порождает семена сомнения, что тот или иной исторический факт достоверен, а телевизионная передача просто развлекательное шоу и не отвечает за «правду истории». Познавательные передачи, как и книги, должны нести проверенную научную информацию. Стоит напомнить, что история, как наука, прежде всего призвана испокон веков формировать внутренний мир полноценных граждан державы, воспитывать искренних и самоотверженных патриотов. Молодое поколение должно знать и гордиться многовековыми традициями своего Отечества, быть способным по призыву сердца и совести в минуту опасности встать на защиту общих интересов страны. Меня, как профессионального историка-архивиста, часто возмущает и вызывает невольный внутренний протест, когда читаешь некоторые исторические книги зарубежных авторов и наших диссидентов или смотришь документальные фильмы иностранных киностудий, посвященные страницам многовековой истории России. Они часто сквозят примитивными и схематичными западными трафаретами (нередко из времен «холодной войны»), извращенными взглядами на русский самобытный мир, которые в их представлении деформированные (на самом деле не соответствуют нашей действительности). Порой эти исторические концепции, в их изложении, явно враждебны к Государству Российскому. Так и хочется сказать: люди добрые, сегодня нет «железного занавеса», посетите российские архивы. У нас нет запретных ограничений по хронологии пережитых событий чуть ли не по сто лет, как, например, в архивах Великобритании. Надо более уважительно относиться к нашему многовековому историческому наследию, а значит, и не только к себе, но и к другим – мировому сообществу как единой семье на планете Земля. Но не стоит впадать и в другую крайность. Искажать нашу историю красивыми эпизодами, которые придуманы были для «красного словца» или сочинены народной молвой, а позднее не глядя были растиражированы по многим изданиям и стали как бы уже неотъемлемой действительностью. Приведу один безобидный конкретный пример, хотя их существует множество. Относительно не так давно из печати вышла полезная книга, рассчитанная на российских туристов, которые стали активно проводить свой отпуск за рубежом и знакомиться со многими достопримечательностями разных стран мира. Хорошее и полезное дело. Авторы этого издания решили кратко осветить для туристов известный маршрут Цесаревича Николая

Александровича (императора Николая II) во время его знаменитого морского путешествия на Восток в 1890–1891 гг. Однако в самом начале книги приводятся неверные сведения, которые, к сожалению, кочуют по многим историческим работам и документальным фильмам. Речь идет о крушении царского поезда в Борках в 1888 г. недалеко от Харькова, когда только чудом спаслась царская семья: «При крушении обвалилась крыша вагона-столовой. Царь Александр, по рассказам, удерживал ее на своих плечах, пока к нему не подбежали с помощью; жена и дети невредимыми выбрались наружу, отделавшись испугом»[1]**1**

Путешествие на Восток цесаревича Николая / Авторы-составители А.Г. Москвин, С.М. Бурыгин, Н.Н. Непомнящий. М., 2010. С. 12.

.

Кажется, ничего страшного, что в действительности все было гораздо прозаичнее и не так романтично. Однако из малого создается общая картина исторического процесса. Небольшая допущенная неточность порой настораживает вдумчивого читателя к дальнейшему восприятию достоверности изложения в книге других исторических фактов. Конечно, как многие знают из своего жизненного опыта, процесс познания истины может быть длительным, а порой бесконечным. В этом издании я только пытаюсь показать наиболее известные исторические факты, которые часто искажаются в популярных изданиях, с предостережением, чтобы читатель был информирован и подготовлен, что не всякое опубликованное слово есть истина, и критически относился к тому, что его интересует. Конечно, и мои заметки не могут со всей полнотой раскрыть все сюжеты, которые затронуты в книге. Главной своей целью я ставил: показать читателю всю массу существующих источников, дать их в сопоставлении, увлечь в познавательный процесс постижения летописи Российской империи, совершить путешествия в эпизоды времени отдаленной от нас эпохи. Постараемся попутно показать взгляды на одни и те же значимые исторические события свидетелей тех времен, в том числе из различных политических лагерей: от монархистов и консерваторов до либералов и революционеров. Попытаемся познать совместными усилиями страницы истории нашего Отечества, прежде всего через призму архивных документов, дневники и письма, воспоминания очевидцев событий, через хронику и периодические издания тех лет. Чтобы каждый современный читатель мог составить собственное суждение и сделать определенные выводы о том или ином событии. Недаром русская поговорка гласит: «Сколько человек, столько мнений». Главное, чтобы каждый из нас загорелся желанием в дальнейшем узнать больше о том, что привлекло внимание, для этого мы даем отсылку к

источникам, с которыми в дальнейшем можно будет самостоятельно более подробно ознакомиться. Необходимо помнить, что многие мемуары и воспоминания порой грешат тенденциозностью взглядов их авторов. К этой категории исторических материалов можно отнести также дневники и письма. Фрагменты цитируемых текстов воспроизводятся мной в данной книге в соответствии с правилами издания исторических документов. Для большей доступности читателю восприятия текста источников мной в квадратных скобках восстанавливаются не общепринятые сокращенные или пропущенные по смыслу слова. В круглых скобках в необходимых случаях даются пояснения автора (кратко обозначенные курсивом. – *В.Х.*). Даты событий обозначены по старому стилю, в необходимых случаях рядом дается датировка по новому стилю. Многие архивные документы требуют критического научного анализа. В связи с этим следует отметить, что среди архивных и печатных источников встречаются явно подложные, направленные на фальсификацию некоторых исторических событий. Об этой проблеме интересно и доступно излагается в книге В.П. Козлова «Обманутая, но торжествующая Клио»[2]**2**
Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

и других изданиях. Только в изучении совокупности исторических материалов по той или иной теме, сопоставлении их данных, скрупулезном и критическом отношении к изучению исторического процесса – залог приближения к истине. Об этом должен помнить каждый исследователь и читатель, кто желает безошибочно отличать мифы от реальности.

Крушение царского поезда в Борках

В многовековой истории Императорского Дома Романовых имеется множество событий, которые в популярных произведениях обросли мифами или значительно отличаются от действительности. Например, катастрофа царского поезда на 277-й версте, недалеко от станции Борки на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге 17 октября 1888 года, когда якобы император Александр III держал на могучих плечах обвалившуюся крышу вагона, чем спас свою семью. Подобное утверждение присутствует во многих исторических работах.

В книге нашей соотечественницы Л.П. Миллер, выросшей в эмиграции и ныне живущей в Австралии, указывается: «Император, обладавший невероятной физической силой, держал на своих плечах крышу вагона, когда произошло крушение императорского поезда в 1888 году, и дал возможность своей семье

выползти из-под обломков вагона в безопасное место»[3]**3**
Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 55.

.

Более впечатляющая и искаженная картина крушения царского поезда воспроизводится в книге известной английской писательницы Э. Тисдолл: «Императорский столовый вагон оказался в тени выемки. Неожиданно вагон покачнулся, вздрогнул и подпрыгнул. Раздался адский стук столкнувшихся буферов и сцепок. Днище вагона треснуло и провалилось у них под ногами, снизу взметнулось облако пыли. Стенки со скрежетом лопнули, воздух наполнился грохотом сталкивающихся между собой вагонов.

Никто не понял, как все произошло, но в следующее мгновение Император Александр III стоял на железнодорожном полотне по колени в обломках, удерживая на могучих плечах всю среднюю часть металлической крыши вагона.

Похожий на мифического Атланта, подпирающего небо, ослепленный пылью, слыша крики своего семейства, оказавшегося среди обломков у его ног, и зная, что каждую секунду они могут быть раздавлены, если он сам рухнет под страшной тяжестью.

Трудно себе представить, что за считанные доли секунды он догадался подставить плечи и тем самым спасти остальных, как нередко это утверждают, но то обстоятельство, что он встал на ноги и что крыша рухнула на него, возможно, спасло несколько жизней.

Когда прибежали несколько солдат, Император все еще удерживал крышу, но стонал, еле выдерживая напряжение. Не обращая внимания на крики, доносившиеся из-под обломков, они схватили куски досок и подперли ими одну сторону крыши. Император, ноги которого проваливались в песок, отпустил вторую сторону, упершуюся в обломки.

Ошеломленный, он пополз на четвереньках к краю выемки, затем с трудом поднялся на ноги»[4]**4**
Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумф и поражение. СПб., 2004. С. 184–185.

.

Объяснить подобное вольное утверждение можно лишь недостаточно критическим отношением к историческим источникам, а иногда вымыслами сочинителей. Возможно, использование ими непроверенной информации об Александре III, в какой-то мере пошло от эмигрантских мемуаров великого князя Александра Михайловича (1866–1933). Писал он их в конце жизни по памяти, т. к. его личный архив остался в Советской России. В частности, в этих мемуарах указывалось: «После покушения в Борках 17 октября 1888 года весь русский народ создал легенду, что Александр III спас своих детей и родных, удержав на плечах крышу разрушенного вагона-ресторана во время покушения революционеров на императорский поезд. Весь мир ахнул. Сам герой не придавал особого значения случившемуся, но огромное напряжение того случая оказало губительное воздействие на его почки»[5]**5**

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 163–164.

. Так ли было на самом деле в действительности. Обратимся к архивным документам, воспоминаниям очевидцев и другим историческим источникам. Попытаемся сопоставить их содержание, чтобы реконструировать реальные события.

Весною 1894 года император Александр III заболел инфлюэнцей, которая дала осложнения на почки и вызвала Брайтову болезнь (нефрит почек). Первой причиной болезни, очевидно, были ушибы, полученные во время железнодорожной катастрофы под Харьковом (недалеко от станции Борки) 17 октября 1888 г., когда чуть не погибла вся царская семья. Государь получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в кармане серебряный портсигар оказался сплющенным. С того памятного и трагического события прошло шесть лет. Воспроизведем ход событий.

Осенью 1888 года семья императора Александра III (1845–1894) посетила Кавказ. Государыня Мария Федоровна (1847–1928) впервые оказалась в этих местах. Ее поразили природная, девственная красота и самобытность этого дикого края. Она восхищалась гостеприимством и искренней восторженностью встреч местного населения.

Все хорошее, известно каждому, пролетает быстро, как одно мгновение. Наконец завершилось длительное и утомительное, хотя и увлекательное путешествие по югу России. Царская семья отправилась в обратный путь домой в Санкт-Петербург: сначала морем с Кавказа до Севастополя, а оттуда по железной дороге. Казалось, ничто не предвещало беды. Царский поезд тянули

два мощных локомотива. Состав включал более десятка вагонов и на некоторых участках шел со средней скоростью 65 верст в час.

Цесаревич Николай Александрович (1868–1918) продолжал в эти октябрьские дни 1888 года, как обычно, регулярно вести свои дневниковые записи. Заглянем в них:

«*16 октября. Воскресенье. – Вагон.*

Сегодня весь день стояла идеальная погода, совершенно летняя. В 8BS увиделись с Ксенией, Мишей и Ольгой. В 10 ч. поехали к обеднице на кор[абль] «Чесма». Осматривали ее после этого. Были также на «Екатерине II» и «Уральце». Завтракали на «Москве» с турецким послом. Посетили Морское собрание в городе и казарму 2-го Черномор[ского] экипажа. В 4 часа уехали в Никол[аевском] поезде. Проехали тоннель засветло. Обедали в 8 ч.

17 октября. Понедельник. – Вагон.

Бедная “Камчатка” убита![6]**6**
«Камчатка» – кобель лайки, любимая собака императора Александра III.

Роковой для всех день, все мы могли быть убиты, но по воле Божией этого не случилось. Во время завтрака наш поезд сошел с рельсов, столовая и 6 вагонов разбиты и мы вышли из всего невредимыми. Однако убитых было 20 чел. и раненых 16. Пересели в Курский поезд и поехали назад. На ст. Лозовой был молебен и панихида. Ужинали там же. Все мы отделались легкими царапинами и разрезами!!!»[7]**7**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 222. Л. 294–295.

Император Александр III в своем дневнике за этот трагический день записал следующее: «Бог чудом спас нас всех от неминуемой смерти. Страшный, печальный и радостный день. 21 убитый и 36 раненых! Милый, добрый и верный мой Камчатка тоже убит!».

17 октября 1888 года с самого утра было обычным, ни чем не отличающимся днем, проводимым царской семьей во время путешествий в поезде. В полдень

по установленному придворному порядку (хотя чуть раньше обычного) сели завтракать. В вагоне столовой собралась вся Августейшая семья (за исключением 6-летней младшей дочери Ольги, которую оставили с гувернанткой англичанкой в купе) и свита – всего 23 человека. За большим столом сидели император Александр III, императрица Мария Федоровна, несколько свитских дам, министр путей сообщения генерал-адъютант К.Н. Посьет, военный министр П.С. Ванновский. За невысокой перегородкой, за отдельным столом, завтракали царские дети и гофмаршал Императорского Двора князь В.С. Оболенский.

Трапеза должна была скоро завершиться, так как до Харькова, где ожидалась, как обычно, торжественная встреча, оставалось ехать менее часа. Прислуга, как всегда, обслуживала безукоризненно. В ту минуту, когда подавали последнее блюдо, любимую Александром III гурьевскую кашу, и лакей поднес Государю сливки, все вдруг страшно сотряслось и моментально куда-то исчезло.

Потом император Александр III и его супруга Мария Федоровна будут вспоминать бесконечное множество раз этот роковой случай, но так и не смогут восстановить его во всех мелких подробностях.

О железнодорожной катастрофе много позднее младшая дочь царя, великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) делилась впечатлениями в мемуарах, пересказанных от ее имени в записи канадского журналиста Йена Ворреса: «29 октября (*17 октября по старому стилю. – В.Х.*) длинный царский поезд шел полным ходом к Харькову. Великая княгиня помнила: день был пасмурный, шел мокрый снег. Около часу дня поезд подъезжал к небольшой станции Борки. Император, императрица и четверо их детей обедали в столовом вагоне. Старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем еще раз. Все упали на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разорвался, как консервная банка. Тяжелая железная крыша провалилась вниз, не достав каких-то несколько дюймов до голов пассажиров. Все они лежали на толстом ковре, упавшем на полотно: взрывом отрезало колеса и пол вагона. Первым выполз из-под рухнувшей крыши император. После этого он приподнял ее, дав возможность жене, детям и остальным пассажирам выбраться из изувеченного вагона. Это был поистине подвиг Геркулеса, за который ему придется заплатить дорогой ценой, хотя в то время этого еще никто не знал.

Миссис Франклин и маленькая Ольга находились в детском вагоне, сразу за столовым вагоном. Они ждали пудинга, но так и не дождались.

– Хорошо помню, как при первом же ударе со стола упали две вазы из розового стекла и разбились вдребезги. Я испугалась. Нана посадила меня к себе на

колени и обняла. – Послышался новый удар, и на них обеих упал какой-то тяжелый предмет. – Потом я почувствовала, что прижимаюсь лицом к мокрой земле…

Ольге показалось, что ее выбросило из вагона, превратившегося в груду обломков. Она покатилась вниз по крутой насыпи, и ее охватил страх. Кругом бушевал ад. Некоторые вагоны, находившиеся сзади, продолжали двигаться, сталкиваясь с передними, и падали набок. Оглушительный лязг железа, ударяющегося о железо, крики раненых еще больше напугали и без того перепуганную шестилетнюю девочку. Она забыла и про родителей, и про Нана. Ей хотелось одного – убежать подальше от ужасной картины, которую она увидела. И она бросилась бежать, куда глаза глядят. Один лакей, которого звали Кондратьев, кинулся за нею вслед и поднял ее на руки.

– Я так перепугалась, что исцарапала бедняге лицо, – призналась великая княгиня.

Из рук лакея она перешла в отцовские руки. Он отнес дочурку в один из немногих уцелевших вагонов. Там уже лежала миссис Франклин, у которой были сломаны два ребра и серьезно повреждены внутренние органы. Дети остались в вагоне одни, в то время как Государь и императрица, а также все члены Свиты, не получившие увечий, стали помогать лейб-медику, ухаживая за ранеными и умирающими, которые лежали на земле возле огромных костров, разведенных с тем, чтобы они могли согреться.

– Позднее я слышала, – сообщила мне великая княгиня, – что мама вела себя как героиня, помогая доктору, как настоящая сестра милосердия.

Так оно и было на самом деле. Убедившись, что муж и дети живы и здоровы, императрица Мария Федоровна совсем забыла о себе. Руки и ноги у нее были изрезаны осколками битого стекла, все тело ее было в синяках, но она упорно твердила, что с нею все в порядке. Приказав принести ее личный багаж, она принялась резать свое нижнее белье на бинты, чтобы перевязать как можно больше раненых. Наконец из Харькова прибыл вспомогательный поезд. Несмотря на усталость, ни император, ни императрица не захотели сесть в него, прежде чем не были посажены все раненые, а убитые, пристойно убранные, погружены в поезд. Число пострадавших составило 281 человек, в том числе 21 убитый.

Железнодорожная катастрофа в Борках явилась поистине трагической вехой в жизни великой княгини. Причина катастрофы так и не была установлена следствием. /…/

Многие из свиты погибли или стали калеками на всю жизнь. Камчатка, любимая собака великой княгини, была раздавлена обломками провалившейся крыши. В числе убитых оказался граф Шереметев, командир казачьего конвоя и личный друг императора, но к боли утраты примешивалось неосязаемое, но жуткое ощущение опасности. Тот хмурый октябрьский день положил конец счастливому, беззаботному детству, в память девочки врезался снежный ландшафт, усеянный обломками императорского поезда и черными и алыми пятнами»[8]**8**

Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 178–179.

.

Конечно, эти записки великой княгини Ольги Александровны больше плод воспоминаний других, так как ей в то время было всего 6 лет и едва ли она могла знать о некоторых деталях трагического события, которые были пересказаны в мемуарах от ее имени. К тому же приведенные здесь сведения о гибели командира Императорского конвоя В.А. Шереметева (1847–1893) не соответствуют действительности. Так именно появляются мифы, которые начинают жить самостоятельной жизнью, перекочевав во многие популярные произведения.

Сообщая о случившемся, официальный печатный орган «Правительственный вестник» указывал, что вагон «хотя и остался на полотне, но в неузнаваемом виде: все основание с колесами выбросило, стенки сплюснулись, и только крыша, свернувшись на одну сторону, прикрыла находившихся в вагоне. Невозможно было представить, чтобы кто-либо мог уцелеть при таком разрушении».

В свою очередь, нам следует заметить читателям, что тогда еще трудно было говорить о причинах крушения, но правительство сразу же заявило: «О каком-либо злоумышлении в этом несчастном случае не может быть и речи». В печати сообщалось, что погибли 19 человек, 18 были ранены.

Дополнительно от себя еще отметим, что вагон, в котором находилась царская семья, спасло от полного разрушения только то, что его днище имело свинцовую прокладку, что смягчило удар и не позволило всему развалиться на куски.

Следствием было установлено, что царский поезд шел на этом опасном участке со значительным превышением скорости (64 версты в час, так как нагонял опоздание по графику), и катастрофа произошла в 47 верстах к югу от Харькова

– между станциями Тарановка и Борки. Сошли с рельсов локомотив и четыре вагона. Это не был террористический акт, как некоторые предполагали первоначально. Еще до путешествия специалисты предупреждали императора, что поезд составлен неверно – в середину очень тяжелых царских вагонов был вставлен легкий вагон министра путей сообщения К.Н. Посьета. Инженер С.И. Руденко неоднократно указывал на это инспектору Императорских поездов инженеру барону М.А. Таубе. Тот как всегда отвечал, что все хорошо знает, но сделать ничего не может, так скоростью движения распоряжается П.А. Черевин, не считаясь ни с расписанием, ни с неудовлетворительным состоянием железнодорожного пути. Погода была холодная и дождливая. Тяжелый поезд, который тащили два мощных паровоза, спускаясь с шестисаженной насыпи, шедшей через широкий и глубокий овраг, повредил путь и сошел с рельсов. Часть вагонов была разрушена. Погибло 23 человека, в том числе лакей, который подавал сливки Государю, не спаслись также четыре официанта, находившихся в вагоне-столовой (за перегородкой). Раненых насчитывалось 19 человек. (По другим данным: погиб 21 человек, 35 были ранены.) Как мы видим, число жертв в источниках все время указывается разным. Возможно, некоторые из пострадавших позднее скончались от ран.

Члены царской семьи остались практически невредимыми, только сам царь получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в правом кармане серебряный портсигар оказался сильно сплющенным. Кроме того, он получил сильный ушиб спины от упавшей на него массивной столешницы. Возможно, впоследствии эта травма способствовала развитию болезни почек, от которой император Александр III скончался через шесть лет. Единственными свидетелями извне этого железнодорожного крушения оказались окаменевшие от ужаса солдаты Пензенского пехотного полка, стоявшие для охраны в цепи вдоль линии полотна в этой местности при прохождении царского поезда. Государь, окинув взором всю картину катастрофы и поняв, что нет иной реальной возможности оказать должную помощь пострадавшим людям силами и средствами только уцелевших лиц разбитого поезда, приказал солдатам стрелять в воздух. По всей цепи охраны поднялась тревога, сбежались солдаты, а с ними оказался военный врач Пензенского полка и небольшое количество перевязочных средств.

Сразу после крушения и эвакуации раненых, на ближайшей станции Лозовой сельское духовенство отслужило панихиду по погибшим и благодарственный молебен по случаю избавления от опасности оставшихся живых. Император Александр III приказал подать обед для всех находившихся и уцелевших в поезде, включая прислугу. По некоторым свидетельствам, он распорядился перевести останки погибших в Петербург и обеспечить материально их семьи.

На основании материалов следствия государственной комиссии были сделаны соответствующие выводы, по которым приняли надлежащие меры: кто-то был уволен в отставку, кого-то повысили в должности. Однако пересмотрели весь установленный ранее артикул движения царского поезда. На этом поприще сделал головокружительную карьеру многим теперь известный С.Ю. Витте (1849–1915). По всей стране служились благодарственные молебны по поводу чудесного спасения Августейшей семьи.

Любопытно сравнить процитированные нами мемуары великой княгини Ольги Александровны с дневниковыми записями генеральши А.В. Богданович (1836–1914), которая держала великосветский салон и была в курсе всех событий и слухов столицы: «За последние дни – ужасная катастрофа на Харьковско-Орловской дороге 17 октября. Без содрогания нельзя слушать подробности крушения царского поезда. Непостижимо, как Господь сохранил царскую семью. Вчера Салов рассказал нам подробности, переданные ему Посьетом, когда они вчера возвращались из Гатчины, по приезде Государя. Царский поезд состоял из следующих вагонов: два локомотива, за ними – вагон электрического освещения, вагон, где помещались мастерские, вагон Посьета, вагон II класса для прислуги, кухня, буфетная, столовая, вагон вел. княжон – литера Д, литера А – вагон Государя и царицы, литера С – цесаревича, дамский свитский – литера К, министерский свитский – литера О, конвойный № 40 и багажный – Б. Поезд шел со скоростью 65 верст в час между станциями Тарановка и Борки. Опоздали на 1BS часа по расписанию и нагоняли, так как в Харькове предполагалась встреча (тут является маленькая темнота в рассказе: кто приказал ехать скорее?).

Был полдень. Ранее обыкновенного сели завтракать, чтобы кончить его до Харькова, который уже отстоял только на 43 версты. Посьет, выходя из своего вагона, чтобы идти в царскую столовую, зашел в купе к барону Шернвалю, звал его идти вместе, но Шернваль отказался, сказав, что у него есть чертежи, которые ему необходимо рассмотреть. Посьет ушел один. В столовой собралась вся царская семья и свита – всего 23 человека. Маленькая вел. княжна Ольга оставалась в своем вагоне. Столовая была разделена на 3 части: посредине вагона – большой стол, с двух боков столовая была отгорожена – с одной стороны помещался обыкновенный стол для закуски, а за другой перегородкой, ближе к буфетной, стояли официанты. Посередине стола с одной стороны помещался Государь, имея по бокам двух дам, а с другой стороны – императрица, справа у нее сидел Посьет, а слева Ванновский. Где стояла закуска, там сели царские дети: цесаревич, его братья, сестра и с ними Оболенский.

В ту минуту, когда уже подавали последнее блюдо, гурьевскую кашу и лакей поднес Государю сливки, началась страшная качка, затем сильный треск. Все это было делом нескольких секунд – царский вагон слетел с тележек, на которых держались колеса, все в нем превратилось в хаос, все упали. Кажется, пол вагона уцелел, стены же приплюснулись, крышу сорвало с одного бока вагона и покрыло ею бывших в вагоне. Императрица захватила Посьета при падении за бакенбарды.

Первый на ноги поднялся Посьет. Увидя его стоящим, Государь, под грудой обломков, не имея сил подняться, закричал ему: "Константин Николаевич, помогите мне выкарабкаться". Когда Государь поднялся, и императрица увидела, что он невредим, она вскричала: "Et nos enfants?" ("Что с детьми?"). Слава Богу, дети все целы. Ксения стояла на полотне дороги в одном платье под дождем; на нее накинул телеграфный чиновник свое пальто. Михаила отыскали, зарытого в обломки. Цесаревич и Георгий тоже были невредимы. Когда нянька увидела, что стенка вагона была разбита, она выбросила маленькую Ольгу на насыпь и сама вслед за ней выбросилась. Все это произошло очень благополучно. Вагон же был переброшен через столовую и стал между буфетным вагоном и столовой поперек. Говорят, это послужило спасением для находящихся в столовой.

Зиновьев рассказал Посьету, что он видел, как бревно врезывалось в столовую, два вершка от его головы; он перекрестился и ждал смерти, но вдруг оно остановилось. Человек, подававший сливки, был убит у ног Государя, также и собака, бывшая в вагоне, – подарок Норденшильда.

Когда вся царская семья собралась, и они увидели, что Господь их сохранил, – царь перекрестился и занялся ранеными и убитыми, которых оказалось много. Четыре официанта, которые находились в столовой за перегородкой, были убиты. Первый сошел с рельсов вагон Посьета. Охрана, стоявшая вдоль пути, говорит, что видела, как что-то моталось около колеса одного из вагонов, но, вследствие быстрого хода поезда, не может указать, в каком это было вагоне. Думают, что лопнул бандаж на колесе. В первом, электрическом, вагоне людям, там находящимся, было жарко, – они открыли дверь. Трое из них, поэтому были спасены – их выбросило на дорогу невредимыми, но другие были убиты. В мастерской, где находились колеса, и разные принадлежности на случай поломки, все были перебито. Вагон Посьета разлетелся в прах. Шернваль был выброшен на откос, его нашли сидящим. Когда его спросили, сильно ли он ранен, он ничего не отвечал, только махал руками; он был нравственно потрясен, не зная, что такое произошло. Императрица и Государь подошли к нему. Она сняла с себя башлык и надела его на Шерналя, чтобы ему было

теплее, так как у него фуражки не было. У него оказались переломлены три ребра и помяты ребра и помяты щеки. В вагоне Посьета находился еще инспектор дороги Кроненберг, который тоже был выброшен на кучу щебня, и у него было оцарапано все лицо. И управляющий дорогой Кованько, тоже выброшенный, но так удачно, что не запачкал себе даже перчаток. Кочегар же был убит в этом же вагоне. В вагоне II класса, где была прислуга, мало кто остался жив – все получили сильные раны: кто не был убит на месте, многие были придавлены передними скамейками. В кухне повара были ранены. Вагоны лежали на обе стороны. Из свиты Государя все более или менее получили ушибы, но все легкие. Посьету ушибло ногу, у Ванновского оказалось три шишки на голове, Черевину ушибло ухо, но всех больше пострадал начальник конвоя Шереметев: у него оторвало второй палец на правой руке и сильно придавило грудь. Трудно вообразить, что при таком разрушении так еще ничтожны повреждения. Императрице помяло левую руку, которую до сих пор она держит на привязи, а также оцарапало ухо, т. е. возле уха. В других же вагонах находящиеся там люди не потерпели никаких повреждений. Под царский вагон, где находились спальни царя и царицы, подкатились колеса других вагонов, а вагон цесаревича так затормозили, что превратили его колеса в сани. Барон Таубе, сопровождающий всегда царские поезда, находился у Ширинкина в свитском вагоне. Когда он узнал о происшедшем, он бросился бежать в лес; солдаты, охранявшие путь, чуть его не убили, думая, что это злоумышленник. Ширинкин послал конвойных его догнать и привести обратно. Посьет потерял во время крушения все свои вещи, остался в одном сюртуке.

Когда опять все уселись в вагоны, т. е. когда опять отправились из Лозовой в Харьков, Государь с царицей навестили Посьета в его купе. Он лежал раздетый. Царица села рядом у него на скамейке, где он лежал, а Государь остался стоять. Она его утешала и пробыла у него 20 минут, не позволив ему встать со своего места. Когда Посьет вышел из вагона, Салов говорит, что у него был земляной цвет лица, он очень осунулся. Государь очень бодр и еще потолстел. Императрица тоже бодра, но постарела. Это понятно, что она пережила в это ужасное время.

Сегодня напечатано, что Государь передал жандармскому офицеру кусок дерева – гнилую шпалу. Спросила Салова по телефону, справедливо ли это сообщение. Он отвечал, что Воронцов, правда, поднял кусок дерева и сказал, что это – гнилая шпала, передал это Государю, который тут же отдал этот кусок жандарму. Но Салов уверен, что это не шпала, что все они были переменены два года тому назад на этой дороге, а что это – обломок от вагона. Молодой Поляков, хозяин этой дороги, говорит, что всему виной вагон Посьета, который был очень ветх. Посьет дал понять Салову, что будто ехали так скоро по

приказанию самого Государя. Теперь все выяснит следствие. Кони и Верховский от Министерства путей сообщения поехали туда на место. Жертв очень много: 23 убитых и 19 раненых. Все – царская прислуга»[9]**9** Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 91–94.

.

Любопытно отметить, что этому происшествию уделил большое внимание известный многим жандармский генерал В.Ф. Джунковский (1865–1938), занимавший перед Первой мировой войной пост помощника министра внутренних дел, и который числился в Свите императора Николая II. Он за свою жизнь оставил обширные дневники и рукописные воспоминания, еще до сих пор в своей значительной части не опубликованные. В частности, он писал: «Император Александр III возвращался со всей своей семьей с Кавказа. Не доезжая г. Харькова близ станции Борки несколько вагонов сошли с рельсов и, одновременно, раздался треск, вагон-столовая, в котором в это время находился император со всей семьей и ближайшей свитой, рухнул, крыша вагона прикрыла всех сидевших за столом, два камер-лакея, подававшие в это время гречневую кашу, были убиты на месте упавшей крышей. Александр III, обладавший неимоверной силой, как-то инстинктивно удержал крышу и тем спас всех сидевших за столом. Он со страшными усилиями поддерживал крышу, пока не удалось вытащить из-под нее всех сидевших. Это усилие навсегда отразилось на здоровье Александра III, повредило ему почки, что и было причиной его преждевременной кончины 6 лет спустя. Несколько еще вагонов Императорского поезда были разбиты в щепы, жертв было много, и убитые и раненые. Государь и императрица не покинули места катастрофы, пока не пришел санитарный поезд из Харькова, не перевязали всех раненых, не поместили их в поезда, не перенесли туда же и в багажный вагон всех убитых и не отслужили по ним панихиду. Императрица с помощью дочерей, фрейлин сама перевязывала раненых, утешала их. Только когда все было окончено, санитарный поезд двинулся в Харьков, увозя с собой пострадавших, царская семья с лицами Свиты в экстренном поезде направилась вслед в Харьков, где Их Величества восторженно были встречены харьковцами, проследовали прямо в Собор среди ликующей толпы, запрудившей все улицы. В Соборе было отслужено благодарственное молебствие за совершенное необъяснимое прямо чудо – спасения царской семьи. Как никогда свершился Божий промысел…

В воскресенье 23 октября Государь вернулся в столицу. В Петербурге состоялся торжественный въезд Их Величеств… По всему пути стояли несметные толпы народа. Государь прямо проехал в Казанский Собор, где было отслужено

молебствие. Тут на площади стояли учащиеся, не исключая и студентов университета и многих учебных заведений. Овациям не было предела, вся эта молодежь приветствовала царскую семью, их шапки летели вверх, “Боже, Царя храни” раздавалось в толпе, то тут, то там. Государь ехал в открытой коляске с императрицей.

Мне рассказывал ближайший свидетель всего этого градоначальник Грессер, что он никогда ничего подобного не видел, что это была стихия, стихия восторженности. Студенты и молодежь буквально осаждали коляску Государя, некоторые прямо хватали руки и целовали. У одного студента брошенная им шапка попала в коляску Государя. Императрица ему говорит: “Возьмите Вашу шапку”. А он в порыве восторга: “Пусть остается”. От Казанского Собора до Аничкова дворца бежала густая толпа за коляской Государя.

Несколько дней столица праздновала чудесное спасение Государя, город был разукрашен, иллюминован, учебные заведения распущены на 3 дня.

Всех конечно занимала причина крушения. Много было разговоров, толков, говорили о покушении, чего только не придумывали… В конце концов, определенно подтвердилось, что никакого покушения не было, что вина лежала исключительно на Министерстве путей сообщения…»[10]**10**
ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 41. Л. 97, 98, 100, 101.

.

День спустя, т. е. 24 октября 1888 года, еще одна запись в дневнике генеральши А.В. Богданович относительно уточнения подробностей крушения царского поезда: «Было много народу. Moulin говорил, что видел художника Зичи, который сопутствовал Государю в поездке и был в столовой. Его облили кашей во время катастрофы. Когда он очутился вне вагона, первое, о чем он вспомнил, был его альбом. Он вошел снова в разрушенную столовую, и альбом сразу попался ему на глаза. Говорят, что Государь за два дня до катастрофы делал замечание за столом Посьету, что очень часто остановки. На это Посьет отвечал, что они делаются, чтобы брать воду. Государь сказал сурово, что можно ее запасать, не так часто, а в большем количестве зараз.

Много интересных подробностей слышишь о крушении. Все более или менее получили царапины, но все здоровы. У Оболенской, рожденной Апраксиной, сорвало с ног туфли. Раухфус (доктор) боится, что будут последствия у вел. княжны Ольги от падения. Ванновский сильно ругает Посьета. Вся свита царя говорит, что его вагон был причиной крушения. Удивительно, что все, когда

говорят об опасности, угрожавшей царской семье, восклицают: “Если бы они погибли, то вообразите, что тогда был бы Государем Владимир с Марией Павловной и Бобриков!” И эти слова говорят с ужасом. Е.В.[Богданович] говорит, что вел. кн. Владимир делает недоброе впечатление своими поездками по России»[11]**11**
Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 94–95.

.

Однако, как часто бывает, воспоминания косвенных свидетелей событий тех дней не всегда совпадают с тем, что рассказывали об этом же те, кто оказался участниками этого происшествия. Тому имеется множество примеров.

6 ноября 1888 года императрица Мария Федоровна написала своему родному брату Вильгельму, греческому королю Георгу I (1845–1913), обстоятельное и полное эмоций письмо об ужасном происшествии: «Невозможно представить, что это был за ужасающий момент, когда мы вдруг почувствовали рядом с собой дыхание смерти, но и в тот же момент ощутили величие и силу Господа, когда Он простер над нами свою защитную руку…

Это было такое чудесное чувство, которое я никогда не забуду, как и то чувство блаженства, которое я испытала, увидев, наконец, моего любимого Сашу и всех детей целыми и невредимыми, появлявшимися из руин друг за другом.

Действительно, это было как воскресение из мертвых. В тот момент, когда я поднималась, я никого из них не видела, и такое чувство страха и отчаяния овладело мною, что это трудно передать. Наш вагон был полностью разрушен. Ты, наверное, помнишь последний наш вагон-ресторан, подобный тому, в котором мы вместе ездили в Вильну?

Как раз в тот самый момент, когда мы завтракали, нас было 20 человек, мы почувствовали сильный толчок и сразу за ним второй, после которого все мы оказались на полу, и все вокруг нас зашаталось и стало падать и рушиться. Все падало и трещало как в Судный день. В последнюю секунду я видела еще Сашу, который находился напротив меня за узким столом и который затем рухнул вниз вместе с обрушившимся столом. В этот момент я инстинктивно закрыла глаза, чтобы в них не попали осколки стекла и всего, что сыпалось отовсюду.

Был еще третий толчок и много других прямо под нами, под колесами вагона, которые возникали в результате столкновения с другими вагонами, которые наталкивались на наш вагон и тащили его дальше. Все грохотало и скрежетало,

и потом вдруг воцарилась такая мертвая тишина, как будто в живых никого не осталось.

Все это я помню отчетливо. Единственное, чего я не помню, это то, как я поднялась, из какого положения. Я просто ощутила, что стою на ногах, без всякой крыши над головой и никого не вижу, так как крыша свисала вниз как перегородка и не давала никакой возможности ничего видеть вокруг: ни Сашу, ни тех, кто находился на противоположной стороне, так как самый большой общий вагон оказался вплотную с нашим.

Это был самый ужасный момент в моей жизни, когда, можешь себе представить, я поняла, что я жива, но что около меня нет никого из моих близких. Ах! Это было очень страшно! Единственно кого я увидела, были военный министр и бедный кондуктор, молящий о помощи!

Потом вдруг я увидела мою милую маленькую Ксению, появившуюся из-под крыши немножко поодаль с моей стороны. Затем появился Георгий, который уже с крыши кричал мне: “Миша тоже здесь!” и, наконец, появился Саша, которого я заключила в мои объятья. Мы находились в таком месте вагона, где стоял стол, но ничего, что раньше стояло в вагоне не уцелело, все было разрушено. За Сашей появился Ники, и кто-то крикнул мне, что Baby целая и невредимая, так что я от всей души и от всего сердца могла поблагодарить Нашего Господа за Его щедрую милость и милосердие, за то, что Он сохранил мне всех живыми, не потеряв с их голов ни единого волоса!

Подумай только, лишь одна бедная маленькая Ольга была выброшена из своего вагона, и она упала вниз с высокой насыпи, но не получила никаких повреждений, также как и ее бедная толстая няня. Но мой несчастный официант получил повреждения ноги в результате падения на него изразцовой печи.

Но какую скорбь и ужас испытали мы, увидев множество убитых и раненых, наших дорогих и преданных нам людей.

Душераздирающе было слышать крики и стоны и не быть в состоянии помочь им или просто укрыть их от холода, так как у нас самих ничего не осталось!

Все они были очень трогательны, особенно когда, несмотря на свои страдания, они, прежде всего, спрашивали: “Спасен ли Государь?” – и потом, крестясь, говорили: “Слава Богу, тогда все в порядке!”

Я никогда не видела ничего более трогательного. Эта любовь и всепоглощающая вера в Бога действительно поражала и являлась примером для всех.

Мой дорогой пожилой казак, который был около меня в течение 22 лет, был раздавлен и совершенно неузнаваем, так как у него не было половины головы. Также погибли и Сашины юные егеря, которых ты, наверно, помнишь, как и все те бедняги, кто находился в вагоне, который ехал перед вагоном-рестораном. Этот вагон был полностью разбит в щепки, и остался только маленький кусочек стены!

Это было ужасное зрелище! Подумай только, видеть перед собой разбитые вагоны и посреди них – самый ужасный – наш, и осознавать, что мы остались живы! Это совершенно непостижимо! Это чудо, которое сотворил Наш Господь!

Чувство вновь обретения жизни, дорогой Вилли, непередаваемо, и особенно после этих страшных мгновений, когда я с замиранием сердца звала своего мужа и пятерых детей. Нет, это было ужасно. Можно было сойти с ума от горя и отчаяния, но Господь Бог дал мне силы и спокойствие перенести это и своим милосердием вернул мне их всех, за что я никогда не смогу отблагодарить Его должным образом.

Но как мы выглядели – это было ужасно! Когда мы выбрались из этого ада, все мы были с окровавленными лицами и руками, частично это была кровь от ран из-за осколков стекла, но в основном это была кровь тех бедных людей, которая попала на нас, так что в первую минуту мы думали, что мы все были тоже серьезно ранены. Мы были также в земле и пыли и так сильно, что отмыться окончательно смогли только через несколько дней, настолько прочно она прилипла к нам…

Саша сильно защемил ногу, да так, что ее удалось вытащить не сразу, а только через некоторое время. Потом он несколько дней хромал, и нога его была совершенно черная от бедра до колена.

Я тоже довольно сильно защемила левую руку, так что несколько дней не могла до нее дотронуться. Она тоже была совершенно черная, и ее необходимо было массировать, а из раны на правой руке шла сильно кровь. Кроме того, мы все были в синяках.

Маленькая Ксения и Георгий также поранили руки. У бедной старой жены Зиновьева была открытая рана, из которой очень сильно шла кровь. Адъютант

детей также поранил пальцы и получил сильный удар по голове, но самое ужасное произошло с Шереметевым, который был наполовину придавлен. Бедняга получил повреждение груди, и еще до сих пор он окончательно не поправился; один палец у него был сломан, так что болтался, и он сильно поранил нос.

Все это было ужасно, но это, однако, ничто в сравнении с тем, что случилось с теми бедными людьми, которые были в таком плачевном состоянии, что их пришлось отправить в Харьков, где они еще до сих пор находятся в госпиталях, в которых мы их навещали через 2 дня после происшествия…

Один мой бедный официант пролежал 2 с половиной часа под вагоном, непрерывно взывая о помощи, так как никто не мог вытащить его, несчастного, у него было сломано 5 ребер, но теперь, слава Богу, он, как и многие другие, поправляется.

Бедная Камчатка также погибла, что было большим горем для бедного Саши, любившего эту собаку и которому ее теперь ужасно недостает.

Тип (*кличка собаки императрицы Марии Федоровны. – В.Х.*), к счастью, забыл в тот день прийти к завтраку и таким образом, по меньшей мере, спас себе жизнь.

Теперь прошло уже три недели со дня происшедшего, но мы все еще думаем и говорим только об этом, и ты представь себе, что каждую ночь мне все снится, что я нахожусь на железной дороге…»[12]**12**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 303; Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000. С. 50–54.

.

Стоит отметить, что у императора Александра III, как и у его отца, была своя «личная» любимая охотничья собака. В июле 1883 г. матросы крейсера «Африка», вернувшегося из дальнего плавания с Тихого океана, подарили ему камчатскую белую лайку с подпалинами на боках, которую назвали Камчатка. Лайка стала любимицей в царской семье, о чем свидетельствует множество записей в детских дневниках великих князей и княжон. Камчатка всюду сопровождала своего хозяина, даже ночевала в императорской спальне. Лайку брали с собой в морские плавания на яхте. Изображение собаки сохранилось и в семейных фотоальбомах. Император похоронил любимую лайку Камчатку, погибшую в железнодорожной катастрофе, под своими окнами дворца в Гатчине в Собственном Его Императорского Величества саду. Ей поставили

памятник красного гранита (в виде небольшой четырехугольной пирамидки), где было высечено: «Камчатка. 1883–1888». В кабинете императора на стене висела акварель художника М.А. Зичи с надписью «Камчатка. Раздавлен при крушении Царского поезда 17 октября 1888 года».

Государственный секретарь А.А. Половцов (1832–1909) узнал об обстоятельствах железнодорожной катастрофы царского поезда, а также со слов императрицы Марии Федоровны записал 11 ноября 1888 года рассказ об этом происшествии в своем дневнике: «В 10BS час. еду в Гатчину и, встретив на станции Посьета, сажусь с ним вдвоем в приготовленный для него вагон. Разумеется, с первых слов начинается повествование о крушении. Посьет старается доказать мне, что причиною крушения никак не состояние железнодорожного пути, а бессмысленное составление царского поезда по приказанию Черевина в качестве главного начальника охраны. Назначенный из инженеров охранный инспектор Таубе не мог делать при этом ничего иного, как повиноваться. На это я возражаю Посьету, что он сам должен был потребовать от Государя подчиниться разумным требованиям осторожности и в случае отказа просить увольнения от обязанностей, а отнюдь никак не сопровождать Государя в путешествие. С этим Посьет соглашается, говоря, что в этом исключительно считает себя виноватым. Относительно своей отставки Посьет утверждает, что, возвратясь в Петербург, сказал Государю: “Я опасаюсь, что потерял Ваше доверие. В подобных условиях совесть моя запрещает мне продолжать службу министра”. На это Государь будто бы отвечал: “Это дело Вашей совести, и Вам лучше, чем мне, знать, что Вам следует делать”. Посьет: “Нет, Государь, Вы мне дайте приказание, или оставаться, или выйти в отставку”. На такую фразу Государь ничего не отвечал. “Вернувшись домой и, обдумав все это еще раз, я написал Государю письмо, прося об увольнении. На это в ответ последовал приказ о моем увольнении”.

По приезде в Гатчинский дворец отправляюсь в комнаты императрицы внизу, где застаю множество военных и гражданских чинов, чающих представления. /…/.

Императрица принимает меня чрезвычайно любезно. Она не может говорить ни о чем ином, как о железнодорожном своем несчастии, которое и рассказывает мне в подробности. Она сидела за столом против Государя. Мгновенно все исчезло, сокрушилось, и она оказалась под грудою обломков, из которых выбралась и увидела перед собою одну кучу щепок без единого живого существа. Разумеется, первая мысль была, что и муж ее, и дети более не существуют. Чрез несколько времени появилась таким же манером на свет дочь ее Ксения. “Она явилась мне как ангел, – говорила императрица, – явилась с

сияющим лицом. Мы бросились друг другу в объятия и заплакали. Тогда с крыши разбитого вагона послышался мне голос сына моего Георгия, который кричал мне, что он цел и невредим, точно так же как и его брат Михаил. После них удалось, наконец, Государю и цесаревичу выкарабкаться. Все мы были покрыты грязью и облиты кровью людей, убитых и раненных около нас. Во всем этом была осязательно видна рука провидения, нас спасшего". Рассказ этот продолжался около четверти часа, почти со слезами на глазах. Видно было, что до сих пор на расстоянии почти месяца ни о чем другом императрица не может продолжительно думать, что, впрочем, она и подтвердила, сказав, что каждую ночь постоянно видит во сне железные дороги, вагоны и крушения. Окончив свое представление в нижнем этаже, я отправился наверх, в приемную Государя./…/

Из разговора с Оболенским я понял причину того недовольства, которое выказано мне было в довольно грубой форме. Дело в том, что на вел. князей Владимира и Алексея негодуют в Гатчине за то, что они тотчас после борского несчастия не возвратились немедленно в Петербург, а продолжали жить в Париже, причем тамошние охоты, в коих я принимал деятельное участие, были описаны в несносных французских газетах как ряд каких-то необычайных праздников. Оболенский, предаваясь негодованию относительно такого поведения вел. кн. Владимира Александровича, заключал так: "Ведь если бы мы все были там убиты, то Владимир Александрович вступил бы на престол и для этого тотчас приехал бы в Петербург. Следовательно, если он не приехал, то потому только, что мы не были убиты". Таким оригинальным логическим выводам трудно дать серьезный ответ. Я отвечал общими местами и понял, что на меня, как на первого попавшегося представителя парижских праздников, было вылито негодование, вероятно, братьям своим он не решится вовсе выказать»[13]**13**
Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. 1887–1892 гг. М., 1966. С. 99–101.

.

Несколько лет спустя император Александр III в письме к супруге вспоминал: «Я вполне понимаю и разделяю все, что ты испытываешь на месте крушения в Борках, и как это место должно быть нам всем дорого и памятно. Надеюсь, когда-нибудь нам удастся всем вместе со всеми детьми побывать там и еще раз возблагодарить Господа за чудесное счастье и что Он нас всех сохранил»[14]**14**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 710. Л. 32–35; Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000. С. 54.

.

На месте крушения царского поезда была воздвигнута красивая часовня, где всякий раз при проезде Государя в ней служили молебен. Последний такой молебен в Российской империи в присутствии императора Николая II состоялся 19 апреля 1915 года.

Напомним, что уже 23 октября 1888 года был обнародован Высочайший Монарший Манифест, в котором все подданные извещались о случившемся в Борках: «Промысел Божий, – говорилось в манифесте, – сохранив Нам жизнь, посвященную благу возлюбленного Отечества, да ниспошлет Нам и силу верно совершить до конца великое служение, к которому Мы волею Его призваны».

С тех пор все члены царской семьи имели образки Спасителя, специально изготовленные в память пережитой железнодорожной катастрофы. Ежегодно при императоре Александре III в Санкт-Петербурге отмечалась годовщина «чудесного явления Промысла Божия над Русским Царем и всею Его Семьей, при крушении Императорского поезда близ ст. Борки». Столица Российской империи в этот знаменательный день украшалась флагами, иллюминировалась. В Санкт-Петербурге в память об этом событии освятили часовню при церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на Загородном проспекте.

Через некоторое время на месте железнодорожного крушения, у местечка Борки (Змиевского уезда, Харьковской губернии), в 43 верстах от Харькова был заложен храм Христа Спасителя. Он был сооружен в течение 1889–1894 гг. в память избавления царской семьи от опасности. Кроме того, в Санкт-Петербурге на Гутуевском острове был сооружен храм Богоявления Господня (1892–1899). День чудесного спасения (17 октября) во времена Государя Николая II навсегда остался днем памяти для царской семьи и членов Императорской фамилии, когда ежегодно все присутствовали на церковной службе и, возможно, на ум невольно многим приходили мысли о бренности всего земного, а порой о случайности и непредсказуемости событий.

Известна реплика Государя Александра III после железнодорожного крушения царского поезда 17 октября 1888 г. в Борках, когда, принимая поздравления о чудесном спасении царской семьи, он едко заметил: “Слава Богу, и я, и мальчики живы. Как Владимир будет разочарован!”. Однако не будем судить строго. Возможно, это только досужий вымысел «злых языков», которые, как известно, «страшнее пистолета». Хотя, очевидно, слухи ходили упорные. Так, например, младшая дочь Александра III великая княгиня Ольга Александровна

на склоне лет диктовала свои воспоминания, в которых подчеркивалось: «Единственно, что объединяло братьев – Александра и Владимира Александровичей, – так это их англофобия. Но в глубине души великого князя Владимира жила зависть и что-то вроде презрения к старшему брату, который, по слухам, заявил после катастрофы в Борках: “Представляю себе, как будет разочарован Владимир, когда узнает, что мы все спаслись!”

Но императрице Марии Федоровне удавалось поддерживать – хотя бы внешне – добрые отношения между обеими семьями.

– Я знаю, что Мама2 относилась к “Владимировичам” ничуть не лучше, чем остальные из нас, но я никогда не слышала от нее ни одного недоброго слова в их адрес»[15]**15**
Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 209.

.

Со своей стороны, нам стоит подчеркнуть, что в случае гибели царской семьи история России могла пойти другими, неведомыми путями. Реальность этого подтверждает дневниковая запись великого князя Константина Константиновича (более известного многим под именем поэта «К.Р.») от 19 октября 1888 г.: «Бог спас Государя от страшной опасности: на Курско-Харьковско-Азовской ж. д., второй паровоз и четыре вагона сошли с рельсов. Столовый вагон, в котором в это время завтракал Государь со своей семьей, разбит совершенно, но все остались, каким-то чудом невредимы. Военный министр, Черевин и Шереметев слегка ранены, из остальных сопровождавших 21 человек убит и 37 ранено. Все произошло, говорят, из-за лопнувшего рельса. Вчера утром в прибавлениях к «Правит[ельственному] Вестн[ику]» появилась телеграмма с этим известием, но про убитых и раненых ничего не было сказано… Страшно становится, когда подумаешь, что Государь, Государыня и все дети могли погибнуть, и престол перешел бы к маленькому Кириллу, так как Владимир, женатый на лютеранке, не может царствовать»[16]**16**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 36. Л. 109.

.

Указанное обстоятельство, относительно наследных прав на трон великого князя Владимира Александровича (1847–1909) и его сыновей, до сих пор вызывает разную (часто взаимоисключающую) трактовку как среди

современников тех событий, так и нынешних российских историков. Следует отметить, что Владимир Александрович как-то сам заметил по этому поводу своему дяде великому князю Михаилу Николаевичу (1832–1909), что при определенных обстоятельствах Мария Павловна немедленно перейдет в православие «во имя государства».

Между прочим, со своей стороны еще раз отметим, что великая княгиня Мария Павловна (старшая) долгое время оставалась лютеранкой, приняла православие лишь 10/23 апреля 1908 г. По закону о престолонаследии великому князю, женатому на не православной, закрывался путь к трону, как и его потомству от этого брака.

Великий князь Константин Константинович (1858–1915) вскоре сделал еще одну запись в своем дневнике:

«*Пятница, 21* [октября].

Вчера много нас ездило в Гатчину встречать Государя… Да, это было чудо из чудес. Мы слышали бесчисленные рассказы об этом крушении и от самого Государя и от всех бывших с ним. Они в один голос говорят, что как бы воскресли из мертвых, и вступили в новую жизнь. Словно с войны возвращались они с перевязанными руками, головами… Государь до сих пор, кажется, чрезвычайно взволнован, удручен и грустен. И Он, и все его спутники ни о чем другом, как о крушении, не говорили»[17]**17**
Там же. Л. 110 об.

.

Цесаревич Николай Александрович после прибытия в Гатчину, находясь еще под ярким впечатлением от произошедшей катастрофы царского поезда, написал ответное письмо 25 октября 1888 года своему дяде великому князю Сергею Александровичу (1857–1905). В нем подробно излагались все трагические события:

«Мой милый дядя Сергей,

От души благодарю тебя за твое прелестное длинное и полное живейшего интереса письмо, которое получил только вчера одновременно с твоей телеграммой. Ты, наверное, знаешь про то ужасное несчастие, которое случилось с нами уже на возвратном пути из этого великолепного путешествия

по Кавказу и едва не стоившее нам всем жизни, но благодаря истинному чуду Божию были спасены!..

17-го октября, на другой день по выезде из Севастополя, в 12 ч. дня, только что мы кончали завтрак, как вдруг почувствовали сильный точек, потом другой гораздо сильнее первого и все начало рушиться, а мы попадали со стульев. Я еще видел, как над самой головой пронесся стол со всем, что было на нем, и затем пропал – куда? Никто не может понять. В жизнь свою не забуду я того ужасающего треска. Раздавшегося от всех ломавшихся вещей, стекол, стульев, звона тарелок, стаканов и т. п. Я невольно закрыл глаза и, лежа, ожидал все время удара по голове, который сразу покончил бы со мной; до того был я уверен, что настал последний час, и что наверное многие из нас уже убиты, если и не все. После третьего толчка все остановилось. Я лежал очень удобно на чем-то мягком и на правом боку. Когда я почувствовал сверху холодный воздух, то открыл глаза, и мне показалось, что лежу в темном и низком подземелье; над собой я видел в отверстие свет и тогда стал подыматься, без особого труда я вылез на свет Божий и вытащил Ксению оттуда же. Все это мне показалось сном, так это все скоро случилось. Когда я еще вылезал, я с леденящим ужасом подумал о дорогих Папа и Мама и никогда не забуду ту божественную радость, когда увидел их стоящими на крыше бывшей столовой в нескольких шагах от меня. Я тебя уверяю, мы все имели то чувство, что воскресли из мертвых и все внутренне благодарили и так помолились Богу, как может быть редко в своей жизни или никогда. Но, когда я увидел, что все сидевшие за завтраком вылезают один за другим из-под обломков, я постиг то чудо, которое Господь сотворил над нами. Но тут же начались и все ужасы катастрофы: справа, снизу и слева стали раздаваться стоны и крики о помощи несчастных раненых; одного за другим стали сносить этих несчастных вниз с насыпи. Нечем было им помочь, бедный Чекувер убит наповал, и его походная аптека разбита, а также воды неоткуда было достать. Вдобавок шел дождь, который примерзал к земле, и слякоть была большая, – вот тебе слабое представление этой потрясающей картины. От столовой ничего не осталось, вагон Ксении, Миши и Беби совершенно соскочил с пути и повис наполовину над насыпью. Он страшно поврежден, пол и одна стена сорваны и через открытое пространство Беби и Нана (*миссис Элизабет Франклин. – В.Х.*) были выброшены на откос, также невредимы. Большой вагон Папа и Мама сильно помят, пол очень скривлен и вообще внутренность его представляет хаос, так как вся мебель и все вещи сброшены со своих мест и свалились в углы в общую кучу. Вагоны – кухня и буфет, и вагон 2-го класса сильно исковерканы, и в них-то произошли главные ужасы. Почти все находившиеся в них убиты или тяжело ранены. На кого я первым наткнулся, это было на бедную Камчатку, которая лежала уже мертвою; мне стало невыразимо грустно [за] бедного Папа, как он впоследствии будет

скучать без этой доброй собаки; хотя как-то совестно говорить об этом, когда рядом лежало 21 тело самых лучших и полезных из людей. Раненых было всего 37 чел. Мама все время, не переставая, обходила раненых, помогала им всем, чем могла и всячески утешала, ты себе представляешь их радость!

Но всего мне не написать, Бог даст, когда снова увидимся, многое еще расскажем вам. Из Харькова пришел санитарный поезд, и увезли наших раненых в клинику.

Уже совсем стемнело, когда мы вошли в Курский поезд и поехали назад. На ст. Лозовая был отслужен молебен, и затем панихида. Два дня спустя была трогательная встреча в Харькове, где навестили все раненых. На другой день в Москве были у Иверской Б[ожией] М[атери], в Успенском Соб[оре] в Чудовом мон[астыре]. Приехали в Гатчино 21-го с великою радостью быть, наконец, дома. А пока прощай. Мой дорогой дядя Сергей. Крепко Вас трех обнимаю.

Твой *Ники*»[18]**18**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 70. Л. 67–70 об.

.

Через месяц после железнодорожной катастрофы, т. е. 17 ноября 1888 года, император Александр III писал своему брату великому князю Сергею Александровичу: «Прости мне, милый Сергей, что до сих пор не отвечал тебе на твои два письма; первое длинное и очень интересное из Иерусалима, а второе из Афин. По возвращении сюда я завален был работой и письмами и не мог найти времени. – После нашего столь счастливого и великолепного путешествия по Кавказу и Черному морю, мы радовались возвращаться домой, и выехали из Севастополя счастливые, веселые и в лучшем настроении духа после столь отрадных впечатлений. – Вечер был дивный, летний; Севастополь со своими чудными бухтами и всей эскадрой на рейде, освященные лучами заходящего солнца и дым от салюта тоже розовый от заката, представляли чудную картину и под этим дивным впечатлением оставили мы наш чудный юг! Но Боже, что предстояло нам на завтрашний день! Через что Господу угодно было нас провести, через какие испытания, моральные муки, страх, тоску, страшную грусть и, наконец, радость и благодарение Создателю за спасение всех дорогих сердцу, за спасение всего моего семейства от мала до велика! Что мы перечувствовали, что мы испытали и как возблагодарили Господа, ты можешь себе представить! Этот день не изгладится никогда из нашей памяти. Он был слишком страшен и слишком чуден, потому что Христос желал доказать всей

России, что Он творит еще чудеса и спасает от явной погибели верующих в Него и в Его великую милость»[19]**19**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 81–81 об.

.

После трагического происшествия с царской семьей многие поговаривали о проблеме преемственности прав на Российский престол. Закон о престолонаследии, принятый императором Павлом I в 1797 году, устанавливал ряд обязательных условий для претендентов на корону самодержца. Во-первых, монарх должен быть православным. Во-вторых, монарх должен быть только мужчиной, пока существуют лица мужского пола в Императорском Доме. В-третьих, мать и жена монарха или наследника должны были еще до своей свадьбы перейти в православие, если они исповедовали другую веру. В-четвертых, монарх или наследник должны заключить «равный брак» с женщиной из другого «правящего дома»; в противном случае «неравный брак» закрывал путь к царскому трону не только этой супружеской чете, но и их наследникам. Кроме того, существовало еще одно обязательное условие, что будущий претендент на престол мог жениться лишь с разрешения правящего императора.

В связи с этими событиями великий князь Михаил Николаевич по большому секрету поведал государственному секретарю А.А. Половцову о разговоре с императором Александром III, который состоялся 18 января 1889 г. Половцов записал в своем дневнике:

«Вел. кн. Михаил Николаевич рассказывает, что в прошлую среду Государь долго говорил с ним о том, что вел. князья должны жениться исключительно на православных, и в доказательство неудобства противного ссылался на то, что могло произойти в случае иного исхода борской катастрофы. Если бы все они были убиты, то, по мнению Государя, на престол должен бы вступить не Владимир Александрович, отказавшийся от престола при женитьбе на лютеранке, а старший сын его – Кирилл. Какую бы все это произвело путаницу! Вел. кн. Михаил Николаевич собирается переговорить обо всем этом с министром двора Воронцовым, но я убедительно прошу его сохранить этот разговор с Государем в глубокой тайне»[20]**20**
Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. М., 1966. С. 150.

.

Однако, если к этому мнению относиться достаточно строго, то видно, что оно не соответствовало всем выше перечисленным требованиям закона о престолонаследии. Если великий князь Владимир Александрович был женат на лютеранке, что закрывало ему путь к престолу, то дети (рожденные в таком браке) тоже лишались этих прав.

Что касается великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938), то он при своей женитьбе нарушил закон о престолонаследии по двум пунктам. Против воли Государя и канонов Православной церкви 8 (25 сентября) октября 1905 г. великий князь Кирилл Владимирович женился в Баварии на своей разведенной двоюродной сестре великой княгине Виктории Федоровне (1876–1936), урожденной принцессе Виктории Мелите Саксен-Кобург-Готской. Император Николай II лишил его титула и званий, запретив въезд в Россию. Однако через короткое время титул великого князя Кириллу Владимировичу был возвращен. Брак был признан Императорской фамилией только 15 июля 1907 г.

По этому случаю великий князь Константин Константинович 15 июля 1907 года с возмущением записал в своем дневнике: «“Снисходя к просьбе Владимира…”, – так сказано в указе Сенату, – Государь признал брак Кирилла. Жену его повелено называть великой княгиней Викторией Федоровной, а их дочь Марию княжной императорской крови. Странно все это! При чем здесь просьба Владимира? И как может эта просьба узаконить то, что незаконно? Ведь Кирилл женился на двоюродной сестре, что не допускается церковью… Где же у нас твердая власть, действующая осмысленно и последовательно? Страшнее и страшнее становится за будущее. Везде произвол, поблажки, слабость»[21]**21** ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 58; Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 302–303.

.

Приведем еще одно свидетельство. В 1912 году, когда младший родной брат царя, великий князь Михаил Александрович (1878–1918), вопреки запрету Государя самовольно женился морганатическим браком на Н.С. Брасовой и встал вопрос об его лишении титула и прав на трон, то в это дело вмешался великий князь Николай Михайлович (1859–1919). Он направил 16 ноября 1912 г. письмо императору Николаю II, весьма любопытное по содержанию: «Много я передумал о том положении, которое создается от брака Миши. Если он подписал или подпишет акт отречения, то это весьма чревато последствиями и вовсе не желательными. Ведь Кирилл, как женатый на двоюродной сестре, тоже уже потерял свои права на престол и в качестве heriticr presomptif явится Борис.

Если это будет так, то я прямо таки считаю положение в династическом смысле угнетающим.

Осмеливаюсь выразить такое суждение: Тебе, как Государю и главе семейства, вверены судьба наших семейных законов, которые Ты можешь изменять в любое время. Но я иду еще дальше. Во всякое время, одинаково, Ты имеешь право изменить также закон о престолонаследии… Так, например, если Ты пожелал бы передать право наследства в род Твоей старшей сестры Ксении, то никто и даже юристы с их министром юстиции, не могли бы Тебе представить какие-либо доводы против такого изменения закона о престолонаследии. Если я позволяю себе говорить и излагать на бумаге такого рода соображения, то единственно потому, что возможное отречение от Престола Миши, я считаю просто опасным в государственном отношении.

Весь Твой *Николай М[ихайлович]*»[22]**22**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1310. Л. 52–53 об.

.

Историк Г.М. Катков приводит сведения о том, что тетка Михаила Александровича великая княгиня Мария Павловна (1854–1920) считала, что младший брат царя стоит на пути ее собственных детей, из которых старший – Кирилл Владимирович – мог бы быть следующим престолонаследником.[23]**23**
Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 396.

Кроме того, не стоит забывать, что великий князь Кирилл Владимирович одним из первых нарушил присягу императору в мятежные дни февраля 1917 года, когда привел Гвардейский экипаж и признал верховенство Государственной думы. Хотя многие из сторонников Кирилла Владимировича (провозгласившего себя императором в изгнании) пытались оспорить или оправдать его «позорное поведение», чем были возмущены многие из династии Романовых, включая в свое время царскую чету. Однако это тема для особого обстоятельного разговора, к чему мы еще вернемся позднее.

Сам великий князь Владимир Александрович (1847–1909) утверждал, что он никаких бумаг не подписывал “об отречении от трона”, а его младший брат Алексей Александрович (1850–1908) поддерживал его, заявляя, что Государь оказался в данном случае не прав. Нам думается, что самодержец Александр III

имел веские основания и знал, о чем говорил, а его супруга императрица Мария Федоровна повторила его слова после Февральской революции, в эмиграции, в связи с претензиями великого князя Кирилла Владимировича на Российский престол. Не правда ли, эта “маленькая тайна” последних представителей правящей династии Романовых в какой-то степени напоминает “тайну завещания” императора Александра I (1777–1825). В этом завещании права наследника престола, великого князя Константина Павловича (1779–1831), передавались в пользу его младшего брата Николая Павловича (1796–1855). Все это, как известно, послужило впоследствии поводом для восстания Декабристов на Сенатской площади Санкт-Петербурга в 1825 г.

Покушение на цесаревича Николая Александровича в Японии

В популярной исторической литературе давно существует устоявшаяся версия о событиях покушения самурая на наследника престола цесаревича Николая Александровича во время его знаменитого морского путешествия на Восток в 1890–1891 гг. в японском городе Оцу. Встречаются разночтения в наименовании этого небольшого местечка (Отсу, Отцу, Оцу). Во многих исторических работах и документальных фильмах приводятся сведения, что якобы кузен цесаревича, греческий принц Георг (1869–1957) подставил в момент покушения под саблю терророриста свою трость, чем смягчил удар и тем спас жизнь будущего императора Николая II. В частности, в книге нашей соотечественницы писательницы Л.П. Миллер, которая живет в Австралии, указывается: «В Японии на него было совершено покушение. На вокзале города Оцу внезапно выскочил прятавшийся японец-самурай и ударил его мечом. Лезвие оружия скользнуло по голове Цесаревича и нанесло ему неглубокую рану в области лба. Самурай размахнулся второй раз, намереваясь рассечь голову будущего царя, но греческий принц Георг, который был рядом, успел вовремя отпарировать удар своей палкой»[24]**24**
Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 49–50.

.

Приведенная версия происшествия отличается от большинства других, но это не творческая выдумка или художественный ход писательницы. В частности, все в тех же упомянутых нами мемуарах великого князя Александра Михайловича утверждается: «На следующий день мы расстались: я вернулся к прерванной охоте, а Николай Александрович продолжал свой путь в Японию. На вокзале в Киото какой-то изувер ударил его саблей по голове, и если бы принц Георг Греческий не ослабил силу удара, наследник поплатился бы жизнью»[25]**25**

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999. С. 163.

.

Многочисленные архивные документы свидетельствуют о другом ходе событий. Попытаемся разобраться, где мифы, а где реальность.

Весной 1890 года цесаревич Николай Александрович заканчивал регулярные занятия. В связи с этим у императора Александра III возникла мысль отправить своих двух старших сыновей Николая и Георгия в большое заграничное путешествие.

Долго это дело обсуждалось, не могли прийти к окончательному решению насчет маршрута. План путешествия составлял наставник цесаревича генерал Г.Г. Данилович, которому помогали адмирал И.А. Шестаков, географ А.И. Воейков и капитан 1-го ранга Н.Н. Ломен. В основном выдвигалось два варианта. Первый через Атлантический океан, далее через Америку, Тихий океан и Сибирь, т. е. кругосветное путешествие. Посетить Североамериканский континент очень рекомендовал брат царя, великий князь Алексей Александрович (1850–1908), который всю жизнь служил во флоте. Однако этот маршрут, а фактически кругосветное путешествие, не могло закончиться ранее, чем через год. Другой предполагал морской поход через Суэцкий канал по Красному морю и Индийскому океану вокруг Азии до Японии, затем через Америку и далее домой. Второй план путешествия имел еще короткий вариант: после посещения Японии вернуться в Петербург не через Америку, а через Дальний Восток и Сибирь, т. е. через всю необъятную Российскую империю.

7 января 1890 года Александр III имел со старшим сыном Николаем обстоятельный разговор о предстоящей поездке. Цесаревич этой неожиданной беседой был смущен и взволнован. Августейший отец ему сообщил, что решил отправить его вместе с братом Георгием в морское путешествие вокруг Азии, с посещением Японии и Североамериканских Штатов, что было важно в международном аспекте. Послушный Николай не стал возражать, как никогда не возражал и раньше, хотя сам он предпочитал из путешествия вернуться домой через давно манившие его просторы Сибири, где редко бывал кто-либо из Дома Романовых.

Таким образом, вопрос был окончательно и бесповоротно решен. Поездку наметили на осень, а пока обсуждали детали, утверждали подробные маршруты и программу путешествия по осмотру достопримечательностей различных стран мира, посещение высших должностных лиц и правителей, церемониал визитов;

определялся и состав свиты цесаревича. Однако, как ни старались, но оказалось, что все предвидеть и учесть было просто невозможно.

Главный смысл этой познавательной экспедиции состоял в том, чтобы, с одной стороны, способствовать расширению кругозора будущего «самодержца» Государства Российского, а с другой – научить его самостоятельно принимать решения и нести полную ответственность за свои слова и поступки.

Цесаревич покинул Гатчину 23 октября 1890 года. По железной дороге он и спутники прибыли в Вену, а оттуда в Триест и там 26 октября пересели на военный русский фрегат «Память Азова».

В октябре 1890 года наследник престола в сопровождении свиты и родного брата Георгия Александровича (1871–1899) начал большое заграничное морское путешествие, посетив многие страны мира. Путешествие для цесаревича Николая и его молодых спутников оказалось интересным и познавательным. Он видел грандиозный Суэцкий канал, вместе с принцами шведским и греческим поднимался на пирамиду Хеопса, восхищался Индией и экзотикой тропиков, побывал в Индонезии и Китае. Однако его родной брат великий князь Георгий Александрович в связи с резким ухудшением состояния здоровья (болезнь легких) вынужден был прекратить дальнейшее плавание и вернуться с полдороги (от Цейлона) в Россию. У самого цесаревича Николая в самом начале круиза, судя по всему, было подавленное настроение. В письме из Афин от 5 ноября 1890 года он с грустью писал домой:

«Моя милая душка Мама,

Я только что получил твое чудное длинное письмо, за которое я не могу тебя достаточно поблагодарить. Пока я его читал, я едва удерживался от слез, при воспоминании того ужасно грустного и тяжелого дня, когда мы расстались на так долго! Пока мы ехали, я все время мысленно был с вами в Гатчине и час за часом следил за тем, что вы должны были в это время делать. Единственным утешением в вагоне были завтраки и обеды, в разговорах с моими спутниками я забывал на несколько минут мое горе. Я так тронут тем, что ты говоришь в твоем письме, и я молю Бога, чтобы Он тебя утешил и не позволил бы грустить о нашем отсутствии! Подумай, милая Мама, каждый день, который проходит, все приближает счастливый день нашего возвращения домой…

Первые три дня мы провели у себя спокойно, но, как я уже писал в телеграмме, после этого началась серия балов подряд: первый был во дворце, второй у французского посланника (Doyen) и сегодня третий – у Опу. В сущности, я очень веселился, почти как у нас; много знакомых: с прошлого года и

порядочно красивых дам – жаль только, что балы следуют три дня подряд. В общем, они чрезвычайно напоминают наши балы, только мазурку не танцуют. Вчера у француза было страшно тесно, мне в первый раз пришлось плясать во фраке; говорят, что сегодня у Опу будет еще меньше места. Наши моряки очень усердно танцуют, Оболенский и Волков также, Барятинский не может, а Кочубей и Ухтомский не умеют…

Жаль, что мы остаемся тут всего неделю, тете Ольге (*греческая королева Ольга Константиновна. – В.Х.*) так хотелось устроить праздник на «Азове», но положительно времени недостает. Мы уходим в среду 7-го в Порт-Саид и надеемся быть в Каире 10-го. Завтра уезжают д. Павел [Александрович] и Аликс (*великокняжеская семья. – В.Х.*), она привезет тебе это письмо. Ожидаем с громадным нетерпением прибытия первого фельдъегеря в Каир.

Теперь прощай, моя милая душка Мама. Нежно обнимаю тебя, дорогого Папа, Ксению, Мишу и Ольгу. Низкий поклон от моих спутников. Да хранит тебя Бог!

Твой *Ники*»[26]**26**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2321. Л. 96–99 об.

.

На столе в каюте наследника, рядом с фамильными портретами, постоянно находился и портрет любимой принцессы Аликс. Еще во время путешествия Николай Александрович через курьера получил долгожданное письмо от великой княгини Елизаветы Федоровны (1864–1918), где содержались обнадеживающие новости:

«*Петербург.*

5 марта 1891 года.

Дорогой Ники!

С любовью благодарю за твое милое письмо. С тех пор как я в последний раз писала тебе, у нас столько всего произошло – Сергея [Александровича] назначили генерал-губернатором Москвы. Мы были очень тронуты тем доверием, которое твой отец оказал моему дорогому мужу, дав ему такую важную должность, и добротой и любовью, которые он проявил, сделав Сергея своим генерал-адъютантом. Но ты легко можешь себе представить, как нас взволновало начало совершенно новой жизни…

Я получила несколько писем от Пелли (*т. е. принцессы Аликс. – В.Х.*). Бедняжка, она мучает себя еще больше, чем всегда, и умоляет передать тебе со всей определенностью, что она вправду считает, что этому никогда не бывать. Но ее любовь сильнее, чем раньше, и я вижу, что она думает только о тебе. Тебе придется воевать самому, а я все же всегда надеюсь на Божью помощь. Почему не встретится такое глубокое чувство с обеих сторон? Я даю ей книги – те же, которые я прочла сама, и она, к счастью, их читает и, может быть, в конце концов, так полюбит эту веру, что это даст ей решимость мужественно встретить все, то недоброе, что могут о ней сказать. И, наконец, я помню, как сама думала, что никогда не переменюсь, а сейчас так счастлива этим. Она передает тебе большой привет. Молись, дорогой, очень усердно, и, может быть, все будет хорошо.

Суббота перед Вербным воскресеньем будет для меня великим днем. В нашей маленькой церкви эта служба пройдет очень тихо, а после Пасхи мы уедем в Москву.

У нас стоит тихая погода, а за границей везде холодно, совершенно необычно для этого времени года.

От нас обоих большой привет,

остаюсь твоя любящая

Тетушка»[27]**27**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1253. Л. 25а – 26а об.; Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 14–15.

.

Великая княгиня Елизавета Федоровна (старшая сестра принцессы Аликс), как сообщала в письмах цесаревичу, твердо решила принять православие. Это стало общим знаменательным событием для всей Императорской фамилии. Великий князь Константин Константинович (1858–1915) записал в своем дневнике:

«*1891 год. Санкт-Петербург*

14 апреля.

Вчерашний день был знаменателен для нашего Дома: Элла присоединилась к Православию. Она сделала это не из каких-нибудь целей, а по твердому убеждению, после зрелого двухлетнего размышления. Трогательный обряд присоединения совершился у Сергея [Александровича] в его домовой церкви, рано утром. Присутствовали Государь, все семейство (кроме Михен и моей жены, которым как лютеранкам неудобно было присутствовать) и некоторые близкие знакомые. За обедней Элла причастилась…»[28]**28**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38. Л. 66 об.

.

В связи с этим событием цесаревич подарил своей тете Элле небольшой образ Спасителя на золотой цепочке, с которым она не расставалась вплоть до мученической смерти от рук чекистов в 1918 г. Эта реликвия (по некоторым сведениям) в настоящее время хранится в храме-памятнике Николаю II в Брюсселе в Бельгии.

Однако вернемся к путешествию цесаревича Николая Александровича, которого поджидали роковые превратности судьбы.

15 апреля 1891 года экспедиция русского престолонаследника прибыла в Нагасаки, где была очень торжественно встречена. Затем началась познавательная поездка по Японии.

После двух недель пребывания в Стране восходящего солнца, престолонаследник с сопровождающими из древнейшей японской столицы Киото поехали в городок Оцу. Осмотрели древний храм, а затем наступил торжественный обед у губернатора. По окончании трапезы сели в повозки-рикши и отправились обратно.

Круиз завершился в Японии неожиданным покушением на наследника Российского престола. Дело обстояло так, 29 апреля 1891 года цесаревич Николай Александрович и сопровождавший его в этом путешествии кузен, греческий принц Георг (1869–1957), в отличном расположении духа отправились в очередную поездку по стране в небольшой городок Оцу. Ничего, казалось бы, не предвещало беды. Однако, проезжая по одной из узких улочек уютного городка, Августейший гость подвергся неожиданному нападению полицейского.

Вот как сам цесаревич Николай Александрович описал этот инцидент 29 апреля в своем дневнике: «Проснулся чудесным днем, конец которого я бы не видел,

если бы не спасло меня от смерти великое милосердие Господа Бога! В 8BS [часов] отправились в дзинрикися (*т. е. в коляске рикши. – В.Х.*) из Киото в небольшой городок Оцу, куда приехали через час с Bj, удивлялся неутомимости и выносливости наших джинрикшей. По дороге в одной деревне стоял пехотный полк, первая часть, виденная нами в Японии.

Немедленно осмотрели храм, и выпили горького чаю в крошечных чашках; затем спустились с горы и поехали к пристани. Ехали вдоль канала, прорытого из оз[ера] Бива внутри гор, работа поистине египетская! С пристани отправились на паровых катерах по озеру к дер[евне] Карасаки, где на мысе стоит огромная сосна около 1000 лет и при ней маленький храм. Здесь рыбаки поднесли разного рода рыбы, только что вытащенные при нас – лососи, форели, лещи, плотва и др.

Вернувшись в Оцу, поехали в дом маленького кругленького губернатора. Даже у него в доме, совершенно европейском, был устроен базар, где каждый из нас разорился на какую-нибудь мелочь; тут Джоржи (*греческий принц Георг. – В.Х.*) и купил свою бамбуковую палку, сослужившую мне через час такую великую службу.

После завтрака собрались в обратный путь. Джоржи и я радовались, что удастся отдохнуть в Киото до вечера! Выехали мы опять в джинрикшах в том же порядке и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидал мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблею в обеих руках.

Я только крикнул: "Что тебе?" и выпрыгнул через джинрикшу на мостовую; увидев, что урод направляется на меня и что его никто не останавливает, я бросился бежать по улице, придерживая кровь, брызнувшую из раны. Я хотел скрыться в толпе, но не мог, потому что японцы, сами перепуганные, разбежались во все стороны. Обернувшись на ходу еще раз, я заметил Джоржи, бежавшего за преследовавшим меня полицейским. Наконец, пробежав всего шагов 60, я остановился за углом переулка и оглянулся назад. Тогда, слава Богу, все было окончено: Джоржи – мой спаситель – одним ударом своей палки повалил мерзавца; и когда я подходил к нему, наши джинрикши и несколько полицейских тащили того за ноги; один из них хватил его же саблей по шее.

Все ошалели; чего я не мог понять, это каким образом Джорж, я и тот фанатик оставались одни посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне и остановить полицейского. Из Свиты, очевидно, никто не мог помочь, так как они ехали длинной вереницей; даже принц Арисугава, ехавший третьим, ничего

не видел. Мне же пришлось всех их успокаивать, и я нарочно оставался подольше на ногах. Рамбах сделал первую перевязку, а главное, остановил кровь; затем я сел в джинрикшу, все окружили меня: и так шагом мы направились в тот же дом. Жаль было смотреть на ошалевшие лица принца Арисугава и других японцев; народ на улицах меня тронул; большинство становилось на колени и поднимало руки к лицу в знак сожаления. В доме губернатора мне сделали настоящую перевязку и положили на диван в ожидании прибытия поезда из Киото. Более всего меня мучила мысль о беспокойстве дорогих Папа и Мама и о том, как написать об этом случае в телеграмме. В 4 час[а] отправились на жел[езную] дорогу под большим конвоем пехотного батальона. В поезде и в карете в Киото голова сильно ныла, но не от раны, а от туго завязанного бинта. Как только приехали к себе, сейчас же доктора приступили к заделке повреждений на голове и к зашиванию ран, которых оказалось две. В 8BS [часов] все было готово; я себя чувствовал отлично, после скудного (диета) обеда лег спать с мешком льда на башке. Вот как благодаря милости Божьей этот день благополучно кончился!»[29]**29**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 188–194.

.

30 апреля 1891 года вечером МИД Российской империи получил от русского посланника телеграмму о покушении на жизнь наследника русского престола. Два часа спустя, в 22 ч. 30 м., телеграмму передали в Гатчину – императору Александру III:

«*Киото, 29 апреля / 11мая 1891 г.*

Сегодня на улице в г. Отсу полицейский нижний чин бросился на цесаревича и ударил его саблей по голове. Рана до кости, но, по словам наших докторов, благодаря Богу, неопасна. Его Высочество весел и чувствует себя хорошо. Хочет продолжать путешествие, привел всех в восторг своим хладнокровием. Японцы в совершенном отчаянии. Князь Барятинский доносит подробно. Я выразил по телеграфу министру иностранных дел (*Японии. – В.Х.*) мое негодование».[30]**30**
Ламздорф В.Н. Дневник: 1891–1892. М.-Л., 1934. С. 155.

Цесаревич Николай Александрович вскоре написал письмо матери с описанием произошедшего нападения на него японского полицейского, в основном повторив то, что записал в дневнике. Он стремился быстрее лично успокоить дорогих родителей, заверив их, что чувствует себя хорошо.

В храмах по всей России был отслужен благодарственный молебен за спасение наследника престола. В дальнейшем этот день в царской семье регулярно отмечался в течение всей жизни Государя Императора Николая II.

Как отмечал князь Э.Э. Ухтомский (1861–1921), находившийся в свите и позднее написавший трехтомник «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891»[31]**31**
Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 /Автор-издатель кн. Э.Э. Ухтомский. Т. III. СПб.; Лейпциг, 1897.

, первыми словами Николая Александровича после этого инцидента были: «Это ничего, только бы японцы не подумали, что это происшествие может чем-либо изменить мои чувства к ним и признательность мою за их радушие». Эти же слова были повторены «цесаревичем тотчас же принцу Арисугава, подбежавшему к нему несколько секунд спустя».

Великий князь Константин Константинович 1 мая 1891 г. записал в дневнике: «Когда я встал вчера, камердинер Степанов показал мне “Правительственный вестник”, в котором была телеграмма об избавлении Цесаревича от грозившей ему опасности. Это было в Японии, в окрестностях города Киото. На наследника напал японец-полицейский и нанес ему удар саблею по голове. Бывший тут мой племянник Georgie, грек, повалил на землю злоумышленника, ударив его палкой. Рана Цесаревича, к счастью, не опасна, он не слег и чувствует себя хорошо. В Гатчине был назначен благодарственный молебен. Я и так собирался ехать туда являться по случаю выступления в командование [Преображенским] полком, а тут и вся семья туда поехала. Я был позван к Государю в его приемный кабинет, хотя прием и был отказан. Я вошел к Государю, как только кончился доклад статс-секретаря по делам Финляндии Дена. Царь меня поцеловал и, выслушав мои поздравления со спасением Цесаревича, сказал, что телеграммы приходят успокоительные, что у Ники нет лихорадки, и он продолжает путешествие»[32]**32**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38. Л. 79 об.–80.

.

Весь мир переживал это драматическое происшествие, но больше всех беспокоились в Российской империи, куда весть об инциденте пришла по телеграфу в тот же день. Известный поэт Аполлон Николаевич Майков (1821–1897) под впечатлением нахлынувших патриотических эмоций написал стихотворение, посвященное чудесному спасению наследника престола.

Царственный юноша, дважды спасенный!
Явлен двукрат Ты Руси умиленной,
Божия Промысла щит над Тобой!

Вихрем промчалася весть громовая,
Скрытое пламя в сердцах подымая
В общем порыве к молитве святой.
С этой молитвой всей русской землей,
Всеми сердцами Ты глубже усвоен…
Шествуй же в путь свой и бодр и спокоен…
Чист перед Богом и светел душой.

Получив тревожную весть, император Александр III был глубоко потрясен и тяжело переживал за благополучие цесаревича. Он 6 мая 1891 года написал сыну (в день его рождения) трогательное письмо, в котором имеются такие строки: «От всей души благодарим Господа, милый мой Ники, за Его великую милость, что Он сохранил тебя нам на радость и утешение. До сих пор еще не верится, чтобы это была правда, что действительно ты был ранен, что все это не сон, не отвратительный кошмар. Никогда не забуду, когда получили первое сообщение об этом ужасном происшествии… Как достаточно благодарить Господа, что Он тебя сохранил и что ты мог уже через день вернуться на фрегат к эскадре и быть снова среди своих и дома! Я воображаю отчаяние Микадо (*императора Японии. – В.Х.*) и всех сановников японских, и как жаль для них и все приготовления и празднества – все пропало и не к чему! Но Бог с ними со всеми, радуюсь и счастлив, что, благодаря всему ты можешь начать обратное путешествие скорее и раньше, дай Бог, вернешься к нам! Что за радость будет снова быть всем вместе и дома, дождаться этого не могу от нетерпения. Ни о чем другом не могу сегодня писать, так эти дни мы мучились и беспокоились… Сегодня день твоего рождения, а я так увлекся, что и не поздравил тебя, но все

письмо – поздравление и благодарение Всемогущему за все Его милости! Христос с тобой, мой дорогой Ники! (Истинно Он был с тобой).

Твой *Папа*»[33]**33**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 56–57 об.

.

Император Александр III приказал прервать путешествие и возвратиться в Россию, куда цесаревич и прибыл 11 мая 1891 года, где его ждали ответственные поручения. Цесаревич Николай Александрович присутствовал во Владивостоке на закладке памятника адмиралу Г.И. Невельскому и сухого дока в гавани. Он участвовал при начале работ по созданию Уссурийского участка Сибирской железнодорожной магистрали, 19 мая присутствовал при закладке здания вокзала на станции «Владивосток».

Цесаревич возвращался в Санкт-Петербург из Владивостока через всю Российскую империю, где на перекладных, где пароходом, т. к. железная дорога на тот момент была проложена только до Оренбурга. Мало кто знает, но наследник престола Николай Александрович в этот период посетил Тобольск, где при Временном правительстве и большевиках он будет отбывать с семьей ссылку. В дневнике цесаревича за 1891 год читаем:

«*9 июля. Вторник.*

Рано утром пришли в село Самарово уже на Иртыше, где была собрана громадная депутация от всех волостей Тобольской губернии; их 260. Она поднесла хлеб-соль на красивом золотом блюде. У пристани поставлен шатер, очень кстати по случаю проливного дождя, лившего всю ночь. Несколько человек хотело поднести зверей: медвежонка, двух лисиц, оленя; но с ними было поступлено так же как на Уссури и на Амуре: звери оставлены, а хозяева одарены. В 9 ч. пошли вверх Иртыша, он вначале так же широк, как Обь. Далее берега становятся более густонаселенными и живописнее, нежели Обские, где сплошь тянутся тундры в обе стороны. Шли очень хорошо против течения. Вечером играли в макао, что напомнило всем веселое время на «Владивостоке» во время плавания по Янтсе-киангу; разумеется, проиграл 40 руб. Ухтомский же по обыкновению выигрывал и срывал все банки. В 12 час. пришли в село Демьянское, где грузились дровами, тут же представилась депутация с хлебом-солью от граждан г. Кургана, в числе пяти купцов.

10 июля. Среда.

Проснулся поздно с отвратительной погодой. Почти целый день писал письма. В 7 час. вечера пришли в Тобольск при тусклом сером освещении. На пристани как всегда встретил городской голова с хлебом-солью, граждане гор. Тюмени и ремесленное общество с блюдами; затем все власти, офицеры и почетный караул от Тобольского резервного батальона. Сел в коляску с Тройницким и поехал на гору в собор по оригинальным досчатым улицам города; порядка было гораздо меньше чем в Томске. Из собора пошел осмотреть ризницу, в которой хранится множество весьма любопытных предметов, относящихся ко времени покорения Сибири! Посетив преосвященного… (*далее пропуск чистого места. – В.Х.*), поехал в музей. Здесь меня более всего интересовал колокол, сосланный из Углича за то, что он бил в набат в день смерти царевича Дмитрия. Мне также очень понравилась необширная, но редкая библиотека. Оттуда прошел в сад, где были собраны все учебные заведения. Осмотрел памятник Ермаку, от которого великолепный вид на город и Иртыш. В летнем общественном собрании городские дамы угощали чаем; познакомился со старухой-девицей, которая в 1837 г. танцевала с Анпапа (*имеется в виду Александр II. – В.Х.*) здесь во время Его путешествия по Западной Сибири. Проехавши по городу в сырой темноте, вернулся на пароход, где ожидал фельдъегерь с письмами. После ужина простился с Тобольском, и мы отвалили и пошли дальше. Поиграл в домино»[34]**34**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 226. Л. 75–75 об.

.

Только 4 августа 1891 года счастливые родители со слезами на глазах смогли обнять своего старшего сына в Петербурге.

Происшествие в Японии, как, впрочем, и все, что происходило в Императорском Доме Романовых, стало вскоре достоянием широких кругов общества. Известный московский репортер В.А. Гиляровский (1855–1935) набросал довольно едкий и актуальный для всех времен экспромт, который тайно ходил по рукам:

Приключением в Оцу
Опечален царь с царицею
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицией.
Цесаревич Николай,

Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

Покушение на Николая Александровича в Японии показало, что жизнь представителей царской семьи не была гарантирована от террористов не только в России, но и за рубежом. В связи с этими событиями, на всякий случай, в царской семье великий князь Георгий Александрович 11 июня 1891 г. был назначен опекуном над младшим братом Михаилом.

Инцидент в Оцу вызвал массу толков как в России, так и в других странах. Он широко освещался на страницах мировой печати. Однако многие обстоятельства покушения на цесаревича, в частности, причины и цели, а также его организаторы, остались нераскрытыми. Вызывает интерес поведение тридцатисемилетнего полицейского-террориста в ходе следствия, который вроде бы долго не давал никаких показаний, а затем выдвинул сомнительную версию, что он принял цесаревича за того человека, который прибыл в страну со шпионскими целями для подготовки вторжения в Японию. В итоге Верховный суд приговорил Цуда Сандзо к пожизненному заключению, хотя японское правительство настаивало на вынесении ему смертной казни. Внезапная смерть осужденного в тюрьме спустя всего несколько месяцев после суда дала еще один повод полагать, что это не был маньяк-одиночка, а само покушение было подготовлено достаточно влиятельными силами.

Это «темное дело» позднее даже пытались привязать к дипломатическим и военным событиям Русско-японской войны 1904–1905 гг. В доказательство последнего часто ссылаются на авторитет влиятельного сановника графа С.Ю. Витте (1849–1915), который указывал в опубликованных воспоминаниях по этому поводу следующее: «Этот инцидент весьма тягостно отразился в Петербурге; он очень сильно подействовал на императора Александра III и не менее тягостно, что вполне естественно, подействовал и на наследника. Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, т. е. я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатление о Японии и о японцах, в частности.

Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев, как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой

легкостью воспринимался императором, а потому император всегда относился к японцам презрительно.

Когда началась последняя ужасная и несчастная война, то в архивах всех министерств можно было найти официальные доклады с Высочайшими надписями, в которых император называет японцев “макаками”.

Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта, то, вероятно, мы бы не начали эту позорную политику на Дальнем Востоке, не заявили бы, что мы должны иметь верховенство в Тихом океане, не захватили бы Порт-Артур, не втюрились бы в эту войну и не пережили бы всех тех ужасов, которые мы переживали как во время войны, так еще больше как ее последствия…

Наконец, поездка из Владивостока через всю Сибирь на почтовых, конечно, тоже не могла не произвести реального впечатления величия той роли, которая Богом предназначена для молодого наследника, будущего императора.

Поэтому, естественно, все это вместе в мировоззрении молодого цесаревича не могло не занять своего места среди других впечатлений, которые должны были найти приют в сердце и уме цесаревича. Он гораздо более склонял свою голову, свой ум и свои чувства в направлении к Востоку и притом к Востоку Дальнему, нежели к Востоку Ближнему и к Западу.

Вследствие этого, можно сказать, поездка его на Дальний Восток в известной степени как бы предрешила и характер всего его царствования. Вот почему я говорю, что поездка эта была фатальна»[35]**35**
Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 288–289.

.

Можно, конечно, соглашаться или нет с такими однозначными выводами графа С.Ю. Витте, но нельзя не учитывать, что воспоминания им писались в 1911 году, когда бывший министр давно находился в отставке и испытывал к царю, так сказать, не лучшие чувства. Впрочем, многие дипломаты отмечали, что Николай II во внешней политике определенно держался по крайней мере двух принципов: Россия должна наращивать свое влияние на Ближнем и Дальнем Востоке, в Средней Азии и прав был его прадед Николай I, когда говорил, что «где стоит русская нога, оттуда уходить нельзя». Вместе с тем известно, что

Николай II высказывал в этой области политики и другое мнение: «Пойти вперед легко, остановиться трудно».

Однако вернемся к дневникам самого цесаревича во время нахождения его еще в Японии. Записи в дневнике в какой-то степени опровергают утверждения воспоминаний графа С.Ю. Витте. Спустя всего два дня после покушения, 1 мая 1891 года, Николай Александрович отмечает в поденной записи: «Встал бодрым и веселым… Все японское мне так же нравится теперь, как и раньше 29-го, и я нисколько не сержусь на добрых японцев за отвратительный поступок одного фанатика, их соотечественника; мне так же, как прежде, любы их образцовые вещи, чистота и порядок…»[36]**36**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 196.

.

6 мая 1891 года цесаревич торжественно отметил на борту фрегата «Память Азова» свое 23-летие и лично вручил двум своим спасителям-джинрикшам «по золотой медали и по 2500 долларов каждому, сказав им, что они будут получать по 1000 дол[ларов] пенсии ежегодно до смерти»[37]**37**

Там же. Л. 204.

. По тем временам это были очень большие деньги.

В день отъезда из Японии 7 мая 1891 года наследник Российского Престола записал свои впечатления в дневнике: «Настал последний день нашей стоянки в японских водах; странно сказать, что не без грусти оставляю эту любопытную страну, в которой мне все нравилось с самого начала, так что даже происшествие 29-го апр[еля] не оставило после себя и следа горечи или неприятного чувства»[38]**38**

Там же. Л. 205.

.

Цесаревич Николай Александрович в тот же день написал большое и обстоятельное письмо отцу. Содержание этого послания приведем полностью:

«*7 мая 1891 г.*

Фрегат «Память Азова».

№ 12.

Мой милый дорогой Папа,

От всего сердца благодарю тебя за твое милое интересное письмо, несказанно меня обрадовавшее: то были первые страницы, написанные твоей дорогой рукой, которые я прочел после несчастного случая со мной в городе Оцу 29-го апреля. Я не могу достаточно благодарить Бога, что милый Борович (*греческий принц Георг. – В.Х.*) был со мной тогда и только благодаря его смелости – я спасся! Он догнал бежавшего за мной полицейского и своей известной силой ударил его по голове; тот сразу повернулся и уже замахнулся на Джоржи саблей, но тотчас же смертельно бледный повалился на землю. Тогда на него набросились двое из моих молодцов дженрикшей (*так в письме. – В.Х.*) и стали держать; так как он старался вырваться, то для верности один из них хватил его по шее саблей, и затем его оттащили в ближайший дом. Прибавляю тебе эти подробности, милый Папа, оттого что в последнем письме к Мама мне, кажется, я о них не упоминал. На голове у меня оказались две раны, но до сих пор спорный вопрос о том получил ли я два удара или один, причем сабля соскользнула, не разрешен. На шляпе один разрез; но я потерял ее после первого удара и, по-моему, единственного, и затем тотчас же выскочил из дженрикши, потому что увидел, что тот замахнулся во второй раз. Самое неприятное было бежать и чувствовать того подлеца за собой и вместе с тем не знать, как долго этого рода удовольствие станет продолжаться? Я боялся одного – упасть или просто ослабеть, так как в первую минуту кровь брызнула фонтаном. После обмывки и первой перевязки тут же на улице, кроме головы оказались еще порезанными правое ухо и рука, но это было просто царапины! Все ошалели, особенно японская свита; маленький принц Арисугава ничего не говорил до самого вечера, мне было просто жаль его. Вернулись к себе в Киото по железной дороге под конвоем пехотного батальона. Сейчас же Рамбах, Попов с «Азова» и Смирнов с «Мономаха» приступили к промывке и зашиванию ран. Я себя все время чувствовал великолепно и без всякой боли. Но что меня страшно мучило, это мысль о вашем беспокойстве и о том, что неверные слухи могли дойти до вас раньше моей телеграммы. Все это мне очень напоминало первые часы после нашего крушения (*имеется в виду крушение царского поезда в Борках. – В.Х.*), когда думали о том, чтобы составить, возможно, более успокоительную телеграмму. На следующий же день 30-го апреля вечером приехал император из Токио с несколькими принцами и министрами, что было крайне любезно с его стороны. Отовсюду я стал получать телеграммы, адресы и подношения – из тех японских городов, в которых мы уже были, а также которые должны были посетить; большинство получалось из самого Киото – их Москвы. Тут для нас был приготовлен отличный отель, но

так как заново отделанные комнаты сильно пахли, Джоржи и я перебрались в соседний чистый японский дом – той же гостиницы; в нем мы вполне наслаждались новой оригинальной обстановкой, а главное чистотой и свежестью воздуха. Все четыре дня в Киото мы провели в этом японском жилище; для меня это было новизной, так что я совсем не скучал, сидя в халате. 1-го мая император посетил меня; он был сильно взволнован и говорил шепотом через переводчика. Тогда же получили вашу депешу о возвращении в Кобэ на фрегат и в тот же день под вечер мы вступили на родную палубу. Я никогда не забуду приема на «Азове», где собрались офицеры со всех судов и ура! дорогой команды. «Азов» и «Влад[имир] Мономах» поднесли мне два образа, Шолберов с людьми также; до самого вечера я был сильно возбужден. Джоржи был подхвачен и обнесен на руках вокруг фрегата. – Поведением Шевича, нашего посланника, я не могу достаточно нахвалиться; дай Бог, чтобы между нашими дипломатами было побольше таких настоящих русских людей! – Милый Папа, пора кончать, «Джигит» с фельдъегерем должен идти в Иокогаму. Крепко обнимаю тебя, дорогой Папа, храни тебя Бог!

Твой *Ники*»[39]**39**
ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 185–188 об.

.

На следующий день 8 мая 1891 года в дневнике цесаревича еще одна запись: «И грустные, и радостные мысли толпились в голове, при расставании с Японией: первые оттого, что не удалось проехать через всю эту любопытную страну, которая мне понравилась больше всех других, а также потому, что предстоявший переход во Владивосток был последним на чудном «Азове», радостные мысли оттого, что благодаря этой перемене маршрута я могу вернуться домой двумя неделями раньше; пожалуй, успею захватить конец лагеря»[40]**40**
Там же. Л. 208.

.

Цесаревич 4 августа 1891 года наконец вернулся в Санкт-Петербург после долгого путешествия по сибирским просторам, о чем его родной брат великий князь Георгий Александрович (1871–1899) записал в дневнике:

«4 августа. Воскресенье. – Красное Село.

В 7 часов перешли из Лисино в Тосно для встречи Ники. Утром было пасмурно, но скоро прояснило. Вставши в начале восьмого, пил кофе и затем облекся в мундир, так как был дежурным. В BS 9 [ч.] поезд с Ники подошел к станции; после целований и обнимании он сел к нам в поезд со своей свитой; все были страшно счастливы его возвращению. Он очень пополнел и поправился. В BS 11 [ч.] прибыли в Красное [Село], где была большая встреча. По дороге к нашему дому стояли войска. В 11 часов поехали к обедне и молебну, после чего был большой завтрак. Вернувшись к себе, читал; приехали Георгий и Сергей [Михайловичи]. В 5 часов пили чай у Папа и через час отправились на скачки, которые окончились благополучно. Потом вернулись домой и закусывали. В 8 часов поехали в театр, где давали скучную комедию “Собака садовника” и балет “Праздник лодочников”»[41]**41**
ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 8. Л. 149.

.

Имеется и дневниковая запись великого князя Константина Константиновича за этот же день:

«*Воскресенье. 4.*

4 августа принесло великую радость Царской семье и всем нашим войскам, расположившимся в Красном [Селе]: мы встречали Цесаревича, возвращавшегося из десятимесячного кругосветного путешествия, сопряженного с опасностью для его жизни. Он вернулся к нам возмужалый, пополневший, с большими усами и цветущим здоровьем»[42]**42**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 181.

.

Спустя три недели великий князь Константин Константинович вновь обращается в своем дневнике к подробностям событий путешествия наследника престола:

25 августа.

Ездил кататься с Мама, чтобы иметь случай поговорить с глазу на глаз. Ей хотелось отвести душу со мною наедине. Ее тревожат недоразумения,

возникшие во время путешествия Цесаревича с греческим Georgie на «Памяти Азова». Georgie спас ему жизнь, ударом палки свалив с ног убийцу-японца, покусившегося на жизнь Цесаревича в Отсу. Этот подвиг не заслужил Олину (*имеется в виду великая княгиня Ольга Константиновна, королева греческая. – В.Х.*) сыну ничьей благодарности, об нем даже старались умалчивать, приписав спасение одному из полицейских. Государь даже слова не написал и не телеграфировал Georgie. Ему не было позволено сопровождать Цесаревича в путешествие по Сибири. Теперь разъяснилось, что свита Цесаревича, не ужившись с кают-компанией «Памяти Азова», невзлюбила и входившего в состав ее Georgie. Его оклеветали в глазах Государя, сообщали, будто Georgie имел дурное влияние на Цесаревича, и возводили на него всякую небывальщину.

Надеюсь, что все эти недоразумения будут разъяснены и устранены теперь, при свидании в Дании»[43]**43**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 38; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 183.

.

Через три дня, т. е. 28 августа, великий князь Константин Константинович с удовлетворением записал в дневнике: «Оля телеграфировала, что Государь пожаловал ее сыну Georgie золотую медаль за спасение погибающего. По-видимому, в Дании состоялось объяснение и недоразумения устранены»[44]**44**
Там же.

.

Таким образом, 30 августа 1891 года император Александр III наградил принца Георга Греческого (1869–1957) золотой медалью «За спасение погибавших» для ношения на владимирской ленте. Тем самым он был официально признан спасителем наследника русского престола. Его трость затребовали в Санкт-Петербург, украсили драгоценными камнями и вернули назад – в Афины. Отблагодарили и двух рикш не только большими деньгами (о чем говорилось выше), но также наградили орденом Св. Анны. Впоследствии в Санкт-Петербурге на Гутуевском острове в память спасения цесаревича была воздвигнута церковь Богоявления (закладка состоялась ровно через год после покушения, а освящение – в 1899 году).

После возвращения с Дальнего Востока через необъятные просторы Российской империи в Санкт-Петербург цесаревич 21 декабря 1891 года записывает в своем дневнике:

«Рассуждали о семейной жизни. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года прошло с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе, а с тех пор ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г[ессенской]. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy (*английский принц. – В.Х.*) оставил или получил отказ, единственное препятствие или пропасть между нею и мною – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти убежден, что наши чувства взаимны! Все в воле Божией. Уповая на Его милосердие, я спокойно и покорно смотрю на будущее»[45]**45**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 227. Л. 107–108.

.

Еще через месяц, т. е. 29 января 1892 года, он напишет в дневнике: «В разговоре с Мама, утром она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери гр[афа] Парижского, что меня поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а, по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал этой! Что будет?»[46]**46**
Там же. Л. 149.

.

Однако цесаревич Николай остался верным своему сердечному выбору и продолжал с упорством ждать, когда родители согласятся на этот брак. Принцесса Алиса (Аликс) отклонила предложение стать невестой английского наследника престола принца Альберта Виктора (Эдди, 1864–1892). Вскоре, 1 марта 1891 года, скончался ее отец, и она осиротела, но интуитивно чувствовала, что в мире есть еще одно сердце, в котором она живет. Время продолжало свой неумолимый бег.

Особые приметы венценосных братьев

Многим любопытен вопрос: были ли «особые приметы» у «венценосных братьев», т. е. у Государя Николая II и его младшего брата великого князя Михаила Александровича? Например, шрам или костная мозоль на голове императора от полученного удара саблей в Японии 29 апреля 1891 года. По этому поводу разгорелась большая дискуссия после обнаружения «царских останков» в тайном захоронении под Екатеринбургом Гелием Рябовым и Александром Авдониным. Этот вопрос был актуален для белогвардейского следствия Н.А. Соколова в годы Гражданской войны, когда предпринимались попытки найти останки императора Николая II и великого князя Михаила Александровича после их убийства летом 1918 года большевиками. Сохранились ли документальные свидетельства на этот счет? Были ли у Августейших «венценосцев» другие приметы, вроде татуировки на их телах, т. к. на многих опубликованных в печати (ретушированных) фотографиях это просто невозможно рассмотреть. Попробуем обнаружить подобные сведения среди архивных материалов, а также воспоминаний очевидцев и других исторических источников тех далеких событий.

Николай Александрович Романов был среднего роста: 5 футов и 7 дюймов (168 см). Он выделялся пропорциональностью сложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холеная борода. Украшением его красивого продолговатого лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были голубые глаза. Говорят, что глаза есть зеркало души человека. По мнению многих, у Государя были особые глаза: открытые, голубые, кроткие, полные какой-то особой доброты и простоты, неотразимой привлекательности. Своим взглядом он без слов очаровывал людей, предубежденных против него, и даже обезоруживал своих врагов.

Однако в популярных исторических работах относительно его роста фигурируют и другие данные. Так, например, исследовательница из Австрии Элизабет*censored*еш пишет: «Не вызывает сомнений, что Николай был не просто царевичем (*так в тексте. – В.Х.*), но и привлекательным молодым человеком. Роста он был не очень большого – 1 метр 72 сантиметра, но подтянут и хорошо сложен; особенно сильное впечатление производили его огромные голубые глаза. Многие, даже видевшие Николая всего один раз, отмечают их “мечтательный” или “нежный” блеск. Все – включая мужчин – говорят о его простом очаровательном обращении; само собой разумеется, что он хороший танцор (да и на фортепиано неплохо играет)»[47]**47**
*censored*еш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 28.

.

Татуировка даже у аристократов за границей в те времена была достаточно модной и порой являлась обычным делом. Особенно мода на тату распространилась со второй половины XIX века в Великобритании. Сын королевы Виктории I, будущий король Эдуард VII (1841–1910), посетив Святую землю в 1862 году, сделал на руке татуировку Иерусалимского Креста. В дальнейшем его тело украсили еще несколько татуировок. Когда его сыновья Альберт (1864–1892) и Георг (Георг V, 1865–1936), кузены цесаревича Николая Александровича, побывали в начале 1880-х годов в Японии, а их гувернер, по распоряжению Августейшего родителя, отвел принцев в студию знаменитого художника Хори Чио, который татуировал изображение драконов на их руках. На пути домой принцы Альберт и Георг посетили Иерусалим и сделали еще татуировки у того же художника, что и их отец 20 лет назад. Великий князь Александр Михайлович (Сандро), который дружил с детства с цесаревичем Николаем Александровичем, обзавелся подобным своеобразным украшением, как старый «морской волк» во время плавания, находясь длительный период в Японии. В российском флоте татуировка была обычным делом среди многих офицеров. Молодой Николай Александрович, видимо, подражая Сандро, тоже решил сделать что-то подобное при первой удобной возможности. Давняя мечта цесаревича сбылась, судя по его дневниковым записям, когда он только что прибыл в Японию в начале апреля 1891 года. На русский фрегат «Память Азова» доставили двух японских мастеров. Один сделал татуировку цесаревичу Николаю, а второй – его кузену Георгу Греческому. Татуировка на его руке изображала традиционного на Востоке дракона. Так у будущего русского монарха на правой руке появилось изображение дракона – с черным телом, желтыми рожками, красным брюхом и зелеными лапами. Сведения о тату цесаревича, несмотря на секретность визита мастеров, все-таки просочились в японскую печать.

«В преддверии визита Николая в Киото в местной газете “Хинодэ симбун”, /…/ в номере от 5 мая, была помещена заметка следующего содержания: “(Находясь в Нагасаки, цесаревич) пригласил к себе местных мастеров, и те на протяжении нескольких вечеров делали ему татуировку. Цесаревич остался чрезвычайно доволен их работой, в результате которой на обоих руках у него появилось по изображению дракона…”»[48]**48**

Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 31–32.

.

Правдиво ли было это сообщение в прессе?! В дневнике цесаревича Николая Александровича за 16 апреля 1991 года имеется запись о проведенном дне в Нагасаки и сделанной на правой руке татуировке:

«*16 апреля. Вторник.*

Проснулся с чудным днем, на берег так и манило. Утром получил телеграмму от Мама с известием о смерти бедного д. Низи. Это уже вторая смерть в нашей фамилии в течение одного месяца! В 10BS была преждеосвященная обедня; в 12 прибыл на фрегат принц Арисугава – молодой моряк; был в Гатчине весной 1889 г., симпатичный человек! В 2 ч. отправился с Джоржи и Волковым в Нагасаки. В дженрикшах (*так в дневнике. – В.Х.*) разъезжали по магазинам, где я накупил себе порядочно вещей. Начали с *черепахи-человека*, который мне раньше того, еще на «Азове», поднес коробку и модель минного катера из черепахи, прелестной работы. Купил у него несколько вещей, а затем у *кошки*-чел. и *собаки*–человек; вздор какой называть себя так! Замечательно приятное впечатление производят улицы и дома в Нагасаки: все отлично вычищено и выглядит опрятно, любо входить в их дома; да и сами японцы и японки такой радушный и приветливый народ – совсем противоположный китайцам! Что меня особенно поразило, это количество людей, говорящих по-русски. Вернулись на фрегат в 5 час. к чаю. В 6BS были на всенощной; Шевич с нами говеет. После обеда решился сделать себе татуировку на правой руке – дракона; это заняло ровно семь часов времени с 9 ч. веч[ера] до 4 ночи! Довольно раз пройти чрез этого рода удовольствие, чтобы отбить охоту в себе начинать снова. Дракон вышел на славу, и рука совсем не болела!»[49]**49**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 85–85 об.

.

Через десять дней, т. е. 26 апреля, цесаревич в письме к своей сестре великой княжне Ксении Александровне сообщил о татуировке следующее: «Мы все татуировали себя в Нагасаки, как это всегда делается в Японии; я себе выбрал отличного дракона, который сделан действительно великолепно, но за то пришлось и повозиться долго с ним: меня кололи в продолжение 7 часов сряду с 9 ч. вечера до 4 ч. утра. Японцы и я были одного мнения, а именно что лучше сделать весь дракон сразу, а не откладывать до след[ующего] вечера, потому что во второй раз гораздо больнее, чем в первый. У меня рука только припухла, а у некоторых они не только болели, но делалась просто лихорадка. Спроси у дяди Алексея про его татуировку, и как он страдал здесь?»[50]**50**
ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 186. Л. 64–67 об.

.

Однако модные веяния часто ходят кругами, и что сегодня было популярно, через какое-то время может вызывать осуждение общества. Став императором, Николай II избегал демонстрировать эту экзотику молодости. Ни на одной официальной фотографии, подлежащей публичной демонстрации, этого изображения татуировки увидеть невозможно. Существуют многочисленные любительские фотографии императора в кругу семьи, которые они сами делали, в том числе изображения с закатанными рукавами рубашки. Но что представляет конкретный рисунок наколки, по причине не очень хорошего качества фотоснимков, давности времени и их сохранности, а также в связи с их небольшим форматом, не дает возможности толком рассмотреть. Конечно, в настоящее время существуют специальные программы реставрации документов и фотографий, в том числе с помощью компьютерных возможностей, но, похоже, этого никто до сих пор в данном случае не сделал.

Видимо, подражая своему старшему брату Николаю II, великий князь Михаил Александрович (1878–1918) в один из предпоследних дней пребывания в Англии сделал себе на руке татуировку, столь модную в те годы. В дневнике за 1899 год, когда он находился в гостях у своих зарубежных родственников, записал:

«*14 октября. Четверг. – London, Marlborouge-House.*

Утром приехал Macdonsld, который татуирует, он мне начал делать дракона на правой руке. В 10 ч. я имел breakfast с Mand и Charles… Зашли в магазин 20 Old Bond Street. Встретили Stevensen'a. Вернувшись, пили чай. Потом мне опять этот человек татуировал, но не докончил, не успел. В 8BS ч. я обедал с Mand (Charles где-то обедал). Потом я читал у нее "The Standard Beara". Toria мне дала читать эту книгу. Я получил от нее сегодня 2 письма и от Беби»[51]**51**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 16. Л. 22–22 об.

.

К сожалению, не все дневники великого князя Михаила Александровича сохранились до наших дней или нам известны в России. Однако имеются свидетельства очевидцев, которые утверждают, что Михаил Романов имел и другие татуировки, в том числе на груди. В частности, об этом факте вспоминали позднее в советские времена чекисты, которые тайно похитили и

расстреляли великого князя в окрестностях Перми в ночь с 12 на 13 июня 1918 года, а затем надежно сокрыли его останки в тайном, до сих пор не обнаруженном месте. В частности, пермский журналист и краевед В.Ф. Гладышев в статье «“Репетиция” царской драмы», описывая картину тайного захоронения останков Михаила Романова, процитировал фрагмент из воспоминаний одного из его палачей Н.В. Жужгова: «…Я поехал домой, поел, а затем с Колпасчиковым (так Жужгов пишет фамилию подельника. – В.Г.) поехали зарывать. Романова грудь была исписана, а также и руки и я ему хотел отрубить голову и руки и закопать в другое место, но Колпасчиков сказал не надо это делать и я согласился, после зарывания вернулись в Мотовилиху, где мне говорят что Михаил сбежал…(Орфография сохранена)»[52]**52**
Гладышев В. “Репетиция” царской драмы. // Российская газета. 2003 г. 26 июня.

.

Другой «особой приметой» императора Николая II стал шрам на правой стороне головы, который он получил, еще будучи цесаревичем, от удара саблей во время путешествия по Японии 29 апреля 1891 года.

В популярных исторических изданиях этот момент не обходят стороной, но часто вносят свою мифологическую интерпретацию, идя на поводу недостоверных источников. Так, например, исследовательница из Австрии Элизабет*censored*еш пишет: «Однако в Японии происходит инцидент, в результате которого Николай вынужден был преждевременно прервать путешествие, и возненавидел эту страну. После пребывания в старой императорской столице Киото в городе Оцу какой-то японец с возгласом “Я самурай!” внезапно набрасывается на едущего на рикше наследника российского престола, и только хладнокровное вмешательство греческого принца Георга в последний момент не дает нападающему нанести второй удар мечом, так что раненый Николай остается жив. Мотивы этого покушения так и остались невыясненными.

Николая срочно кладут в госпиталь; чтобы сгладить инцидент, император лично навещает его»[53]**53**
*censored*еш Э. Николай II. Ростов-на-Дону, 1998. С. 33.

.

Еще раз напомним. В дневнике цесаревича за 29 апреля 1891 г. имеются следующие строки, о которых мы уже говорили: «Выехали мы опять в джинрикшах (*так в дневнике. – В.Х.*) в том же порядке и повернули налево в узкую улицу с толпами по обеим сторонам. В это время я получил сильный удар по правой стороне головы над ухом, повернулся и увидал мерзкую рожу полицейского, который второй раз на меня замахнулся саблею в обеих руках.

Я только крикнул: “Что тебе?” и выпрыгнул через джинрикшу на мостовую; увидев, что урод направляется на меня и что его никто не останавливает, я бросился бежать по улице, придерживая кровь, брызнувшую из раны»[54]**54**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 225. Л. 95–95 об.

.

Напомним, что цесаревич в письме от 7 мая 1891 года к императору Александру III уточнил важную подробность: «На голове у меня оказались две раны, но до сих пор спорный вопрос о том получил ли я два удара или один, причем сабля соскользнула, не разрешен. На шляпе один разрез; но я потерял ее после первого удара и, по-моему, единственного, и затем тотчас же выскочил из джинрикши, потому что увидел, что тот замахнулся во второй раз. /…/ После обмывки и первой перевязки тут же на улице, кроме головы оказались еще порезанными правое ухо и рука, но это было просто царапины!»[55]**55**
ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919. Л. 185–188 об.

.

В последние годы в нашей стране было издано много книг по истории Императорского Дома Романовых, часто сомнительного по достоверности содержания, но иногда несущих интересную, но непонятно откуда взятую информацию. Так, например, в одном из подобных изданий можно прочесть общие выдержки (без точной привязки к цитированному источнику), которые мы воспроизведем здесь:

«*Из книги Акиры Есимуры*:

11 мая 1890 года (*правильно 1891 года. – В.Х.*) улица Симо-Кокарасаки в городе Отсу была запружена горожанами. Они встречали цесаревича поклонами, а полицейские отдавали ему честь. (…) С правой стороны улицы, у дома № 5, (…) стоял очередной полицейский. При виде приближающейся коляски он приосанился и поднял руку к козырьку.

Стоило, однако, коляске цесаревича поравняться с ним, как полицейский неожиданно выхватил саблю и бросился на Николая. Как только он оказался на расстоянии 1 сяку (чуть больше 30 см) от коляски, сверкающее на солнце лезвие опустилось на голову цесаревича.

От удара с головы Николая слетела шляпа, но поскольку ни нападающий, ни его жертва не издали ни звука, возница, рикша Тарокити Нисиока, как ни в чем не бывало продолжал путь.

Однако толкач Хирокоторо Вада не мог не видеть, что произошло. В первый момент он, конечно, растерялся, но быстро совладал с собой и, подскочив к нападавшему, правой рукой изо всех сил толкнул его в бок.

Полицейский пошатнулся, однако устоял на ногах и с поднятой саблей вновь бросился на цесаревича. Только теперь Николай повернулся в его сторону. Тот занес над ним саблю и еще раз ударил его цесаревича по обнаженной голове. (…) Цесаревич спрыгнул на дорогу с противоположной от нападающего стороны и, обхватив голову руками, с криком побежал прочь. (…) Спасаясь от преследователя, цесаревич добежал до дома № 15… Оглянувшись, Николай увидел, что полицейский лежит на земле, а рикша Китатаити заносит над ним саблю. Теперь уже цесаревичу нечего было опасаться. Вскоре его окружили приближенные. (…) Кровь из раны цесаревича, стекая по лбу и правой щеке, капала на пиджак. Принц Арисугава молча протянул ему носовой платок…

“Это ничего, – сказал ему цесаревич, – только бы японцы не подумали, что это происшествие может поколебать мои добрые чувства к ним и признательность за проявленное радушие”»[56]**56**
Николай II,без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб, 2009. С. 33–34.

.

Весьма интересны и малоизвестные детали покушения, о которых в Японии, очевидно, имеются многие неизвестные еще в России источники. Однако вызывает удивление, насколько приведенные сведения в некоторых деталях разнятся от содержания писем и дневников самого цесаревича Николая Александровича. В итоге выясняется, что московское издательство «Муравей» в 2002 году опубликовало произведение: Акира Есимура «Покушение. Цесаревич Николай в Японии». (Роман. Перевод с японского языка Т.И. Редько-Добровольской). Вряд ли за достоверность изложенных всех исторических сведений в данном романе кто-то поручится на 100 %, так как сама форма повествования в таком произведении может предполагать свободное творчество

автора во благо создания художественного образа тех или иных персонажей. Все-таки данное издание заслуживает пристального внимания, хотя бы в том плане, что можно выяснить, где описания и очередность событий совпадают, а где противоречат другим источникам.

Однако вернемся к архивным документам. Судя по переписке цесаревича с родственниками, его Августейшие родители имели более обстоятельные сведения о ране Николая Александровича. В ответном письме от 14 июня 1891 года к сыну император Александр III, в частности, отмечал: «Благодарю тебя, милый Ники, от души за твое длинное и очень интересное письмо о Китае и начале пребывания в Японии. – Одновременно получил письмо Барятинского, которое ожидал с большим нетерпением, о жутком покушении в Оцу и тоже донесение докторов»[57]**57**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1139. Л. 62.

.

Попытаемся обнаружить и заглянуть в упомянутые документальные свидетельства. В частности, в архивном фонде императора Александра III сохранился до наших дней медицинский протокол, составленный врачебной комиссией после осмотра раны цесаревича Николая Александровича. Документ (рукописный) имеет дату от 29 апреля 1891 года, т. е. он был составлен в день совершенного покушения на цесаревича. В нем среди прочего значатся такие строки: «29 апреля 1891 года около 2 Bs часа пополудни при возвращении Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича после посещения города Карасаки и поездки на озеро Биви, чрез город Отцу, по одной из его улиц полицейский японской службы, находившийся на посту в числе других полицейских, расставленных по улице, бросился на ехавшего во джинрикше Его Императорское Высочество и обнаженною саблею нанес две раны на волосистой части головы, с правой стороны.

Удар сделан через фетровую шляпу, находившуюся на Наследнике Цесаревиче.

Поранение представляется следующим:

1) Первая, или затылочно-теменная, рана – линейной формы, длиною 9-ть сантиметров, с разошедшимися краями, проникает чрез всю толщу кожи до кости и находится в области правой теменной кости на 6-ть сантиметров от верхнего края ушной раковины, имея направление несколько сверху вниз, причем пересечены ветви как затылочной, так и височной артерий. У заднего

угла раны теменная кость, на протяжении около сантиметра, обнажена от надкостницы, по месту соответствующему удару острия сабли.

2) Вторая, или лобно-теменная, рана – находится выше первой на 6 сантиметров и идет почти параллельно ей, имеет 10-ть сантиметров длины, проникает чрез всю кожу до кости; находится в области теменной и частью лобной кости, начинаясь приблизительно над последней третью длины, или протяжение, первой раны и оканчиваясь на границе волосистой части головы, на 6-ть сантиметров выше средины правой бровной дуги.

Направление ее, как и первой, несколько сверху – вниз, но немного дугообразно, выгнутостью вниз – хотя выгнутость эта едва заметна.

На один сантиметр от заднего угла раны замечается небольшой в BS сантиметра длиною языкообразный лоскут кожи, во всю ее толщу. В переднем же углу пересечены ветви височной артерии.

3) На границе верхней трети со среднею наружного края ушной раковины (правой) усматривается поверхностная поперечная рана, длиною около 4-х миллиметров, почти совершенно не кровоточившая.

4) Подобная же поверхностная, поперечная ранка (около 1-го сантиметра длиною) замечается на тыле кисти правой руки, между указательным и большим пальцами.

Тотчас же на месте этого события мною была наложена соответственная временная повязка на раны для остановки обильного артериального кровотечения /…/.

По прибытии августейшего пациента в Киото я, совместно с находившимся тут старшим врачом фрегата «Владимир Мономах» коллежским советником Смирновым и старшим врачом фрегата «Память Азова» старшим советником Поповым, приступил к окончательному туалету и перевязке раны.

По тщательной очистке первой раны, с соблюдением правил антисептики, наложены шелковые лигатуры на две кровоточившие артерии и края ее соединены пятью швами.

Во второй ране также перевязаны две артерии и наложено пять швов. Затем на раны положены градусные компрессы из сулемованной марли и соответственная повязка, а поверх ее – лед.

Во время отчистки второй (лобно-теменной) раны извлечен мною, свободно лежавший между сгустками крови, осколок кости – клиновидной формы, около 2BS сантиметров длиною, два миллиметра шириной в одном его конце и 1 миллиметра в другом. Толщина осколка в лист обыкновенной писчей бумаги.

Самочувствие Его Императорского Высочества все время остается прекрасным, силы вполне хороши, состояние духа бодрое – хотя замечается некоторая степень возбуждения. /…/

Киото. Апреля 29 дня 1891 года.

Статский советник *Рембах*.

Статский советник *Вл. Попов.*

Коллежский советник *М.Смирнов*»[58]**58**
ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 701. Л. 12–12 об., 13.

.

Рана на голове по истечении некоторого времени особенно не выделялась, тем более что позднее Государь Николай II ее пытался всячески маскировать. Травмированное место, очевидно, имело некоторое утолщение при ощупывании, т. е. представлялась в виде так называемой костной мозоли. В семейных письмах супруги, двух сестер и матери императора к Николаю II можно часто встретить специфическое выражение: «целую тебя в Оцу». Разумеется, под этим подразумевалось место ранения Государя на голове. Именно по этой особой примете пытались найти и освидетельствовать останки последнего российского самодержца как белогвардейское следствие, при обнаружении похожих трупов после отступления красных на Урале, так и в наши дни криминалисты-следователи при вскрытии «тайного захоронения» узников Ипатьевского дома в окрестностях Екатеринбурга.

Правда, на обнаруженном предполагаемом «черепе императора» подобной костной мозоли выявить не удалось, что вызвало большие дебаты среди ученых на различных научных конференциях, а в СМИ породило множество различных, часто противоречащих друг другу версий. В частности, слепок с черепа императора Николая II впервые на экранах телевидения широко продемонстрировал Гелий Рябов, чем привлек к «тайному захоронению»

царской семьи всеобщее внимание общественности. На слепке не было видно следов от травмы, полученной Государем во время путешествия по Японии.

Вскоре выяснилось, что слепок черепа не принадлежал императору, а был снят по ошибке с головы прислуги царской семьи, горничной Анны Степановны Демидовой (1878–1918). Она была убита вместе с Романовыми в полуподвальном помещении Ипатьевского дома в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. и оказалась в одном захоронении вместе с ними. Досадная ошибка самодеятельных поисковиков произошла потому, что череп этой женщины оказался достаточно крупным, а на челюсти просматривался вставной мост из золотых зубов. Вероятно, предположили, что золотые зубы могут быть у императора. Позднее, благодаря экспертам-криминалистам, удалось разобраться, кто есть кто. Однако на черепе, определенном, что он принадлежит императору Николаю II, вроде бы опять не нашлось следов указанной выше травмы. Со стороны следствия прозвучали такие аргументы, что череп имеет большие разрушения, долгое время находился в болотистой почве, возможно, был подвержен действию серной кислоты, которой пытались уничтожить «царские останки» чекисты.

На этом деле необходимо более подробно остановиться, но это предмет специального изучения и обсуждения для международной представительной научной конференции (с официальным участием РПЦ и РПЦЗ, в т. ч. всех ученых оппонентов) по окончательному выводу: являются ли обнаруженные останки царскими, и, наконец, по объявлении их официального статуса.

Неожиданная смерть императора Александра III

Существуют также версии, что скоротечная болезнь и неожиданная смерть императора Александра III связана якобы с его отравлением, хотя имеется множество документальных свидетельств о реальной причине кончины Царя-Миротворца. Великий князь Николай Михайлович (1859–1919) оставил воспоминания о последних днях Александра III, которые мало кому в настоящее время знакомы[59]**59**
Великий князь Николай Михайлович. Последние дни жизни возлюбленного Государя Императора Александра III. Тифлис, 1894.

. Удивляться этому не приходится, так как подобного рода свидетельства, даже в царские времена были ограниченного доступа и то только для избранных, а в советский период надежно были спрятаны в спецхранах. Возможно, благодаря строгому хранению эти архивные документы и печатные материалы дошли до

наших времен, когда вновь появился интерес к выяснению истинных исторических событий, которые часто замалчивались или безбожно искажались «временщиками» в угоду политики. Попробуем заглянуть хотя бы в некоторые из них.

Весною 1894 года Александр III заболел инфлюэнцей, которая дала осложнения на почки и вызвала Брайтову болезнь (нефрит почек). Первой причиной болезни, очевидно, были ушибы, полученные во время железнодорожной катастрофы под Харьковом (недалеко от станции Борки) 17 октября 1888 г., когда чуть не погибла вся царская семья. Император получил настолько сильный удар в бедро, что находившийся в правом кармане серебряный портсигар оказался совсем сплющенным. С того памятного и трагического события прошло шесть лет. Кризис болезни произошел в начале августа 1894 года. Императору Александру III стало очень плохо от резкой опоясывающей боли в пояснице. Пришлось снова вызывать Г.А. Захарьина, который прибыл 9 августа в сопровождении профессора Н.Ф. Голубова. В результате проведенного исследования выяснились «постоянное присутствие белка и цилиндров, то есть признаков нефрита, некоторое увеличение левого желудочка сердца при слабоватом и частом пульсе, то есть признаки последовательного поражения сердца, и явления уремические (зависящие от недостаточного очищения почками крови), бессонница, постоянно дурной вкус, нередко тошнота»[60]**60**

Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 130.

.

Врачи настаивали на немедленной перемене климата и советовали царю переехать на остров Корфу в Ионическом море или другое курортное место, например, в Италию. Государь предпочел отправиться в Крым, заметив, по утверждению приближенных: “Если мне суждено помирать, так уж лучше дома”. Была надежда, что сухой южный климат может способствовать улучшению здоровья венценосца. 17 сентября Александр III вместе с семьей выехал в Ливадию. В эти дни великий князь Константин Константинович, находясь в Европе, сделал запись в дневнике:

«*Суббота. 17 [сентября].*

В “Правит[ельственном] Вестнике” было напечатано, что здоровье Государя, не успевшее поправиться после зимней болезни, требует оставаться в более теплом климате; объявлено, что Двор едет в Ливадию. – Слышно, что императорскую

яхту "Полярная Звезда" посылают в Пирей. – Все это очень тревожно»[61]**61**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 122.

.

Двор вместе с императором перебрался 21 сентября в Ливадию. Государь поселился не в Большом дворце, а в той сравнительно небольшой вилле, где он жил, еще будучи цесаревичем, но болезнь продолжала прогрессировать.

В Ливадии императрица Мария Федоровна почти полностью изолировала своего больного супруга от всех визитеров (кроме врачей и членов семьи, к нему никто не допускался). Ее мольбы перед супругом поберечь себя возымели действие: последние недели своей жизни Государь передал большинство поступающих бумаг на рассмотрение цесаревича, оставив за собой лишь дела по дипломатическому и военному ведомствам (последний приказ он подписал за день до кончины).

Император Александр III был в расцвете лет, и никто не мог предполагать, что царствование его будет столь скоротечным. Он постепенно и загодя начал подготавливать наследника к Государевой службе. С 1889 года для ознакомления с управлением государства Николай стал участвовать в работе Государственного совета и Комитета министров. В этих же целях он часто сопровождал отца в официальных поездках по стране. В конце 1891 года на цесаревича были возложены обязанности председателя Особого комитета для помощи нуждающимся в неурожайных местностях, а в 1892 году он возглавил Комитет по сооружению Транссибирской железной дороги. На этом новом поприще наследник добился определенных успехов. Позднее на склоне лет граф С.Ю. Витте отмечал в своих воспоминаниях: «Я должен сказать, что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II – человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца»[62]**62**
Витте С.Ю. Избранные воспоминания 1949–1911 гг. М., 1991. С. 286.

.

К 1894 г. всем уже стало ясно, что главными победами эпохи царствования Александра III стало разгром революционеров и сохранение внешнего мира с другими государствами. Император утратил былой порыв к преобразованиям Российской империи и, по воспоминаниям генерала Н.А. Епанчина, потерял веру в то, что министры способны исполнять точно его волю. Он уже физически не мог, как раньше, принимать самостоятельных решений и впадал во все большую зависимость от своих министров и приближенных: графа И.И. Воронцова-Дашкова, П.А. Черевина и О.Б. Рихтера. Он все чаще просил их просматривать деловые бумаги, поступающие к нему и требующие срочного решения.

Еще до переезда в Крым Государь Александр III выразил желание женить или по крайней мере помолвить наследника престола. Цесаревич Николай был счастлив, что наконец смог получить разрешение своего державного отца на помолвку с его ненаглядной принцессой Алисой, которую ласково называл Аликс. Вечером 2 (14) апреля 1894 года он в обществе трех августейших дядей, их жен и свиты выехал в Кобург, официально – на свадьбу брата принцессы Алисы (герцога Эрнеста-Людвига Гессенского с принцессой Викторией-Мелитою Саксен-Кобург-Готской), а фактически – сделать ей предложение. Туда же поспешил и император Вильгельм II (1859–1941), озабоченный устроить брак наследника Российского престола с немецкой принцессой и боявшийся, как бы цесаревич не попал в английские сети ее бабушки королевы Виктории. 4 апреля великие князья Романовы прибыли в Кобург, торжественно встреченные родственниками, парадом войск и восторженным населением.

Однако надежды на успех были минимальные. Об этом можно судить по дневниковой записи великого князя Константина Константиновича (известного поэта «К.Р.») от 9 апреля 1894 года:

«Я узнал от императрицы (*имеется в виду Мария Федоровна. – В.Х.*), что в день отъезда Ники из Гатчины, т. е. в субботу 2 апреля, Ксения (*великая княгиня Ксения Александровна. – В.Х.*) получила телеграмму от Алисы, теперешней невесты, которая предупреждала, что останется непреклонной, т. е. не согласится присоединиться к православию. Ники был очень огорчен и хотел остаться, но императрица настояла, чтобы он уехал. Она советовала ему доверчиво обратиться к королеве Виктории, которая имеет большое влияние на свою внучку. Итак, не было никакой надежды, что помолвка состоится…»[63]**63**

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 52 об.

.

Тем временем «светское общество» обеих столиц Российской империи нетерпеливо ожидало дальнейших событий, и недостаток информации усиленно компенсировало различными слухами и сплетнями. Особого внимания был удостоен наследник престола. Своеобразным барометром атмосферы аристократических кругов можно считать дневник хозяйки влиятельного петербургского салона, убежденной монархистки генеральши А.В. Богданович, фиксировавшей в нем на протяжении многих лет факты и всякую услышанную, мягко сказать, всячину, а вернее – сплетни. Так, в 1889 году она зафиксировала не очень лестный отзыв о цесаревиче Николае: «Цесаревич любим в Преображенском и Гусарском полках, где он служил, но в нем нет грации, он неловок, не умеет вставать, говорит не очень приветливо и развивается физически, но не умственно»[64]**64**

Богданович А.А. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 120.

. Последующие записи, относящиеся к началу 1894 года, также полны скептицизма: «Он очень упрям и советов не терпит»[65]**65**

Там же. С. 191.

. И далее еще, скорее всего из области слухов, но воспринятых влиятельной генеральшей как достоверные факты: «Цесаревич ведет очень несерьезную жизнь… не желает царствовать, не желает жениться»; «Датская королева (*т. е. бабушка цесаревича Николая. – В.Х.*) хотела устроить свадьбу наследника на Алисе Гессенской, но цесаревич не захотел, так как она на целую голову выше наследника» и т. п. Как говорят в таких случаях: комментарии излишни.

Возможно, на это не стоило отвлекать внимание наших читателей, если бы не следующие обстоятельства: широкая циркуляция подобных извращенных слухов в обществе и явное желание многих покопаться в чужом белье. Это порочное явление захватило многих высокопоставленных чиновников, в том числе и дипломатов, профессионально «чутких на ухо» до всякого рода сплетен. Так, в дневнике графа В.Н. Ламздорфа (советника российского министра иностранных дел) имеется запись от 4 апреля 1894 года: «После завтрака ко мне заходил Деревицкий; он близок с несколькими молодыми людьми, бывающими у балерин Кшесинских; рассказывают, будто бы та из сестер, которой покровительствует наследник-цесаревич, упрекала его, что он отправляется к своей “подлой Алиске”, и что будто бы Его Императорское Высочество

применил тот же самый изящный эпитет, протестуя против намерения женить его. В 2 часа меня вызывает министр. Мы разговариваем, в частности, о том, что произойдет в Кобурге; г[осподи]н Гирс тоже сомневается, чтобы великий князь наследник-цесаревич решился на женитьбу; ему известно из надежных источников, что начальник полиции Валь жалуется на трудности, возникающие у полицейских при ночных посещениях балерины наследником-цесаревичем. Великий князь предпочитает возвращаться от нее пешком и инкогнито. Заметив, что за ним ведется наблюдение во время таких прогулок, он пожаловался генералу Валю; тот попробовал оправдать принимаемые меры, доказывая, что они имеют целью заботу о безопасности, а не слежку; в ответ наследник-цесаревич будто бы заявил: “Если я еще раз замечу кого-нибудь из этих наблюдателей, то я ему морду разобью – знайте это”. Если услышанное мною соответствует действительности, то будущее многообещающе! Впрочем, некоторые из молодых людей, близких к наследнику, считают, что он представляет собой подрастающего Павла I…»[66]**66**
Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991. С. 53–54.

Как мы видим, крупицы подлинного утонули в море вымысла и лжи, что создавало негативную атмосферу в определенных кругах общественного мнения против наследника престола.

Через неделю граф В.Н. Ламздорф (1844–1907) делает новую запись: «В 11 часов виделся с министром. Несколько дней тому назад разрешили продажу фотографий принцессы Алисы, теперь их можно найти в витрине любого магазина, где продают открытки и гравюры. Г-н Гирс, когда я ему показываю одну из таких фотографий, не находит будущую цесаревну красивой. Он рассказывает, что во время своего первого появления при нашем дворе, в 1889 г., она даже показалась ему уродливой. В те времена наследник-цесаревич избегал встречаться с ней, Государыне она тоже не нравилась… Теперь уверяют, будто наследник влюблен в нее целых пять лет, будто он все эти годы постоянно носил с собой ее портрет и т. д., и т. п. Все это не соответствует действительности, а вот радость Их Величеств действительно искренна. Государь и Государыня, видимо, раскрыли лишь совсем недавно связь их августейшего сына с балериной Кшесинской, а его затянувшееся холостячество уже начинало их беспокоить»[67]**67**
Там же. С. 59.

.

Забегая вперед, отметим, что многие представления автора дневника и близких к нему персон вскоре кардинально изменятся.

Стоит также процитировать воспоминания самой балерины М.Ф. Кшесинской (1872–1871), написанные ею на склоне лет. Правда, они далеко не всегда соответствуют действительности событий. Читая их, создается порой впечатление, что знаменитая прима-балерина часто желаемое выдавала за действительное. Она немного не дожила почти до 100-летнего своего юбилея. Злые языки утверждали абсурдные вещи в ее биографии, которые перекочевывают до сих пор на страницы авантюрных политических и любовных романов. Одной из таких распространенных небылиц являлось утверждение, что в 1894 году наследник престола Николай Александрович уже имел от нее ребенка! Но вернемся к событиям помолвки цесаревича и предоставим слово самой М.Ф. Кшесинской: «Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто наследник привозил с собой дневники, которые он вел изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, о тех, которые он питает к принцессе Алисе»[68]**68**

Кшесинская М.Ф. Из “Воспоминаний”. / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. С. 25.

.

И далее:

«Мнения могут расходиться насчет роли, сыгранной императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней наследник нашел себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть.

Известие об его сватовстве было для меня первым настоящим горем… Я понимала, что тревожное состояние здоровья Государя ускорит решение вопроса о помолвке наследника с принцессою Алисою, хотя Государь и императрица были оба против этого брака по причинам, которые остались до сих пор неизвестными… После своего возвращения из Кобурга наследник больше ко мне не ездил…»[69]**69**

Там же. С. 25–26, 31–32.

.

Однако оставим М.Ф. Кшесинскую, обывательские слухи столичной публики и вернемся к заграничной поездке наследника престола.

Первый серьезный разговор цесаревича Николая с принцессой Аликс произошел на следующее утро после прибытия в Кобург, о чем он записал в своем дневнике:

«*5 апреля. Вторник.*

Боже! Что сегодня за день! После кофе, около 10 часов пришли к т[ете]Элле в комнаты Эрни и Аликс. Она замечательно похорошела и выглядела чрезвычайно грустно. Нас оставили вдвоем, и тогда начался между нами тот разговор, которого я давно сильно желал и все же очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно, она все противится перемене религии. Она, бедная, много плакала…»[70]**70**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. Л. 96–97.

.

На следующий день новая запись: «…Аликс потом пришла, и мы говорили с ней снова; я поменьше касался вчерашнего вопроса, хорошо еще, что она согласна со мной видеться и разговаривать…»[71]**71**
Там же. Л. 98–99; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 46.

.

Наследник Николай все медлил с решительным предложением, опасаясь, вероятно, получить отказ. Наконец колебания и томительные ожидания были преодолены. 8 апреля 1894 года в дневнике появилась запись: «Чудный, незабвенный день в моей жизни – день моей помолвки с дорогой, ненаглядной моей Аликс. После 10 часов она пришла к т[ете] Михен (*великая княгиня Мария Павловна, супруга великого князя Владимира Александровича. – В.Х.*) и, после разговора с ней, мы объяснились между собой. Боже, какая гора свалилась с плеч; какою радостью удалось обрадовать дорогих Мама и Папа! Я целый день ходил, как в дурмане… Даже не верится, что у меня невеста»[72]**72**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 232. Л. 101–103; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 47–48.

.

Через день, 10 апреля 1894 года, в письме к матери Николай описал пережитое: «Моя милая дорогая Мама, я не знаю, как начать это письмо, потому что столько хочется сказать, что мысли путаются в голове… На другой день нашего приезда сюда я имел с Alix длинный и весьма нелегкий разговор, в котором я постарался объяснить ей, что иначе как дать свое согласие она не может сделать другого! Она все время плакала и только шепотом отвечала время от времени: “Нет, я не могу”. Я все продолжал, повторяя и настаивая на том, что уже раньше говорил. Хотя разговор этот длился больше двух часов, но он окончился ничем, потому что ни она, ни я друг другу не уступали. На следующее утро мы поговорили гораздо более спокойно; я ей дал твое письмо, после чего она ничего не могла возразить… Она захотела поговорить с т. Михен; это ей тоже посоветовал и Эрни. Уезжая, он мне шепнул, что надежда на добрый исход есть. Я должен при этом сказать, что все эти три дня чувствовалось страшное томление; все родственники поодиночке спрашивали меня насчет ее, желали всего лучшего, одним словом, каждый выражал свое сочувствие весьма трогательно. Но все это возбуждало во мне еще больший страх и сомнение, чтобы как-нибудь не сглазили. Император (*Вильгельм II. – В.Х.*) тоже старался, он даже имел с Alix разговор и привел ее в то утро 8-го апреля к нам в дом. Тогда она пошла к т. Михен и скоро после вышла в комнату, где я сидел с дядями, т. Элла и Wilhelm. Нас оставили одних, и… с первых же слов… согласилась! О Боже, что со мной сделалось тогда! Я заплакал, как ребенок, она тоже… Нет! Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и также, как я грустен, что не с вами и не могу обнять тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, все, природа, люди, места все кажется милым, добрым, отрадным.

Я не мог совсем писать, руки тряслись, и потом, в самом деле, у меня не было ни одной секунды свободы. Надо было делать то, что остальное семейство делало, нужно было отвечать на сотни телеграмм и хотелось страшно посидеть в уголку одному с моей милой невестой. Она совсем стала другая: веселой и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое Его благодеяние…»[73]**73**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2322. Л. 2–5 об.

.

В ответ на это взволнованное послание старшего сына императрица Мария Федоровна направила ему нежное письмо, а принцессе Алисе дорогой подарок, прося ее не называть больше тетей, а мамой.

Волей случая рядом со счастливой молодой парой оказался их будущий слуга камердинер А.А. Волков (1859–1929), который разделил их скорбный путь в Сибирской ссылке и только чудом избежал расстрела в Екатеринбурге и Перми в 1918 году. На свадьбе в Кобурге он находился вместе с великим князем Павлом Александровичем, о чем позднее вспоминал: «Особенно памятна мне первая моя встреча здесь с будущей императрицей. Великий князь Павел Александрович поручил мне доставить ей ценный от него подарок. Я отправился в занимаемое ею помещение Кобургского дворца и застал ее в одной из тесных дворцовых гостиных. Сидела она на диване вместе со своим женихом и при виде меня как-то сконфузилась и отошла к окну, ничего мне не сказав. Наоборот, будущий император приветствовал меня очень ласково:

– А, милый Волков, что скажешь хорошего?

Я доложил о цели моего прихода, и тогда Цесаревич пригласил подойти свою невесту, объяснил ей, кто я таков и зачем явился. Она, по-видимому, была рада подарку и милостиво отпустила меня, дав на прощание поцеловать руку. В Кобурге мы пробыли около трех недель, весело и разнообразно. Особенно оживлял собравшееся там общество своею веселостью и подвижностью великий князь Владимир Александрович. Там же видел я впервые императора германского Вильгельма II. Он держал себя не только скромно, но, по временам, прямо заискивающе. Дело доходило до того, что он самолично помогал надевать пальто великим князьям. Вообще чувствовалось, что он выбивается из сил, чтобы понравиться русской царской семье. Но особенных симпатий у нее он, кажется, не завоевал»[74]**74**
Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993. С. 34.

.

Позднее императрица Александра Федоровна часто вспоминала счастливый день их обручения. Даже в ее письме к супругу Николаю II от 8 апреля 1915 года мы читаем: «Мои горячие молитвы и благородные мысли, полные глубочайшей любви, витают над тобой сегодня в эту дорогую годовщину. Как время летит – уже 21 год! Знаешь, я сохранила это серое платье принцессы, в

котором я была в то утро. Сегодня надену твою любимую брошку»[75]**75**
Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 129.

.

И год спустя в другом письме к супругу на фронт: «Дорогой мой, более чем когда-либо я буду думать о тебе в 22-ю годовщину нашего обручения. Я хотела бы крепко обнять тебя и вновь пережить наши чудные дни жениховства… Сегодня я буду носить твою дорогую брошку. Я еще ощущаю твой серый костюм, запах его, у окна в Кобургском дворце…»[76]**76**
Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922; Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005. С. 461–462.

.

И даже в письмах царской семьи из Тобольской ссылки можно найти строки:

«Сегодня 24-я годовщина нашей помолвки…»[77]**77**
Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1996. С. 295.

.

Не правда ли, такие браки совершаются разве что только на небесах!

Перед отъездом в Россию Николай открылся перед невестой, рассказав о своем мимолетном романе с Кшесинской, на что Аликс великодушно и мудро заметила, сделав запись 17 июля 1894 г. в его дневнике: «Я твоя, ты мой – будь в этом уверен! Ты пленен в моем сердце, и ключик потерян, и ты навсегда останешься там. Дорогой Ники!»[78]**78**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991. С. 74, 287.

.

По настоянию императрицы Марии Федоровны в Ливадию приглашались не только самые лучшие врачи из России. Сюда прибыла и европейская знаменитость, профессор нескольких германских университетов доктор Эрнст

Лейден (1832–1910). Как отмечал историк А.Н. Боханов: «Уже потом выяснилось, что этот врач имел конфиденциальное поручение кайзера Вильгельма II каждый день сообщать о положении дел в Ливадии. Через потайную систему профессор регулярно отправлял агентурные данные в Берлин»[79]**79**
Боханов А.Н. Император Александр III. М., 1998. С. 457.

.

Великий князь Константин Константинович в это время находился на лечении в Западной Европе и весьма беспокоился, что происходит в России. Все чаще в его дневниковых записях звучат тревожные нотки: ««*Гмунден. 2 октября.* 1 ч. дня. Здешние газеты полны дурных известий о здоровье Государя; конечно, многое преувеличено. Но Мама телеграфирует, что она с Олей приглашены в Крым и что Государь очень болен, страдает постоянной тошнотой, и у него пухнут ноги. Императрица телеграфировала Тюре, что, несмотря на отличную погоду, царю нисколько не лучше и что он все так же слаб и удручен»[80]**80**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 127.

.

Через два дня (4 октября) К.Р. вновь с тревогой записывает в дневнике: «К нам приходил Вилли. От него мы узнали, что Государь, вероятно, не ранее половины ноября прибудет в Корфу и отправится туда из Крыма на пароходе добровольного флота «Орел» через Босфор. Он очень слаб и плохо слушается докторов. По совету Захарьина приглашен из Берлина профессор Лейден; он нашел, что нервы Государя еще более, чем почки, требуют лечения, и предписал молоко, которое царю… (*фраза в дневнике не закончена. – В.Х.*)»[81]**81**
Там же. Л. 128.

.

Тем временем состояние здоровья императора Александра III катастрофически ухудшалось. Последний раз его вывели на улицу 4 октября, когда он со своей супругой совершил небольшую прогулочную поездку в экипаже и ему сделалось дурно. Со следующего дня он больше не покидал комнат на втором этаже. На консилиуме 4 октября 1894 г. врачи без колебаний между собой решили, что больному осталось жить недолго. Пульс не падал ниже 100 ударов

в минуту, отеки уменьшить не удавалось, положение осложнялось болезнью сердца, которую раньше вообще не замечали. Цесаревич, все время находившийся рядом с отцом, полагался на милость Божью. Государыня Мария Федоровна тоже не теряла надежды и верила, что Господь не допустит такой несправедливости и не заберет ее дорогого Сашу.

Начиная с 5 октября стали регулярно, иногда по два раза в день, появляться бюллетени о состоянии здоровья Александра III за подписями профессоров Э. Лейдена и Г.А. Захарьина, лейб-хирурга Г.И. Гирша, доктора Л.В. Попова и почетного лейб-хирурга Н.А. Вельяминова. Всего с 5 по 20 октября было опубликовано 26 бюллетеней.

5 октября 1894 года столичный «Правительственный вестник» опубликовал заключение врачей профессоров Г.А. Захарьина, Эрнста Лейдена, доктора Л.В. Попова и почетного лейб-хирурга Н.А. Вельяминова о состоянии здоровья императора, из которого следовало, что болезнь почек не отступила, а силы Государя уменьшились. Оставалась лишь надежда на то, что «климат южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья Августейшего больного»[82]**82**

Правительственный Вестник. 1894. 5 октября.

. С того дня, уже ежедневно, в правительственной прессе печатались официальные бюллетени о здоровье императора Александра III. Так, например, 9 октября «Правительственный вестник», помещая очередную информацию о состоянии здоровья Государя, сообщил о том, что он «приобщился Св. Таин» (т. е. причастился). Можно было уже по этой вести каждому читающему понять, что русскому Царю-Миротворцу совсем нездоровилось.

Великий князь Константин Константинович, находясь за границей, записывает очередную весть из России в дневнике: «Потом стал просматривать здешние газеты, полные тревожных известий об ухудшении здоровья Государя. Печатают, будто бы невеста Ники едет в Крым, и что туда же поехали из Парижа Владимир [Александрович] с женой и Алексей [Александрович]. Мама и Оля прибудут в Ливадию сегодня или завтра»[83]**83**

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 129.

.

Принцесса Аликс по экстренному вызову срочно выезжает в Россию. В Берлине ее провожал император Вильгельм II. В октябре 1894 года немецкие газеты писали о ней следующее: «Она изволила получить всестороннее и прекрасное образование. Отличительной чертой ее характера является милосердие к страждущим и благотворение. Она очень любит читать, преимущественно путешествия и исторические сочинения. С русским языком она успела познакомиться настолько, что перед отъездом из Дармштадта довольно хорошо владела им».

Принцесса Аликс ехала из Дармштадта в Крым как частное лицо, в сопровождении своей фрейлины Гранси и госпожи Е.А. Шнейдер, которая обучала ее русскому языку. В Варшаве встречала ее родная сестра великая княгиня Елизавета Федоровна.

В исторических популярных книгах до сих пор встречаются романтические, но, увы, все из тех же героико-патриотических мифов картинки. Вот одна из них звучит так:

Незадолго до смерти, когда император Александр III уже передвигался с большим трудом, узнав о приезде в Ливадию жениха и невесты, он надел мундир и поднялся навстречу. «Что вы делаете, Ваше Величество?», – с ужасом воскликнул, увидев это, лейб-медик императора Гирш. «Не ваше дело, – возразил Александр III, – я так поступаю по Высочайшему повелению».

В книге Л.П. Миллер эта сцена передана в несколько ином изложении: «Но, несмотря на свою болезнь, Император поднялся с постели и заставил одеть себя в военный мундир, чтобы встретить невесту сына. Он с супругой приветствовали принцессу Алису с большой теплотой»[84]**84**
Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 56.

.

В действительности было все более прозаично, но умирающий Государь оказал большое уважение принцессе Аликс и проявил к ней нежную ласку, о чем она вспоминала всю свою жизнь.

Приведем некоторые свидетельства очевидцев.

Цесаревич Николай Александрович в этот день записал в дневнике:

«*10-го октября. Понедельник*.

Проснулся с чудным жарким днем! Дядя Владимир и т. Михень прибыли рано утром на “Саратове” из Одессы. В 9BS отправился с д. Сергеем в Алушту, куда приехали в час дня. Десять минут спустя, из Симферополя подъехала моя ненаглядная Аликс с Эллой. Сели завтракать в доме отставного генерала Голубова. После завтрака сел с Аликс в коляску и вдвоем поехали в Ливадию. Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя – половина забот и скорби как будто спала с плеч. На каждой станции татары встречали с хлебом-солью; на границе Массандры ждали: Лазарев, Олив и Вяземский. Вся коляска была запружена цветами и виноградом. Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим Родителям. Папа был слабее сегодня и приезд Аликс, кроме свидания с о. Иоанном, утомили его! У дворца стояли стрелки Его Вел[ичества] в почетном карауле. Вошли в церковь, где был отслужен краткий благодарственный молебен. Сидел с моей Аликс до обеда. Вечер провели как всегда. Отвел ее до ее комнат!»[85]**85**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 40–41.

.

Брат царя великий князь Сергей Александрович (1857–1905) о приезде принцессы Аликс также засвидетельствовал в дневнике:

«*10/22 октября. Понедельник*. – Ливадия.

Саша спал хорошо – идеальное утро. Ходил.

Влад[имир] и Михен ночью пришли – с Влад[имиром] гулял, пили кофе вместе. В BS 10 ч. с Ники [поехали] в Алушту – дорогой о многом переговорили. Прибыли за 10 м. до жены и Alix – радость – завтракали и поехали: Ники с невестой – я с женой сзади. Пекло сильно.

Здесь в BS 6 ч. – Alix прямо к Саше – плакал – парадная встреча и молебен в церкви.

Alix помещена в фрейлин[ский] дом. Саша днем видел только Влад[имира] и о. Иоанна – la jonrule u\'estpar famense! Николаша и Ник. Мих. приехали. Обедали мы, Пиц (*великий князь Павел Александрович. – В.Х.*), д. Wladimir, Оля, т. Сани. В 9 ч. 17\' тепла»[86]**86**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 287.

.

Средний сын царя, великий князь Георгий Александрович (1871–1899) тоже зафиксировал в дневнике знаменательное событие:

«*10 октября. Понедельник.* – Ливадия.

В тени было 17\'. Вставши, пошли к Папа и Мама. Папа чувствовал себя лучше и спал больше. В BS 10 [ч.] Ники и дядя Сергей [Александрович] поехали в Алушту встречать Аликс и тетю Эллу. Дядя Владимир [Александрович] и тетя Михен пришли в 4 часа утра на «Саратове». До завтрака ко мне зашел Клеоникий, окончивший, наконец, академию. После завтрака пошли к морю, где наслаждались чудной погодой. Вернувшись, застал у себя Николая [Михайловича], приехавшего вчера. В 4 [ч.] пили чай у Мама, и затем облеклись в мундиры и ждали приезда Ники с невестой, которые прибыли в BS 6 [ч.]. Сейчас же отправились в церковь, где был отслужен молебен. Потом пошел к себе и разбирал прошения. К нашей маленькой обеденной компании прибавилась Аликс. После обеда играли в карты, затем пили чай, а в 11 [ч.] пошли спать»[87]**87**
ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 283.

.

Старшая дочь царя, великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) записала в дневнике о встрече немецкой принцессы в Крыму: «День эмоций! Утром у нас сидел Николай [Михайлович]! В 11 Bj ч. поехали в Ливадию. Ники отправился в 10 ч. в Алушту встретить невесту.

У Папа был отец Иоанн. Огромная эмоция, Папа был утомлен. Спал он не дурно. В 12 ч. завтрак. Папа с Мама отдельно.

Д. Владимир и т. Михень пришли сегодня ночью на «Саратове» из Одессы.

Потом Папа лег в постель. Днем ходили с Ники гр[еческим], Минни и Джорженькой (*великий князь Георгий Александрович. – В.Х.*) к морю. Миша и Беби верхом, чудили. Погода парадидьяк (*Возможно иное прочтение этого слова. – В.Х.*), 19° в т[ени] и тихо. – У моря очень хорошо. Вернулись в экипаже. Зашли к т. Михень. Был чай у Мама. У Папа вид был лучше опять. В 5Bj ч. приехали Alix с Ники. Очень красивая, приветливая, ужасно взволнована. Так хорошо, что приехала. Ее сейчас же повели к Папа. Папа также очень

взволнован. Потом краткое молебствие в маленькой церкви. Было довольно много народу. Ужасно трогательно, но так грустно! Вернувшись, читала у себя. Обедали как всегда наверху с Alix, а потом играли в карты. Папа очень устал, хотел спать. 19° тепла всю ночь»[88]**88**
вЂ…ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 125–125 об.

.

Однако не все члены Императорского Дома поспешили в Крым, надеясь, что все со здоровьем императора Александра III, возможно, уладится. Великий князь Константин Константинович очередной раз записал в дневнике:

«*Альтенбург. 10/22 октября.*

В здесь полученных телеграммах говорилось о некотором улучшении в положении Государя: он спал несколько, явился аппетит. Сегодня ожидается туда прибытие невесты Ники. Он мне телеграфировал, что так рад видеть там о. Иоанна, который приехал 8-го с Мама и Олей. Мама сообщила, что о. Янышев причастил Государя. – Я бы с удовольствием вернулся домой, но ради жены, если известия не будут хуже, мы 13-го поедем к ее сестре в Гюкебург на неделе, а дальше я не загадываю. Возвращаться в Италию не стоит, да и неохота. Положение Государя так серьезно, что тут не до путешествий. Что-то будет? Еще в августе, когда не было осложнений, Захарьин, называя болезнь царя нефритом, говорил что с ней можно прожить 15 и 20 лет, но что она неизлечима. Теперь осложнения, по-видимому, есть. Можно ли ждать хорошего?»[89]**89**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 130–130 об.

.

Лейб-медик Н.А. Вельяминов (1855–1920), который лечил Государя, позднее пересказывал события этого дня в своих воспоминаниях: «10/X часов около 5–6 вечера прибыла невеста цесаревича принцесса Алиса Гессенская. К этому времени во всем дворце, кроме Государя и императрицы, никого не было, из посторонних я был один в нижней приемной и таким образом в открытое окно мог наблюдать то, что происходило перед дворцом. Государь в этот день лежал уже в кровати, и при нем сидела императрица. Перед дворцом был выставлен почетный караул. Цесаревич и его невеста приехали в коляске на почтовых прямо из Симферополя.

Экипаж прямо с большой дороги проехал по аллеям сада и подъехал к подъезду дворца. У невесты в руках был большой букет, видимо, поднесенный ей при встрече цесаревичем. Они, выйдя из коляски, прямо вошли в подъезд, где, кажется, их встретила императрица (видеть этого я не мог, ибо не выходил из приемной), и поднялись наверх к Государю. Там они оставались вчетвером минут 20–30. Я стоял внизу у открытого окна, любовался видом и размышлял о происходившем. Надо было думать, что сцена, происходившая над моей головой в спальне царя, должна была быть трогательна и драматична.

Всем было известно, что за несколько лет перед тем принцесса Алиса приезжала в Петербург еще совершенно молодой девушкой к своей сестре вел. княгине Елизавете Федоровне. Как говорили, целью этого приезда ее было знакомство с русской царской семьей, так как ее прочили в невесты наследника. Однако тогда пр[инцесса] Алиса, или Alix, как звали ее в семье, не понравилась Государю Александру III, но произвела якобы глубокое впечатление на наследника. Так или иначе, но из этого приезда в Петербург ничего не вышло; слышно было, что Государь воспротивился этому браку – принцесса уехала, как говорили, очень недовольной и обиженной, а цесаревича отец отправил в кругосветное путешествие. /…/

Вскоре императрица с женихом и невестой отправились в большой дворец, где была приготовлена парадная встреча, собралась вся царская семья, Двор, местные власти и некоторые военные части и где должно было быть отслужено в церкви благодарственное молебствие по случаю благополучного прибытия Августейшей невесты.

После отбытия императрицы и молодых из дворца ушли все, даже швейцар, чтобы посмотреть на встречу и на будущую царицу – во дворце Государь и я остались вдвоем: он наверху, один, в спальне, лежа в кровати, с открытыми окнами, я внизу у окна. Никогда не забуду этой минуты. /…/

Я долго стоял перед окном, пока совершенно не стемнело, и очнулся, когда меня позвали наверх к больному, который чувствовал себя в этот вечер особенно слабым.

В тот же день утром Государь принял отца Иоанна, который совершил молитву, очень недолго беседовал с больным и спросил, прикажет ли Государь ему остаться или ему нужно уехать. Государь, как пишет вел. кн. Николай Михайлович, ответил ему: “Делайте, как знаете”.

На следующий день 11 октября Государь чувствовал себя очень слабым и утомленным. Я объяснил себе это главным образом последствием волнений при

встрече с невестой, а может быть, и при молитвах отца Иоанна»[90]**90**
РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 3–7; Российский Архив. Выпуск V. М., 1994. С. 301–303.

.

Задатки властности Аликс проявились еще до вступления ее в брак. Уже через пять дней после приезда в Ливадию она сочла нужным записать в дневнике своего жениха: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, так нежно и глубоко… Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. Ты, дорогой, сын твоего отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты. Прости меня, дорогой!»[91]**91**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневник императора Николая II. 1890–1906 гг. М., 1991. С. 85, 287.

.

В этой записи уже ясно слышны те нотки, которые впоследствии так громко зазвучали в ее письмах к императору Николаю II периода Первой мировой войны и начала Февральской революции.

Великий князь Константин Константинович, находясь за границей, все выжидал и не мог решить для себя, стоит ли спешно возвращаться в Россию, о чем можно судить по его дневниковым записям: «*Альтенбург. 13/25 октября*, утром. Если не будет слишком дурных известий, выедем сегодня вечером в спальном вагоне в Гюкебург, столицу княжества Шаумбург-Липпе. С тех пор, что мы гостили у Мими в 92 году, ее муж Жорж стал владетельным князем. – Мысли наши в Крыму; от телеграммы до телеграммы, ожидая вестей с лихорадочным нетерпением, живем между страхом и надеждой. Жадно читаем газетные телеграммы, стараясь в куче нелепиц и небылиц, обильно расточаемых иностранцами о России, вычитать хоть долю правды. Какого только вздора не печатают здешние газеты: ввиду того, что взгляды Ники не сходятся с отцовскими, он устранен от престолонаследия, а наследовать будет маленький Миша. Уверяют, что присоединение к православию будущей цесаревны состоится немедленно, а сейчас за ним и свадьба. Я не верю этому»[92]**92**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 131.

.

Тем временем в столице распространяются тревожные слухи о скорой кончине императора Александра III и предстоящих потрясениях в России. Уже знакомый нам граф В.Н. Ламздорф (1844–1907) 13 октября 1894 года зафиксировал в своем дневнике: «Министр страдает одышкой несколько сильнее обычного; говорит, что вчера ему нанес визит генерал Вердер (*германский посол в России. – В.Х.*), настроенный весьма пессимистически относительно здоровья нашего Государя под влиянием сведений из Берлина. Генерал Вердер, обычно хорошо информированный, рассказал г-ну Гирсу, что министр внутренних дел по телеграфу запросил наследника-цесаревича, находящегося в Ливадии, не должен ли и он прибыть туда, учитывая складывающуюся обстановку; в ответ министр внутренних дел будто бы получил от Его Императорского Высочества следующую телеграмму: “В настоящее время министры должны оставаться на своих местах”. В городе ходят всякие слухи, речь идет даже о том, что свадьба наследника-цесаревича будто бы будет сыграна в ближайшие дни»[93]**93**
Ламздорф В.Н. Дневник 1894–1896. М., 1991. С. 72.

.

На следующий день он возвращается к тем же проблемам и записывает: «На сегодняшнем молебне в нашем посольстве в Берлине присутствуют кайзер Вильгельм, принцы, высокие сановники двора и т. п. Кайзер, как и все другие присутствующие, становится на колени во время произнесения молитвы о здоровье нашего монарха. На молебне присутствуют также канцлер граф Каприви и прусский министр внутренних дел граф Эйленбург; в тот же день, двумя часами позже, оба они уходят в отставку. Их отставка и возвращение кайзера к некоторым политическим тенденциям Бисмарка становятся основой довольно неожиданного государственного кризиса. Министр внутренних дел г-н Дурново наносит визит г-ну Гирсу. Опираясь на имеющиеся у него сведения, он заявляет, что нет никакой надежды спасти Государя, дни которого сочтены. Начиная с момента ухудшения состояния, наступившего десяток дней тому назад, вскрытие и отправку почты, циркулирующей между Петербургом и Крымом, взял на себя великий князь наследник-цесаревич. Государь ограничивается тем, что ставит подпись и накладывает резолюции на тех бумагах, где это совершенно необходимо… Как рассказал министр внутренних дел, приняты решительные меры по предотвращению беспорядков, возникновение которых было вероятным, судя по некоторым признакам. Так, например, на Юге были сделаны попытки распространять слухи, будто Государя лечат почти исключительно врачи-евреи (Лейден, Захарьин, Гирш), с целью вызвать в случае катастрофы один из тех еврейских погромов, которые в дальнейшем послужат отправной точкой внутренних беспорядков. Министр

Дурново считает также, что в Ливадии состоится в недалеком будущем если не свадьба, то обручение наследника. К вопросу о евреях. Среди петиций и писем, полученных из-за границы и пересланных в министерство в пакетах из Ливадии, я нахожу следующий своеобразный документ: “Париж, 4 октября 1894 г. О, царь, император всея Руси, самодержавный властитель миллионов людей, вся твоя сила не мешает тебе страдать подобно самому обычному из смертных. Самые знаменитые доктора мира не излечат тебя от болезни, ниспосланной тебе Богом в наказание за твою жестокость и в напоминание о том, что ты просто человек, подобный всем другим, и что тебе нужно подумать о страданиях, причиняемых тобою израилитам России. Верни им свободу, вспомни, что они люди, подобные тебе самому, не преследуй расы, по отношению к которой у тебя не может быть никаких упреков. В этом твое спасение! Пусть только с израилитами обращаются в России наравне с другими твоими подданными, и ты выздоровеешь! Некто французский израилит”. Невольно напрашивается в связи с этим воспоминание о трагической и таинственной смерти одного из главных поваров, исчезнувшего во время возвращения части придворной челяди из Спалы; его раздавленное тело нашли потом на железнодорожных путях»[94]**94** Там же. С. 72–73.

.

Как мы можем видеть из этих дневниковых записей графа, при только наметившейся смене монарха у чиновников разного ранга проявился профессиональный стереотип мышления, т. е. определения новых ориентиров в своей карьере и поиска новых врагов, которые могли бы гарантировать их незаменимость на посту в государственном аппарате власти.

Состояние здоровья императора Александра III резко ухудшилось. Великий князь Константин Константинович принимает решение возвратиться в Россию, о чем записал в дневнике: *«Штутгарт. 18-го*, день смерти тети Оли. Только что приехали и поместились у Веры (*великая княгиня Вера Константиновна, герцогиня Вюртембергская. – В.Х.*). Еще вчера в Кельне получили ответ от императрицы на поздравление, по случаю годовщины избавления от опасности при крушении царского поезда. /…/ А сегодня, здесь на вокзале, русский посланник Коцебу сообщил, что имеет от Гирса более тревожные известия. Вот сегодняшний бюллетень, доставленный сюда по телеграфу: “Утром в состоянии здоровья Государя императора произошло значительное ухудшение. Кровохаркание, начавшееся вчера при усиленном кашле, ночью увеличилось, и появились признаки ограниченного воспалительного состояния (infrakt) в левом легком. Положение опасное”.

У нас сердце не на месте. Хотим послезавтра утром ехать домой, в Россию»[95]**95**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 134 об.

.

19 октября 1894 года как в обеих столицах, так и по всей России во всех церквах и храмах был отслужен молебен о здравии императора Александра III. Болезнь Царя-Миротворца привлекала внимание многочисленной прессы во всем мире. Молебны за здоровье русского царя прошли в Великобритании и в соборе Парижской Богоматери; в Ватикане такую службу провел папа Лев XIII, а в Вашингтоне в аналогичной службе участвовали президент Кливленд, его кабинет и конгрессмены. Даже британский посол в эти дни вынужден был признать: «Какова судьба! Император Александр III, бывший для Европы страшилищем при восшествии на престол и в первые годы царствования, исчезает в тот момент, когда ему обеспечены всеобщие симпатии и доверие». Сам лично (будучи цесаревичем) принимавший участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Александр Александрович, как известно, заявлял: «Всякий правитель… должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны»[96]**96**
Алферьев А.А. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 23–24; Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998. С. 172.

.

На Западе в свое время широко бытовало негативное отношение к российскому императору. Так, например, оппозиционно настроенный Эмиль Диллон (корреспондент английской газеты «Дейли телеграф») в очерке, посвященном жизни императора Александра III, не так давно еще констатировал: «Таков этот царь, пугало для Западной Европы, где политические карикатуры иначе не изображает его, как в образе медведя с короной на голове, – человек, не внушающий ни любви, ни уважения, тупой и ограниченный ум, которому, по злой иронии судьбы, вверена участь громадного государства»[97]**97**
Диллон Э. Александр III. / Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001. С. 270.

.

Теперь вся Российская империя и весь мир замерли в тревожном ожидании дальнейших событий.

Находясь на смертном одре, император Александр III был обеспокоен тем, что его старший сын Николай не был еще в полной мере подготовлен к той тяжкой ноше, которую он безвременно перекладывал на его плечи. За два дня до кончины между ними состоялся обстоятельный разговор. В частности, умирающий отец завещал наследнику престола: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я, и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет назад от истекшего кровью отца… Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть… В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое “передовое общество”, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть? Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит к благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего, покровительствуй церкви. Она не раз спасала Россию в годины бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства»[98]**98**

Ден Л. Подлинная царица: Воспоминания; Воррес Й. Последняя великая княгиня: Воспоминания. М., 1998. С. 215.

.

Наконец великий князь Константин Константинович тронулся в путь из Германии в Россию и записал в дневнике многие любопытные сведения о здоровье императора: «*20 октября* (1 ноября по новому стилю) рано утром выехали мы из Штутгарта. Перед самым отъездом получил подробное письмо от Палиголика из Ливадии, помеченное 10 и 11 окт. Он писал: “У Государя, как вы знаете, интерстициальный нефрит, т. е. соединительно-тканное воспаление почек; это одна из самых опасных и вместе с тем самая, так сказать, лукавая форма страдания почек. Опасная потому, что вместе с разрушением почек идет поражение сердца, именно левого его желудочка, что часто приводит болезнь к роковому концу гораздо раньше, чем почки потеряют совершенно способность работать. Лукавою я называю эту болезнь потому, что она часто развиваясь долго и упорно, не дает знать о себе существенными признаками, а сказывается тогда, когда уже зло развилось до опасности. Говорю это для вас и в ответ на раздающиеся обвинения: прозевали, не лечили и пр. Мне пришлось много беседовать о болезнях почек с нашими петербургскими врачами, и, кроме того, я прочел две классические монографии об этих болезнях… Вы сами знаете, характер Его Величества и отношения Его к болезни и врачам и также поймете, что могли делать врачи, когда Государь в Спале напр. не желал даже принимать каждый день. Как бы то ни было, теперь Больной гораздо покладнее, хотя тоже нельзя и думать заставить Его все время лежать в постели. Это в данной болезни особенно желательно… Осложняющие явления в свою очередь объясняется продолжительным нарушением питания (бывали дни, что Е.В. довольствовался 2-мя устрицами в день) и таким же отсутствием правильного сна”. Далее он пишет, что еще до приезда Мама и Оли “императрице и о. Янышеву удалось убедить Государя приобщиться. Его смущало только приобщение без надлежащего приготовления. Тем не менее, Он приобщился, после чего чувствовал себя особенно покойно и хорошо, и императрица также успокоилась и как бы ко всему приготовилась”. Затем царь “коленопреклонно (так же как и в причастии, а Больному при распухших ногах это очень тяжело и утомительно) и слезно молился с о. Иоанном”. Палиголик кончает припиской от 11-го числа: “Сегодня уже не столь большой секрет, что миропомазание предполагается теперь же, и, может быть, и бракосочетание”. /…/

После этого мы были приготовлены к получению роковой вести. Во весь день я уже не мог ни читать, ни разговаривать, а сидел, молча, и думал. /…/ Сколько мыслей бродило в голове! Одна сменяла другую. Я старался представить себе Ливадию и что там делается. Особенно много думал о бедной императрице и о Ники, которому суждено новое, великое служение. Прямо из командира батальона нашего [Преображенского] полка восходит он на престол. Какие будут теперь его отношения к полку и ко мне?»[99]**99**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 136–137 об.

.

В 2 часа 15 минут пополудни 20 октября Государь император Александр III «тихо в Бозе почил».

Спустя всего десять дней по прибытии Аликс в Россию, 20 октября 1894 года, император Александр III скончался в возрасте 49 лет. Даже утром, в последние минуты своей жизни, он думал только о благополучии России, но почувствовал себя плохо, позвал супругу Марию Федоровну и сказал ей: “Чувствую конец. Будь спокойна. Я совершенно спокоен”. Затем позвал всю семью, благословил молодых, пригласил своего духовника протопресвитера Янышева и причастился. Имеется также свидетельство, что незадолго до смерти император потребовал к себе наследника и приказал ему немедленно подписать манифест к населению о восшествии на престол.

В дневнике великого князя Сергея Александровича описан последний день жизни Царя-Миротворца:

«*20 октября. Четверг.* – Ливадия.

Рождение Ее Императорского Высочества, Великой Княгини Елизаветы Федоровны.

“Да будет воля Твоя!”

В 7 ч. прибыла Мари (*великая княгиня Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская. – В.Х.*). Ночь была без сна, в 9 ч. мы все пошли и вскоре поднялись к Саше – он сидел в кресле в спальне.

Мы все к нему подходили, обрадовался Мари (*великая княгиня Мария Александровна. – В.Х.*), обнял меня за шею, сказал мне “поздравляю тебя с сегодняшним днем” (*имеется в виду день рождение великой княгини Елизаветы Федоровны. – В.Х.*).

Янышев читал молитвы. – Саша сам пожелал приобщиться, кротко повторял молитвы; потребовал о. Иоанна, молился; о. Иоанн помазал его елеем – держал его голову, в Bj 3 ч. без агонии предал свою святую душу. Моя скорбь бесконечна – на земле моя вера был он! Минни была глубоко умилительна. Бедный Ники! Около 4 ч. Сашу обмыли и положили на кровать. Выражение лица: мир и святость. Около 10 ч. панихида. Завтра миропомазание – Alix, жена

исповедовались с Ники. Господи, не остави нас, уповающих на Тя. В 5 ч. перед церковью мы все присягали»[100]**100**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 30. Л. 297.

.

О последних часах жизни императора Александра III оставил воспоминания лейб-медик Н.А. Вельяминов (1855–1920), который писал: «19 октября Государь провел день в своей уборной комнате, сидя в креслах, и очень страдал от одышки, усилившейся вследствие присоединившегося воспаления легкого при нарастающей слабости сердца. В 9 часов вечера его перевезли на кресле в спальню. Будучи позван к больному, я предложил свою помощь при переходе в постель, но Государь отпустил меня, сказав, что он меня позовет. Однако когда меня позвали в 10 часов, я нашел его уже в кровати очень уставшим. По обыкновению я сделал легкий "массаж" ног, т. е. в сущности, самое легкое поглаживание, что он очень любил, напудрил болевшую и зудевшую от напряжения кожу, наложил бинты и ушел в кабинет императрицы, предвидя, что ночь будет тяжелая, а Государь будет стесняться посылать за мной. Около двенадцати часов меня снова позвали – Государь очень тяжело дышал и жаловался, что он лежать больше не может, что это невыносимая мука. На мои увещания лучше остаться в кровати, Государь попросил его переложить и устроить ему полусидящее положение, что мы с камердинером и исполнили. При этом присутствовала императрица, уже переодевшаяся к ночи. Однако перемена положения мало облегчила больного, он, видимо, очень страдал от одышки. Не зная, как ему помочь, я предложил послать за Лейденом. Последний скоро явился, и мы просидели с ним до 2-х часов, массируя руки и успокаивая словами. Государь пытался уснуть, но тотчас просыпался, стонал, но не жаловался. При этом он все время уговаривал императрицу лечь спать. Около 2-х часов мы ушли, Лейден пошел спать в мою комнату, где находился и Гирш, а я прилег в кабинете императрицы, но в три часа меня опять позвал Государь. Императрица спала или, по крайней мере, делала вид, что спит. Я просидел с больным до 4BS утра, что-то ему рассказывая. Он нервно курил, бросал недокуренные папиросы и, закуривая новые, постоянно спрашивал который час, – видимо он не мог дождаться утра и света. Между прочим, несмотря на свои страдания, он все беспокоился, что он курит, а я нет, предлагал мне курить, а на мой отказ курить в спальне Государыни посылал меня в другую комнату покурить: "Мне так неловко, что я все курю, а вы не курите так долго, пойдите покурить", – говорил он. "Мне так совестно, – сказал он в другой раз, – что вы не спите которую ночь, я вас совсем замучил". В 4BS встала императрица, и мы до 5 часов просидели с нею у кровати, занимая больного разговорами. Государь

стал энергично требовать, чтобы его пересадили в кресло. Чтобы его отвлечь от этой мысли, я в 5 часов приказал подать утренний кофе. Государь этому обрадовался и пил кофе с Государыней. В 6 часов пришел Лейден и мы с большим трудом пересадили больного в его кресло и выкатили на середину комнаты.

В 8 часов пришел цесаревич, а Государыня ушла одеваться. Мы остались втроем. Вдруг Государю стало очень нехорошо, и он приказал сыну позвать Государыню. "Зачем?" – спросил цесаревич. "Да так, будет лучше". Одышка все усиливалась, пульс стал резко слабеть. Пришла Государыня, а я вышел и послал за гр. Воронцовым. Последний пришел и вошел без доклада в спальню. Государь, не видевший графа уже около 3-х недель, нисколько не удивился его приходу, а, напротив, как будто обрадовался. Вскоре пришел и вел. кн. Владимир Александрович, Государь тоже этому не удивился, обнял и поцеловал его; вслед за великим князем в комнату вошла сестра Государя вел. кн. Мария Александровна герцогиня Эдинбургская, только что приехавшая из-за границы. Государь даже не спросил ее, когда она приехала, а только ласково поздоровался с ней. Постепенно стали приходить все члены императорской фамилии. Со всеми входившими Государь здоровался, но не выражал никакого удивления тому, что так рано, без его разрешения, постепенно собралась вся семья, и я понял, что он сознает близость своей кончины и, в сущности, со всеми прощается. Самообладание его было так велико, что он даже поздравил вел. кн. Елизавету Федоровну с днем ее рождения. Приходившие члены семьи, поздоровавшись, уходили затем в соседнюю комнату. При Государе оставались только императрица, все дети, принцесса Алиса, Лейден и я. В 11BS часов пришел отец Янышев. Государь пожелал причаститься. Двери в другую комнату открылись, вошла вся семья и министр двора, все стали на колени, и умирающий царь внятно, на вид совершенно спокойно стал читать молитву перед причастием "верую, Господи, и исповедую…".

После причастия Государь как будто несколько оправился и продолжал оставаться в том же кресле среди своих самых близких членов семьи, т. е. Государыни, детей и невестки; кроме того, здесь были Лейден и я. Говорили, что еще утром Государь выразил желание видеть отца Иоанна, который после обедни около 12 часов и прибыл. Государь встретил его очень ласково и, несомненно, был очень доволен его появлением. О. Иоанн совершил молитву и помазал некоторые части тела святым елеем. После этого Государь его отпустил. Уходя, отец Иоанн громко сказал не без рисовки: "прости (т. е. прощай), царь".

Государь, видимо, страдал от неприятного чувства в сильно опухших ногах, для которых трудно было выбрать удобное положение; ввиду того, что больной довольно громко стонал, я предложил ему слегка помассировать ноги, зная, что это ему иногда давало облегчение. Все вышли из комнаты, и мы остались вдвоем. В то время, что я массировал, Государь сказал мне: "Видно, профессора меня уже оставили, а вы, Николай Александрович, еще со мной возитесь по вашей доброте сердечной". Из этого, как и из целого ряда других фактов, следовало заключить, что Государь вполне ясно сознавал приближение смерти, но оставался поразительно покойным и за все время не проронил ни одного слова о том, что отлично понимал приближение конца. Однако был такой момент, когда он пожелал остаться наедине с наследником; все вышли на несколько минут; я не сомневаюсь, что он что-то говорил своему наследнику, но, что именно, я, конечно, не знаю, может быть, этого никогда не узнал и никто другой.

После массажа больной почувствовал облегчение, и даже несколько поднялся пульс, Лейден полагал, что такое состояние может протянуться и до вечера, поэтому я вышел на несколько минут и спустился к себе в комнату, чтобы что-нибудь перекусить, так как с вечера ничего не ел и не пил, но очень скоро кто-то прибежал ко мне и сказал, что, кажется, Государь кончается, я побежал наверх. Когда я вошел в комнату, я увидел, что Государь сидел в том же положении, только голова, которую обнимала стоявшая на коленях Государыня, склонилась набок и прислонилась к голове императрицы; больной больше не стонал, но еще поверхностно дышал, глаза были закрыты, выражение лица вполне спокойно; все члены семьи стояли вокруг на коленях; отец Янышев читал отходную. Лейден взял пульс и показал мне головой, что пульса нет, прекратилось и дыхание, – Государь скончался. Императрица не двигалась, как окаменевшая. Все вокруг плакали. Картина была из тех, которые никогда не забываются теми, кто их видел. Теперь уже прошло более сорока лет, что я, врач, видел я много смертей – людей самых разнообразных сословий и социального положения, видел умирающих, верующих, глубоко религиозных, видел и неверующих, но такой смерти, так сказать, на людях, среди целой семьи, я никогда не видел ни раньше, ни позже, так мог умереть только человек искренно верующий, человек с душой, чистой, как у ребенка, с вполне спокойной совестью. У многих существовало убеждение, что император Александр III был человек суровый и даже жестокий, но я скажу, что человек жестокий так умереть не может и в действительности никогда и не умирает.

Все встали»[101]**101**
РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 3–7; Российский Архив. Вып. V. М., 1994. С. 306–308.

.

28 октября 1894 года были опубликованы сообщение о диагнозе заболевания и акт вскрытия.

Диагноз болезни гласил: «Хронический интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в левом легком с последовательным воспалением».

В акте вскрытия было сказано: «Тысяча восемьсот девяносто четвертого года, октября 22-го в семь с половиной часов вечера мы, нижеподписавшиеся, нашли при бальзамировании тела в Бозе почившего Государя императора Александра Александровича нижеследующие изменения: значительный отек подкожной клетчатки нижних конечностей и пятнистую красноту на левой голени. В левой полости плевры 200 кубических центиметров сывороточной жидкости, окрашенной в красный цвет, в правой полости плевры – 50 кубических центиметров таковой же жидкости. Старый фиброзный рубец в верхушке правого легкого, отечное состояние правого легкого, в левом легком отек верхней доли и кровяной инфаркт в нижней доле того же легкого, причем эта нижняя доля очень полнокровна и содержит в себе очень мало воздуха. Кровавый инфаркт находится у верхнего края нижней доли левого легкого и в разрезе имеет треугольную форму полтора центиметра в продольном разрезе и один центиметр в поперечном. В околосердечной сумке 30 кубических центиметров сывороточной жидкости. Сердце значительно увеличено в объеме, продольный размер 17 центиметров, поперечный размер 18 центимеров, в подсерозной клетчатке сердца большое количество жировой ткани (Lipomatosis cordis); сердце плохо сократилось. Левая полость сердца увеличена, и стенка левого желудочка утолщена (равна двум с половиной центиметров), мышца левого желудочка сердца бледна, вяла и желтого цвета (Degeneratio adipose miocardii), в правом желудочке мышечная стенка истончена (6 миллиметров) и такого же желтоватого цвета, заслоночный аппарат совершенно нормален.

В полости живота около 200 кубических центиметров сывороточной жидкости. В желудке и кишечнике большое количество газов. Печень немного увеличена, очень полнокровна.

Почки имеют следующие размеры: левая 16 центиметров в длину, 7 центиметров в ширину и 4 центиметра в толщину; правая – 15 центиметров в длину, 6BS центиметров в ширину и 4 центиметра в толщину. Капсула почек обыкновенной толщины и отделяется легко. Наружная поверхность почек

мелкозернистая, темно-красного цвета; плотность почек незначительная. Корковое вещество почек уменьшено (от 6 до 7 миллиметров) и желтовато, медуллярное же вещество – темно-красного цвета (Nephritis intestinalis cum atrophia substantive corticalis renum granulosa). Сверх того в левой почке серозный пузырек трех миллиметров в поперечнике.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что Государь император Александр Александрович скончался от паралича сердца при перерождении мышц гипертрофированного сердца и интерстициального нефрита (зернистой атрофии почек)»[102]**102**
Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007. С. 133–134.

.

Акт подписали: заслуженный ординарный профессор патологической анатомии Императорского Московского университета И.Ф. Клейн, заслуженный ординарный профессор нормальной анатомии того же университета Д.Н. Зернов, ординарный профессор нормальной анатомии Императорского Харьковского университета М.А. Попов, профессор Императорского Московского университета Н.В. Алтухов, прозектор Императорского Харьковского университета А.К. Белоусов.

Европейская пресса отреагировала на безвременную кончину императора Александра III изъявлениями горести по поводу тяжелой утраты и восхищения Царем-Миротворцем, которого не так давно на тех же страницах нередко называли деспотом. Даже английские и немецкие издания восхваляли роль царя в международных отношениях и его умение сохранить мир. Смерть императора Александра III вызвала самые бурные отклики во Франции, новой стратегической союзнице России. Французское правительство приказало задрапировать в траур церкви и правительственные здания. Палата представителей прервала свои заседания по случаю смерти царя. Всенародная скорбь по умершему самодержцу в Российской империи продемонстрировала Европе популярность и жизнеспособность русской монархии.

Император Александр III передал своему преемнику Россию, успокоенную внутри и грозную извне.

Позднее Европа отметилась печатанием серии грязных пасквилей, вышедших в 1895–1912 гг. в Лондоне и Берлине, с надписью на титульных листах: «Новые материалы из жизни российских коронованных особ, составленные на основании заграничных документов», т. е. была предпринята попытка придать

этим событиям политическую интригу. В брошюрках сообщалось: «По дошедшим из-за границы сведениям, Мария Федоровна отказывалась присягнуть Николаю II. Министры, придворные и все бывшие тогда в Ливадии совершенно растерялись от такой неожиданности. Дело принимало тревожный характер. Многие уже предвидели возможность не только перемены в порядке престолонаследия, но и целого дворцового переворота, на который особенно рассчитывал ждавший в столице известий из Ливадии великий князь Владимир Александрович.

Волнение и растерянность достигли крайнего предела, но никто не решался обратиться к императрице с требованием присяги. В конце концов, все придворные в отчаянии обратились к одесскому генерал-губернатору графу Мусину-Пушкину, известному своей смелостью. Последний, сопровождаемый придворными, пошел прямо на врага: войдя к императрице, он громко провозгласил императором Николая II. Ободренные придворные поддержали его, и императрице ничего не оставалось, как преклониться пред совершившимся фактом, тем более что ее партия с Воронцовым-Дашковым во главе оказалась совершенно бессильной…».

От начала до конца это была ложь, направленная на подрыв основ государственного строя в Российской империи. На самом деле почти все члены Императорской фамилии и представители многих королевских дворов Европы собрались в эти печальные дни в Ливадии, а позднее в Петербурге. Великий князь Георгий Александрович, средний сын Александра III, записал в день кончины отца в своем дневнике: «О Боже! Какой ужасный день пришлось пережить нам всем. Мы потеряли нашего дорогого возлюбленного Папа. Это просто ужасно, ужасно. Около 9 часов нас позвали наверх. Бедный Папа был страшно слаб, так как не спал всю ночь и сидел в кресле в спальне; он с трудом дышал, и ему все время давали вдыхать кислород. Скоро собралось все семейство, а также тетя Мари, только что приехавшая. Пришел Янышев, причастил Папа Св. Тайн и читал молитвы. Затем отец Иоанн также пришел молиться, после чего Папа стало как будто немного легче. Мы все время оставались в комнате и выходили только немного покушать. В третьем часу бедному Папа стало хуже, и около 3 часов он тихо и спокойно скончался; казалось, что он уснул. Эта была чудная смерть, но Боже, как это было всем нам тяжело. Трогательно было видеть, как все люди плакали, прощаясь с Папа. Бедную Мама с трудом удалось увести из комнаты, но все-таки она была удивительно спокойна. Бедному Ники должно быть всего тяжелее. В BS 5 ч. пошли к присяге, которая произошла на площадке у церкви. Потом пошли к Мама, с которой сделался обморок у постели Папа… Затем была панихида; все ревели навзрыд. Кто мог ожидать, что Россию постигнет такое горе. Вчера еще

утром бедному Папа было лучше… Да, этого дня я никогда не забуду! Прощай, дорогой Папа, навеки! Я до последней минуты не терял надежды: мне просто казалось невозможным, чтобы Бог взял его от нас, но, видно, Он нашел, что Папа сделал довольно добра, и за его праведную жизнь взял его к Себе. Видит ли бедный Папа, как все его любили и оплакивают?»[103]**103**
ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 293–293 об.

.

Великая княгиня Ксения Александровна, старшая дочь Александра III, записала печальные строки в дневнике:

«*20 окт[ября]. Четверг. – Ливадия.*

Господь взял нашего ангела, дорогого, незабвенного чудного Папа! Господи, как тяжело, невыносимо тяжело! Не верится. В BS 9-го [часа] Мама послала за мной; Папа сидел в кресле. Он ночью совсем не спал, и силы его совсем покинули! Он говорил со всеми нами; был такой дивный! Около 11 ч. он захотел приобщиться. В это время все семейство пришло; т. Мари приехала также. – Позже пришел отец Иоанн, который помазал все тело Папа елеем, и потом молился с нами! Было тяжело, но так трогательно. – Папа почувствовал облегчение после его посещения. Затем он попросил о. Иоанна отдохнуть и придти позже. (Он ему все время говорил: “Вы святой человек, вы праведный, Господь вас любит и принимает все ваши молитвы и что русский народ вас боготворит” и т. д.). Мы по очереди выходили в другую комнату, чтобы поесть, хотя было не до пищи, остальное время просидели около Папа. Терли ему руки, делали массаж ног. Когда отец Иоанн вернулся, Папа был уже гораздо слабее, но еще говорил, и потом становился все слабее и слабее и конец был такой чудный! Так тихо, спокойно и незаметно он отошел от нас!!

Господи! помоги дорогой Мама, Ники и нам всем перенести этот ужасный удар, и покорно нести крест свой!

Затем пустили всех людей к Папа! Мама все стояла на коленях и держала его кругом шеи. Нам с трудом удалось уговорить ее уйти в другую комнату, чтобы можно было положить Папа на постель и все прибрать. Когда все было кончено, Мама и я вышли к нему. Какое дивное, ангельское выражение было на его лице и чудная улыбка. С Мама вдруг сделался обморок. Она стояла на коленях и вдруг упала и ее страшно рвало. Братья подняли ее и положили на кушетку в уборной. Мы все оставались у нее все время, страшно перепугались. Наконец, она пришла в себя и скоро заснула и проспала до Bj 10-го [часа]. В BS 10-го

была панихида! Мы все оставались с Мама в уборной. Что за грусть ужаснейшая! – Потом уговорили Мама немного поесть, в 11Bs [ч.] разошлись»[104]**104**
ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 130 об., 131–131 об.

.

Пятнадцатилетний младший сын Михаил также сделал в своем дневнике, но более лаконичную запись:

«*20 октября / 1 ноября. Четверг. – Ливадия.*

Погода пасмурная и свежая.

Сегодня в 2Bj ч. бедный, дорогой Папа скончался. С самого утра он чувствовал большую слабость. Папа совсем спокойно скончался. Мы все с самого утра были с ним в комнате. В 8 ч. мы обедали в нижней комнате. В 9BS ч. была панихида.

21 октября / 2 ноября. Пятница. – Ливадия.

В 10 ч. мы пошли в церковь, где была служба по случаю восшествия Ники на престол, и миропомазание Alix. После службы Мама, Ксения, Беби и я завтракали в гостиной комнате, а другие в нижней. В 2 ч. была панихида. Потом Old Man, Беби, Siocha и я пошли гулять, были у моря. Погода холодная и ветреная. Были громадные волны. Волны около ванны бросались через дорогу»[105]**105**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 6. Л. 148–148 об.

.

Драматизм событий передают следующие строки письма великой княгини Елизаветы Федоровны к королеве Виктории от 24 октября 1894 года: «Моя дорогая Бабушка, самое сердечное спасибо за Ваши ласковые строки. Я не могла писать до этого времени. Мы были в таком волнении. То было хуже, то лучше, и, наконец, это ужасное горе…

Как Вы знаете, это был день моего рождения. Он провел такую тяжелую ночь и был ужасно слабым. Мы пришли рано. Минни (императрица Мария Федоровна) позвала нас туда. Только подумайте, он позвал меня, чтобы поздравить меня и

Сергея, и потом поцеловал нас всех одного за другим. Он говорил ясно и сознавал все. Но мы заметили уже знак смерти в его глазах. Его дети и Минни стояли на коленях вокруг него, и Аликс, конечно, тоже, которая была, как маленький ангел утешения в продолжение всего того времени, а также и теперь.

Потом мы оставались в соседней комнате. Дверь была широко открыта, и можно было видеть заднюю часть его головы. Он сидел в кресле. Лежать в постели было для него мукой с его ослабевающим сердцем и водой, от которой он так опух. Да, он помолился за меня.

Был вызван священник, его личный духовник, и мы все встали на колени. Он попросил причастить его Святых Тайн, после чего он отдыхал, а затем попросил другого священника, которого вся страна очень почитает. Тогда двери закрыли, но дети сказали мне, что когда этот священник положил свою руку на его голову, он сказал: “Я чувствую себя так хорошо” – и все это время хотел, чтобы тот священник был рядом. Потом этот батюшка помазал его святым елеем. Тогда Саша отпустил его отдохнуть и попросил прийти опять, что тот священник и сделал. Они разговаривали друг с другом и с другими… Внезапно доктора сказали нам, что пульс становится сильнее, но через несколько минут его пульс стал ослабевать. Двери открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его последний тихий вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали, какое спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя! Пусть Господь благословит его. Никогда Он не имел более верного, более благородного слуги. Бедная дорогая Минни здорова и так полна христианского смирения. Она, Ники и я причастились Святых Тайн на следующий день вместе с Аликс после ее обращения в православие, которое было таким прекрасным и трогательным. Она прочитала все превосходно и была очень спокойной… В четверг все едем в Севастополь морем, потом в Москву… и в понедельник – в Петербург. Похороны, я думаю, будут через несколько дней, так как весь народ захочет увидеть его еще раз. Аликс, конечно, находится вместе со своими будущими свекровью и мужем. В Петербурге Эрни и она будут жить с нами в нашем доме и вскоре после этого состоится свадьба. Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мама. Это не только их желание, но желание всей семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным Таинством брака. Это будет скоро, вероятно, 14/26 числа. Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский пост и потом можно только в новом году. Минни, вероятно, уедет сразу после этого, чтобы быть с Георгием (*великий князь Георгий*

Александрович болел туберкулезом. – В.Х.), и не останется в своем старом доме, где жизнь без него может убить ее. Я так беспокоюсь, чтобы она не заболела. Она такая тоненькая, как маленький ребенок. Она ухаживала за ним днем и ночью все эти месяцы без отдыха, переживая в своем сердце…

Нежно целую. Я должна кончать, но скоро напишу еще…

Господь да благословит Вас.

Всегда Ваша послушная и любящая…

Элла»[106]**106**
См.: Миллер Л. Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна. М., 2002. С. 97–99.

.

Цесаревич Николай Александрович, т. е. новый император Николай II, с горечью и печалью 20 октября 1894 года записал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание его было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины 3 он причастился Св. Тайн; вскоре начались легкие судороги… и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни! Бедная дорогая Мама!.. Вечером в 9BS была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. У дорогой Аликс опять заболели ноги! Вечером исповедался»[107]**107**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 43.

.

«Кто-то выразился тогда: “Прозевали Государя!” – вспоминал осенью 1894 года граф С.Д. Шереметев, – и спохватились, когда было уже поздно, когда болезнь, начавшаяся после Борков, стала выражаться резче и зловеще. Не будь этой болезни, колесо истории повернулось бы иначе, оно избавило бы нас от осложнений “дальневосточных” и приступило бы к работе внутренней очистки. И эта работа была бы свободная, не вынужденная, не навязываемая, а сознательная, спокойная и обстоятельная, сообразуемая с важностью

внутреннего обновления на началах русских, исторических, законосовещательных, творческих. “Удерживающего” не стало»[108]**108**
Шереметев С.Д. Император Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 612.

.

Царствование императора Александра III для России было периодом успокоения и стабильности. Его скоропостижная кончина вселяла во многие души тревогу за будущность Российской империи и каждого ее верноподданного. Это чувство общего смятения достаточно точно передают следующие строки великого князя Александра Михайловича: «Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но, тем не менее, смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помоги мне, Сандро!

Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал меньше, чем он! Я мог дать ему совет в области дел военного флота, но в остальном…

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание…»[109]**109**
Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 140–141.

.

Это была сиюминутная слабость, вырвавшаяся из-под контроля Николая II, доверенная близкому родственнику и другу детства, искренне разделявшему вместе с ним общую невосполнимую утрату и скорбь. Вскоре молодой император, повинуясь чувству долга, взял себя в руки и никто не мог догадаться по его лицу, что творилось в его душе.

Уже через полтора часа после смерти Александра III в маленькой ливадийской церкви новому императору Николаю II стали присягать лица императорской свиты и другие должностные чины. Многим из присутствовавших здесь монарших родственников эта официальная церемония напоминала известную и знаменитую фразу французских герольдов: «Король умер! Да здравствует король!».

На 1894 год Императорская фамилия Дома Романовых насчитывала 53 человека, краткие сведения о которых размещались в «Придворном календаре» за каждый год.

Многие из Августейших особ в Российской империи и во всем мире с тревогой всматривались в облик молодого императора Николая II, стараясь понять, что скрывается за внешностью симпатичного на вид юноши в полковничьих погонах, какие перемены наступят в жизни огромной державы, как смена Государя-самодержца скажется на жизни каждого из его подданных. Нередко со сменой монарха в России наступала другая эпоха.

Первые минуты после смерти Царя-Миротворца Александра III отразил в своих рукописных воспоминаниях очевидец событий В.Ф. Джунковский: «Наконец отворилась дверь, вышел гр[аф] Воронцов, вскоре вернулся с бумагой. Минуты через две Воронцов опять вышел. – Цесаревич подписал манифест о вступлении на престол. /…/ Бедный Цесаревич не мог даже выплакаться у тела отца. Он сделался Монархом, от него все ждали распоряжений. Когда я выходил, вошел Цесаревич, т. е. новый Государь, бледный, ни кровинки на лице, видно было, как ему трудно было брать [бремя власти] на себя, чтобы казаться спокойным.

В 4BS часа была присяга новому царю. Присягали в церкви в Ливадии, сначала все великие князья на верность Императорскому Дому, затем мы, простые смертные. Певчие впервые пропели “Спаси Господи” новому Государю, раздались салюты, и штандарт в знак траура спущен был до половины…

На другой день состоялось миропомазание невесты Государя и присоединение ее к Православию.

Присутствовали только члены царской семьи. В 11Bj ч. все были приглашены к молебну по случаю восшествия на престол Николая II. Все были в парадной форме, без траура; дамы в белых платьях. Состоялся выход в церковь. Вся царская семья была налицо, даже вдовствующая императрица. Государь в последний раз одел парадную зимнюю свитскую форму. После молебствия диакон возгласил многолетие императору Николаю II, раздался салют, все Высочайшие особы прикладывались к Кресту, после чего подходили к [вдовствующей] императрице Марии Федоровне, принцессе Алисе и Государю. У многих на глазах были слезы, молебен был грустный»[110]**110**
ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 43. Л. 88–89.

.

В день смерти Александра III, т. е. 20 октября 1894 года, было обнародовано о восшествии на Российский престол цесаревича, великого князя Николая Александровича. Государь император Николай II, выражая беспредельную скорбь о невозвратимой утрате, вместе с тем возвестил, что отныне он, проникшись заветами усопшего родителя своего, приемлет «священный обет пред лицом Всевышнего всегда иметь единою целью мирное преуспеяние, могущество и славу дорогой России и устроение счастья всех Наших верноподданных»[111]**111**
Международный год памяти Государя императора Николая II. М., 1993. С. 9.

.

На следующий день принцесса Алиса Гессенская приняла православие[112]**112**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.

, о чем молодой Государь записал в дневнике: «И в глубокой печали Господь дает нам тихую и светлую радость: в 10 час[ов] в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы! После завтрака была отслужена панихида, в 9 ч. вечера – другая…»[113]**113**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 233; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 43.

.

Принцесса Алиса по православному обряду была наречена Александрой, в честь Святой мученицы царицы Александры, и получила традиционное отчество Федоровна, так как икона Феодоровской Божией Матери покровительствовала Императорскому Дому Романовых.

Великая княгиня Ксения Александровна записала в дневнике:

«*21 окт[ября]. Пятница. – Ливадия.*

Встали в Вј 9-го [часа]. – Ужаснейший кошмар! – Как только оделись, пошли к Мама. Она спала недурно, слава Богу. – В 10 ч. отправились в церковь. Сначала было миропомазание Alix. Она замечательно хорошо читала и выговор отличный. После этого обедня. Мама, Ники, Alix и Ella приобщались Св. Тайн. – Бедный Папа все говорил, что он так желал бы приобщиться с ними в день миропомазания! После этого молебен. (До этого Янышев прочел манифест!) Ох! Как было грустно и тяжело, а в особенности для дорогой Мама! – Вернувшись, завтракали. Миша, Беби и я у Мама. – Потом сидели у Папа в кабинете. – В 2 ч. панихида. К несчастью, тело начинает портиться, и даже запах начался! Днем посидели немного, были у моря. Громадный прибой, хватал до дороги и иногда через стенку. Ветер адский. Холод. 6\'. – Чай пили вернувшись. Потом сидела с Мама в уборной. Отвечали на телеграммы. Писала внизу. Обедали в 8 ч. с Мама у нее в кабинете. В 9 ч. панихида. – Сейчас же после принесли его тело вниз в б[ольшую] комнату. Запах стал еще хуже. – Пили чай. Легли в 12 ч.»[114]**114** ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 7. Л. 131 об.–132.

.

В тот же день, т. е. 21 октября 1894 г., второй сын покойного императора Александра III – великий князь Георгий Александрович был объявлен цесаревичем и наследником престола.

Великий князь Георгий Александрович записал в дневнике:

«*21 октября. Пятница. – Ливадия.*

Стало еще холоднее: было всего 5\' и дул настоящий шторм. Встал около 9 часов и выпивши кофе пошел к Мама; затем приложиться к Папа; у него бедного такой спокойный и чудный взгляд остался. В 10 часов пошли в церковь, где произошло миропомазание Аликс и присоединении ее к православию; она великолепно читала по-русски. Потом была обедня, во время которой Мама, Ники, Аликс и Элла приобщались. Затем читался манифест и был молебен.

Вернувшись домой завтракали. В 2 часа была панихида; просто не верится, что Папа нет в живых. В 3 [ч.] Ксения, Сандро, Минни (*греческая принцесса Мария. – В.Х.*) и я пошли к морю; прибой был огромный и доходил до самой дороги. Вернувшись, пили у Мама чай, после чего я разбирал прошения и читал. Обедали у Мама в кабинете. В 9 часов была опять панихида, а затем сидели с Мама до BS 12 [часа]»[115]**115**

ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 11. Л. 294.

.

Великий князь Константин Константинович вернулся в Россию уже после кончины императора Александра III. Он очень сожалел, что не успел застать его в живых. В свой дневник он, кроме поденной записи, сделал вклейку вырезки из столичной газеты «Правительственный Вестник» с печальными сообщениями:

«*Ливадия, 21-го октября.*

Кончина Государя Императора Александра Александровича была праведная, как праведна была жизнь Его, исполненная веры, любви и смирения. Несколько дней Он уже чувствовал приближение смерти и готовился к ней, как верующий христианин, не оставляя забот о делах правления. Два раза, 9-го и 17-го октября, Государь приобщался Св. Тайн. Не спав всю ночь, рано утром, 20-го числа, в Бозе почивший Император сказал уже Императрице: “Чувствую конец, будь покойна, Я совершенно покоен”, и, собрав всю Семью около Себя, пригласил духовника и приобщился с великим умилением, произнеся вслух ясным для всех голосом молитву пред причащением, сидя в креслах. Государь все время не терял ни на минуту сознания. После обедни Он послал за о. Иоанном Сергиевым и вместе с ним молился; потом, чрез полчаса, призвал его снова, и о. Иоанн, вновь напутствовал Его молитвою и помазанием Св. елея, приобщил Св. Тайн и оставался при Нем до самой кончины. В два часа пополудни усилился у Государя пульс, и взор Его как бы оживился, но уже чрез четверть часа, закрыв глаза и, откинув голову, Он предал дух Всевышнему Богу, завещав народу Своему благословение мира и завет доброй жизни.

Придворные известия.

От Двора Его Императорского Величества объявляется: госпожам, камер-фрейлинам, гофмейстеринам, фрейлинам, господам придворным кавалерам и всем, ко Двору приезд имеющим.

По случаю кончины блаженные и вечные славы достойные памяти Государя Императора Александра Александровича съезжаться, 22-го сего октября, в 12 BS часов дня, к панихиде в Исаакиевский собор, всем знатным обоего пола особам, а также гвардии, армии и флота генералам, штаб– и обер-офицерам.

Кавалерам быть в обыкновенной форме и лентах и всем в глубоком трауре.

От Двора Его Императорского Величества объявляется.

В Большой церкви Зимнего Дворца будут совершаться панихиды по в Бозе почившем Императоре Александре III, 22-го сего октября, в 9 часов вечера, а с 23-го октября ежедневно поутру в 12 часов и вечером в 9 часов.

Кавалерам следует быть в обыкновенной форме и лентах и всем в глубоком трауре»[116]**116**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 41. Л. 139.

.

Все эти дни шли панихиды, и только 7 ноября 1894 года состоялось погребение императора Александра III в Петропавловской крепости.

В заключение стоит отметить, что Николай Александрович, еще будучи цесаревичем, дослужился до чина гвардейского полковника. Когда он стал императором Николаем II, т. е. верховным главнокомандующим вооруженными силами Российской империи, то он остался в прежнем чине до самой смерти.

В частности, бывший царский военный министр В.А. Сухомлинов (1848–1926) в своих эмигрантских воспоминаниях отмечал этот факт: «При вступлении на престол Николая Александровича, старшего из Михайловичей, великого князя Николая Михайловича, не было в Петербурге. Когда он вернулся в столицу и являлся Его Величеству, то Государь, в силу прежних дружеских отношений, встретил его ласково, приветливо и “дернула меня нелегкая”, как он сам рассказывал мне затем, спросить Государя: “А когда же ты сделаешь себя генералом?”

Государь сразу же изменился и недовольным тоном ответил ему: “Русскому царю чины не нужны. В Бозе почивший отец мой дал мне чин, который я и сохраню на Престоле”»[117]**117**
Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 397.

.

Ходынская катастрофа 1896 года в Москве

Во многом в популярных исторических книгах были искажены события Ходынской катастрофы во время коронации (в мае 1896 года) в Москве императора Николая II. Особенно в этом преуспели в советские времена, доказывая, что прежде существовавший «самодержавный строй» был испокон веков антинароден и, кроме дикой эксплуатации крестьянства и пролетариата, для блага России ничего не нес. Всячески искажался истинный образ царской четы, чтобы посеять ненависть, вытравить из памяти и сознания народа положительные моменты достойной жизни в Российской империи, которая ненамного отличалась в то время от других цивилизованных стран мира, а по ряду позиций их превосходила. К сочинению непристойных пасквилей на царскую семью и к мистификации исторической действительности был привлечен даже известный и талантливый писатель Алексей Толстой (например, «Заговор императрицы» и подложный «Дневник Анны Вырубовой»). Позднее в этом преуспели и многие другие, включая популярного в советском обществе писателя Валентина Пикуля, «исторические» романы которого порой не имели ничего общего с реальными событиями. Однако они экранизировались (например, фильм «Агония»), выходили в широкий прокат в кинотеатрах и деформировали не только реальные события истории Российской империи, но и психологию рядовых граждан по отношению к прошлому нашей страны.

Существует устоявшийся миф (с подачи воспоминаний отправленного в отставку графа С.Ю. Витте), что якобы царская чета во время Ходынской катастрофы веселилась и до упада танцевала на устроенном торжественном приеме во французском посольстве. Обратимся к архивным документам и личным бумагам Императорской фамилии, чтобы представить реальную картину тех трагичных событий.

В самом деле какой-то злой рок, казалось, отметил судьбу Николая II скорбной печатью. Шла молва, что в день крестин Августейшего новорожденного, в то время, когда шествие направлялось из храма под торжественный перезвон колоколов, орден Св. Андрея Первозванного, жалуемый при рождении каждому великому князю, вдруг неожиданно сорвался с подушечки, которую нес церемониймейстер, и с шумом упал на пол. «Недоброе, худое предзнаменование», – роптали между собой суеверные люди. В действительности, как утверждают исторические документы, такого

происшествия не было. Однако эта мысль невольно возникала вновь, когда впоследствии царствование Николая II, начавшись страшной Ходынской катастрофой в дни коронования императора в Москве, было отмечено печатью многих трагических вех истории российской: памятное всем Кровавое воскресенье 9 января в Петербурге, неудачная Русско-японская война, революционные события 1905–1907 гг., жестокая бойня Первой мировой войны, всепожирающее пламя революции 1917 года и начавшейся гражданской междоусобицы. Предчувствие рока постепенно проникло в сознание императора, и он знал, что «Господь ведет его по пути Иова», надо только претерпеть, а там дальше… Божья воля.

Иногда, в некоторых ситуациях, император Николай II не упускал случая, чтобы напомнить своим собеседникам о том, что день его рождения приходится на день чествования Св. Иова Многострадального, его небесного покровителя.

Несправедливые критики императора Николая II часто обвиняют его во всех земных грехах, всячески подчеркивая его моральное «ничтожество». Обычно в этом ряду в первую очередь отмечается Ходынская катастрофа в дни коронации императора.

Венчание на царство – важное событие в жизни монарха, в особенности, когда он проникнут глубокою верою в свое призвание, какой был проникнут Государь Николай II.

Задолго до назначенного дня в Москву, древнюю столицу России, стали собираться знатные гости. Коронация состоялась 14 мая 1896 года в Успенском соборе Кремля. После литургии, которую Государь выслушал стоя, сняв с себя венец, он принял миропомазание. В этот миг колокольный звон и салют в 101 выстрел возвестили народу, что Св. Таинство совершилось. Митрополит Палладий ввел Государя в алтарь через царские врата, и там он приобщался к Святым Тайнам «по царскому чину». Торжественность и пышность церемоний коронации Николая II удивили многие иностранные делегации со всего мира. Эти торжества, проводимые в Москве, впервые были сняты в то время на кинопленку, и фрагменты этой документальной хроники мы часто можем наблюдать на экранах наших телевизоров и поражаться безмерному ликованию простого народа.

Интерес к действительной и неискаженной истории Российского государства со времен горбачевской перестройки в нашем обществе значительно усилился и, особенно в последние годы. Многие ранее запретные темы стали доступны, все

более открываются спецхраны архивов и библиотек, переводятся на русский язык многие эмигрантские воспоминания и научные исторические работы иностранных авторов. Это позволяет, в какой-то мере, раскрыть так называемые белые пятна истории. Однако многие темы остаются еще недостаточно изученными, а представления заграничных авторов о нашей истории порой весьма схематичны и шаблонны (иногда просто враждебны), особенно повествование о таких узловых моментах, где не хватает доступных подлинных исторических документов. Поэтому каждый вдумчивый читатель на своем пути бесконечного процесса постижения истины должен помнить об этих субъективных моментах и пытаться сопоставлять прочитанные популярные исторические работы, в силу своих конкретных возможностей, с документальными материалами.

Однако вернемся к нашим событиям, посмотрим, как они описаны в некоторых исторических книгах. Попытаемся уточнить и восполнить недостающие фрагменты, а также совместно определить: где мифы, а где реальность.

Последующие празднества коронации (18 мая) омрачены были катастрофой на Ходынском поле. На этом обширном пространстве, служившем для парадов и учения войск, собралась толпа свыше полумиллиона человек, с вечера ждавшая назначенной на утро раздачи подарков – кружек с гербом и вензелями царской четы, а также гостинцев. Ночь прошла спокойно, но толпа все прибывала и прибывала. Около 6 часов утра (по словам очевидца) «толпа вскочила вдруг, как один человек, и бросилась вперед с такой стремительностью, как если бы за нею гнался огонь… Задние ряды напирали на передние, кто падал, того топтали, потеряв способность ощущать, что ходят по живым еще телам, как по камням. Катастрофа продолжалась всего 10–15 минут. Когда толпа опомнилась, было уже поздно»[118]**118**

Пушкарский Н.Ю. Всероссийский император Николай II (1894–1917). Жизнь. Царствование. Трагическая смерть. Саратов, 1995. С. 17–18.

.

Во многих исторических работах (даже последних лет) эти печальные события были отражены в общих чертах: «По роковому стечению обстоятельств, последующие дни коронационного празднества были неожиданно омрачены известной катастрофой на Ходынском поле. Здесь на обширном пространстве собралась толпа свыше полумиллиона человек, ожидавшая обещанной раздачи коронационных подарков и гостинцев. Вследствие неожиданного количества собравшихся людей, полиция не сумела справиться с толпой, и в момент начала

раздачи подарков произошла невероятная давка»[119]**119**
Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 27.

. Через короткое время порядок был восстановлен, но было уже поздно. Погибших на месте и умерших в ближайшие дни, оказалось, по официальным данным, 1282 человека, раненых – несколько сот[120]**120**
Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981. С. 56–59.

. (По другим данным – 1389 человек скончавшихся).

Даже в те времена далекой от нас эпохи можно было видеть разную оценку этой трагедии. Некоторые из общественных деятелей позднее говорили, что при коронации Людовика XVI во Франции или на торжествах королевы Виктории I в Англии в 1887 году погибло гораздо больше народа, чем на Ходынке, но эти события не подымали «на щит» и они никак не отразились на популярности «венценосцев». Нашим современникам можно вспомнить также многочисленные жертвы во время похорон «отца народов» И.В. Сталина в марте 1953 г., количество их до сих пор составляет государственную тайну. Таких примеров мировая история человечества знает немало. Однако это не может быть оправданием того, что случилось.

Программа народных торжественных празднеств в Москве предусматривала традиционную для самобытной Руси бесплатную раздачу царских гостинцев. Для этих целей, как и во время коронации императора Александра III, определили за Тверской заставой восточную часть обширного Ходынского поля, т. е. традиционное место народных гуляний и проведения парадов войск. На пространстве в один квадратный километр выстроили 150 буфетов и 10 павильонов для раздачи подарков и угощения. Проходы к ним ограждали заборы и рвы. Так было и в 1883 году (при коронации Александра III), тогда раздаточных палаток соорудили меньше, всего 100, и пришедших, в количестве около 200 тысяч человек, удалось обслужить без всяких происшествий. Коронационная комиссия, сформированная министром Императорского Двора графом И.И. Воронцовым-Дашковым, решила в 1896 году воспроизвести в точности то, что происходило тринадцатью годами ранее. Празднование для народа власти определили на 18 мая, которое должно было начаться раздачей праздничного хлеба, колбасы, сластей, пива, эмалированной кружки с символикой и полотенца, в которое все это было упаковано. В специальном павильоне, воздвигнутом на краю поля, к полудню должны были собраться

высокие гости – министры, двор, иностранные гости; ожидался приезд царя и царицы. При появлении Государя на балконе этого павильона, обращенного к полю, должен был играть большой оркестр, а затем уже поднятый на мачте флаг возвестил бы о начале раздачи подарков.

«Народный праздник» планировалось по регламенту начать 18 мая, официально в полдень (с прибытием императора), но уже накануне, вечером 17-го, из прилегающих к Москве районов на Ходынку собралось не менее полумиллиона человек, а некоторые утверждали, что их было около 700 тыс. Все прибывали крестьяне из более отдаленных мест. Среди толпы было много женщин и детей. Все жаждали получить бесплатные гостинцы, которые, как «глаголила тысячеустая народная молва», представлялись необычайно щедрыми. Многие верили слухам и надеялись, что будут раздавать и деньги.

Вначале толпа вела себя довольно спокойно: кто-то грелся около костра на окраине, кто-то спал вповалку на земле, кто-то поддерживал себя водкой, некоторые пели и плясали. Порядок, однако, не нарушался: перейти запретную черту, отделявшую собравшихся от палаток, из которых планировалась выдача подарков, никто не смел. Но вскоре после полуночи (около 3 часов) тревожная атмосфера начала постепенно накаляться. Народ все прибывал, становилось все теснее и теснее, стали спасть своих детей, поднимая их над головами. Прошел ропот, что распорядители, как на Руси испокон веков водится, начали уже выдавать подарки «своим», и на всех не хватит. Огромная толпа необычайно заволновалась, загудела как встревоженный улей.

С рассветом началось то, что некоторые очевидцы потом назовут «светопреставлением». Все произошло внезапно и случайно: около шести часов утра кто-то, стоявший наверху ближайшей трибуны, махнул шапкой. Толпа приняла это за разрешающий сигнал и рванулась за линию к будкам. Народная стихия проявилась во всем своем ужасе. Полицию и казаков, в количестве примерно двухсот человек, смели в одно мгновение. Задние ряды напирали на передние, многие из которых падали, проваливались в ямы, а живые продолжали напирать под давлением народных масс и двигались по телам, не обращая внимания на крики, вопли и стоны, спасая себя.

Палатки трещали, а раздатчики в страхе выбрасывали в толпу узелки с подарками, чтобы избавиться от опасности быть раздавленными, что лишь усиливало неразбериху и сумятицу. К 7 часам удалось в какой-то мере справиться с давкой. Прибыли полицейские подкрепления и солдаты, толпа отступила и рассеялась, оставив после себя тела убитых и изувеченных. Как в итоге следствия судебно-медицинские эксперты установили, что в течение дня

на Ходынском поле одни потерпевшие погибли от асфиксии, другие – от солнечного удара, а раздавлены были уже потом, будучи мертвыми. Беспечность московских властей, во главе которых был генерал-губернатор, дядя царя – великий князь Сергей Александрович, в итоге стоила жизни 1389 человекам (количество погибших, вероятно, превышало официально названное число). Эвакуация множества трупов, по свидетельству некоторых очевидцев, продолжалась до четырех часов второй половины дня.

Уже к 8 часам утра 18 мая к генерал-губернатору, великому князю Сергею Александровичу поступило сообщение о происшедшем. Первоначально полагали, что погибло около ста человек. Но вскоре стало вырисовываться ужасающее положение дел. Беспрерывно надрывался телефон с все новыми уточнениями. Вытребовали «для умиротворения» и оцепления два батальона из сводного полка великого князя Константина Константиновича. В половине десятого утра о несчастье доложили императору Николаю II, но скрыв истинное положение дел. Он был потрясен.

Император сам лично расспросил московского полицмейстера, но тот находился в шоке и ничего внятного сказать не мог. Дядя царя великий князь Сергей Александрович и министр Императорского двора граф И.И. Воронцов-Дашков более или менее вразумительно все объяснили. Но реальное положение (до конца еще не выясненное) лишь умножила печаль. Император отдал распоряжение провести тщательное расследование причин трагедии.

«В полдень царь и царица поехали на Ходынское поле. По дороге встретили подводы, на которых под рогожами просматривались тела погибших. Николай II остановил карету, вышел, поговорил с возчиками. Те ничего толком не знали, сказали лишь, что перевозят в Екатерининскую больницу убиенных»[121]**121** Боханов А.Н. Император Николай II. М., 2001. С. 168.

.

Первое официальное правительственное сообщение о трагическом происшествии было весьма кратким: «Сегодня, 18-го мая, задолго до начала народного праздника, толпа в несколько сот тысяч двинулась так стремительно к месту раздачи угощений на Ходынском поле, что стихийною силою своею смяла множество людей. Вскоре порядок был восстановлен, но, к крайнему прискорбию, последствием первого натиска толпы было немало жертв: до 10 часов пополудни погибших на Ходынском поле и скончавшихся от полученных увечий тысяча сто тридцать восемь (1138) человек. Его Императорское

Величество, глубоко опечаленный совершившимся, повелел оказать пособие пострадавшим – выдать по тысяче рублей на каждую осиротевшую семью и расходы на похороны принять на Его счет»[122]**122**
ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 652. Л. 55.

.

Как можно убедиться, император Николай II незамедлительно отозвался на случившуюся народную беду, но кардинально изменить уже ничего не мог.

На самом Ходынском поле к приезду Государя и Государыни почти ничто не напоминало о происшедшем. Торжественно развевались государственные флаги, радостная толпа кричала «ура» и многие подбрасывали вверх головные уборы, когда наконец увидели царя и царицу на балконе павильона. Оркестр непрестанно исполнял «Боже, Царя храни» и «Славься».

Вечером же по утвержденной заранее программе Николай II и Александра Федоровна присутствовали на бале, устроенном французским послом графом Густавом Монтебелло (1838–1907). По соображениям высокой политики категорически отказаться от официального раута царская чета не имела возможности.

Этот бал имел важную политическую подоплеку: демонстрацию союза между Россией и Францией. Молодой император Николай II уже знал, что в день его коронации Париж был украшен русскими флагами, там прошли дружеские демонстрации. Занятия во французских школах и лицеях в тот день отменили, солдаты получили увольнения, а чиновники раньше времени были отпущены по домам. Президент Феликс Фор и члены правительства присутствовали на торжественном богослужении в русском соборе Святого Александра Невского на рю Дарю в Париже[123]**123**
Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 60.

.

Такого открытого выражения дружеских симпатий к Российской империи не наблюдалось в то время ни в одной другой стране мира. И вот теперь, что же, император должен отказаться от посещения приема и этим нанести обиду французским союзникам? Государь сначала хотел отменить визит, но его сановники уверили, что за границей этого не поймут, начнутся разные кривотолки по всему миру, которыми могут воспользоваться враги России. По

соображениям международного престижа молодая царская чета решила сделать визит вежливости. Николай II с супругой Александрой Федоровной поехали к французскому послу Монтебелло, но оставались там недолго. Большой же бал у австрийского посла, который Берлин и Вена готовили в противовес французскому торжеству, намеченный программой на следующий день, был вообще отменен…

Однако то, что после трагической катастрофы все празднества не отменили совсем, потрясло многих. Считается, что такому повороту событий воспрепятствовал московский губернатор, великий князь Сергей Александрович, хотя сам Николай II хотел остановить торжества. Имеется свидетельство в воспоминаниях заметного чиновника Министерства Императорского Двора В.С. Кривенко (1854–1931), который в личной беседе предложил царскому духовнику отцу И.Л. Янышеву (1826–1910) настоять на отмене праздников. Протопресвитер не стал этого делать, сославшись на невозможность беспокоить Государя подобными заявлениями. «Я убежден, – писал много лет спустя в своих воспоминаниях В.С. Кривенко, – что именно вмешательство духовника подействовало бы и спасло бы Николая II от многого, что потянулось цепью за таким вызывающим пренебрежением к народному горю»[124]**124**
Кривенко В.С. В Министерстве Императорского Двора. Воспоминания. СПб., 2006. С. 55.

.

В воспоминаниях графа С.Ю. Витте, в частности, приводится и другое мнение. Он пересказал высказывание китайского посланника Ли Хунчжана, который в беседе с великим князем искренно удивлялся, зачем вообще о происшествии на Ходынском поле доложили молодому императору: «Ну, у вас государственные деятели неопытные; вот когда я был генерал-губернатором, то у меня была чума и поумирали десятки тысяч людей, и я всегда писал богдыхану, что у нас все благополучно, никаких болезней нет, что все население находится в самом нормальном состоянии… Ну, скажите, пожалуйста, для чего я буду огорчать богдыхана сообщением, что у меня умирают люди? Если бы я был сановником вашего Государя, я, конечно, все от него скрыл бы. Для чего его бедного огорчать? Подумаешь, тысяча погибших…»[125]**125**
Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 60.

. С.Ю. Витте по этому поводу в своих воспоминаниях скептически, с сарказмом, резюмировал: «Слава Богу, хоть от Китая мы все-таки ушли немножко вперед».

Многие газеты вскоре подробно описывали трагическое происшествие. Бесчисленные репортеры, в первую очередь либерального крыла, озадачились традиционным для России вопросом: кто виноват? Дело доходило порой до травли некоторых ответственных представителей властей предержащих. Вскоре эту волну подхватили радикалы и всех мастей нелегалы, особенно находившиеся в далекой эмиграции, получив такой веский аргумент в своей пропаганде и неожиданную помощь в борьбе против самодержавия. Им было всегда ясно: кто виноват. По традиционной формуле оппозиции: «Чем хуже, тем лучше!» они спешили дать ответ на вопрос: «Что делать?»

Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович хотел устраниться от всех неприятностей, т. к. по большому счету не чувствовал за собою прямой вины и записал в своем дневнике19 мая такую фразу: «Вчерашнюю катастрофу раздувают сильно возможно и враги, и друзья»[126]**126**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 32. Л. 74.

.

Члены Императорской фамилии по-разному отнеслись к этому несчастью. Великий князь Александр Михайлович (1866–1933), находясь после Октябрьской революции в эмиграции, писал о Ходынской катастрофе по памяти и часто сгущая краски для красного словца: «Согласно программе празднеств, раздача подарков народу должна была иметь место в 11 час. утра на третий день коронационных торжеств. В течение ночи все увеличивавшиеся толпы московского люда собрались в узких улицах, которые прилегали к Ходынке. Их сдерживал только очень незначительный наряд полиции. Когда взошло солнце, не менее пятисот тысяч человек занимали сравнительно небольшое пространство и, проталкиваясь вперед, напирали на сотню растерявшихся казаков. В толпе вдруг возникло предположение, что правительство не рассчитывало на такой наплыв желающих получить подарки, а потому большинство вернется домой с пустыми руками.

Бледный рассвет осветил пирамиды жестяных кубков с императорскими орлами, которые были воздвигнуты на специально построенных деревянных подмостках.

В одну секунду казаки были смяты и толпа бросилась вперед.

– Ради Бога, осторожнее, – кричал командовавший офицер, – там ямы…

Его жест был принят за приглашение. Вряд ли кто из присутствовавших знал, что Ходынское поле было местом учения саперного батальона. Те, кто были впереди, поняли свою роковую ошибку, но нужен был, по крайней мере, целый корпус, чтобы остановить этот безумный поток людей. Все они попадали в ямы, друг на друга, женщины прижимали к груди детей, мужчины отбивались и ругались.

Пять тысяч человек было убито, еще больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встретили возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое "ура" звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдерживать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создавшегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближавшуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

– Помни, Ники, – закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, – кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоем царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях… Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея [Александровича] заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы, четверо, покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета»[127]**127**

Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 142–143.

.

Издатель газеты «Новое Время» оппозиционно настроенный А.С. Суворин (1834–1912) записал в своем дневнике с большой печалью об этом трагичном для России событии: «*18 мая 1896 г.* Сегодня при раздаче кружек и угощения задавлено, говорят, до 2000 человек. Трупы возили целый день, и народ сопровождал их. Место ухабистое, с ямами. Полиция явилась только в 9 ч., а народ стал собираться в 2. Бер (*председатель особого установления по устройству коронационных народных зрелищ и празднеств, свитский генерал. – Н.Е.*) публиковал несколько раз о кружках, и в Москву в эту ночь по одной Московско-Курской дороге пришло более 25 000 человек. Что это была за толпа и за ужас! Раздававшие бросали вверх гостинцы, и публика ловила. Что за день, Боже мой! Одна баба говорит: "До 2000 надавили. Я видела мальчика лет 15, в красной рубашке. Лежит, сердечный". Сзади мужик под 30: "Я бы мать высек, что она пускает таких детей. До 20 лет не надо пускать. Ишь, зарились на пустяк какой. Кружку эту через две недели можно купить за 15 коп.". – "Кто же знал, что беда такая будет?" Было много детей. Их поднимали, и они спасались по головам и плечам. "Никого порядочного не видел. Все рабочие да подрядчики лежат", – говорит молодой человек о задавленных. Справедливо говорят, что ничего не следовало раздавать народу. Теперь не старое время, когда толпа в 100 000 была в диковинку. Нынешняя толпа полумиллионная, и это должны были предвидеть. В 20 минут 4-го Государь и Государыня проехали обратно по Тверской, сопровождаемые криками. Сколько я мог заметить, враждебности в толпе не было заметно. Воронцов, министр двора, сам в 9 ч. дал знать Государю, что задавлено 200 человек, по слухам, и сам поехал на место, чтобы проверить. Говорили, что царь под влиянием этого несчастья не явится на народное гулянье. Но он был там. Я только что уезжал с Ходынки, около двух часов, когда он ехал к Петровскому дворцу. /…/

Что за сволочь это полицейское начальство и это чиновничество, которые ищут только отличиться. Где проезжает высшее общество, там приготовляют все места за два часа, за три часа, расставляют городовых непрерывной цепью, казаков и т. д., а о народе никто не думает. /…/

Сегодня как раз обед старшин в Петровском дворце. Гибель тысячей едва ли прибавит им аппетита. Несколько трупов привезли в часть, расположенную на Тверской площади, против дома генерал-губернатора. В Москве, по крайней мере, все просто делается: передавят, побьют и спокойно развозят при дневном свете, по частям. Сколько слез прольется в Москве и в деревнях. 2000 человек – ведь это битва редкая столько жертв уносит. В прошлое царствование ничего подобного не было. Дни коронации стояли серенькие, и царствование было серенькое, спокойное. Дни этой коронации ясные, светлые, жаркие. И царствование будет жаркое, наверное. Кто сгорит в нем и что сгорит? /…/

Камергеру Дурасову я сегодня напел резких речей, когда он сказал, что напрасно доложили Государю о погибших. Их – 1138. Завтра на Ваганьковском кладбище будет устроен морг и там будут разложены трупы для определения фамилий и проч.»[128]**128**
Суворин А.С. Дневник. М., 1992; Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 80–81, 83.

.

Теперь обратимся к другим историческим источникам. В частности, по поводу Ходынской катастрофы император Николай II записал 18 мая 1896 г. в своем дневнике:

«До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех. Толпа, ночевавшая на Ходынском поле, в ожидании начала раздачи обеда и кружки, наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1300 человек!! Я об этом узнал в 10BS ч. перед докладом Ванновского; отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12BS завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствование при этом печальном “народном празднике”. Собственно там ничего не было; смотрели из павильона на громадную толпу, окружавшую эстраду, на которой музыка все время играла гимн и “Славься”.

Переехали к Петровскому, где у ворот приняли несколько депутаций и затем вошли во двор. Здесь был накрыт обед под четырьмя палатками для всех волостных старшин. Пришлось сказать им речь, а потом и собравшимся предводителям двор[янства]. Обойдя столы, уехали в Кремль. Обедали у Мама в 8 ч. Поехали на бал к Montebello (*Монтебелло Луи-Густав, французский посол в России. – В.Х.*). Было очень красиво устроено, но жара стояла невыносимая. После ужина уехали в 2 ч.»[129]**129**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 236; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 145–146.

.

Московский генерал-губернатор, великий князь Сергей Александрович записал в этот день в дневнике: «*18 мая.* Утром ко мне [граф] Воронцов с известием, что на Ходынке народ прорвался на праздник и много подавленных – я послал туда Гадона узнать; сам должен был ехать к Ники – тут же Власовский – подтвердил

тоже, но порядок водворен быстро. Ники сам его расспрашивал. В 2 ч. цари были в павильоне – энтузиазм громадный. Засим обед волостных старшин – речь Ники чудная и то же дворянству. Я в отчаянии от всего случившегося – около тысячи убитых и 400 раненых! Увы! Все падает на об[ер]-полицм[ейстера], когда распоряжалась там исключительно Корон[ационная] комиссия с Бером! Около BS 11 ч. на бал франц[узского] посла Montebello великолепно устроено – цари ужинали. Жара 19’ в тени»[130]**130**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 32. Л. 73.

.

В этот же день великий князь Константин Константинович сделал также подробную запись в своем дневнике:

«Сегодня утром я с дядей Карлом-Александром и его свитой (из русских при нем и его внуке состоял генерал-адъют[ант] князь Барклай де Толли Веймар[ский] и нашего полка флиг[ель]-адъют[ант] Кира Нарышкин) был на месте закладки памятника Александру II. Водил нас П.В. Жуковский.

Дома услыхал от людей, что будто ранним утром, когда на Ходынском поле, где в 2 часа должен был начаться народный праздник, раздавали народу от имени Государя кружки и посуду (кружек было заготовлено BS миллиона), произошла страшная давка, и оказалось до 300 человек, задавленных до смерти. Тяжело было ехать к 2-м часам на народный праздник, зная, что уже до начала было столько несчастий. Перед самым нашим выездом мне дали знать по телефону, что 2 батальона моего сводного полка потребовано по дороге на Ходынское поле. По пути мы видели множество войск гвардейской кавалерии и пехоты; они становились шпалерами по Тверской. Сам я не видел, но мне говорили некоторые, между прочим Митя (*брат К.Р., великий князь Дмитрий Константинович. – В.Х.*), что по дороге попадались навстречу пожарные с большими фургонами, переполненными трупами несчастных пострадавших.

На поле перед павильоном, выстроенным для Государя против Петровского дворца, собралось семьсот тысяч народу, т. е. более чем Наполеон привел с собою в Москву. Тут говорили, что погибших уже не 300, а около 1500. Когда Их Величества показались на балконе павильона, грянуло оглушительное “ура”. Это была торжественная, дух захватывающая минута. Огромный хор пел “Боже, Царя храни” и “Славься” при колокольном звоне и громе пушек. /…/

Вечером Их Величества и все мы были на балу у французского посла (угол Воздвиженки и Шереметьевского переулка, д[ом] графа А.Д. Шереметева).

Французское правительство отпустило великолепную мебель и гобелены на украшение дома. Весь вечер проходил с кн[ягиней] С.Н. Голицыной и ужинал рядом с ней. Слышал от Витте, что из Государственного казначейства отпускается 300 000 рублей в помощь семьям, пострадавшим на народном празднике»[131]**131**

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 230–232.

.

Младший родной брат царя, великий князь Михаил Александрович (1878–1918) записал в этот день в дневнике:

«*18 мая. Суббота. – Москва, Кремль.*

Погода чудная. Утром в 9 ч. Андрей (*великий князь Андрей Владимирович. – В.Х.*), Jiocha и я поехали в Нескучное. Там сели верхом и поехали к деревне, где видели домик, где в двенадцатом году гр. Кутузов имел военное совещание. Оттуда вернулись в Нескучное и оттуда в коляске как приехали [вернулись] в Кремль. После завтрака мы поехали на Ходынское поле, где был народный праздник. Когда Ники и Аликс приехали, то вся эта толпа в 700 000, которая стояла перед павильоном, стала кричать ура. После этого депутации, которые представлялись Ники три дня тому назад, завтракали в Петровском на дворе. Вернувшись в Кремль, мы вскоре пили чай. В 8 ч. был обед. Сегодня бал у французского посла. Все поехали. Я не поехал (слава Богу).

Сегодня случилось ужасное несчастие: народ собирался на Ходынское поле уже с вечера, и утром было около 700 000 народа и раздавленных было [1300 человек]»[132]**132**

ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 9. Л. 66.

.

Старшая сестра царя, великая княгиня Ксения Александровна (1875–1960) отмечала в дневнике о печальных событиях:

«*18 мая. Суббота. – Москва.*

Кошмаричный день! Вчера уже с вечера целая масса народа валила со всех сторон на Ходынку – для сегодняшнего народного праздника – и сегодня рано утром вся эта толпа хлынула к месту раздачи угощения. От этой ужаснейшей давки и сильного натиска было раздавлено до смерти масса людей – в том числе, конечно, и дети! Говорят, что число убитых к вечеру уже доросло до 1400, но Ники донесли что 360, а раненых около 1000. Канавы и колодцы, конечно, способствовали гибели несчастных! Около 8 ч. утра удалось водворить некоторый порядок, и тут только увидели, что случилось! Говорят, что все поле было усеяно трупами убитых и до самого вечера находили тела. Что за кошмар ужасный! Конечно, только об этом и думали и говорили весь день. – Сидела немного у Мама утром. В это время мы еще ничего не знали, а перед завтраком д. Сергей и полицмейстер донесли об этом Ники. – Георгий [Михайлович] зашел к нам. Завтракали у Мама, как всегда /…/.

В BS 3 ч. поехали в Петровское на праздник! Хорош праздник! – Пыль жестокая. В павильоне масса народа – все Августейшие особы! Внизу только одна огромная толпа и оркестр, и хор. 4 раза играли гимн, а потом “Славься” без конца! На душе было грустно и тяжело. Похороны были там, увозили еще фуру с убитыми! Ужас! Ура все-таки было чудное! Оттуда мы поехали домой, а Ники и Аликс отправились в Петровский двор[ец], где на дворе был устроен обед для старшин. Ники сказал им чудную речь, а также дворянству.

Дома чай пили с Папа Мишель (*великий князь Михаил Николаевич. – В.Х.*), Георгием [Михайловичем], Настасией (*великая княгиня Анастасия Михайловна. – В.Х.*) и Сергеем [Михайловичем]! Позже пошли к Мама. Присутствовали при ванне толстенькой [цесаревны] О[льги] Н[иколаевны]. – Она очень мила.

Обедали у Мама в 7-ом [часу] после чего пошла одеваться. В Bj 11-го [часа] поехали на бал к Montebello (в доме Шереметевых). Конечно, мы были расстроены и совсем не в подобающем расположении духа! Ники и Аликс хотели уехать через полчаса, но милые дядюшки (Сергей и Владимир) умоляли их остаться, сказав, что это только сентиментальность (“поменьше сентиментальности”) и сделает скверное впечатление! Вздор!

Бедные Н[ики] и А[ликс] были совсем грустные, конечно. Была масса цветов, очень красиво.

Гобелены во всех комнатах, но жара адская! Со всех так и лил пот! 1-й c.d. с Румынским, Nando. 2-й с Георгием [Михайловичем]. Потом чай. Мазурку просидела с Georgie. Много болтали и совсем не танцевали. Ники сидел рядом. Мои соседи Tino и Ernie. Сейчас же после уехали и легли в BS 3 ч.»[133]**133** ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 9. Л. 19 об., 20–21 об.

.

Вспоминая состоявшийся вечером 18 мая 1896 г. бал во французском посольстве, Б.А. Энгельгардт (1877–1962) писал, что «глядя на лицо Государя, видно было, насколько он угнетен случившимся. Вечером на балу… всем бросился в глаза напряженный разговор Государя с великим князем Сергеем Александровичем, который, в качестве генерал-губернатора Москвы, являлся ответственным за все происшедшее». Бал был великолепен, «танцы сменялись танцами, между прочим, одна кадриль была составлена почти исключительно из членов различных царствующих домов в Европе. Роскошные букеты живых цветов приносили корзинами, кроме того дамам раздавали красивые веера – все казалось прекрасно, но какой-то незримый гнет, какая-то тревога чувствовалась в залах, мешавшая нарядной толпе беззаботно отдаваться веселью»[134]**134**
ОР ГБЛ. Ф. 218. П. 305. Ед. хр. 1; Ф. 1052. Д. 21, 23, 25, 62.

.

Начальник французского Генштаба генерал Р.Ш. Буадефр решил обратиться к русскому царю со словами сочувствия и напомнил, что несчастные случаи бывают везде – «”например, у нас во Франции во время коронации Людовика XVI…” Он не кончил… Он почувствовал полярный холод вокруг, и конец фразы застыл у него на языке», – так описал эту историю парижский журналист П. д’Альгейм[135]**135**
Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010. С. 125.

.

Конечно, можно было вспомнить еще, что в Англии, в 1887 году, когда отмечали «золотой юбилей» – 50-летие вступления на престол королевы Виктории I, тоже случилась давка, и сотни людей погибли.

Однако там, в отличие от России, никто так огульно не ругал всю власть и не требовал сменить всех высших должностных лиц, целя в опоры «самодержавного строя», а это кампания в печати начинала набирать обороты по всему миру. В этой критике преуспели и многие члены большого Императорского Дома Романовых.

В воспоминаниях (на тот момент вице-губернатор Курской области, а позднее заместитель министра внутренних дел) генерала П.Г. Курлова (1860–1923) упоминается: «В чем же заключается вина в Ходынской катастрофе только что вступившего на престол молодого Государя Императора, который в дни священного Своего Коронования всей душой стремился слиться со своим народом, восторженно Его всюду встречавшим?

Ведь устройством народных празднеств на Ходынке заведовали специально назначенные для этого должностные лица, а во главе Московской администрации стоял родной дядя Государя великий князь Сергей Александрович, впоследствии зверски убитый. Ни у одного из близких к Государю не нашлось гражданского мужества доложить Ему в первую минуту всю правду о грандиозности несчастья. В головах этих людей господствовала столь присущая придворной сфере мысль о невозможности нарушения церемониала и стремление скрыть от Государя правду. Всякий, кто хотя немного знал Государя Императора, всегдашнею мыслью которого, повторяю, была отеческая забота о своих подданных, ни на миг не усомнится, что, знай Он правду, на Ходынке не звучала бы днем музыка, а уже утром Царь и народ благоговейно внимали бы трогательным песнопениям православной панихиды»[136]**136**
Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 13–14.

.

Отзывы на произошедшее бедствие по всему миру были самые разные. В этой связи стоит отметить еще ряд эпизодов, которых на самом деле не было, но выдаются на сегодняшний день в некоторых произведениях историков и писателей за вполне реальные. На мой взгляд, это делается с единственной целью, негативно обличить, в частности, образ Николая II, а в целом всю Российскую империю. В упомянутой нами ранее книге известной английской писательницы Э. Тисдолл имеются такие строки о Ходынской катастрофе: «Когда порядок был восстановлен, в разных частях Ходынского поля лежало пять тысяч убитых и вдвое больше раненых.

Перепуганный обер-полицмейстер Москвы приказал очистить Ходынку до прибытия туда Императора. Затем ускакал с докладом к Великому Князю Сергею Александровичу.

Разбуженный полицейским чином, на которого возложил заботы о проведении празднества, Великий Князь вместе с ним отправился на Ходынское поле.

Увидев масштабы трагедии, он, как ни в чем не бывало, заявил, что обратится к Императору и спросит, желает ли тот, чтобы празднества продолжались.

По мнению Вассили, при встрече Великого Князя с Императором первый утаил от него масштабы несчастья. Несомненно, его спокойный вид оказал воздействие на Николая II. Однако Сергей Александрович спросил, следует ли отменить торжества. Из этого Император мог бы заключить, что жертвы многочисленны.

– Я не вижу причин, чтобы закрыть Ходынское поле из-за того, что там раздавили несколько человек, – заявил тот. – Когда собирается такая толпа, подобное неизбежно.

В комнате находилось несколько человек, слышавших слова Императора. Вскоре они стали известны всей России. Монархисты могли простить его за них по причине его неведения о том, что там произошло, но слова эти забыты не были.

Вскоре чиновникам, находившимся на Ходынском поле, стало ясно, что до прибытия туда Императора и Императрицы убрать все следы трагедии невозможно. Несколько сотен трупов были поспешно спрятаны под Императорским павильоном солдатами, и множество было положено обратно в канавы и закидано ветками и землей. Естественно, этого монархи не знали, заняв места под тентом павильона под жидкие аплодисменты гостей. Они также не знали, покидая Ходынку спустя несколько часов, что под ними была мертвецкая. Однако революционеры распустили слух по всей России, что якобы молодые Император и Императрица даже не поморщились, узнав, что сидят на трупах собственных подданных.

Вечером того же дня французский посол давал бал по случаю коронации. То было время, когда Франция старалась сблизиться с Россией. Ходили слухи, что это будет самый великолепный бал во время коронационных торжеств. Французский посол явился к Императору и предложил отменить бал ввиду известных обстоятельств.

Как и другие иностранцы, посол хорошо знал о разыгравшейся страшной трагедии. Иностранные гости чрезвычайно удивились тому, что Император и Императрица пришли на Ходынское поле, как на праздник. Еще большее изумление вызвало известие о том, что бал состоится.

Если даже Императору и не были известны все факты, то к этому времени он должен был быть более информированным, чем утром. Все остальные члены

Императорской фамилии, похоже, знали все детали. Зять Императора, Сандро (Великий Князь Александр Михайлович), который был его близким другом, заявил, что сам он и его братья были настолько возмущены решением провести бал, что решили его бойкотировать. С целью соблюсти приличия они представились французскому послу в начале бала. Обменявшись парой слов с хозяином и хозяйкой бала и не попрощавшись с Императором и Императрицей, “Михайловичи” покинули здание посольства. Их протест не остался незамеченным. Еще больше удручал тот факт, что Император и Императрица танцевали все танцы»[137]**137**
Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумфы и поражения. СПб., 2004. С. 255–257.

.

Комментарии излишни. Целый букет злонамеренных искажений. Познавайте историю Российской империи через преломление призмы английских взглядов и стереотипы западного сознания. Замечу, что короне Английского льва, раскинувшего на тот момент свои лапы почти на все континенты, испокон веков была свойственна защита прежде всего своих интересов, всеми правдами и неправдами. Испокон веков на территории Великобритании находили прибежище враги России, которые всеми способами воевали с ней, не стесняясь применять двойные стандарты и, когда было выгодно, из белого делать черное и наоборот. Россию заманивала Великобритания на свою сторону только, когда Империи незаходящего солнца грозила самой смертельная опасность, но как только беда проходила стороной, то с русскими не считались и вновь в них видели только конкурентов за мировое господство и диких изгоев. В очередной раз англичане способствовали похоронам Российской империи в период Русско-японской войны, а позднее в дни февральской смуты 1917 года, но к этому периоду мы еще вернемся.

На следующее утро 19 мая 1896 года Государь и Государыня были на панихиде по погибшим в Ходынской катастрофе и чуть позже посетили бараки и палаты Старо-Екатерининской больницы, а также палаты Мариинской больницы, где лежали раненые. Скончавшиеся были похоронены, по распоряжению императора Николая II, за его личный счет в отдельных гробах, а не в братской могиле, как это обычно делалось прежде. Было выдано по 1000 рублей на каждую семью погибших или пострадавших, для детей их был создан особый приют.

Вся Императорская фамилия выразила свое искреннее отношение и сочувствие к этим печальным событиям.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна в это время проявила большое внимание и сострадание к жертвам Ходынской катастрофы. Она также «побывала в больницах, и всем раненым, а увечья получили 1300 человек, по ее распоряжению было послано по бутылке мадеры»[138]**138**
Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000. С. 79–80.

.

Через некоторое время, в одном из писем к своему среднему сыну, великому князю Георгию Александровичу от 30 мая 1896 года, который лечился в это время (от туберкулеза) на юге, она с горечью писала, вернувшись из Москвы в Гатчину: «Ужасная катастрофа на народном празднике, с этими массовыми жертвами, опустила как бы черную вуаль на все это хорошее время. Это было такое несчастье во всех отношениях, превратившее в игру все человеческие страсти. Теперь только и говорят об этом в малосимпатичной манере, сожалея о несчастных погибших и раненых. Только критика, которая так легка после! Я была в отчаянии при виде в госпитале всех этих бедных раненых, наполовину раздавленных, и почти каждый из них потерял кого-нибудь из родных. Это было ужасно! Но в то же время они были так велики и возвышенны в своей простоте, что очень хотелось встать перед ними на колени. Они были так трогательны, не обвиняя никого, кроме самих себя. “Мы сами виноваты”, – говорили они и сожалели, что огорчили царя! Да, они были прекрасны, и можно более чем гордиться от сознания, что ты принадлежишь к такому великому и прекрасному народу! Остальным классам следовало бы брать с них пример, а не грызться между собой и особенно не возбуждать своим буйством, своей жестокостью умы до такого состояния, которое я еще никогда не видела за 30 лет моего пребывания в России. Это было страшно, а семья Михайловичей сеяла всюду раздор с непривычной резкостью и злобой, совершенно неприличными. /…/»[139]**139**
ГА РФ. Ф. 675. Оп. 1. Д. 47. Л. 48–55.

.

Вернемся еще раз к дневнику великой княгини Ксении Александровны за 19 мая, где она отмечала: «Вчерашнее несчастье сидит в голове, как ужаснейший

кошмар! Дяди Сергея поведение, по-моему, ниже всякой критики. Он во всем умыл руки, говорит, что это его совсем не касается и что во всем виноват Воронцов! Вчера он даже не потрудился поехать на место бедствия. Это просто из рук вон! Сидели у Мама утром, говорили все о том же.

Сидела между Николаем и Георгием [греческими] (*ошибка в публикации, правильно Николаем и Георгием Михайловичами. – В.Х.*), и все высказывали свое мнение Элле насчет всего случившегося! Она и сказала на это: “Dieu merci, que Serge n’a rien a faire dans tout cela!” [Слава Богу, что Сергея это не касается!].

Ники и Аликс приехали еще позже прямо из госпиталя. Они успели быть только в одном. Там было 169 раненых»[140]**140**
Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 158.

.

Великий князь Сергей Александрович в этот день записал в дневнике:

«*19 мая.* Вчерашнюю катастрофу раздувают елико (*т. е. сильно. – В.Х.*) возможно и враги и друзья. Ники спокоен и удивительно рассудителен. Обедня в Кремле и семейный завтрак у царей. В 2 ч. жена и я сопутствовали царям в Екатер[ининскую] больницу, где лежат 160 раненых – обходили, говорили. Больно и обидно, что все это бросает тень на это хорошее время!! В 7 ч. большой обед для сословных представителей. Душно – 19’, гроза и посвежело. Вечер entre nous. Устал и нравственно и физически, но бодрюсь. Ники и Alix пили чай и долго оставались»[141]**141**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 32. Л. 74.

.

Великий князь Константин Константинович сделал очередную печальную запись в дневнике:

«*19 мая вечером.*

Воскресенье.

Больно подумать, что светлые торжества коронования омрачились вчерашним ужасным несчастьем: более 1000 погибло утром перед народным праздником.

Еще больнее, что нет единодушия во взглядах на это несчастие: казалось бы, генерал-губернатор должен явиться главным ответчиком и, пораженный скорбью, не утаивать или замалчивать происшествие, а представить его во всем ужасе. Между тем это не совсем так. Вчера вечером Государь, узнав, что погибло 300 человек – истинное число пострадавших еще не было Ему известно, – вышел к обеду заплаканный и глубоко расстроенный. Я слышал это от очевидца – Сандро.

Государь не хотел было ехать на французский бал, но его убедили показаться там хотя бы на один час; и что же: на балу Владимир, Алексей и сам Сергей упросили Государя остаться ужинать, т. е. отъезд с бала показался бы "сентиментальностью". И Государь уехал с бала после ужина, в 2 ч. Казалось бы, следовало бы Сергею отменить бал у себя, назначенный на завтра, но этого не будет. Казалось бы, узнав о несчастии, он должен бы был сейчас же поехать на место происшествия, – этого не было. Я его люблю и мне больно за него, что я не могу не примкнуть к порицаниям Михайловичей. Я разделяю их мнение вопреки взглядам дядей Государя. Сегодня Их Величества посетили в больнице раненых. – За обедней во дворцовой церкви Рождества Пр. Богородицы по приказанию Государя на этении и литии поминали "верноподданных Царевых, нечаянно живот свой положивших". Царь отпускает по 1000 р. семьям пострадавших»[142]**142**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43.; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 232–233.

.

Издатель газеты «Новое Время» А.С. Суворин, бывший выходец из крестьян и когда-то сам работавший корреспондентом в редакции, с явным возмущением сделал запись в дневнике: «*19 мая 1896.* Сегодня был на Ходынском поле. Всюду настроили прекрасных павильонов, иллюминовали все, что было возможно, выписали моряков, чтобы приделать электрические лампочки на орле Спасской башни, наделали павильонов для депутаций на пути выезда царя – и даже не закрыли колодезей, не разровняли рва, около которого построены бараки, из которых выдавались царские подарки. Я был там сегодня и наслушался рассказов. Бараки построены друг около друга, выступая ко рву острым углом, и между ними проход для двух человек. /…/ От угла бараков до рва шириною в 70–80 шагов, 25–26 шагов. Ров песчаный весь изрыт глубокими ямами. Есть два колодца, заделанные полусгнившими досками. /…/ Из одного колодца глубиною, кажется, до 10 сажен, вырытого во время выставки 1882 г.,

вынуто 28 трупов. Сегодня утром вынуто 8; говорят, есть еще. Велено было через газеты собираться со стороны Тверской. “Если б нам сказали от Ваганьковского, мы оттуда бы пошли, нам все равно, там этих ям нет, и там во время раздачи было просторно”. Вся вина в том, что начали раздавать раньше 10-ти, как было объявлено, часа в 3–4. Многие спали и все знали час. Но когда распространился слух, что раздают, толпа бросилась, попадали в ямы, в колодцы, падали и мертвыми телами делали мост. Подъем изо рва к баракам крутой, точно крепость, и бараки, находились в 25 шагах ото рва, представляли собою именно крепость, которую надо было брать. Те, которые благополучно перешли через ров, столпились около бараков, представлявших для толпы воронку. /…/ Другие перелезли через ограду, которая на расстоянии сажен 50 отделяла одну часть бараков от другой. Образовалась толпа и с той стороны бараков. И в этих воронках легли целыми кучами мертвые. /…/ К 8 ч. многие ушли, а тела лежали. В 9-м ч. пришла полиция. Стали убирать мертвых. Побрызгают водой, не оживает, – тащат и кладут в три ряда, “как дрова в сажень”, – выразился один. Государь встретил один из возов на Тверской, вышел из экипажа, подошел, что-то сказал и, понурив голову, сел в коляску; императрица не выходила. /…/ Государю следовало бы поехать посмотреть эти ямы и брустверы. Он увидел бы, как его подданные брали штурмом крепость его подарков. Эти ущелья г. Бера должны остаться историческими. Беровские ущелья! Ничего не сообразили. Но Бер сообразил заказать кружки за границей и брал командировку за границу, чтобы посмотреть, как заготовляют кружки. Если сообразить, что кружек заказано 400 000, что каждая из них стоит 10 коп. И еще на 5 коп. гостинцев, с тощей брошюркой “Народный праздник”, то всего-навсего эти подарки составляют 60 000 рублей. Но стоимость комиссии гораздо больше обошлась./…/

Если когда-то можно было сказать: “Цезарь, мертвые приветствуют тебя”, это именно вчера, когда Государь явился на народное гулянье. На площади кричали ему “ура”, пели “Боже, Царя храни”, а в нескольких ста саженях лежали сотнями еще не убранные мертвецы».[143]**143**
Суворин А.С. Дневник. М., 1992; Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 84–85.

Перелистаем еще несколько страниц самого дневника императора Николая II:

«*19-го мая. Воскресенье.*

С утра началось настоящее пекло, продолжавшееся до вечера. В 11 час. пошли с семейством к обедне в церковь рождества Богородицы наверху. Завтракали все вместе. В 2 ч. Аликс и я поехали в Старо-Екатерининскую больницу, где обошли все бараки и палатки, в которых лежали несчастные пострадавшие вчера. /…/

20-го мая. Понедельник.

День стоял отличный, только было очень ветрено и поэтому пыльно. Поехали к обедне в Чудов монастырь; после молебна Кирилл [Владимирович] присягнул под знаменем Гвардейского Экипажа. Он назначен флигель-адъютантом. Был семейный завтрак в Николаевском дворце. В 3 часа поехал с Аликс в Мариинскую больницу, где осмотрели вторую по многочисленности группу раненых 18-го мая. Тут было 3–4 тяжелых случая. /…/»[144]**144**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 236; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 146.

.

Следует отметить, что каждый член Императорского Дома давал присягу Государю Императору при торжественном объявлении их совершеннолетия, что было записано в Своде Законов Российской империи: «Именем Бога Всемогущего, пред Святым Его Евангелием клянусь и обещаюсь Его Императорскому Величеству, моему Всемилостивейшему Государю, Родителю (или Деду, Брату, Дяде и т. д.) и Его Императорского Величества, Всероссийского Престола Наследнику, Его Императорскому Высочеству, Государю Цесаревичу и Великому Князю NN, верно и нелицемерно служить (или же, для лиц женского пола: пребывать верною и усердною подданною) и во всем повиноваться, не щадя и живота своего до последней капли крови, и все высокому Его Императорского Величества самодержавию, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, споспешествуя всему, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной относиться может, а по званию моему Члена Императорского Дома (или же: лица, принадлежащего к Императорскому Дому) обязуюсь и клянусь соблюдать все постановления о наследии Престола и порядке фамильного учреждения, в Основных Законах Империи изображенные, во всей их силе и неприкосновенности, как пред Богом и судом Его страшным ответ в том дать могу. Господь Бог мне в сем душевно и телесно да поможет. Аминь»[145]**145**
Свод Законов Российской Империи. Том 1. Часть 1. Свод Основных

Государственных Законов. С.-Петербург. 1906. Приложение IV.

.

Великий князь Кирилл Владимирович в воспоминаниях писал о своей присяге: «Сдав последний экзамен, я получил право на звание мичмана Императорского военно-морского флота, на год опередив своих однокашников. Но, прежде чем мне присвоили первое офицерское звание, я должен был соблюсти определенный строгий протокол.

При получении офицерских званий члены императорской семьи должны были давать две присяги императору: первая – клятва члена императорской семьи, вторая – обычная воинская.

Церемония принятия присяги состоялась в Чудовом монастыре Кремля в присутствии императора, его двора и представителей иностранных королевских родов. Я стоял под штандартом Гвардейского Флотского экипажа, который держал красивый старшина, а справа от меня стоял офицер флота»[146]**146**
Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. М., 2006. С. 51.

.

Следует отметить, что великий князь Кирилл Владимирович в воспоминаниях ни словом не обмолвился о Ходынской катастрофе, как и о нарушении присяги в смутные дни февральского бунта 1917 года.

Великий князь Константин Константинович за 20 мая зафиксировал в дневнике: «Я слышал мнение, что не следует отменять празднеств ради катастрофы на Ходынском поле, ввиду того, что Коронация слишком большое торжество и должно быть празднуемо. Это я слышал от Пешкова. Число погибших все растет, теперь говорят, что их более 2000»[147]**147**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43.; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 233.

.

Позднее младшая сестра царя великая княгиня Ольга Александровна (1882–1960) делилась воспоминаниями: «Москва погрузилась в траур. Катастрофа

вызвала много откликов. Враги царствующего дома использовали это для своей пропаганды. Осуждали полицию, больничную администрацию и городские власти. И все это вывело на свет много горьких семейных разногласий. Молодые великие князья, особенно Сандро, муж Ксении, возложили вину за трагедию на губернатора Москвы дядю Сергея. Я считала, что мои кузены к нему несправедливы.

Больше того, сам дядя Сергей был в таком отчаянии и предлагал тотчас же подать в отставку. Но Ники не принял ее. Пытаясь возложить всю вину на одного из членов семьи, мои кузены фактически обвиняли всю семью, и это в то время, когда солидарность в семье была особенно необходима. И когда Ники отказался отставить дядю Сергея, они обвинили его»[148]**148**
Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 157.

.

В воспоминаниях великая княгиня Ольга Александровна позднее продолжала рассказывать об этих трагических событиях: «Русские социалисты, укрывшиеся в это время в Швейцарии, обвинили императора в равнодушии к страданиям своих подданных, поскольку вечером Государь и императрица отправились на бал, который давал французский посол маркиз де Монтебелло.

– Я знаю наверняка, что никто из них не хотел идти к маркизу. Сделано это было лишь под мощным нажимом со стороны его советников. Дело в том, что французское правительство истратило огромные средства на прием и приложили много трудов. Из Версаля и Фонтенебло для украшения бала привезли бесценные гобелены и серебряную посуду. С юга Франции доставили сто тысяч роз. Министры Ники настаивали на том, чтобы императорская чета отправилась на прием с целью выразить свои дружественные чувства по отношению к Франции. Я знаю, что Ники и Аликс весь день посещали раненых в больницах. Так же поступили Мама, тетя Элла, жена дяди Сержа, а также несколько других дам. Многие ли знают или желают знать, что Ники потратил многие тысячи рублей на пособия семьям убитых и пострадавших в Ходынской катастрофе? Позднее я узнала от него, что сделать это тогда было очень непросто. Не желая обременять Государственное Казначейство, он оплатил все расходы по проведению коронационных торжеств из собственных средств. Сделал это так ненавязчиво, незаметно, что никто из нас – за исключением, разумеется, Аликс – не знал о его поступке»[149]**149**
Воррес Й. Последняя великая княгиня. СПб.-М., 2003. С. 245–246.

.

В рукописных воспоминаниях В.Ф. Джунковского приводятся некоторые детали произошедших событий: «Не могу не коснуться и другого вопроса, который мне особенно тяжел – это роль великого князя во всей этой печальной трагедии. Как я говорил выше, устройство народного гуляния было изъято из его ведома и передано всецело Министерству Двора. Великому князю, как хозяину столицы, конечно, это не могло быть приятным, он реагировал на это тем, что совершенно устранился от всякого вмешательства не только по отношению устройства самого гулянья, но даже и по отношению сохранения порядка, отказываясь от преподачи каких-либо указаний по этому поводу. Обер-полицмейстер, очевидно, видя такое отношение со стороны хозяина столицы, также без должного внимания отнесся к принятию мер безопасности на Ходынке во время гуляний…

Для выяснения обстоятельств и истинных причин события 18-го мая, стоившего жизни более 1000 лицам, возбуждено было предварительное следствие. В результате слетел Власовский – обер-полицмейстер. Великий князь просил отставки, но Государь ее не принял.

20-го хоронили погибших на Ваганьковском кладбище, перед этим на кладбище прибыл о. Иоанн Кронштадтский и утешал своим бодрым словом родственников почивших. Появление о. Иоанна произвело сильное впечатление на удрученных родных»[150]**150**
ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 43. Л. 227, 230.

.

Царская семья в эти дни посетила Троице-Сергиеву лавру недалеко от Москвы, о чем Государь сделал запись в своем дневнике:

«*22-го мая. Среда*.

Встали рано и к 9 ч. собрались все на Ярославском вокзале. Поехали в Троице-Сергиевскую Лавру, куда прибыли в 11 час. Митрополит встретил крестным ходом у ворот и повел нас в собор. Была обедня, потом молебен, по окончании которого Аликс и я возложили заказанный нами покров на раку преподобного Сергия. На балконе, как всегда, сели за митрополичью трапезу. Покуривши на стене, отправились в знаменитую ризницу и затем в экипажах – в скит. Тут

опять было угощение; из-за жары пили много меду. К 4 часам приехали на станцию и тронулись в Москву с образами, подношениями и массой изделий из кипариса. Духота была страшная в вагоне. Занимался с 6 ч. до 8 ч. Обедали у Мама и рано разошлись по своим квартирам»[151]**151**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 236; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 146–147.

.

Младший брат царя, великий князь Михаил Александрович в этот день записал в дневнике:

«*22 мая. Среда. – Москва, Кремль*.

Утром в 9Bs ч. Мама и я поехали на… (*отточие в дневнике. – В.Х.*) станцию. Поезд тронулся в 9 ч. Вот кто поехал кроме Ники и Аликс: д. Алексей, д. Владимир, д. Павел, д. Сергей, т. Ella, т. Михинь, Анастасия, греческие и т. Ольга, Костя и д. Фредди и Ксения и Сандро. В 10Bs ч. мы приехали в Троице-Сергиевский монастырь, где была обедня. Потом был завтрак с митрополитом, после чего мы все пошли в ризницу, где хранилось много старинных драгоценных вещей. После этого мы поехали в Вифаниевский скит, находится в лесу, где построена новая церковь рядом с деревянной, и в этом монастыре нам монахи дали много вещей их производства. Оттуда мы поехали на станцию, и поезд тронулся в Москву. (Кирилл, Борис и Андрей были с нами). В 6 ч. мы были в Кремле. В 8 ч. был обед, были: д. Алексей, д. Фредди, т. Мари, Ксения и Сандро. Потом Jiocha, Андрей и я поехали кататься, были в Петровском парке. Погода чудная все эти дни»[152]**152**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 9. Л. 68.

.

Это небольшое путешествие по святым местам Подмосковья нашло отражение в дневнике великого князя Константина Константиновича:

«*Среда. 22 мая.*

Вчера Оля выхлопотала мне позволение ехать с Их Величествами к Троице. Царский поезд отошел в 9 утра. Ехали Импер. Мария Федоровна, дяди Государя, Мари, Анастасия, Владимировичи и греки. Жаркий день. Отстояли обедню в Троицкой церкви. После молебна два монаха вынесли из алтаря

богатейшую пелену, заказанную Их Величествами для мощей Преп. Сергия. Митрополит обратился к Угоднику с молитвенным словом; он, между прочим, сказал: “да примут твоя нищета земная и слава твоя небесная сие приношение Государя и Государыни, склоняющих перед тобою венчанные головы свои”. Он говорил так трогательно, что у меня слезы выступили. Завтракали у Митрополита Сергия, осмотрели ризницу, были в скиту, а оттуда ходили в чудесный храм Черниговской Божией Матери. – Вернулись около 6. А в 7 [ч.] Оля с сыновьями уехала обратно в Грецию. У меня что-то нервы расходились; стоит мне только увидеть или услышать что-то трогательное, или почувствовать сожаление – слезы выступают»[153]**153**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43.; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 234.

.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна поддержала идею Государя о создании Комиссии по рассмотрению причин Ходынской катастрофы. Император Николай II отметил в дневнике за 25 мая: «Брожение в семействе по поводу следствия, над кот. назначен Пален»[154]**154**
Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 147.

.

По этому поводу имеется запись за тот же день в дневнике великого князя Константина Константиновича:

«Граф Пален (бывший министр юстиции) назначен председателем следственной комиссии для проявления причины катастрофы. Говорят, Сергей отстаивает здешнего полицмейстера Власовского, который не представлен к генеральскому чину, говорят, удалось убедить бедного Сергея, что теперь не время награждать Власовского, но будто Сергей настаивает, чтобы Власовский не был уволен от должности. – Слышал от графа Палена будто Сергей очень взволнован и хочет просить об увольнении, что было бы понятно немедленно после катастрофы, но не спустя неделю. Ничего не понимаю»[155]**155**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43.; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 236.

.

Граф Константин Иванович Пален (1830–1912) был человеком честным и прямым, а поэтому сразу после Ходынской катастрофы «имел неосторожность сказать во дворце, что вся беда заключается в том, что великим князьям поручаются ответственные должности, и что там, где великие князья занимают ответственную должность, всегда происходит или какая-нибудь беда, или крайний беспорядок. Вследствие этого против графа Палена пошли все великие князья»[156]**156**

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М., 1991. С. 155.

– вспоминал С.Ю. Витте. Разгорелся небольшой скандал.

На следующий день 26 мая 1896 г. в 11 часов вечера великий князь Константин Константинович сделал в дневнике еще одну обстоятельную запись по поводу Ходынской катастрофы: «…Коронационные празднества кончились. Но все светлое и радостное, все трогательное и умилительное, пережитое в эти три недели, омрачено и испорчено Ходынской катастрофой, и не столько катастрофой, – в ней сказалось воля Божия, – как отношением к ней ответственных лиц. Конечно, Сергей лично не виновен, но он сам причиной того, что на него сыплются обвинения. Съезди он на место происшествия, вместо того, чтобы встречать Государя на народном празднике; явись он на похороны погибших; заяви он Государю, что как Главное ответственное лицо не считает себя достойным оставаться генерал-губернатором; сам попроси он о назначении строжайшего следствия – и никто бы его не обвинил. Напротив, он завоевал бы общее сочувствие. Вместо всего этого, что же он делает? 18 числа, в день катастрофы, он условился с живущими у него в доме преображенскими офицерами сняться группой у себя во дворе. Узнав о несчастии, офицеры разошлись, думая, что теперь не до фотографа. Сергей посылает за ними, и они снимаются. – Государь расстроенный, весь в слезах, не хочет ехать на французский бал, Ему вечером известно о 300 жертвах, тогда как утром адъютант Сергея Гадон знал за достоверное, что погибших никак не менее 400. И что же? Сам же Сергей, которому следовало бы сокрушаться не менее Государя, вместе с братьями уговаривает Государя остаться на балу. Наконец, когда Государь желает назначить чрезвычайное следствие, Сергей вместо того, чтобы обрадоваться, через министра внутр[енних] дел доводит до сведения Государя, что подает просьбу об увольнении, если состоится рескрипт на имя Палена с назначением его председателем следственной комиссии. Словом,

Сергей всю эту неделю действовал не так, как, по крайнему моему разумению, следовало бы, а как раз наоборот.

За эти дни у меня душа изныла за Сергея; я искренно его люблю, мы дружны с детства, и вот мне со всех сторон приходится слышать порицания ему; и я не имею возможности сказать хотя бы слово в его защиту. Говорить с ним я не могу; мы бы только рассорились, а проку из этого не вышло бы. Сегодня блестящий парад на Ходынском поле под жгучими лучами солнца. После завтрака в Петровском дворце Сергей с негодованием сказал мне о предположении назначить особое следствие с Паленом во главе; по его словам, подобное следствие под председательством Муравьева было наряжено только раз, в 1866 г. после покушения на жизнь императора Александра II. Тогда оно было вызвано тяжелыми обстоятельствами государственной жизни. Сергей находит, что Ходынскую катастрофу, как она ни ужасна, нельзя приравнять к событию 4 апреля [18]66. Положим так; но следствие ничему не мешает, и весть о нем произвела на всех о том услышавших самое благоприятное впечатление. Но все братья Сергея возмутились; Владимир и Павел говорили Палену, что всех их хотят разогнать. Сергей мне сказал, что надеется на мою поддержку: я отвечал, что слишком мало знаком с этим делом и не могу еще составить о нем положительного мнения. – Я глубоко смущен и опечален»[157]**157**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 43.; К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998. С. 236–237.

.

Здесь необходимо пояснить. Расследование по делу Ходынской катастрофы первоначально было поручено министру юстиции Н.В. Муравьеву (1850–1908), фактически ставленнику великого князя Сергея Александровича. Описав в своем отчете все происшедшие события, он обходит вопрос о виновниках катастрофы; как считалось многими, выводы его были субъективны. В результате расследования было установлено, что число пострадавших в давке достигло 2690 человек. По официальным данным, погибло 1282 человека (по другим данным – 1389 человек). Не без влияния вдовствующей императрицы Марии Федоровны было назначено новое расследование, которое было поручено бывшему министру юстиции графу К.И. Палену – обер-церемониймейстеру на коронации. По делу расследования был сделан вывод о виновности московской полиции и московского генерал-губернатора. В конечном итоге, министр юстиции Н.В. Муравьев по материалам следствия через два месяца подготовил заключение, где называл фамилии ответственных:

московского полицмейстера, его помощников и начальника «Особого установления по устройству народных зрелищ». Указом от 15 июля 1896 г. за непредусмотрительность был уволен со службы заведовавший порядком в тот злосчастный день, исполняющий обязанности московского обер-полицмейстера полковник А.А. Власовский (1842–1898). Понесли различные наказания некоторые подчиненные ему чины. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович просил об отставке, но она не была принята императором.

Коронационные торжества закончились 26 мая. Они сопровождались, по традиции, изданием манифеста[158]**158**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 117. Л. 1.

со всевозможными льготами населению державы – понижением налогов и выкупных платежей, а также прощением недоимок на общую сумму до 100 миллионов рублей, смягчением наказаний осужденных и различными пожертвованиями (в том числе 300 тысяч рублей на студенческое общежитие).

В заключение следует сказать, что молодой император Николай II с первых шагов отличался от своих властных монарших предков, «посетив сей мир в его минуты роковые». Он был умным, мягким, выдержанным и порядочным от природы и воспитания. Многие из его современников отмечали, что даже те, кто не любил и осуждал Государя за его ошибки, попадали под обаяние его манер и приветливости. Известный граф С.Ю. Витте, откровенно недолюбливавший «самодержца», и тот в конце жизни в своих мемуарах признавал: «Когда император Николай II вступил на престол, то от него светлыми лучами исходил, если так можно выразиться, дух благожелательности; он сердечно и искренно желал России в целом, всем национальностям, составляющим Россию, всем его подданным счастья и мирного жития, ибо у императора, несомненно, сердце весьма хорошее, доброе, и если в последние годы проявлялись иные черты его характера, то это произошло оттого, что императору пришлось многое испытать; может быть, в некоторых из сих испытаний он сам несколько виноват, потому что доверился несоответственным людям, но, тем не менее, делал он это, думая, что поступает хорошо… Отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал более воспитанного, нежели император Николай II»[159]**159**
Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М., 1960. С. 15.

.

Предсказания монахов Авеля и Серафима Саровского

Много остается до сих пор загадочного вокруг предсказаний монахов Авеля и Серафима Саровского о судьбе последних «самодержцев» из династии Романовых, с которыми вроде бы была знакома императорская чета. Но есть ли тому и сохранились ли до наших времен достоверные документальные свидетельства, не является ли это устоявшееся утверждение, в какой-то степени нагнетаемая мистика, больше мифом, чем реальностью.

В свое время широкое распространение получил слух, что в Гатчинском дворце есть небольшая зала, в центре которой на пьедестале стоял ларец с затейливыми узорами. Он был заперт на ключ и опечатан. В ларце хранился пакет или конверт, положенный туда по повелению мужа вдовой Павла I императрицей Марией Федоровной (1759–1828). На нем надпись императора: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины»[160]**160**
См.: Православная Русь. 1991. № 13.

.

Все «самодержцы» знали о тайном ларце, но никто из них не дерзнул нарушить волю предка. Однако это особая история, к которой мы еще вернемся.

Бывают в реальной жизни мистические загадки, а может быть, совпадения очередной спирали развития исторического процесса, которых нам пока до конца не понять. Мы ходим, как заблудившиеся путники в лесу кругами, часто наблюдаем похожие события, которые уже встречались в прежние времена, но, несмотря на это, мы вновь и вновь наступаем на одни и те же «пресловутые грабли», чтобы очередной раз набить себе очередную шишку на лбу и начать все сначала.

К такой загадке относится упомянутый выше таинственный ларец, который якобы хранился в одном из помещений Гатчинского дворца, и по завещанию его можно было открыть только через 100 лет после смерти императора Павла I (1754–1801). Известно, что император Павел Петрович был убит заговорщиками 1 (12) марта 1801 г. в Михайловском дворце Санкт-Петербурга. В популярных исторических работах есть свидетельства, что с содержимым ларца Государь Николай II ознакомился 1/12 марта 1901 года. Когда самодержец поехал вместе с супругой Александрой Федоровной в Гатчинский дворец, где хранился ларец,

и он, и царица были в самом прекрасном расположении духа. Возвратились же они якобы, по свидетельству современников, крайне задумчивые и печальные. После этого Государь стал поминать о 1918 годе как «о роковом годе и для него лично, и для Династии». Впервые эти утверждения о Николае II пошли, на мой взгляд, от старинных изданий преимущественно церковного содержания, которые позднее много раз переиздавались в различных изложениях, в том числе частными авторами[161]**161**
См.: Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Т. 2. Сан-Франциско, 1969.

.

Однако в наше время, даже в исторических популярных книгах последних лет изданий, содержатся подобные утверждения. Процитируем одно из них: «В марте 1901 года, в столетнюю годовщину смерти Павла I, Император Николай II с Императрицей присутствовали на панихиде по убиенному Царю, а потом последовали в Гатчинский дворец, где хранился этот таинственный конверт, вскрыли его и прочитали зловещее предсказание будущего.

Как рассказывали очевидцы, Государь с Государыней ехали туда веселыми, а вышли из дворца очень удрученными.

Точное содержание этого предсказания нам неизвестно. Император Николай II стал смотреть на свою судьбу как предначертанную Богом. Он чувствовал, что какое-то страшное, неумолимое будущее ожидает его, его Семью и всю Россию. Неизлечимая болезнь Наследника подтверждала это»[162]**162**
Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012. С. 88.

.

Имеется на эту тему еще более красочное и пространное, хотя и весьма запутанное описание в другой, довольно популярной книге: «Утром 12 марта 1901 года Император Николай II и Императрица Александра Федоровна были очень оживлены. Им предстояла прогулка из Царского Села в Гатчину. В Гатчинском Большом дворце, излюбленной резиденции Павла Петровича, в бытность его Наследником, в одной из небольших зал на пьедестале стоял ларец. Он был закрыт на ключ и опечатан. На четырех столбиках был протянут толстый красный шнур из шелка. Императрица Мария Федоровна, вдова Императора Павла I, завещала открыть ларец через сто лет после смерти ее убиенного супруга Императору, который будет царствовать в это время.

Веселые и радостные отправились Государь и Государыня из своего Александровского дворца, но вернулись задумчивые и опечаленные. В присутствии министра Двора и лиц свиты после панихиды по Императору Павлу I Государь Император Николай II вскрыл пакет. На нем была надпись…/…/

И, вложив представленное писание Авелево в конверт, на оном собственноручно начертать соизволили:

“Вскрыть Потомку Нашему в столетний день моей кончины” (Россия перед Вторым Пришествием. С. 150–154).

В Большой Гатчинский дворец для исполнения воли своего в Бозе почивающего Державного предка Государь Император Николай II приехал после панихиды по Императору Павлу Петровичу. Петропавловский собор был полон молящихся. /…/»[163]**163**
Кузнецов В.В. Русская Голгофа. СПб., 2003. С. 436–437, 439.

.

Далее автор приводит сведения о монахе Авеле и уходит от царской четы в другие свидетельства и размышления. Из книги ясно одно, что все произошло после панихиды по императору Павлу I в день 100-летней его кончины. Однако, как известно, Российская империя жила по старому календарю. В книге допускается путаница в датировке события, но не будем тратить время и анализировать процитированные выше строки, а обратимся к архивным материалам.

В дневнике императора Николая II от 1 марта 1901 г., который он вел всю свою жизнь и помечал даты до последних дней по старому стилю, было записано в Петербурге:

«*1-го марта. Четверг.*

20 лет прошло с того ужасного события (*имеется в виду гибель императора Александра II. – В.Х.*). В 11 час. поехали в крепость на заупокойную обедню. Погода была солнечная и теплая. Завтракали с дядями у себя. Принимал опять до 3BS. Гулял. Вечером после обеда в Малахитовой состоялось годичное собрание Исторического общества, затянувшееся до 12 ч.»[164]**164**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 242; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 584.

.

Воспроизведем еще одну запись. В дневнике императора Николая II от 12 марта 1901 года имеются строки, написанные им уже в Царском Селе, где указывается:

«*12-го марта. Понедельник.*

Серый день, шел снег при ветре. Завтракали: д. Алексей [Александрович], Николаша (*вел. кн. Николай Николаевич. – В.Х.*) и Николай [Михайлович]. Поехали покататься в санях, но погода для катанья была неприятная. Вечером наслаждались игрою нашего оркестра»[165]**165**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 242; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 586.

.

Как можно судить по записям в дневнике Государя, ничего подобного об убиенном Павле I и завещании монаха Авеля, о чем некоторые из исследователей указывали, не упоминается. Нет таких сведений в дневнике императора Николая II и за другие мартовские дни 1901 года. Царская чета в этот период даже не посещала Гатчину. Не встречались мне подобные сведения и в других личных документах членов Императорской фамилии. Они, наверное, непременно бы обсуждали подобную новость, т. к. каждый шаг царской семьи был в центре внимания их окружения. Конечно, я не утверждаю, что знаком со всеми документами по истории Дома Романовых. Попробуем хоть немного разобраться, откуда пошла эта, на мой взгляд, мифическая история, связанная с последней царской четой.

Повторим, что, по некоторым утверждениям, в таинственном ларце хранился пакет или конверт с записью предсказания прозорливого преподобного Авеля Тайновидца, на котором император Павел I собственноручно начертать соизволил: «Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины».

Монах Авель (Василий Васильев), родился в 1757 году в семье крепостных крестьян. Монашество принял в Валаамском монастыре. Он прославился своей прозорливостью, так как с точностью предсказал крупные события не только своего, но и грядущих времен. За это был неоднократно «заточаем в темницу». Из 80 лет жизни, по причине своего дара предвидения, он просидел в тюрьме 21

год. В Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздали монах и скончался. В 1797 году (как отмечалось) Павел I Петрович беседовал с ним, желая узнать будущее своей династии. Далее воспроизведем фрагмент из этой беседы и предсказания, которые были опубликованы в наши дни в популярном журнале: «…Будет Николай Второй, святой Царь, Иову Многострадальному подобный. Он будет иметь разум Христов, долготерпение и чистоту голубиною. О нем свидетельствует Писание – псалмы девятнадцатый, двадцатый и девяностый открыли мне судьбу его. *Ныне познах, яко спасе Господь Христа Своего, в силах спасение десницы Его (Пс. 19, 7). Велия слава его спасением Твоим, славу и велелепие возложиши на Него (Пс. 20, 6). Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое. (Пс. 90, 15–16).*

На венец терновый сменит он корону царскую. Он искупитель будет, искупит собой народ свой, Бескровной жертве подобно. Война будет, первая великая война, мировая… По воздуху люди, как птицы летать будут, под водой, как рыбы плавать, серою зловонную друг друга истреблять начнут. Измена же будет расти и умножаться. Накануне победы рухнет трон Царский. И предан будет Царь, как некогда Сын Божий, на пропятие. Многие потомки твои убелят одежду кровью Агнца такожде. Мужик с топором возьмет в безумии власть, но сам опосля восплачется. Наступит воистину казнь египетская.

Горько зарыдал старец Авель и сквозь слезы тихо продолжал:

– Кровь и слезы напоят сырую землю. Кровавые реки потекут. Брат на брата восстанет. И паки: огнь, меч, нашествие иноплеменников и враг внутренний, власть жидовская. И там гибель, и тут, и бежать некуда. Дым пожаров и пепелища, все живое расседается. Мертвые пустыни кругом, ни единой души человеческой, ни твари животной. Ни дерева, ни трава не растет даже… И будет жид скорпионом бичевать землю русскую, грабить святыни ея, закрывать Церкви Божии, казнить лучших людей русских. Сие есть попущение Божие, гнев Господень за отречении России от своего Богопомазанника! А то ли еще будет! Ангел Господень изливает новые чаши бедствий, чтобы люди в разум пришли. Две войны, одна горше другой будут. Новый Батый на западе поднимет руку. Народ огня и пламени. Но от лица не истребится, яко довлеет ему молитва умученного Царя.

– Уже ли сие есть кончина Державы Российской и несть, и не будет спасения? – спросил Государь Павел Петрович.

– Невозможное человекам возможно Богу, – ответствовал Авель, – Бог медлит с помощью, но сказано, что подаст ее вскоре и воздвигнет рог спасения

русского»[166]**166**
Веди. 1999. № 7–8 (25). С. 15–16.

.

Пророчества монаха Авеля (по изданию Сергия Нилуса) были также включены в сборник, вышедший к канонизации новых мучеников и исповедников российских, где в разделе «Пророчества и предзнаменования о судьбе Церкви, России и Дома Романовых» рассказывается о встрече императора Павла I с монахом Авелем и их беседе. Этот раздел содержит примечание: «Сведения о монахе Авеле, собранные С.А. Нилусом, подтвердились в издании материалов хранящегося в «одном из центральных архивов Москвы» следственного дела 1796-го года. Крестьянин Василий Васильев (так звали в миру монаха Авеля) родился в марте 1757-го года в деревне Окулове Тульской губернии, а умер в суздольском Спасо-Евфимиевом монастыре 29-го ноября 1841-го года *(«Литературная Россия», 11. 9. 1992, стр. 14). [Примечание С. и Т. Фоминых, «Россия перед вторым пришествием, издание третье, том 1, с. 311.].*»[167]**167**
Святой Царь Николай II-й и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. /Сост. Владимир Губанов. М.: «Ставрос», 2004. С. 31.

В этом же разделе книги помещен текст «Пророчество монаха Авеля о царе Николае II-ом», с указанием точной ссылки на источник (Из книги «Житие преподобного Авеля прорицателя», издание Свято-Троицкого Ново-Голутвинского монастыря, 1995 г., сс. 42–45).

В данном сборнике имеется интересный справочный раздел:

«История Церкви и Царства:

1868–1918 годы:

Самая полная и краткая хронология; знаменательные события в годы земной жизни царя Николая II-го: церковные, государственные, военные, экономические, научные, технические. (Некоторые имена и даты установлены историками не твердо. Даты приведены по старому стилю). /…/

1901 год: /…/

Марта 1 – столетие кончины (убиения) царя Павла I-го. В сей день цари Николай и Александра молились на панихиде по убиенному Павлу и потом прибыли в Гатчинский дворец, здесь они вскрыли и прочитали таинственное послание, в котором было предсказано бедственное будущее царя и России. Точное содержание предсказания нам неизвестно, но, приехавшие, Государь с Государынею возвратились из дворца удрученными»[168]**168**
Там же. С. 684, 821.

.

Подведем неутешительный итог. Данная история о знакомстве царской четы с завещанием монаха Авеля в марте 1901 года, во всяком случае для меня, остается по-прежнему «тайной за семью печатями», так как в личных архивных фондах царской семьи такие сведения обнаружить не удалось.

Большинство из рядовых читателей о преподобном Серафиме Саровском знает также относительно немного, обычно общие сведения в виде краткой биографической справки:

Серафим Саровский (в миру Мошин (Мошнин) Прохор Сидорович) (1759–1833) – монах Саровской пустыни, русский святой старец-затворник. В 1903 г. канонизирован. Серафим Саровский стал последним святым, канонизированным в России до 1917 года. Родился в Курске, в семье небогатого купца. В возрасте девятнадцати лет поступил в число послушников Саровской пустыни. Прошел все ступени монастырского служения. Через восемь лет был пострижен в монахи и принял имя Серафима. В 1793 году рукоположен был в иеромонахи. Часть жизни провел в собственной келье, расположенной в лесу в пяти верстах от Сарова. Время проходило в посте и молитвах, причем три года, по примеру древних подвижников, пребывал в полном молчании. В это время он приручил обитавшего поблизости медведя, с которым делился своей пищей. Когда здоровье Серафима ухудшилось, он переселился в монастырь. В январе 1833 года Серафим Саровский тихо скончался во время молитвы, что придало его имени дополнительный оттенок святости. Наиболее почитаемый святой царской семьей, с которым они связывали рождение наследника цесаревича Алексея Николаевича.

Следует заметить, что в семье Романовых знали о предсказании святого Серафима Саровского, записанном, по слухам, каким-то генералом и хранящимся в Департаменте полиции, гласившем о сыне Александра III

приблизительно следующее: «Начало двадцатого века: кровопролитная война. Глад, мор, трясение земли. Сын восстанет на отца и брат на брата. Царствование долгое (чуть не шестьдесят лет), первая половина его тяжкая, вторая светлая и покойная».

История с завещанием Серафима Саровского теперь более доступна для читателей благодаря опубликованному каталогу документальной выставки, проведенной в Выставочном зале федеральных архивов 17 сентября – 28 ноября 2010 года в Москве (к 90-летию Государственного архива Российской Федерации).

В связи с тем, что тираж этого каталога оказался мизерным, то подробно изложим содержание отдельных буклетов этой документальной выставки:

«**Пророчество преподобного Серафима Саровского в бумагах тайной полиции.**

Запись знаменитых пророчеств преподобного старца сохранилась в документах политического сыска.

Среди бумаг III Отделения есть дело "По всеподданнейшей просьбе титулярного советника Николая Александровича Мотовилова". Симбирский совестной судья помещик Н.А. Мотовилов посещал Серафима Саровского, который еще при жизни снискал известность праведностью, затворничеством и многочисленными строгими обетами молчания. В беседах с Мотовиловым старец излагал свои пророчества, завещав ему после своей смерти сообщить их императору. Старец умер в 1833 году, а в 1854-м Мотовилов обратился к министру императорского двора графу В.Ф. Адлербергу с просьбой разрешить довести до сведения императора пророчества Серафима.

Получив разрешение, Мотовилов подал на высочайшее имя несколько записок, в которых изложил пророчества старца. А поскольку сведения "о всех без исключения происшествиях", а заодно народных толках и слухах надлежало собирать III Отделению, то и записки симбирского помещика, благодаря которому мы знаем о пророчествах старца, были переданы в это ведомство.

Традиция почитания саровского старца возникла в народе. Его Дивеевский монастырь воспринимался как четвертый и последний Удел Богородицы после Иверии, Афона и Киева. Там же, в иконописной мастерской Дивеева, сложилась традиция писать изображение старца на кусочках моленного камня.

Вопрос о признании Серафима святым подвижником возникал неоднократно на протяжении второй половины XIX века, но в Синоде он не рассматривался до тех пор, пока к почитанию старца не присоединилась последняя императорская чета, Николай II и Александра Федоровна. Относящееся к постдекабристской эпохе пророчество, казалось бы, потерявшее смысл и не заинтересовавшее ни Николая I, ни Александра II, в начале XX века приобрело новое значение. Слова старца зазвучали как предупреждение об опасности, грозящей царской семье. Александра Федоровна пожелала, чтобы для нее были скопированы записки Мотовилова с пророчествами преподобного Серафима. В 1902 году Николай II высказал пожелание, чтобы Синод рассмотрел вопрос о неотложной канонизации саровского старца. Церемония прославления преподобного Серафима стала одним из ярких событий последнего царствования. Нам же остается размышлять: насколько сбылись пророчества преподобного?»

В частности, в буклетах выставки содержатся и фрагменты пророчества:

«Они дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет Земле русской и… поднимут… всеобщий бунт… и много прольется неповинной крови, реки ее потекут по Земле русской, много и вашей братьи дворян и духовенства, и купечества, расположенных убьют»[169]**169**
ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция 1854. Д. 93. Л. 12 об.

.

Сохранилось прошение титулярного советника Н.А. Мотовилова (с изложением пророчества Серафима Саровского), которое было подано 9 марта 1854 года на имя императора Николая I Павловича (1796–1855). На документе имеется помета генерала Л.В. Дубельта: Граф объявил Мотовилову, что Его Величество изволил сие читать.

В архивном фонде имеется справка помощника начальника Департамента полиции от 18 октября 1905 г. о копировании для супруги Николая II императрицы Александры Федоровны отдельных листов (л. 2–14, 24–25) из дела «о пророчествах Серафима Саровского».

Пророчество преподобного Серафима Саровского о царях, записанное Анной Федоровной Тютчевой (1829–1889), фрагменты из письма Н.А. Мотовилова Государю Императору Николаю I, свидетельство княгини Наталии Урусовой были включены также в сборник[170]**170**
См.: Святой Царь Николай II-й и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. /Сост. Владимир Губанов. М.:

«Ставрос», 2004. С. 36–43.

, вышедший к канонизации новых мучеников и исповедников российских. Об упомянутом издании мы уже говорили чуть раньше.

В царствование Николая II было прославлено больше святых, чем за весь XIX век. Первым в 1896 году был канонизирован святитель Феодосий Черниговский, а затем, в 1897 году, священномученик Иосиодор и 72 мученика Юрьевских. В июле 1903 года состоялась канонизация старца Серафима Саровского, которого уже давно простой народ почитал как святого. Канонизации некоторое время препятствовали образованные слои, и даже некоторые члены Синода. Решающей оказалась воля «самодержца». Прославление преподобного Серафима Саровского стало торжеством Православия, великим праздником всех истинно русских людей. Помимо окрестных жителей в Сарове собралось около 150 тыс. человек.

В воспоминаниях начальника канцелярии министра Императорского Двора, генерала А.А. Мосолова (1854–1939) имеются сведения о знаменательном событии: «…Главную надежду на сближение с массами Государь, безусловно, возлагал на непосредственную встречу с ними, будь то в войсках или среди крестьянства. Мне пришлось быть свидетелем одной из самых важных попыток последнего. Ее вызвали торжества прославления мощей преподобного Серафима.

Уже давно в Петербурге ходили слухи, что в Святейшем Синоде возникли пререкания о причислении Серафима к лику святых, что все Величества очень интересуются этим вопросом и что Государь лично следит за дебатами архиереев. /…/

Наконец Синод признал старца достойным сопричисления к лику святых, не без некоторого, впрочем, давления со стороны Государя. Это решение было принято с большим сочувствием в народе, несмотря на скорее скептическое отношение со стороны общества»[171]**171**
Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 176.

.

Фрейлина императрицы Александры Федоровны баронесса С.К. Буксгевден (1884–1956) в эмигрантских воспоминаниях писала об этих памятных событиях:

«Но сама императрица больше всех желала рождения сына. Под влиянием своих новых друзей она всей душой погрузилась в молитвы, прося Господа о сыне и наследнике Российского Престола. Как раз в это время по распоряжению Священного Синода был канонизирован прп. Серафим Саровский, живший в восемнадцатом столетии. И в июле 1903 года император и императрица отправились в Саровский монастырь, чтобы принять участие в церемонии канонизации»[172]**172**
Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 158.

.

Граф С.Ю. Витте (1849–1915) хотя и был обижен на царя за свою отставку, но в конце жизни с большим почтением отмечал в воспоминаниях: «Государь и императрицы изволили ездить на открытие мощей. Во время этого торжества было несколько случаев чудесного исцеления. Императрица ночью купалась в источнике целительной воды. Говорят, что были уверены, что саровский святой даст России после четырех великих княжон наследника. Это сбылось и окончательно, безусловно, укрепило веру Их Величеств в святость действительно чистого старца Серафима. В кабинете Его Величества появился большой портрет – образ святого Серафима»[173]**173**
Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М., 1991. С. 55; Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 92–93.

.

Царская чета отправилась в путь 15 июля 1903 г., о чем Государь сделал краткую запись в дневнике: «Занимался массой спешных дел перед отъездом. Простились с детками и в 7 час. поехали на станцию. В 7Bj тронулись в путь на богомолье в Саровскую пустынь. Едем с Мама, Ольгой и Петей. Впереди нас едут: Николаша, Петюша, Милица, Стана и Юрий»[174]**174**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 740.

.

Царский поезд шел через Москву, где к царским паломникам присоединились 16 июля великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета

Федоровна. В Коломне депутация от рабочих паровозного завода поднесла молодой царской семье хлеб-соль. В Рязани была еще одна большая встреча. Ехали хорошо и не торопясь, т. к. царя хотела видеть вся Россия.

Наконец на торжества прибыла царская чета. В день приезда Николая II по всей дороге в Саров на десятки верст тянулись огромные вереницы народа, пришедшего сюда по велению сердца. Массы крестьян, одетые по-праздничному, с искренней радостью встречали своего царя-батюшку, восторг их был неподделен. Многие хотели его увидеть вблизи и даже, как полагается у трудового народа, дотронуться до него. Во время этой встречи царь почувствовал настоящую любовь к себе простого люда, что стало для него мощным стимулом дальнейшей деятельности. Он видел тот слой искренних и открытых людей, на которых он может опираться и в интересах которых проводил свою повседневную политику.

Заглянем в дневник императора Николая II и посмотрим, как он непосредственно воспринимал происходящие события:

«*17-го июля. Четверг.* В 11 час. приехали в Арзамас.

В шатре у платформы были встречены дворянством, земством, городами и крестьянами Нижегородской губернии. Сели в экипажи и отправились в путь по хорошей и пыльной дороге. Проезжали чрез большие села, крестьяне встречали снаружи, выстроенные вдоль дороги. Пили чай в палатке в 40 верстах от Арзамаса. На границе Тамбовской губернии опять большая встреча от всех сословий. Очень живописны были крестьянки в своих нарядах и мордовки также. В 6 час. въехали в Саровскую обитель. Ощущалось какое-то особое чувство при входе в Успенский собор и затем в церковь Св. Зосимы и Савватия, где мы удостоились приложиться к мощам святого отца Серафима. В 6BS час. вошли в наш дом. Мама живет напротив. Весь двор был наполнен огромной толпой богомольцев. Обедали в 8Bj у Мама всем семейством. Вечером исповедовались в келлии (*так в тексте. – В.Х.*) преподобного Серафима, внутри нового храма; у схимника Симеона, бывшего офицера. Потом повели туда Мама. Легли спать довольные и не усталые»[175]**175**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 740–741.

.

За этот же день сопоставим дневниковую запись великого князя Сергея Александровича, который отметил: «*17 июля. Саров. Монастырь*. Жарким

утром в 11 ч. прибыли в Арзамас – встреча нижегород[ского] дворянства. На лошадях 62 в[ерсты]. Пыль ужасающая. На полдороге чай в палатках в Саровском лесу. Встреча Тамб[овского] дворянства – масса крестьянок в живописных костюмах – мордовки etc. Митр[ополит] Антоний встречал – лития в соборе. Ходили потом в другую церковь прикладываться к мощам пр. Серафима. Мы живем в доме с Ники. После обеда жена, Ольга, Петя и я к источнику Препод[обного] пешком и искупались под струей – удивительное чувство!! Красота местности. Много было чудес эти дни! Господи, благослови. Аминь»[176]**176**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 102; Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 645.

.

В воспоминаниях начальника канцелярии министра Императорского Двора, генерала А.А. Мосолова имеются подробные сведения о знаменательном событии:

«Канонизация Преподобного Серафима Саровского была назначена на середину июля 1903 года, и Их Величества решили к этому дню прибыть в Саров.

Из Петергофа Их Величества выехали в Царском поезде 15 июля и прибыли 17 июля утром на особо для них устроенную платформу близ города Арзамаса Нижегородской губернии. Там ждали Их экипажи, запряженные четверками, в которых мы и тронулись в путь…

По всей дороге и, особенно начиная от границы губернии, на десятки верст тянулись огромные вереницы народа. Говорили, что, помимо окрестных жителей, со всех концов России в Саров прибыло около 150 000 чел.

Прибытие в Саров было удивительно торжественно. Колокольный звон, множество духовенства, толпы народа около Государя… Вечерня… На другой день самый чин Прославления тянулся 4BS часа. Удивительно, что никто не жаловался на усталость, даже Императрица почти всю службу простояла, лишь изредка присаживаясь. Обносили раку с мощами уже канонизированного Преподобного Серафима три раза вокруг церкви. Государь не сменялся, остальные несли по очереди…»[177]**177**
Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М., 2008. С. 187–188.

.

Баронесса С.К. Буксгевден, которая сопровождала молодую государыню, писала в воспоминаниях: «Для императрицы это путешествие было чем-то вроде паломничества. Помимо того что религиозная служба необычайно вдохновляла ее, она также получила возможность пообщаться с теми простыми людьми, которых она так любила. В разговорах с крестьянами императрица никогда не выказывала робости. Она беседовала с ними на своем еще не очень совершенном русском языке, и те, встречая ее в непринужденной обстановке, платили ей ответной симпатией»[178]**178**

Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 158.

.

Продолжим знакомиться дальше с дневниковыми записями императора:

«*18-го июля. Пятница.* Встали в 5BS и пошли к ранней обедне с Мама. Причастились Св. Христовых Тайн. Обедня окончилась в 9 час.

От 9 до 10BS час. осматривали церкви и спускались в пещеры под горою. В 11Bj пошли в Успенский собор к последней торжественной панихиде по старце Серафиме. Затем завтракали у Мама. В самый жар д. Сергей, Николаша, Петюша, Юрий и я отправились пешком в пустыньки вдоль Саровки.

Мама, Аликс и другие поехали в экипажах. Дорога, идущая лесом, замечательно красива. Вернулись домой пешком; народ был трогателен и держался в удивительном порядке. В 6BS началась всенощная. Во время крестного хода при изнесении мощей из церкви Св. Зосима и Савватия мы несли гроб на носилках. Впечатление было потрясающее: видеть, как народ и в особенности больные, калеки и несчастные относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывания к мощам.

Ушли из собора после этого, простояв три часа за всенощной.

Закусывали у Мама, думая идти вновь к концу службы, но народ, не дождавшись конца ее, ринулся в собор, так что пройти туда было уже невозможно. Просидели у Мама до 11 ч.»[179]**179**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв.

ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 741.

.

Великий князь Сергей Александрович записал в тот день в дневнике:

«*18 июля. Саров*. Дивный жаркий день. Встали в 6 ч. и пошли в собор к обедне, где приобщались Ники, Минни и Alix – пили чай с ними. Обходили весь монастырь. В 11 ч. соборная панихида по батюшке Серафиме – трогательно. В 2 ч. я пешком с Ники в обе пустыньки, народ – сплошная стена. В общем, 10 в[ерст] – остальные в экипажах. В BS7 ч. – всенощная – Ники, я и два брата (*великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич. – В.Х.*) несли носилки, на которых лежали мощи, из мал[ой] церкви в собор – умилительно, трогательно – народу 60 т[ысяч]. Прикладывались – ушли мы в BS10 ч. – устали, но чудесно!»[180]**180**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 102; Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 645.

.

Великая княгиня Елизавета Федоровна в письме к своей старшей сестре Баттенбергской принцессе Виктории (1863–1950) сообщала о поездке в Саров: «Столько прекрасных, свежих впечатлений. Мы ехали шесть часов, прежде чем добрались до монастыря; жители деревень выглядят так живописно в своих ярких и нарядных костюмах. Монастырь очень красив, а расположен он в великолепном сосновом лесу. Церемонии и молитвы произвели на нас самое прекрасное впечатление. Прп. Серафим был монахом, жившим в восемнадцатом столетии на редкость чистой и праведной жизнью. Он исцелял людей от физических и душевных недугов; чудеса продолжались и после его смерти. В этот день [т. е. в день канонизации] тысячи и тысячи людей собрались со всей России, чтобы помолиться. Больные приехали из Сибири, с Кавказа. Какие несчастья и болезни нам довелось увидеть и какую веру! Как если бы мы жили во время Христово… Как они молились, как рыдали, эти бедные матери со своими больными детьми, и, хвала Господу, многие были исцелены! Мы сами были свидетелями того, как маленькая немая девочка заговорила, но как ее мать молилась за нее!»[181]**181**
Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 159–160.

.

Следующий день выдался таким же насыщенным на события. Государь продолжал вести дневниковые записи:

«*19-го июля. Суббота.* Встали в 7BS и через час пошли к Мама и затем к обедне, которая длилась вместе с молебном с 9 час. до 12BS час. Так же умилителен, как вчера, был крестный ход с гробом, но с открытыми мощами. Подъем духа громадный и от торжественности события, и от поразительного настроения народа. Закусили у Мама и в 2BS кушали в трапезной.

Отдыхали около часа. Жара была сильная, пыль от массы богомольцев также. В 4BS отправились в павильон Тамбовского дворянства, которое угостило нас чаем.

В 7BS обедали у Мама.

Затем по два и по три пошли к источнику, где с особым чувством выкупались из-под крана студеной воды. Вернулись благополучно, никто в темноте не узнал.

Слыхал о многих исцелениях сегодня и вчера. В соборе во время обнесения св. мощей вокруг алтаря случилось также одно. Дивен Бог во святых Его.

Велика неизреченная милость Его дорогой России; невыразимо утешительна очевидность нового проявления благодати Господней ко всем нам.

На Тя, Господи, уповахом да не постыдимся во веки. Аминь!»[182]**182**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 741.

.

Великий князь Сергей Александрович записал в тот день в дневнике:

«*19 июля. Саров.* Жаркий чудный день. В 9 часов пошли к обедне – молились, как никогда! Еще мы носили мощи кругом церквей. При нас исцелилась немая девочка – умилительно. Завтракали в трапезной. Чай в BS5 ч. от тамбовского дворянства в павильоне. Ездил с женой на бивак фанагор[ийцев] и казаков в идеальной местности. Около BS10 ч. мы пошли купаться к источнику: Alix,

жена и Ольга, потом Ники и Петя, замыкания с Минни – не узнавали – ночь дивная. Я с Ники и Петей купались – также вернулись. В 11 ч. в келье пр[еподобного] Серафима: жена, Ольга, Петя и я исповедовались у схимника»[183]**183**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 103; Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 646–647.

.

Описание того же дня имеется в дневнике великой княгини Ольги Александровны, младшей сестры императора: «…Аликс, тетя Элла и я пошли на источник… Добравшись туда, мы прошли в часовню и зачерпнули немного воды. Затем подоспели Мама и дядя Сергий. Мы пошли купаться. Это было снова замечательно и ужасно холодно…

По нашему возвращении дядя Сергий, тетя Элла, Петя и я пошли в новый неосвященный собор и ждали в келье отца Серафима схимника Симеона, чтобы он пришел и исповедовал нас! Наконец он пришел – и, как мне показалось, при виде нас был очень удивлен, так как не ожидал нас здесь увидеть.

После чтения молитв для всех нас тетя Элла пошла первой. Мы долго сидели на алтарных ступеньках в темноте и много думали о том, что мы увидели, почувствовали за эти несколько дней. Белая пустая церковь – очень пыльная, пахнущая сыростью и штукатуркой, показалась мне очень уютной. От маленьких лампадок, висевших там и тут перед святыми образами в огромном здании, исходил спокойный мягкий свет.

Схимник был хорошим духовником и дал мне прекрасные советы о гневе и о том, как себя останавливать, о которых я должна всегда помнить»[184]**184**
Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 647.

.

Генерал А.А. Мосолов в своих воспоминаниях, в частности, приводит некоторые любопытные детали: «Не буду перечислять всех бесконечно длившихся служб. Сам обряд прославления тянулся четыре с половиною часа.

Удивительно, что никто не жаловался на усталость: даже императрица почти всю службу простояла, лишь изредка садясь. Обносили раку с мощами уже канонизированного Серафима три раза вокруг собора. Государь не сменялся, остальные несли по очереди. Двор в обители жил отрезанным от остального мира. Только мне пришлось получить довольно увесистую почту, но, к счастью, там не оказалось ничего, требующего спешных докладов.

После канонизации княжну Орбелиани отвезли в чудодейственную купальню. В это время, сколько мне помнится, она уже лишилась способности ходить. Мне рассказывала ее подруга о трогательной сцене, когда Государыня ее благословляла перед поездкою, на которую обе возлагали такую надежду, но которая, увы, не излечила княжну от ужасного недуга»[185]**185**
Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 178.

.

Лейб-хирург Н.А. Вельяминов (1855–1920) оставил интересные рукописные воспоминания о пребывании на тех торжествах: «В один из “Саровских дней” все, начиная с Государя, ходили к чудодейственному источнику и купались под струей воды из этого источника с температурой в 8’. Так мне говорили бывшие там, я лично к источнику не подходил и его не видел из боязни, что мне там покажут исцеления. Как я сказал, купались все, даже Фредерикс, кроме меня.

Как-то случайно я шел мимо того места, где проходила дорожка к источнику, и увидел из-за угла, как императрица Александра Федоровна и великая княгиня Елизавета Федоровна под руки буквально тащили к источнику бедную парализованную на обе ноги фрейлину княжну Орбелиани, страдавшую наследственной, неизлечимой формой поражения спинного мозга. Для чуда надо было подойти к источнику пешком, а княжна ходить не могла, вот две Августейшие сестры и тащили ее под руки. Увидев эту сцену, я спрятался за какие-то кусты и, надо думать, остался незамеченным…»[186]**186**
Вельяминов Н.А. Поездка с Царем на богомолье в Саровскую пустынь летом 1903 г. // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 6. Л. 42.

.

Много позже, уже на чужбине, в далекой Америке, великая княгиня Ольга Александровна вспоминала много раз о тех незабываемых днях: «Царский поезд

остановился где-то в поле, не доезжая до города Арзамаса, виднеющегося слева вдали. Рассевшись по коляскам по два человека, тронулись в путь по пыльной черноземной дороге. Пыль стояла густая всю дорогу почти до леса, там же началась песчаная дорога. Чудный лес и тень показалась нам после зноя раем. Приближалась цель нашей поездки, и с ней росло нетерпение увидеть Саров. Вдруг на повороте перед глазами раскрылся чудный вид монастыря, блиставшего своими золотыми крестами над церквами, стенами вокруг него и воротами. Толпы богомольцев, тянувшиеся, как и мы, туда же.

Торжество перенесения мощей и положения в новую раку не стану описывать, так как много уже было написано и рассказано тогда об этом.

Помню, какое великое на меня впечатление произвела толпа богомольцев, но об этом я расскажу дальше.

Вспоминаю, что произошло в соборе в этот день. Недалеко от меня на коленях молилась усердно со слезами одна женщина, придерживая девочку свою лет семи. Девочке было скучно, и она капризничала, а мать так молилась, прося угодника Божия что-то… Служба продолжалась долго, около четырех часов, но никто не уставал, все были в приподнятом состоянии. Вдруг раздался крик девочки: "Мама, мама!", – а мать, обливаясь слезами, обнимала и целовала дочку. Оказалось, девочка была нема, и эти слова были ее первыми словами. Это произвело сильное впечатление на присутствующих.

Наш русский народ со всех краев России стекался в эти дни в Саров, как и при жизни батюшки отца Серафима, когда он сам всех принимал, к кому всегда был доступ, слова утешения, добрый прием. Никто от него не уходил, не получив доброго совета и духовной помощи.

Тысячная толпа спала на лугу под открытым небом внизу под горой у реки. Ночью горели костры, по прозрачному ночному воздуху доносилось пение молитв, на темном небе горели звезды и светила луна. Мирно и чудесно.

Днем и ночью беспрерывно двигалась густая толпа богомольцев к собору с умилительной верой. Каких только калек они с собой не вели, несли и тащили в самодельных тележках. Какая великая вера двигала всех этих людей. Один крестьянин из Архангельска, на руках влача свои парализованные ноги за собой, шел один без посторонней помощи.

Одни родители везли в тележке "огромную голову", тело было крошечное, беспомощно болтались ручки и ножки. "Голове" было уже 30 лет, а тело было как у ребенка 5-ти лет. Шли сухие, слепые, хромые, все шли тихо и чинно, и

между ними попадались кликуши. Чем ближе к храму, тем труднее было справиться с ними. С усилием их втаскивали по ступенькам наверх; 4 человека не справлялось с одной, начинались дикие крики. Наконец, попавши в собор и там приложившись, крики стихали, и мучавший их дух отходил по молитвам сопровождающих их родных.

Ходили мы и пешком в ближнюю и дальнюю Пустыньки, прикладывались к небольшому плоскому камню, на котором молился некогда Батюшка 1000 дней. В Пустыньке висели еще его рубаха, топор и другие предметы, принадлежавшие Преподобному. Везде чувствовалась его близость.

Утром по пути туда встретились богомольцы вдоль реки. Помню, что один молодой парень, поддерживаемый своею матерью, висел как-то на руках, поджав ноги под себя на ветке, и глядел оттуда над головами толпы на Государя. Возвращались мимо того же места. Теперь мать и сын были центром взволнованной толпы богомольцев. Кто-то говорил: "Чудо, чудо случилось!" Крестьянка в радостных слезах рассказывала, как она пошла на источник, зачерпнула воды в свой маленький чайник и стала поливать у сына колени и ноги, и вот его изогнутые ноги стали выпрямляться, он стал на ноги и теперь может хорошо стоять и ходить. Мы все вместе с этой матерью порадовались ее великой радости и счастью быть свидетелями Божественной помощи.

Перед отъездом удалось приобщиться, а накануне вечером и исповедаться в самой келье Батюшки у старца схимонаха (не помню имени). У меня было чувство, что он видит мою душу насквозь, и страх меня разбирал, а он так ласково и трогательно со мной говорил, что стало легко и радостно.

В один из последних вечеров императрица Александра Федоровна, ее сестра великая княгиня Елизавета Федоровна захотели выкупаться в источнике, позвали и меня с собой. Был такой теплый вечер, и было почти светло, так как луна освещала тропу. С левой ее стороны темнела опушка леса, а с правой стороны речка, вдоль которой мы шли, журчала и кое-где блистала в лучах луны. Вода источника была до такой степени холодная, что как бы обжигала тело, будто кипяток, зато потом оставалось приятное чувство бодрости.

Уезжать не хотелось, и мы с грустью покинули после пятидневного пребывания чудный Саров. Это святое место унесло с собой незабываемые воспоминания»[187]**187**

См.: Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов 1917–1993. М., 2004. С. 53–55.

.

Наступил последний день пребывания царской четы в Сарове. По воспоминаниям генерала А.А. Мосолова, события происходили таким чередом: «В день нашего отъезда Их Величества посетили скит святого и находящуюся близ него купальню, расположенные в полутора верстах от монастыря. Государь и вся свита шли пешком, только Императрица ехала в небольшой коляске. Туда было проведено широкое шоссе, но у губернатора В.Ф. фон дер Лауница было немало забот, т. к. он получил от Государя не мешать народу находиться на царском пути. Организовать это было трудно, и были вызваны войска. Солдаты держали друг друга за руки, чтобы оставить свободный проход для Государя и духовной процессии. В купальне был отслужен молебен, после которого Государь со свитой, но без духовника, отправились обратно в монастырь, из которого был устроен дощатый спуск, местами на довольно высоких козлах. Гора была сплошь покрыта народом. Губернатор высказывал опасения, что толпа, желающая видеть ближе Царя, прорвет тонкую цепь солдат и наводнит шоссе. В это время, не предупредив никого, Государь крупно свернул направо, прошел цепь солдат и направился в гору.

Очевидно, Он хотел вернуться по дощатой дорожке и дать, таким образом, большему количеству народа видеть Его вблизи.

Его Величество двигался медленно, повторяя толпе: "Посторонитесь, братцы". Государя пропускали вперед, но толпа немедленно сгущалась за Ним, только Лауниц и я удержались за Царем. Пришлось идти все медленнее, всем хотелось видеть и, если можно, то и коснутся своего Монарха. Все больше теснили нашу малую группу в 3 человека, и, наконец, мы совсем остановились. Мужики начали кричать: "не напрягайте", и мы опять подвинулись на несколько шагов. Я предложил Государю встать на наши с Лауницем скрещенные руки, и тогда Его будет видно издали, но Государь не согласился. В это время толпа навалилась спереди, и Он невольно сел на наши руки. Затем мы Его подняли на плечи. Народ увидел Царя, и раздалось громовое "ура!"

Мы благополучно достигли боковых дверей монастыря, несмотря на то, что помост за нами с грохотом провалился.

Лишь тогда Государь заметил отсутствие свиты. Я пояснил, что в самом начале нас оттерли и что я видел, как граф Фредерикс упал.

Царь взволновался, но возвращаться через толпу было невозможно. Он вошел в ограду монастыря и послал меня отыскать графа, который, как оказалось, упал, и кто-то наступил ему на лицо и раздавил очки. К счастью, повреждения были легкие.

Я утверждаю, что если бы тогда в густой толпе, которая чуть не задавила Государя, вырос бы под Ним из-под земли высокий камень, возвышающий Его над народом, то Царь одним возгласом, одним повелительным мановением руки мог повести эти сотни тысяч людей на верную смерть или на какую угодно победу»[188]**188**

Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М., 2008. С. 188–189.

.

В дневнике императора Николая II за этот день читаем следующие строки: «*20-го июля. Воскресенье.* В 8 час. вышли из своего дома и пошли к молебну в Успенский собор, где приложились к мощам Святого Серафима. С грустью покинули Саровскую пустынь и отправились в городок, где построены бараки для богомольцев. В часовне еписк[оп] Иннокентий отслужил краткий молебен, и мы поехали дальше лесом. Погода была жаркая, и дул сильнейший попутный ветер, гнавший пыль с нами. В 10BS приехали в Дивеевский женский монастырь. В домовой церкви настоятельницы матери Марии отслушали обедню. Затем все сели завтракать, а Аликс и я отправились к Прасковье Ивановне (блаженной). Любопытное было свидание с нею. Затем мы оба поели, а Мама с другими посетили ее. Осмотрели церковь Преображения, где сохраняются вещи Св. Серафима, его келью, типографию и живописную школу сестер. В 3 часа собрались в дальнейший путь. Жара была сильная.

Ехали отлично и в 7 ч. ровно прибыли в Арзамас, сели в поезд и поехали обратно»[189]**189**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 246; Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011. С. 741–742.

.

Великий князь Сергей Александрович записал в последний день нахождения в Сарове в дневнике следующие строки: «*29 июля. Чугунка между Арзамасом и Москвой.* Встали в BS6 ч. Я в кителе киевском. Пошли приложиться к мощам и

в Зосимо-Савват[иевскую] церковь к обедне, где и сподобились приобщ[иться] Св. Таин – дивно! Масса народа. Ольга, Петя с нами. В BS9 ч. с Царями у молебна у мощей и отъезд в Дивеево. Были там у обедни. Игуменья Мария – прелестное впечатление. С Минни мы, Олей, Петей к блаженной Прасковье Ивановне – курьезное впечатление!! Были и у Мотовиловой, хорошо помнящей Пр[еподобного] Серафима. В 7 ч. были в Арзамасе. Масса народу всюду; жарко, пыль ужасная. В вагоне разговор с Минни – горько жаловалась на Alix. Все мы под умилительным чувством»[190]**190**
ГА РФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 39. Л. 103; Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 647–648.

.

Великая княгиня Елизавета Федоровна после возращения в имение Ильинское (около Москвы) написала письмо 27 июля 1903 года вдовствующей императрице Марии Федоровне, в котором имеются такие строки:

«Душенька Минни!

Мы все еще как во сне – что за время! Понемногу возвращаются прежние разнообразные впечатления, чувствуешь себя не здесь и мечтаешь вернуться! Как трудно входить в будничную жизнь, вести ежедневные разговоры, когда частица тебя осталась там. Вот когда чувствуешь свою душу, сердце и ум могут трудиться как обычно, но что-то пребывает в горнем мире, ближе к Богу, чем прежде. /…/

Я получила милое письмо от Аликс. В твоем присутствии, надеюсь, известное влияние сошло на нет; на самом деле у нее любящее сердце, а они словно огородили ее стеной, чтобы сделать экзальтированной и слепой к истинной любви ее близких. Хотела бы я помочь! Печалюсь, зная, что тебе, дорогая, грустно, но, право же, вспомни прежние времена – так было не всегда. Может, те сестры хорошие (*черногорки, Милица и Стана Николаевны. – В.Х.*), а ее так ослепляет их фанатизм и излишнее рвение? Полагаю, они действительно глубоко верующие и убежденные, но им никогда не хватало просвещенности, чтобы понять, что можно жить в Боге и быть в жизни простыми и естественными. /…/

Помнишь, как мы гуляли вечером, это чудесное, освежающие душу омовение… И тех многих и многих бедных больных. Невозможно забыть их горестные, страдальческие взгляды, их молитвы, веру, в сравнении с которой чувствуешь

себя такой маленькой. Как прочувствовал бы это Саша, как часто мы думали о нем. В нем был тот дивный покой и сила веры, которые много помогают в жизни. Уверена, он был там, рядом с тобой, охраняя тебя и благословляя всех. Как бы хотелось поговорить с ним, узнать его мысли и впечатления, они всегда были так верны и точны. Ники, конечно, очень чистый и милый и верующий, но он молод, а с Сашей ушел великий помощник.

Прости, дорогая, если я расстроила тебя этими словами, но так часто думалось об этом, и ты меня поймешь.

Наилучший привет от нас обоих, Мария и Дмитрий целуют твои дорогие ручки.

Твоя любящая сестра *Элла*»[191]**191**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 1583. Л. 43–46; Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. / Сост. Т.В. Коршунова и др. М., 2011. С. 81–82.

.

Свидетельствует протоиерей Стефан (Лашевский), – слово из рукописной «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» (ч. 2, 1903–1927 гг.), составленной по благословению митрополита Серафима (Чичагова), – написано в 1978 году: «Во время прославления в Дивееве жила знаменитая на всю Россию Христа ради блаженная Параскева (Паша) саровская. Государь был осведомлен не только о Дивееве, но и о Паше саровской. Государь со всеми великими князьями и тремя митрополитами проследовал из Сарова в Дивеево, куда на торжества собралось около 200 тысяч человек. Вдоль дороги, ведущей к Сарову, по преданию, по обеим сторонам, его встречала вся обитель, 850 сестер.

Блаженная Параскева, ожидая Государя, не велела готовиться особо, но попросила сделать из глины 9 солдатиков и сварить чугунок картошки в мундирах. Матушка игумения приказала вынести из келлии блаженной все стулья и постелить большой ковер. В экипаже они все подъехали к келлии блаженной. Их Величества, все князья и митрополиты едва смогли войти в эту келлию. Параскева Ивановна, когда Государь вошел, взяла палочку и посшибала головки у всех солдатиков, предсказывая их мученическую кончину, а к трапезе предложила картошку в мундирах, что значило суровость их последних дней. Потом сказала:

– Пусть только царь с царицей останутся.

Государь извиняюще посмотрел на всех и попросил оставить его и Государыню одних. – Видимо, предстоял какой-то очень серьезный разговор.

Все вышли и сели в свои экипажи, ожидая выхода Их Величеств. Матушка игумения выходила из келлии последняя, но послушница оставалась. И вдруг матушка игумения слышит, как Параскева Ивановна, обращаясь к царствующим особам, сказала: “Садитесь”.

Государь оглянулся и, увидев, что негде сесть, – смутился, а блаженная им: “Садитесь на пол”. Вспомним, что Государь был арестован на станции Дно. Великое смирение – Государь и Государыня опустились на ковер, иначе бы они не устояли от ужаса, который им говорила Параскева Ивановна. Она им сказала все, что потом исполнилось, то есть, гибель России, династии, разгром Церкви и море крови. Беседа продолжалась очень долго, Их Величества ужасались, Государыня была близка к обмороку, наконец, она сказала: “Я вам не верю, это не может быть”.

Это было за год до рождения наследника, и они очень хотели иметь наследника, Параскева Ивановна достала с кровати кусочек красной материи и говорит:

– Это твоему сынишке на штанишки, и когда он родится, то поверишь тому, о чем я говорила вам.

С этого времени Государь начал считать себя обреченным на крестные муки, и позже говорил не раз: “Нет такой жертвы, которую я бы не принес, чтобы спасти Россию”.

Батюшка Серафим говорил своим дивеевским сиротам: “Страшное время идет на Россию, – я молил Господа отвести эту страшную беду, но Господь не услышал убогого Серафима”. В записках князя Путятина, человека очень близкого Дивееву, сохранилась запись о том, что когда Н.А. Мотовилов спросил батюшку Серафима: когда же буде самое страшное время, он ответил: “Немного позже, чем через 100 лет после моей смерти”, – то есть, последние тридцатые годы XX-го столетия. /…/ В Дивееве крепко держалось предание батюшки Серафима, что придет время и всем им придется на время уйти в мир, а на сколько времени, батюшка не сказал, – что Бог даст. Видимо, оно и не было еще решено. Все зависело от покаяния народного, – ведь и отец Иоанн Кронштадтский говорил, что если русский народ не покается, то кончина мира очень близка. Были и такие мнения, что близка кончина мира, но прозорливые старцы, особенно в Оптиной пустыни, говорили, что буде еще период благодати Божией на Руси. Во всяком случае, сестры уходили с крепкой верой, что уходят только временно, что Дивеев, как и вся Русская Церковь, вновь

возродится»[192]**192**
Святой Царь Николай II-й и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. /Сост. Владимир Губанов. М.: «Ставрос», 2004. С. 75–78.

.

В воспоминаниях Варвары Петровны Шнейдер (1860–1941) есть изложение ее разговора с Государыней Александрой Федоровной о блаженной Паше Саровской: «…Императрица спросила меня, видела ли я Саровскую Пашу? Я сказала, что нет. “Почему?” – “Да я боялась, что прочтя, как нервный человек, в моих глазах критическое отношение к ней, она рассердится и что-нибудь сделает, ударит или тому подобное”. И осмелилась спросить, а правда это, что когда Государь Император хотел взять варенья к чаю, то Паша ударила его по руке и сказала: “Нет тебе сладкого, всю жизнь будешь горькое есть!” – “Да, это правда”. – И раздумчиво Императрица прибавила: “Разве Вы не знаете, что Государь родился в день Иова Многострадального!” Потом говорила о юродивых, бургундских принцессах (Эльза Лострип), грюнвальдовских старцах и проч.»[193]**193**
Великая княгиня Елизавета Феодоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009. С. 648.

.

Фрейлина императрицы баронесса С.К. Буксгевден делилась воспоминаниями о проведенных днях в Саровском монастыре вместе с царской семьей: «Эти сцены произвели неизгладимое впечатление на Государыню. Практичному протестантскому сознанию трудно понять религиозные чувства, которые движут православными. И лишь те, кто совершали паломничество в Иерусалим во время Страстной седмицы, могут представить себе, какие эмоции переполняли русских паломников, присутствовавших на саровских торжествах.

Следует сказать, что в красивой церкви, построенной в Царском Селе после рождения наследника, главный храм был посвящен иконе Божией Матери, называвшейся «Феодоровская», а второй храм – святому Серафиму Саровскому»[194]**194**
Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006. С. 160.

.

Генерал А.А. Мосолов также отмечал в воспоминаниях: «…Была еще длинная и весьма утомительная обедня, а затем мы, все время сопровождаемые толпою, поехали в Дивеевский женский монастырь, за 15 верст. Здесь нам была приготовлена трапеза, после которой императрица пошла к какой-то знаменитой отшельнице, старице, и пробыла у нее чуть ли не 2 часа, из-за чего наш отъезд запоздал. Доехав до другой платформы, также возведенной для этого случая, мы сели в императорский поезд и отбыли /…/

Опыт сближения Государя с народом легко мог стать повторением Ходынки. Он указывал на опасность для императора своему чисто человеческому импульсу. Царь желал проявить, так сказать, физическую ласку любимому народу, в котором за эти дни он почувствовал выражение атавистической любви к своему помазаннику, такой преданности и любви, на какую способны только русские люди»[195]**195**
Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 180.

.

Личность Государя Николая II играла огромное роль в церковной жизни России, гораздо большую, чем его царственные предшественники. Глубокая вера царя, его постоянные паломничества к православным святыням сближало его с коренным русским народом. Государственная власть была для Николая II тяжелым долгом и обязанностью, а порой непосильным крестом. Ему ближа была духовная власть, правящая по православным законам и совести. Вопрос о возрождении Патриаршества на Руси, поднимавшийся «с самого начала его царствования, привлек его возможностью отказаться от бремени земной власти и принять духовную»[196]**196**
Платонов О.А. Последний государь: жизнь и смерть. М., 2005. С. 46.

.

В печати встречаются сведения, о которых следует упомянуть отдельно. По свидетельству обер-прокурора Синода Лукьянова, еще в 1904 году царь после великих торжеств прославления Серафима Саровского и радостного исполнения связанного с ними обетования о рождении ему Наследника, приехал к

митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому) просить благословение на отречение от престола и пострижение в монахи в одном из монастырей. Митрополит отказал ему в этом.[197]**197**
Жития русских святых. 1000 лет русской святости. Собрала монахиня Таисия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. Т. 2. С. 31.

. Стоит заметить, что Сергей Михайлович Лукьянов (1855–1935) занимал должность обер-прокурора Синода в 1909–1911 гг.

Попытку отречься от престола и занять место Патриарха Государь возобновил в 1905 году. Заседавший 22 марта Св. Синод единогласно высказался за восстановление патриаршества. Еще зимой члены Св. Синода во главе с первенствующим Петербургским митрополитом Антонием встретились с императором Николаем II, который, со слов очевидца, сказал: «Мне стало известно, что теперь и между вами в Синоде и в обществе много толкуют о восстановлении Патриаршества в России. Вопрос этот нашел отклик и в моем сердце и крайне заинтересовал меня. Я много о нем думал, ознакомился с текущей литературой этого вопроса, с историей Патриаршества на Руси и его значением во дни великой смуты междуцарствия и пришел к заключению, что время назрело, и что для России, переживающей новые смутные дни, Патриарх и для Церкви, и для государства необходим. Думается мне, что и вы в Синоде не менее моего были заинтересованы этим вопросом. Если так, то каково ваше об этом мнение?

Мы, конечно, поспешили ответить Государю, что наше мнение вполне совпадает со всем тем, что Он только что перед нами высказал.

– А если так, – продолжил Государь, – то вы, вероятно, уже между собой и кандидата себе в Патриархи наметили?

Мы замялись и на вопрос Государя ответили молчанием.

Подождав ответа и видя наше замешательство, он сказал:

– А что, если я, как вижу, вы кандидата еще не успели себе наметить или затрудняетесь в выборе, что если я сам его вам предложу – что вы на это скажите?

– Кто же он? – спросили мы Государя.

– Кандидат этот, – ответил он, – я! По соглашению с императрицей я оставлю Престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в Патриархи. Угоден ли я вам, и что вы на это скажите?

Это было так неожиданно, так далеко от всех наших предложений, что мы не нашлись, что ответить… и промолчали. Тогда, подождав несколько мгновений нашего ответа, Государь окинул нас пристальным и негодующим взглядом, встал молча, поклонился нам и вышел, а мы остались, как пришибленные, готовые, кажется, волосы на себе рвать за то, что не нашли в себе и не сумели дать достойного ответа. Нам нужно было бы ему в ноги поклониться, преклоняясь пред величием принимаемого Им для спасения России подвига, а мы… промолчали!»[198]**198**
Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч. 2. Сан-Франциско, 1969. С. 182–183.

.

Где реальные события и речи самого Государя, а где только предположения о содержании подобных разговоров, трудно достоверно сказать. К сожалению, многие документы царской семьи не сохранились или оказались за пределами России. Остается только выразить надежду, что по истечении какого-то непродолжительного периода времени историки и архивисты смогут ответить на многие вопросы, которые в настоящее время еще остаются открытыми.

В апреле 1917 года, т. е. после уже свержения императора и объявления министрами-масонами Временного правительства об отделении церкви от государства, в демократическом печатном издании «Голос минувшего» в заметке «”Последний самодержец” – материалы характеристики Николая II» были теми же масонами опубликованы, как бы в насмешку, строки из пророчества Серафима Саровского: «В начале царствования сего монарха будут несчастия и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь Государя – долговременная»[199]**199**
Голос минувшего. 1917 г., апрель.

. Они преждевременно ликовали, но не предполагали, что впереди грядет захват

власти большевиками и развязывание братоубийственной Гражданской войны, которые все изменят в огромной стране.

Однако прошло сто лет с момента канонизации Серафима Саровского. Канули в вечность временщики-безбожники: как Временное правительство с всесильными масонами, так и большевики с мировыми идеями господства. Наступили другие времена, и даже другая эпоха в России.

Наша известная соотечественница из Канады О.Н. Кули-ковская-Романова описала последние знаменательные события в обновленной стране, непосредственной свидетельницей и участницей которых она стала: «В августе 2003 года прошли грандиозные церковно-государственные торжества, посвященные 100-летию прославления преподобного Серафима Саровского, в которых я приняла участие по приглашению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. Из дома, из Канады привезла в Россию два экземпляра редчайшей книги об Угоднике Божием, написанной Анатолием Тимофиевичем и изданной к 50-летию прославления святого попечением сестер основанного в 1949 году в США Ново-Дивеевского Успенского женского монастыря. Один экземпляр книги предназначался для Святейшего Патриарха, а другой – во дни торжества я преподнесла настоятельнице Серафимо-Дивеевского монастыря игуменье Сергии (Конковой). Помимо многих своих достоинств эта книга примечательна тем, что в ней содержится уникальный рассказ Великой Княгини Ольги Александровны о праздновании 1903 года. Свидетельство члена Императорской фамилии, так любившей преподобного и приложившей много сил для его прославления, для нас бесценно. Прежде оно не было известно на родине. Чудо его обретения и возвращения в Россию – одно из многих чудес, совершаемых по молитвам великого Угодника Божьего и “служки Богородицы” Серафима Саровского»[200]**200**

Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов 1917–1993. М., 2004. С. 53.

.

Кровавое воскресенье 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге

До сих пор во многом несправедливо обвиняют императора Николая II в событиях Кровавого воскресенья 1905 года, а советская пропаганда величала его только не иначе, как Николай Кровавый. Хотя большевики позднее сами жестоко расстреляли народную демонстрацию сторонников Учредительного

собрания в Петрограде в 1918 году, и это упорно замалчивается до сих пор. В последующий период для всех инакомыслящих в Советском Союзе была создана отлаженная система ГУЛАГ, с которой было трудно ровняться даже каторге царской России. Кто был виноват в этой национальной трагедии?

Часто приходится слышать обвинения Николая II в драматических событиях Кровавого воскресенья 1905 г. (или «позора самодержавия»). Во все времена за все, что происходило в державе, в ответе был «самодержец». Это неписаный закон для главы любого государства. Стоит вспомнить почитателям большевиков, когда вожди «мировой революции» всенародное Учредительное собрание разогнали своим единоличным решением, чем породили начало Гражданской войны в стране. Во времена Ленина и Сталина это стало «в порядке вещей», что теперь хорошо известно из многих опубликованных документов. На совести наиболее «либерального» руководителя советского государства, первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева расстрел протестующего населения Новочеркасска на Северном Кавказе и ряд других грехов. Этот проявляемый пласт «родимых пятен» сторонников твердой власти можно продолжить и во времена М.С. Горбачева: Рига, Тбилиси и др. После развала Советского Союза памятен всем относительно недавний танковый расстрел «псевдодемократами» в Москве «парламента» в Белом доме, что грозило новым пожаром Гражданской войны в России. Каждый из читателей пусть задумается об этих событиях, и прежде, чем что-то осуждать или одобрять с «чужого голоса», лучше самому ознакомиться с архивными документальными источниками и проверить тот или иной факт, а не принимать его только на веру. Особенно важно, если факт связан с периодом истории, который долгое время препарировался большевиками с классовых позиций своей специфической (отличной от подлинного марксизма и социал-демократии) идеологии.

Насколько справедливы были такие обвинения в якобы проявленной жесткости со стороны Николая II, последнего российского «самодержца»?

Напомним ход событий тех роковых дней и заглянем в некоторые документальные источники бывших спецхранов центральных государственных архивов, хотя, по правде сказать, это тема для большой монографии и над ней изрядно «потрудились» советские историки во главе с ИМЭЛ при ЦК КПСС.

1905 год выдался большим испытанием для России, шла Русско-японская война, которая во многом складывалась неудачно и вызывала отрицательную реакцию в стране. Стоит напомнить, что во время войны к довольно радикальным

действиям перешли представители новой волны либерализма, состоявшие в подавляющем большинстве из демократически настроенной интеллигенции. Была создана нелегальная организация «Союз освобождения». На страницах его (Союза) печатного органа «Освобождение» часть либералов, во главе с П.Н. Милюковым, стала высказываться за поражение царизма в Русско-японской войне, считая, что военное поражение, как в Крымской войне при Николае I, ослабит царизм и заставят его перейти к долгожданным демократическим реформам. Все познается в сравнении. Невольно задаешься вопросом: «Что было бы с такими людьми во времена Сталина?!» В конце сентября – начале октября 1904 г. в Париже состоялось первое нелегальное совещание революционных и либеральных партий Российской империи. Это активизировало их совместную подрывную деятельность в борьбе с основами государственного строя. В этом «революционном процессе», как удалось позднее выяснить, участвовали деньги некоторых ведущих банковских домов Соединенных Штатов и Западной Европы, а также непосредственно воюющей против Российской империи Страны восходящего солнца – Японии.

Стоит напомнить, что в Санкт-Петербурге функционировало легальное общество фабрично-заводских рабочих, во главе которого стоял отец Георгий Гапон, священник церкви при пересыльной тюрьме «Кресты». В начальный период своей деятельности Георгий Аполлонович Гапон (1870–1906) придерживался монархических принципов. Как впоследствии оказалось, этот человек был недюжинным демагогом и весьма неразборчивым в средствах для достижения своих целей. Он призывал рабочих законным путем добиваться улучшения своего положения. В 1903 г. при поддержке начальника Особого отдела Департамента полиции, полковника С.В. Зубатова (1864–1917) он организатор «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», тайный агент охранного отделения. Если в ноябре 1903 года в организации Гапона состояло 30 человек, то в конце мая 1904 года – 750 человек, а к осени этого же года – уже 1200 человек[201]**201**
Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992. С. 264.

. Начиная с 1904 г. он все более сближался с левыми кругами. Гапон, как выяснилось, одновременно сотрудничал и с охранкой, и с эсерами. Он имел значительное влияние на рабочих, среди которых вел «духовные» беседы, а порой осуществлял откровенную антиправительственную пропаганду.

По воспоминаниям известного на тот момент жандармского полковника В.Ф. Джунковского, история этого дела была такова: «В Петербурге же движение это пошло шире и дальше благодаря тому, что во главе этого движения стал ловкий,

пронырливый человек – священник Петербургской пересыльной тюрьмы Георгий Гапон, который уже несколько лет назад занялся изучением быта рабочих, главным образом Путиловского завода. Он посещал их квартиры, расспрашивал о нуждах, помогал им и постепенно приобрел доверие рабочих масс, являясь часто ходатаем за них перед заводской администрацией и петербургским градоначальником. Он был отличный проповедник и оратор, что тоже усиливало его влияние. Одновременно с этим он втерся в доверие петербургского градоначальника генерал-адъютанта Фуллона, благодаря чему ему удалось учредить Общество фабрично-заводских рабочих г. Петербурга и самому стать во главе этого общества. Устав этого общества был утвержден законным порядком и имел целью удовлетворение духовных и умственных интересов рабочих и отвлечение их от влияния преступной пропаганды.

Сначала это общество не выходило за пределы своего устава, но постепенно стало выходить из рамок, и когда 2 января правление Путиловского завода уволило 2 рабочих, то депутация от рабочих с Гапоном во главе обратилась к правлению с требованием, сводящимся, главным образом, к увольнению одного мастера, возвращению уволенных рабочих, установлению восьмичасового рабочего дня и новой расценки по добровольному соглашению с комиссией из выборных рабочих. Правление ответило, что вопрос о восьмичасовом рабочем дне зависит от Министерства финансов, а вопрос о повышении платы будет внесен в общее собрание акционеров. Это не удовлетворило рабочих, и они объявили забастовку»[202]**202**
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 32–33.

.

Гапоном и его сотоварищами была организована серия забастовок – сначала экономических, но быстро переросших в чисто политические. Случилось так, что 3 января 1905 года крупный Путиловский завод (работавший на оборону) забастовал. Рабочие требовали 8-часового рабочего дня и установления минимума заработной платы. «Гапоновское общество» сразу взяло на себя руководство забастовкой; его представители, с Гапоном во главе, организовали стачечный комитет и фонд помощи бастующим. Уже 5 января 1905 года бастовало несколько десятков тысяч рабочих, и на многих заводах и фабриках, которые часто угрозами и расправами, заставляли других проявлять «пролетарскую солидарность». Организаторы имели скорый успех, вызвав под популярными лозунгами «борьба за правду», «за рабочее дело» почти всеобщую забастовку петербургских рабочих, так как семена раздора упали на благодатную почву всеобщего народного озлобления против «буржуев» и

местных властей. К 8 января 1905 года бастовало уже до 200 заводских предприятий и типографий, а также и железные дороги Петербургского узла. Георгий Гапон и его окружение резко и неожиданно ловко повернули движение на политические рельсы. Отец Гапон выдвинул провокационную идею похода к Зимнему дворцу и непосредственного обращения народа к царю-батюшке как носителю верховной власти. Он хорошо знал, что Николая II не было в столице (он был в Царском Селе) и что во дворце находился только великий князь Сергей Александрович, противник всяких уступок. Гапон и его окружение знали, что официальный закон категорически запрещал приближаться к центральной резиденции царя демонстрациям. Тем не менее они сознательно повели массы народа на столкновение с вооруженной силой, поставленной охранять порядок.

Великий князь Владимир Александрович (1847–1909), главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа, 6 января 1905 года вечером отдал распоряжение привести войска в столице в повышенную боевую готовность. Был организован военный штаб, который он сам возглавил. Весь Петербург был поделен на восемь секторов, во главе каждого был поставлен отдельный военный начальник. Из окрестных мест подтягивались дополнительные войсковые части. Министр финансов В.Н. Коковцов (1853–1943) во избежание обвала во время войны ценных российских бумаг на мировом рынке убедил всех не вводить официального военного положения в столице.

Петицию к царю священнику отцу Гапону помогали составлять социал-демократы. Содержание ее ясно свидетельствует, что не могло быть и речи о «порыве народа к своему царю», что пытались изобразить для маскировки провокаторы. Между прочим, в петиции выдвигались среди прочего и такие требования: «Немедленно повели созвать представителей земли русской. Повели, чтобы выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов». Затем шло еще 13 пунктов, в том числе – все «демократические свободы», ответственность министров «перед народом», политическая амнистия и даже отмена всех косвенных налогов. Перечисление требований кончалось словами, в которых звучали нотки угрозы: «Повели и поклянись исполнить их… А не повелишь, не отзовешься на нашу просьбу, – мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом».

Министр юстиции Н.В. Муравьев (1850–1908) попытался сам провести переговоры с Г.А. Гапоном в своем кабинете. По словам воспоминаний самого отца Георгия, после того как министр юстиции ознакомился с содержанием требований, он «простер руки с жестом отчаяния и воскликнул: “Но ведь вы

хотите ограничить самодержавие!". "Да, – ответил я, – но это ограничение было бы на благо как для самого царя, так и его народа. Если не будет реформ свыше, то в России вспыхнет революция, борьба будет длиться годами и вызовет страшное кровопролитие… Пусть простят всех политических и немедля созовут народных представителей"»[203]**203**
Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. С. 32.

. После такого однозначно прозвучавшего ультиматума переговоры были прерваны. Держа данное слово чести, министр Н.В. Муравьев отпустил с миром священника-провокатора.

Власти столицы были застигнуты врасплох быстро возникшей опасностью. Причем градоначальник до последней минуты надеялся, что Гапон «уладит все дело», так как последний был известен полиции как свой, доверенный человек. Начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге полковник А.В. Герасимов (1861–1944) позднее признавался в своих воспоминаниях: «И в Департаменте, и в градоначальстве все были растеряны. Гапона считали своим, а потому вначале не придали забастовке большого значения. Когда потом спохватились, было уже поздно… Для власти было два прямых пути: или попытаться раздавить движение, арестовав его вождей и ясно объявив всем, что шествие будет разогнано силой; или убедить царя выйти к рабочей депутации для того, чтобы попытаться по-мирному успокоить движение. Власть не пошла этими путями»[204]**204**
Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 25.

. Власти города и правительство до 8 января не знали, что за спиной рабочих заготовлена другая петиция, с экстремальными требованиями. Был отдан полиции приказ арестовать Г.А. Гапона, но его кто-то предупредил, и он скрылся. Единственным способом помешать толпе овладеть центром города была установка кордона из войск на всех главных путях, ведущих из промышленных районов к Зимнему дворцу. Поэтому в центр стягивались войска, казаки получили приказ не пропускать толпы людей, но оружие применять лишь при крайней необходимости. Газеты не выходили с 7 января по причине все той же забастовки рабочих типографий. Однако объявления от градоначальника, предупреждавшие, что массовые шествия запрещены и что участие в них опасно, были расклеены по всему городу вечером 8 января. По словам воспоминаний С.Ю. Витте, меры по противодействию массовым выступлениям народа сводились лишь к тому, чтобы «толпы рабочих не пропускались далее известных пределов, находящихся близ Дворцовой

площади. Таким образом, демонстрация рабочих допускалась вплоть до самой площади, но на нее вступать рабочим не дозволялось»[205]**205**
Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1. М., 1960. С. 237.

.

Георгий Гапон и другие руководители рабочего движения весь день 8 января нелегально ездили по городу и на многочисленных митингах призывали народ идти к Зимнему дворцу. Он заявил руководителям движения: «Решено, что завтра мы идем, но не выставляйте ваших красных флагов, чтобы не придавать демонстрации революционного характера. Если хотите, идите впереди. Когда я пойду в Зимний дворец, я возьму с собою два флага, один белый, другой красный. Если Государь примет депутацию, то я возвещу об этом белым флагом, а если не примет, то красным, и тогда вы можете выкинуть свои красные флаги и поступать, как найдете лучшим…»[206]**206**
Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. С. 65.

.

Как писал позднее один из многих очевидцев публичных выступлений отца Георгия Гапона в этот период: «В таинственно неясных очертаниях развевающейся над толпой рясы, в каждом звуке доносившего хриплого голоса окружающему очарованному людскому морю казалось, что наступает конец, приближается избавление от чудовищных вековых мучений»[207]**207**
Рутберг П.М. Убийство Гапона. Л., 1925. С. 8.

. Гапон говорил: «Если царь не примет требований рабочих – тогда нет у нас царя».

На самом деле никаких сомнений у отца Георгия Гапона об истинном желании боевиков-эсеров спровоцировать вооруженное столкновение с войсками не было. Позднее он сам на заданный ему вопрос, что должно было случиться, если бы Николай II вышел к народу, ответил: «Убили бы в полминуты, полсекунды»[208]**208**
Невский В.И. Январские дни в Петербурге //Красная летопись. Пг., 1922. № 1. С. 35.

.

Позднее в советские времена об январских событиях 1905 года откровенно писал историк революционного движения В.И. Невский: «И большевики, и меньшевики, да и все вообще в Петербурге прекрасно понимали, что может выйти из шествия к Зимнему дворцу в случае, если солдаты начнут стрелять»[209]**209**

Невский В.И. Январские дни в Петербурге //Красная летопись. Пг., 1922. № 1. С. 35.

.

Министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский (1857–1914) вечером 8 января созвал срочное совещание. По воспоминаниям министра финансов В.Н. Коковцова: «Это было около 9BS часов вечера. Все совещание носило совершенно спокойный характер. Среди представителей Министерства внутренних дел и в объяснениях начальника штаба не было ни малейшей тревоги. На мой вопрос, почему же мы собрались так поздно, что я даже не могу осветить дела данными фабричной инспекции, князь Святополк-Мирский ответил мне, что он думал первоначально совсем не “тревожить” меня, так как дело не имеет вовсе серьезного характера, тем более, что еще в четверг на его Всеподданнейшем докладе было решено, что Государь не проведет этого дня в городе, а выедет в Гатчину, полиция сообщит заблаговременно рабочим, и, конечно, все движение будет остановлено, и никакого скопления на площади Зимнего дворца не произойдет. Ни у кого из участников совещания не было и мысли о том, что придется останавливать движение рабочих силой, и еще менее о том, что произойдет кровопролитие»[210]**210**

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 1. М., 1992. С. 61–62.

.

Январь 1905 г. был трудным и неспокойным в жизни страны, тем более сообщения с фронта далеко не радовали. По столице распространялись слухи о готовящемся покушении на царя, царицу-мать и молодую царицу. Известно, что в беседе с супругой министра внутренних дел Е.А. Святополк-Мирской вдовствующая императрица Мария Федоровна сетовала, «что ее не пускают в Петербург, потому что как будто бы ее хотят убить…»[211]**211**

Дневник Е.А. Святополк-Мирской // Исторические записки. 1965. № 77;

Богданович А.В. Три последних самодержца… С. 331.

.

Адъютант великого князя Михаила Александровича полковник А.А. Мордвинов на склоне лет отмечал в рукописных воспоминаниях:

«Беспорядки 1905 года начались в виде какого-то тяжелого предзнаменования, до сих пор недостаточно разъяснимым выстрелом из салютационного орудия, картечью по водосвятию на крещенском параде, на котором присутствовал Государь.

В то время я был полковым адъютантом и, вынеся свой кирасирский штандарт из зал дворца, находился в числе адъютантов остальных воинских частей в самой середине сквозной беседки-часовни, устраиваемой ежегодно со времен Екатерины II, как всегда на льду проруби Невы, против Иорданского подъезда Зимнего дворца.

Его Величество и великие князья стояли во время молебствия немного поодаль, налево от знамен и штандартов, довольно заметной издали, отдельной группой. Государыни императрицы, великие княгини и все остальные, собравшиеся на Высочайший выход, смотрели на эту красивую церемонию из окон дворца.

В то время как митрополит погружал святой крест в воду, раздался обычный салют, с верхов Петропавловской крепости и из полевых орудий батареи гвардейской конной артиллерии, находившей около Биржи. Одновременно со звуком салюта мне послышалось какое-то шуршание по льду, небольшой треск сверху, и я почувствовал, как что-то пронеслось около меня.

Я поднял невольно глаза наверх, думая, что это, вероятно, падают обломки от неудачно пущенной ракеты. Но никаких обломков я не заметил, как не заметил никакого смущения и среди остальных – молебствие продолжало совершаться в прежнем, торжественном порядке.

Государь спокойно приложился к кресту и неторопливо, своей обычной походкой, обошел вместе с митрополитом окропляемые знамена и штандарты.

Лишь по окончании всей церемонии, когда мы возвращались обратно во дворец, я заметил к моему изумлению, несколько окон в нем разбитых, а поднимаясь по дворцовой лестнице вместе с другими, услышал как кто-то, волнуясь, говорил: “Какое чудо, что мы все остались живы… ведь по нас стреляли самой

настоящей боевой картечью, а поранили только глаз одного городового, да говорят пробили знамя морского корпуса… Воображаю, какой переполох должен был быть в залах у дам…”.

Действительно, это было чудо, так как иначе назвать его нельзя.

Возвращаясь с выхода, домой, я прошел осмотреть беседку на Иордании. Весь низ ее, около льда, был густо изрешечен картечными пулями. Очень много из них попало и в верхнее строение часовни, в купол, а также и в средние окна дворца. Как при таком густом и широком разлете картечи не оказалось ни одного попадания ни в находившееся внизу у льда духовенство, ни в стоявших в середине беседки людей, ни в образа около купола, приходится объяснить лишь одним Промыслом Божиим.

В дворцовых залах, полных народа, также никто не пострадал и особого смятения, благодаря звуку салюта, заглушившего звон разбитых стекол, не произошло. Картечные пули, достигнув дворца, видимо, были уже на излете и, пробив стекла, упали у самых окон; лишь немногие из них докатились до середины Николаевского зала. /…/

Великий князь [Михаил Александрович], рассказывая мне о полном спокойствии, проявленном Государем, сам был, видимо, очень удручен. Ведь стреляла в нас, благодаря какому то, если не несчастному, то, во всяком случае, совсем непонятному случаю боевым снарядом, одна из батарей той Гвардейской конноартиллерийской бригады, где Государь и сам великий князь проходили свою учебную службу, и этот выстрел не только мог сказаться громадным несчастьем на многих присутствовавших на молебне, но несмотря на благополучный исход, сулил, конечно, и очень суровую кару хорошо знакомым ему офицерам.

Но мысль о каком-либо заранее задуманном, злоумышленном покушении ни мне, ни ему, ни, судя по его словам, Государю не приходила тогда в голову – настолько она казалась чудовищной по отношению к этой преданной, избранной части гвардейских войск, куда поступали офицеры, лишь отлично окончившие Пажеский Корпус.

Командиром батареи был тогда полковник Давыдов, а офицерами – Карцев, Колчаков и, кажется, братья Рот. В чем-либо предумышленном этих офицеров, конечно, нельзя было подозревать, а лишь прислугу, из нижних чинов, непосредственно соприкасавшихся с орудиями. /…/

Так, судя, конечно, лишь по официальным сведениям, оказалось и в действительности. Было назначено следствие, установившее, что во время происходивших накануне учебных занятий в одном из орудий, якобы по небрежности, был забыт боевой снаряд с картечью, и это же орудие, не осмотренное предварительно, как и все остальные, офицерами, было отправлено на салютационную стрельбу в день Крещения. Для меня непонятным осталось все-таки то, что орудие это было наведено совершенно точно именно на часовню Иордани, но, не будучи артиллеристом, я не знаю, в каком направлении обыкновенно устанавливаются орудия, в подобных случаях, для салюта. Еще более преступным и уже совершенно неправдоподобным представляется мне, то обстоятельство: как можно было заряжать орудие для салютационной стрельбы и не заметить, что в нем уже находилась картечь.

Командира и офицеров батареи судили, всех разжаловали в рядовые, но вскоре они были прощены и переведены теми же чинами в армию, что вызвало большое неудовольствие в полевой (армейской) артиллерии. Понесла ли какое-нибудь наказание прислуга орудия – я не знаю, а в ее поступках, по-видимому, и заключалась вся тайна.

Об этом случае много и оживленно толковали в военной среде, указывали на недоговоренность и промахи следствия, на работу в войсках революционеров, но наступившие вскоре новые волнующие события заставили забыть и о нем»[212]**212**
ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 512. Л. 52–55.

.

Имеется еще одно свидетельство генерала Н.А. Епанчина (1857–1941) на этот для всех неожиданный инцидент:

«В самом начале этого злополучного года, 6 января, в день Крещения, произошло печальное событие, кажется, до сих пор не выясненное окончательно. В этот день, как всегда, после литургии в соборе Зимнего Дворца состоялся крестный ход на Неву, на Иордань, для великого освящения воды. Так как в церемонии участвовали пажи, то и я должен был находиться на Иордани. Во время водосвятия я стоял в трех шагах за Государем. Когда митрополит опустил св. крест в воду, начался, как полагается, салют из орудий Петропавловской крепости и из полевых орудий, стоявших у здания биржи на Васильевском острове. Во время салюта мы услышали звон разбитых стекол в окнах Зимнего Дворца, и у моих ног на красное сукно упала круглая пуля; я ее

поднял – это была картечная пуля, величиной как крупный волошский орех. Государь проявил и на этот раз полное самообладание.

Когда мы возвращались во дворец, я показал пулю великому князю Сергею Михайловичу, как артиллеристу, и он сказал мне, что это учебная картечь и не понятно, как она могла попасть в орудие, так как салют производится холостыми зарядами. Оказалось, что выстрел был произведен гвардейской конной батареей, которой командовал полковник Гаспарини»[213]**213**
Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 315.

.

В воспоминаниях генерала П.Г. Курлова (1860–1923) также отмечен этот странный случай:

«Для царской семьи этот год начался зловещим предзнаменованием, 6 января, во время Крещенского водоосвящения, из одного из орудий гвардейской конной артиллерии, выстроенных около здания биржи, для производства салюта, последовал выстрел картечью, осыпавшей помост, на котором был Государь Император и царская семья, и Зимний дворец. Расследование показало небрежность со стороны подлежащего военного начальства, и дело было отнесено к случаю, хотя “случайность” такого выстрела требует очень сильного воображения, и несомненно, что в самой батарее или среди близких к ней людей были члены революционных партий, знавшие обычную халатность в этой части войск и ее воспользовавшиеся»[214]**214**
Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 34–35.

.

Засвидетельствовали этот исключительный случай не только военные. Так, например, писатель и историк Сергей Александрович Нилус (1862–1929) пишет об этом событии в своей книге «На берегу Божьей реки» с некоторым оттенком мифотворчества, рассчитанного на массового читателя. Сравним тексты:

«6 января 1905 года на Иордане, у Зимнего дворца при салюте из орудий от Петропавловской крепости одно из орудий оказалось заряженным картечью, и картечь ударила по окнам дворца, частью же около беседки на Иордане, где находилось духовенство, свита Государя и сам Государь. Спокойствие, с которым Государь отнесся к происшествию, грозившему ему смертью, было до

того поразительно, что обратило на себя внимание ближайших к нему лиц. Он, как говорится, бровью не повел и только спросил:

– Кто командовал батареей?

И когда ему назвали имя, он участливо и с сожалением промолвил, зная, какому наказанию должен подлежать командовавший офицер:

– Ах бедный, бедный (имярек), как же мне жаль его!

Государя спросили, как подействовало на него происшествие. Он ответил:

– До 18-го года я ничего не боюсь.

Командира батареи и офицера (Карцева), распоряжавшегося стрельбой, Государь простил, так как раненых, по особой милости Божией, не оказалось, за исключением одного городового, получившего самое легкое ранение. Фамилия же городового была – Романов».

Известная генеральша А.В. Богданович (хозяйка светского влиятельного салона в Петербурге), узнав 6 января новость, записала в дневнике:

«Сегодня во втором часу был телефон от Зилоти (*правильно, С.И. Зилоти помощник начальника Главного морского штаба. – В.Х.*) с сенсационной новостью, что во время Иордани, в ту минуту, когда митрополит погружал крест в воду, раздался обычный пушечный салют, и оказалось, что одна из пушек, которые стреляли, была заряжена картечью. Одна пуля ранила городового, затем были разбиты два стекла в окнах Зимнего дворца. Царь в это время находился в павильоне, где совершалось богослужение, царицы сидели у окна во дворце. Царь немного растерялся, а царицы не поняли, в чем дело.

Говорят, что в эти дни в Петербурге шел слух, что 6-го будет покушение на царя, а если оно не удастся, то будет 12 января. Говорят, что из Швейцарии уехали сюда анархисты с целью убить царя. Оказывается, что выстрел был из пушки конной артиллерии…

Вчера нам говорили, что по городу идет слух, что три бомбы готовы – для царицы-матери, вел. кн. Сергея и вел. кн. Алексея. Другая версия, что царица-мать и вел. кн. Владимир против царя, хотят его устранить»[215]**215** Богданович А.В. Три последних самодержца… С. 331.

.

В зарубежных изданиях это происшествие нашло отражение порой в самых невероятных подробностях. Английская известная писательница Э. Тисдолл в своей утрированной манере повествования отметила:

«Церемония Водосвятия подходила к концу. У высокого окна Зимнего дворца стояли Императрица, Вдовствующая Государыня и их фрейлины. Раздался орудийный салют. Стреляли пушки Петропавловской крепости, что на противоположном берегу Невы. Неожиданно послышался жуткий свист, за ним грохот разрыва. Окно дворца окутало облако дыма и пыли. Посыпались стекла, в лица пахнуло ледяным ветром. Снаряд разорвался под самым окном.

Никто не был ранен, потому что снаряд угодил в кладку между первым и вторым этажом. Поскольку для салюта использовались лишь холостые снаряды, не оставалось никакого сомнения в том, что среди гвардейских артиллеристов находились революционные элементы»[216]**216**
Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумфы и поражения. СПб., 2004. С. 276–277.

.

Любопытно выяснить реакцию императора Николая II на эту нештатную ситуацию. В частности, в его дневнике было записано за эти дни:

«*6-го января. Четверг.*

До 9 час. поехали в город. День был серый и тихий при 8° мороза. Переодевались у себя в Зимнем. В 10BS пошел в залы здороваться с войсками. До 11 час. тронулись к церкви. Служба продолжалась полтора часа. Вышли к Иордании в пальто. Во время салюта одно из орудий моей 1-й конной батареи выстрелило картечью с Васильевского острова и обдало ею ближайшую к Иордании местность и часть дворца. Один городовой был ранен. На помосте нашли несколько пуль; знамя Морского корпуса было пробито. После завтрака принимали послов и посланников в Золотой гостиной. В 4 часа уехали в Царское. Погулял. Занимался. Обедали вдвоем и легли спать рано.

7-го января. Пятница.

Погода была тихая, солнечная, с чудным инеем на деревьях. Утром у меня происходило совещание с д. Алексеем и некоторыми министрами по делу об аргентинских и чилийских судах. Он завтракал с нами. Принимал девять

человек. Пошли вдвоем приложиться к иконе Знамения Божьей Матери. Много читал. Вечер провели вдвоем.

8-го января. Суббота.

Ясный морозный день. Было много дела и докладов. Завтракал Фредерикс. Долго гулял. Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120 000 ч. Во главе рабочего союза какой-то священник – социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах.

9-го января. Воскресенье.

Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело! Мама приехала к нам из города прямо к обедне. Завтракали со всеми. Гулял с Мишей. Мама осталась у нас на ночь»[217]**217**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 248; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 245–246.

.

В то время когда император находился в Царском Селе, в Петербурге произошли кровавые столкновения. Великий князь Владимир Александрович (главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского военного округа) отдал приказ 9 января о пресечении беспорядков в столице. Полиция и войска при разгоне демонстраций применили оружие. Всего в этот день погибли 96 и были ранены 334 человека[218]**218**
Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна (1847–1928 гг.). М., 2000. С. 105.

. Позднее до 27 января из числа раненых скончалось еще 34 человека (в том числе один помощник пристава). Итак, по документальным данным, всего было убито 130 человек и около 300 ранено[219]**219**
ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 47. Л. 8.

. Такими печальными последствиями завершилась провокационно

спланированная акция социалистов-революционеров, которая породила бунтарские настроения по всей стране.

Накануне событий (8 января 1905 года) великий князь Константин Константинович с тревогой записал в дневнике:

«8 числа ни одна газета не вышла – везде перестали работать. Из окрестностей Петербурга вызваны войска. Ожидают, что в воскресенье десятки, если не сотни, тысяч рабочих соберутся на площади перед Зимним дворцом, чтобы заявить свои требования самому Государю. Но он в Царском [Селе]. Мне кажется, что власти потеряли голову»[220]**220**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56; Красный архив. 1930. № 6(43). С. 106.

.

Великая княгиня Ксения Александровна тоже отразила свое беспокойство в дневниковой записи:

«*8 января. Суббота. – Петербург.*

Встали около 9 ч. Утром писала, читала /…/. Сегодня газет нет, типографии тоже закрылись! Забастовка принимает грандиозные размеры, и чем все это кончится, Бог знает. – Из Петергофа вытребованы конно-гренадерский и л[ейб] драгунский полки. Была у меня кн. Грузинская, рассказывала всякие ужасы! /…/ Миша приехал из Гатчины, Дина была. Позже пришли Фогель и Соня. Болтала с последней. Ольга увлекается выжиганием по дереву! Миша говорит, что уже меньше поездов ходит и, вероятно, движение скоро совсем прекратится. У Пети трещит голова /…/. Обедали в Аничкове [дворце]. У Мама застала гр. Воронцова. Он приехал просить, чтобы она завтра уехала с утра в Царское [Село], т. к. ждут на улицах беспорядков и говорят, что рабочие в числе нескольких тысяч с семьями собираются придти к Аничкову [дворцу] с челобитной. Она страшно недовольна, спласирована в высшей степени и находит, что это вздор и глупо, но все же уступила общим просьбам! Нечего сказать, хорошие времена!»[221]**221**
ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 23. Л. 48–48 об., 49.

.

9 января было воскресеньем. Участники шествия с утра выступили из отделов «гапоновского общества» (расположенных в разных частях города) с расчетом,

чтобы сойтись к двум часам у Зимнего дворца. Некоторые шествия представляли собою толпу в несколько десятков тысяч человек; многие несли портреты царя и иконы. Всего в них участвовало до трехсот тысяч[222]**222**
Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. М., 1991. С. 266.

.

По воспоминаниям Г.А. Гапона можно представить картину того воскресного утра:

«Я подумал, что хорошо было бы придать всей демонстрации религиозный характер, и немедленно послал несколько рабочих в ближайшую церковь за хоругвями и образами, но там отказались дать нам их. Тогда я послал 100 человек взять их силой, и через несколько минут они принесли их. Затем я приказал принести из нашего отделения царский портрет, чтобы этим подчеркнуть миролюбивый и пристойный характер нашей процессии. Толпа выросла до громадных размеров… “Прямо идти к Нарвской заставе или окольными путями?” – спросили меня. “Прямо к заставе, мужайтесь, или смерть, или свобода”, – крикнул я. В ответ раздались громовое “ура”. Процессия двигалась под мощное пение “Спаси, Господи, люди Твоя!”, причем когда доходили до слов “императору нашему Николаю Александровичу”, то представители социалистических партий неизменно заменяли их словами “спаси Георгия Аполлоновича”, а другие повторяли “смерть или свобода”. Процессия шла сплошной массой. Впереди меня шли мои два телохранителя…»[223]**223**
Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. С. 87.

.

Когда шествие от Нарвской заставы во главе с самим отцом Гапоном подошло к Обводному каналу, путь ему преградила цепь солдат. Толпа, несмотря на предупреждения, двинулась вперед, подняв плакаты: «Солдаты, не стреляйте в народ». Дан был сначала холостой залп. Толпа продолжала идти. Тогда был дан боевой залп. Несколько десятков человек было убито или ранено. Гапон скрылся, предоставив толпу самой себе, которая в беспорядке отхлынула назад. После трагических событий отец Георгий Гапон был лишен сана, бежал за границу, где активно вращался в революционных эмигрантских кругах. Выпустил книгу «История моей жизни».

В этот день в других районах столицы (Васильевский остров, Выборгская сторона) происходило то же, что у Нарвской заставы: демонстранты доходили до кордона войск, отказывались разойтись, не отступали при холостых залпах и рассеивались, когда войска открывали огонь на поражение. Молва тотчас же приумножила число жертв. По окончательной официальной сводке, было убито 130 человек и ранено несколько сот. Но дело было не столько в числе жертв, а в самом факте массового народного движения против власти в военное время, столкновения толпы с войсками на улицах Петербурга.

Эти события получили и большой международный общественный резонанс. Так, например, в воспоминаниях княгини Ю.Ф. Кантакузиной, внучки президента США, указывается: «Впоследствии я узнала, что мои родители всерьез озабочены происходящим в России, поскольку все нью-йоркские газеты писали о Кровавом воскресенье крупными буквами, сообщалось, будто около 50 тысяч человек было убито, и Нева покраснела от крови! По правде говоря, я никогда не слыхала, чтобы в эти дни беспорядков было убито больше 285 человек»[224]**224**

Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. /Пер. с англ. И.Э. Балод. М., 2007. С. 85.

.

Трагичный для Российской империи день, вошедший в анналы истории под наименованием «Кровавое воскресенье» (или «позор самодержавия»), нашел отражение в дневнике великого князя Константина Константиновича:

«*9 января. – Мраморный дворец.*

На Путиловском, Невском и некоторых других заводах рабочие не только забастовали, но тысячными толпами ходили по улицам, требуя от рабочих других заводов, фабрик, мастерских, типографий и пр., чтобы и там прекратили работы, грозя в противном случае насилием. Нежелание рабочих этих заведений согласиться на требования путиловских не помогало, и полицией было сделано распоряжение, закрывать мастерские во избежание побоища. Не думаю, чтобы такая уступчивость была целесообразна. То же было и с типографией Академии наук. Только я потребовал от полиции письменного заявления о необходимости прекратить работу, как того требовало нахлынувшая толпа забастовавших»[225]**225**

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 56; Красный архив. 1930. № 6 (43). С. 106.

.

Старшая родная сестра царя, великая княгиня Ксения Александровна также сделала пространную поденную запись:

«*9 января. Воскресение. – Петербург.*

Вот уж денек! Бог знает, что здесь творится. Город на военном положении, по улицам – патрули и разъезды, всюду войска. Из Пскова пришла 24-я дивизия на подмогу. Главная задача была, чтобы не пустить толпу на Дворц[овую] площ[адь] и набережную, и это было достигнуто, но пришлось стрелять преображ[енцам] по толпе из арки, т. к. они не слушались. – Они непременно хотели придти к Зимнему [дворцу], видеть Ники, но т. к. их не пускали туда, то разные темные субъекты объясняли народу, что царь их больше слушать не хочет, он не на их стороне, надо покончить с казнокрадами, это их вина, надо бить, душить и т. д. Такую речь Петров (ездовой) сам слышал. В это же время проезжал какой-то генерал, его остановили и избили. (Все это было на Морской.) Мы были у обедни, потом завтракали Couple, сестра Соф[ьи] Дмитр[иевны], Ueptain и Фогель. Болтали после. Потом Клопов влетел, читал нам письмо, кот[орое] он написал Ники, говорит, что надо что-нибудь сделать, чтобы остановить все это, даже следовало бы Ники принять депутацию от рабоч[их] самых спокойных, что бы они [могли] высказать ему лично свою просьбу. Это произвело бы впечатление, как на них, так и на скверный элемент, закрыло бы им рты. Эти бедные люди слепы, оружие в руках революционного элемента, который пустил все средства в ход, играя самыми лучшими святыми чувствами. Во главе этого движения стоит священник, ужаснейший мерзавец Гапон, кот[орый] тоже участвовал в беспорядках, с крестом в руках! Его окружили плотной стеной и его никак не могли схватить. Стреляли в нескольких местах на Васильевск[ом] острове (там было хуже всего и даже в одном месте была устроена баррикада!). За Нарвской заставой, у Дворц[овой] площ[ади], на полицейском мосту и т. д. Я должна была ехать к М[арии] П[авловне], но меня не пустили! Говорили страшно много по телефону с Георгием [Михайловичем], Минни и др. К чаю пришли Секрелиц и Фогель, потом дети нас пригласили смотреть волшебный фонарь. Очень много писала. Обедали одни, потом пришли Шотелин, Соф[ья] Дмитр[иевна] с Сережей, страшно много рассказывали. Борис Шер[еметев] (они приехали от них) участвовал в усмирении толпы и вернулся домой под ужасным впечатлением. Ужас, что говорилось среди этих людей, они прямо кричали, что Государя им не надо и его нет и т. д. Солдаты были так обозлены, что их с трудом можно было сдерживать. Ольга [Александровна] тоже в Царском [Селе] и там осталась на

ночь. Сидела почти до 12 ч.»[226]**226**
ГА РФ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 23. Л. 49 об., 50–51 об.

.

На следующий день великий князь Константин Константинович в своем дневнике уточнял ход произошедших трагических событий в столице:

«*10 января. – Петербург.*

Слухи, ходившие по городу, о том, что 9 числа стачечники или рабочие намереваются собраться на Дворцовой площади, чтобы подать прошение Государю, оправдались. Приняты были меры: пехота и конница оберегали подступы к дворцу. После полудня густые толпы народа хлынули к дворцу; войска их задерживали, и в некоторых местах были даны залпы. Я слышал, что священник Георгий Гапон, стоящий во главе разрешенного год назад “Общества заводских и фабричных рабочих”, оказался явным революционером. От деятельности, направленной к улучшению быта рабочих, “Общество” перешло к политической агитации. Говорят, о[тец] Гапон или схвачен или даже убит. Утром казалось на улицах спокойно. Поехал в санях в Главное управление. Действительно, ничего подозрительного не было заметно. Думал, что на приеме никого не будет, однако пришли. Когда собрался ехать домой, сказали, что на улицах опять появляются толпы и может быть не безопасно. Особенно неприятно военным – их оскорбляют и словами, а иногда и действием. Взял с собой Риттиха, который за меня тревожился; мы надели шашки наверх пальто и поехали вместе в санях. Добрались до дому вполне благополучно. Потом уже не выходил и не выезжал»[227]**227**
ГА РФ, Ф. 660. Оп. 1. Д. 56; Красный архив. 1930. № 6 (43). С. 106–107.

.

Вскоре был отправлен в отставку министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский и уволен петербургский градоначальник И.А. Фуллон, назначено официальное расследование. В какой-то степени пострадал дядя царя великий князь Владимир Александрович (1847–1909). Он с 1884 года командовал войсками гвардии и столичным военным округом, нес ответственность за произошедшие кровавые события и в итоге под давлением общественного мнения и других обстоятельств подал прошение об отставке. Император Николай II принял его отставку 25 октября 1905 г.

События 9 января 1905 года произвели большое негативное впечатление по всей стране и за ее пределами. Рабочие массы начали прямые враждебные действия против властей. Партия революционеров, особенно в лице эсеров, воспользовалась провокацией, повлекшей трагические события, чтобы усилить антиправительственную пропаганду. Царское правительство в ответ усилило репрессии. Губернатором Петербурга был назначен Д.Ф. Трепов (1855–1906) – человек твердый и преданный Государю. Забастовка стала постепенно прекращаться, но газеты вышли только 15 января. Когда была получена телеграмма из Парижа о том, что японцы открыто хвастаются волнениями, вызванными на их деньги, этому не захотели верить даже такие правые газеты, как «Новое время» и «Гражданин».

Император Николай II поручил новому генерал-губернатору столицы Д.Ф. Трепову собрать делегацию из рабочих разных заводов и 19 января принял ее, выразив в речи свое отношение к происшедшему:

«Вы дали себя вовлечь в заблуждение и обман изменниками и врагами нашей родины, – сказал Государь. – Стачки и мятежные сборища только возбуждают толпу к таким беспорядкам, которые всегда заставляли, и будут заставлять власти прибегать к военной силе, а это неизбежно вызывает и неповинные жертвы. Знаю, что нелегка жизнь рабочего. Много надо улучшить и упорядочить. Но мятежною толпою заявлять мне о своих нуждах – преступно…»[228]**228**
Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 142.

.

Государь в то же время распорядился отпустить 50 000 золотых рублей на пособия семьям пострадавших в трагических событиях 9 января и поручил созвать сенатору Н.В. Шидловскому (1843–1907) правительственную комиссию для выяснения «причин недовольства рабочих Санкт-Петербурга», а также их насущных нужд, при участии в ее деятельности выборных из среды рабочих.

В воспоминаниях генерала П.Г. Курлова, в то время курского губернатора, а позднее товарища (заместителя) министра внутренних дел, имеются такие строки:

«Стрельба в рабочих 9 января 1905 года тоже не может быть поставлена в вину Государю. Он не знал об их намерениях и желаниях, Он не знал, что не перед

рабочими, в своем кабинете находился начальник столицы – с. петербургский градоначальник, генерал Фуллон, а перед рабочими стояли вооруженные войска, обязанные по долгу службы и в силу закона не подпускать к себе толпы ближе 50 шагов без употребления оружия.

Действием Государя было увольнение градоначальника от должности за прямое неисполнение им своего долга лично встретить толпу, выяснить желания рабочих масс и их истинное настроение для верноподданнического затем о сем доклада.

Нельзя требовать от Императора, чтобы Он заменял в таком случае Собою градоначальника. Жизнь Его была слишком драгоценна для государства, и, можно сказать, далеко не находилась в безопасности, особенно после "случайного", за три дня до 9 января, выстрела одного из орудий гвардейской конной артиллерии картечью по помосту, где находились Государь и Августейшая семья во время Крещенского водоосвящения. /…/

Когда в 1905 году Россия, в чаянии успеха революции, была залита кровью и освещена заревом пожаров помещичьих усадеб, военные суды были введены по инициативе покойного П.А. Столыпина, которому, по незабвенному его выражению, нужна была *великая Россия*, Государю Императору представлялись еженедельно сведения о количестве смертных приговоров, и каждый раз, возвращаясь с Всеподданнейшего доклада, П.А. Столыпин передавал мне о том, какое удручающее впечатление производят на Государя эти сведения, а также непременное требование, чтобы были приняты все меры к сокращению случаев предания военному суду и к ограничению числа губерний, объявленных на особом положении, где эти суды могли применяться. /…/

Государь Император, безусловно, отклонял от себя утверждение смертных приговоров, и я не знаю ни одного случая, когда обращенное к Его Величеству ходатайство о помиловании было бы Монархом отклонено.

Все изложенное было, конечно, прекрасно известно главарям революционных партий и представителям революционной прессы еще до революции и, конечно, не могло оставлять никаких сомнений у этих лиц и их присных после февраля 1917 года, когда для них не было уже ничего тайного и в их руках были все самые секретные документы. Но ложь и клевета до революции признавались ими как средство для борьбы против ненавистного режима, а после одержанной победы были проявлением бессмысленной мести к падшему Российскому Самодержцу мелких людишек, дорвавшихся до власти»[229]**229**
Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 14–16.

.

Георгий Гапон, бежавший вскоре после Кровавого воскресенья за границу, выпускал под руководством эсеров отчаянные воззвания к народу. В одном из революционных нелегальных изданий после посылаемых проклятий по адресу «зверя-царя», «шакалов-министров» и «собачьей своры чиновников» Гапон призывал во время тяжелой Русско-японской войны: «Министров, градоначальников, губернаторов, исправников, городовых, полицейских стражников и шпионов, генералов и офицеров, приказывающих в вас стрелять, убивайте… Все меры, чтобы у вас было вовремя настоящее оружие и динамит, знайте, приняты… На войну идти отказывайтесь… По указанию боевого комитета восставайте…»[230]**230**
Освобождение. 1905. 18 марта. № 67.

.

Мы сегодня все хорошо знаем, чем окончились эти события. Все-таки стоит напомнить, что Георгий Гапон был амнистирован в октябре 1905 года. Он вскоре вернулся в столицу Российской империи, но был заподозрен революционерами в давнем сотрудничестве с полицией; повешен в 1906 году эсером П.М. Рутенбергом и рабочими-дружинниками на даче в Озерках под Петербургом в Финляндии.

Многие в наши времена возвеличивают роль П.А. Столыпина (1862–1911) по выведению Российской империи из кризисной ситуации. Правда, реже вспоминают методы, которые были употреблены к этому. Петр Столыпин энергично взялся за борьбу с революцией. На взрыв эсерами его дачи на Аптекарском острове в Петербурге, когда он лишь чудом остался жив, но пострадали его малолетние дети (притом было убито находившихся в приемной 27 человек и ранено 32, и 6 из них умерло от ран на другой день), ответил массовыми репрессиями. Столыпин убедил царя и практиковал введение военно-полевых судов, отправлявших на виселицу за причастность к революционному террору. Появились специальные, так называемые «столыпинские вагоны», перевозившие в Сибирь арестованных революционеров, и «столыпинские галстуки» (ими стали называть намыленные веревки на виселицах) для тех, кто выбрал вооруженный и непримиримый путь борьбы с государственным монархическим строем. В общем итоге за три года после революционных выступлений 1905 года по приговорам военно-полевых судов за политические убийства и грабежи было казнено 2835 человек. В то же

время от массового террора так называемых революционеров пострадало несколько десятков тысяч человек, включая не только представителей власти, но и учителей, врачей и простых, ни в чем неповинных людей. Петр Столыпин 10 мая 1907 года в своей речи в Государственной Думе, как вылечить Россию от тяжкой хвори, подчеркивал:

«В деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать! В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»[231]**231**
Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009. С. 175–176.

.

Осенью 1909 года П.А. Столыпин призывал:

«Итак, на очереди главная задача – укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа – вот девиз для всех нас, русских! Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!»[232]**232**
Новое время. 1909. 3 октября.

.

Отметим, что в это время в частное владение более чем 2,5 млн. семейств крестьян перешло более половины общинной земли.

Являлась ли Российская империя слабейшим звеном в цепи капиталистических государств, как утверждал В.И. Ленин и его последователи? Была ли она так уж неизбежно обречена на революцию?

Не доказывает ли противоположное то, что сама Февральская революция, после всем памятного поражения народных выступлений 1905–1907 гг., оказалась для вождей большевиков полной неожиданностью? Вожди большевиков фактически «проворонили» так называемую «великую и бескровную»

Февральскую революцию. Если бы не помощь масона А.Ф. Керенского (по совместительству член партий трудовиков и эсеров), который от имени Временного правительства реабилитировал на свою «подмогу» всех мастей революционеров, то им бы не видать Петрограда, как своих ушей, а значит, и «триумфа» великого Октябрьского переворота большевиков.

Правда, позднее А.Ф. Керенский отрицал свой вклад в дело «мировой революции».

В эмигрантских воспоминаниях генерала А.С. Лукомского (1868–1939) имеется любопытное свидетельство:

«В обществе было и будет много споров о том, "кто сделал революцию?". Как мне передавали, А.Ф. Керенский, которого как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 года и что этим он сыграл в руку немцам, – будто бы ответил: "Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее в должное русло"»[233]**233**

Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 336.

.

Однако вернемся к хронологической последовательности происходивших событий в Российской империи.

Празднование 100-летия Бородинской битвы

Малоизвестны многим читателям события, связанные с празднованием юбилейных дат в Российской империи и участием в них членов династии Дома Романовых. Прежде всего это празднование юбилея, связанного с 100-летием Бородинского сражения под Москвой с покорителем Европы Бонапартом Наполеоном (1912). До того было отмечено в Российской империи знаменательное событие мирового значения: 200-летие победы русских войск над шведами под Полтавой (1909). Таким образом, в каждом столетии во время правления династии Романовых были еще раз на деле подтверждены знаменитые, ставшие символическими слова святого князя Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет, тот от меча и погибнет».

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ, бывший ЦГАОР СССР) хранятся уникальные документы, связанные с историей торжественного празднования знаменательной даты 100-летия Бородинского сражения под Москвой.

Для Российской империи и русского народа война с французами в 1812–1813 гг. стала величайшим бедствием. Она коснулась многих семей, опалила судьбы и оставила глубокий след в памяти каждого нашего соотечественника. Недаром ее назвали Отечественной войной, т. к. она превратилась во всенародную борьбу против иноземного «нашествия двунадесяти языков». Наше поколение современников может сопоставить ее по значимости и жертвам только со Второй мировой войной. Стоит заметить, что если события 1812 года в российской истории большевиками как-то упоминались, то документы о проведенном 100-летнем юбилее в 1912 году в советские времена вообще замалчивали. Эти документы длительный период находились в спецхранах или «на ограниченном доступе». Даже дневники императора Николая II за 1912 год до сих пор еще не опубликованы и только должны появиться в печати. Мы имеем редкую возможность познакомить наших читателей с подлинными документами, а также с воспоминаниями очевидцев тех далеких событий и, таким образом, связать «нить времен», которую неоднократно пытались прервать и начать сначала временщики России.

В личном фонде императора Николая II (Ф. 601) сохранилось уникальное дело № 415 за 1912 год: «Церемониал празднования 100-летия Отечественной войны, списки лиц, участвовавших в праздновании». В этом же фонде можно отметить еще несколько подобных дел: «Порядок крестного хода в Москве в день празднования 100-летия Отечественной войны 1812 г.», «Манифест Николая II в связи со 100-летним юбилеем Бородинского боя. 26 августа 1912 г.», «Описание Бородинского поля в день столетнего юбилея Бородинской битвы, посвященное Николаю II. (На фр. яз.)», «Адрес потомков, участников войны Николаю II по поводу столетней годовщины Бородинской битвы. 28 августа 1912 г.», «Альбом фотографий с надписью: “Бородинские торжества 25–26 августа 1912 г.”» и др.

Юбилейные торжества длились 6 дней, с 25 по 30 августа 1912 года (по старому стилю) или с 6 по 11 сентября (по новому стилю). Первые два дня (25–26 августа) празднования происходили в присутствии Государя Николая II и членов Императорского Дома Романовых, непосредственно на знаменитом Бородинском поле, а затем были продолжены в Москве, главным образом на Ходынском поле и территории Кремля.

Подготовку к торжествам начали еще в 1910 году с проектов создания Музея Отечественной войны 1812 г. и выполнения государственного заказа написания грандиозной картины «Бородинской панорамы» (под руководством академика Франца Алексеевича Рубо). В частности, современники отмечали: «Панорама представляла величайшее художественное произведение. Холст панорамы имел в окружности 162 аршина и в вышину 21,1 аршина. Приготовленное в Брюсселе целое полотно (без швов) весило 3000 пудов и стоило 10 000 руб. Панорама изображала Бородинский бой в самый решительный момент, 26 августа, в 12 часов дня. Панорама разделена была на 15 секторов. Зритель как бы находился в деревне Семеновской»[234]**234**

Хрусталев В.М. «Сколько впечатлений пережито, и таких светлых…» Об участии императора Николая II в праздновании столетнего юбилея Бородинской битвы (25–30 августа 1912 года). // Московский журнал. 2012. № 9. С. 23–24.

.

Добавим, что создание героической живописной панорамы обошлось в 120 000 руб., из которых 50 000 руб. были пожалованы императором Николаем II, а 70 000 руб. отпущены из казны. Здание Бородинской панорамы вечером освещалось электричеством. С музеем Отечественной войны 1812 года дело оказалось гораздо сложнее. К юбилейным торжествам его открыть на территории Кремля не успели и ограничились выставкой раритетов в Историческом музее, которую посетил император Николай II с дочерьми и великими князьями 29 августа 1912 года. На следующий день юбилейные торжества завершились крестным ходом от Успенского собора в Кремле до Красной площади, где на помосте был зачитан царский манифест и отслужен торжественный молебен.

Попытаемся воспроизвести события, которые непосредственно происходили в те торжественные дни на самом Бородинском поле. Там заранее были организованы большие работы по восстановлению некоторых военных укреплений времен 1812 года и приведению в образцовый порядок исторических монументов, и не только русским воинам, но и французам. Для царских поездов сюда протянули даже железнодорожную ветку от станции Бородино и построили специальный павильон. В работах участвовали не только военные саперы, но и привлекался добровольный труд уголовных заключенных, которым сократили наполовину тюремный срок. Работы проводили, как в России водится, до самого последнего момента, чему мешали частые дожди.

Весь путь предложенного проезда императора Николая II уставлен был мачтами с флагами, перевитыми зелеными ветками елей и украшенными гербами, а среди дороги, около моста, недалеко от Инвалидного домика построена была громадная белая триумфальная арка, такая же, как и перед царской Ставкой недалеко от Бородинского поля. Как арки, так и все украшения сделаны были в стиле Александровской эпохи. На арках надписи: «Не нам, не нам, а имени Твоему», «С крестом в сердце, с оружием в руках, никакие человеческие силы не одолеют нас», «Имена и дела ваши будут переходить из уст в уста, до поздних родов». Перед въездом в монастырскую гостиницу построен был «памятник Славы» – архитектурная колонна, украшенная изображением лафетов и ружей, с надписью: «От благодарного потомства – великим предкам».

С 18 августа сюда (на Бородинское поле) стали стягивать отдельные воинские части представителей тех полков, которые принимали участие в сражении 1812 года. В частности, здесь были и представители военного флота в лице Гвардейского экипажа. Капитан 2-го ранга Н.В. Саблин (брат флигель-адъютанта свиты императора) позднее делился воспоминаниями:

«В этом 1912 году исполнилось столетие Бородинского боя. В праздновании юбилея принимали участие все части войск, сражавшихся сто лет тому назад. Наш экипаж был тогда вместе с егерями, и на поле у нас стоял совместный памятник. Так как экипаж посылал на празднества знаменную роту с хором музыки и ехал сам командир экипажа (*граф Н.М. Толстой. – В.Х.*), то почти что все офицеры и команды были списаны с яхт, и мне пришлось вступить в должность адъютанта экипажа и переехать в наши казармы. В двадцатых числах августа рота выступила в Москву, и дальше, на Бородинское поле. На нем мы поместились в палатках, именно на том месте, где сто лет тому назад стоял наш экипаж. Собственно говоря, от экипажа тогда была лишь артиллерийская рота, но она принимала деятельное участие в сражении и очень отличилась»[235]**235** Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008. С. 277.

.

Всего на юбилейных торжествах были представители от 149 воинских частей. Все они разместились по берегу р. Москвы биваками, что взгляду посетителей Бородинского поля представляло очень красочное зрелище, особенно вечером, когда зажигали костры.

Наконец наступил торжественный день. 25 августа 1912 года на платформе в Бородино выстроился почетный караул – рота Его Величества л. – гв.

Преображенского полка со знаменем и оркестром. На правом фланге встречающих находились: военный министр В.А. Сухомлинов, командующий всеми войсками, собранными под Бородином, генерал П.А. Плеве, начальник 1-й гвардейской пехотной дивизии генерал В.А. Олохов, командир бригады генерал фон Л.Ф. Бринкен и командир л. – гв. Преображенского полка генерал А.А. Гулевич. На левом фланге были все прибывшие в Бородино генералы, адмиралы и начальники отдельных частей. У входа заняли места почетные часовые от Собственного Его Величества Конвоя в своих красивых ярко-красных черкесках.

На перроне собрались все великие князья и высшие сановники, и многочисленные представители всех ведомств; весь кабинет министров был налицо. Все были в летней парадной форме, в кителях. Семь казачьих атаманов с булавами в руках, в их типичных казакинах, красочно выделялись среди блестящей толпы военных. В открытой, изящно устроенной беседке находились дамы – все в белом, во главе со статс-дамой графиней Е.П. Шереметевой. В павильоне – чины московской администрации, дворянства, земства и других сословий. За беседкой, на платформе, выстроены были воспитанницы женской прогимназии и детской школы, во главе с их попечительницей графиней Уваровой. Всем порядком на платформе руководил обер-церемониймейстер барон П.П. Корф.

Подошел императорский поезд. Раздалась команда «на караул», музыка заиграла Преображенский марш. Из салона вагона вышли Государь император, а затем императрица Александра Федоровна с великими княжнами Ольгой и Татьяной Николаевнами, а наследник цесаревич Алексей и младшие великие княжны остались в вагоне и смотрели церемонию из окон. Государь был в форме л. – гв. Преображенского полка. Приняв рапорт, Николай II, поздоровавшись с великими князьями и министрами, направился к почетному караулу, на правом фланге которого принял рапорт от генерала П.А. Плеве. Его Величество сопровождали: генерал-адъютант князь С.И. Васильчиков, Свиты генерал-майор Ф.Ф. Юсупов и флигель-адъютант граф А.И. Воронцов-Дашков.

Сам император Николай II подробнее, чем обычно, записал в своем дневнике впечатления об этом памятном дне:

«*25 августа. Суббота. – Бородино.*

Ночью было холодно; день настал ясный и теплый. В 10 час. приехали на ст. Бородино, где встретили все вел[кие] кн[язья], свита, министры, местные власти и депутации. Почет[ный] караул моя рота Преображенского полка. Затем наш поезд продвинули вперед версты на две и остановили у новой платформы

посреди леса. Завтракали у себя. В 2 часа поехали в моторах в Спасо-Бородинский монаст[ырь]. Осмотрев все интересное и выпив чаю у настоятельницы, отправились к месту знаменитой батареи Раевского, вокруг кот[орой] были выстроены войска на три фаса, каждый по три линии. Объехав все три линии, отправились к зданию Бородинского музея. В саду приняли французскую военную депутацию и затем поговорил с участником сражения, кот[орому] 122 года, и с несколькими очевидцами Отечественной войны. В это время подошел крестный ход из Смоленска с иконой Божией Матери Одигитрии. После панихиды у памятника сражения эту икону обнесли вдоль фронта войск. Все это было очень торжественно и красиво. Затем посетил вновь открываемый памятник Кавалергардам и Конной гвардии, а на возвратном пути одну из батарей и могилу кн. Неверовского. Вернулся в поезд в 6Bj [ч.]. Отдыхал и читал. После обеда недолго поиграл в домино»[236]**236**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 1–3.

.

Эти события нашли отражение и в воспоминаниях второго сына великого князя Константина Константиновича, князя императорской крови Гавриила Константиновича:

«25 августа прибыли на станцию Бородино Государь и Государыня с детьми. Мы все их встречали. Собрались также местные гражданские и военные власти. Почетный караул был от лейб-гвардии Преображенского полка. Вряд ли я увижу когда-нибудь такой великолепный караул. Правофланговый преображенец был много выше меня (а во мне один метр девяносто семь сантиметров) – и выше даже Николая Николаевича. Сразу же после приезда Государя мы все поехали на Бородинское поле сражения, на котором были выстроены войска, то есть представители частей, участвовавших в Бородинском сражении. Их было очень много»[237]**237**
Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 112.

.

Наиболее подробные воспоминания об юбилейных торжествах в Бородино, хотя и не лишенные погрешностей (рукопись хранится в ГА РФ: Ф. 826. Оп. 1. Д. 37–59), оставил генерал-майор, московский губернатор В.Ф. Джунковский:

«По окончании обхода всех встречавших Их Величества и Их Высочества проследовали в вагон и по вновь проложенной ветке отбыли в царскую Ставку. Массы народа от вокзала к царской Ставке приветствовали Их Величеств единодушным “ура”.

В два часа дня торжественный звон колоколов Спасо-Бородинского монастыря оповестил о выезде Их Величеств из царской Ставки. К этому времени около монастыря собрались огромные толпы простого народа, волостных старшин, учащихся и других лиц. Я проехал в царскую Ставку, чтобы встретить и сопровождать Их Величества по пути следования. Ехал я в автомобиле, стоя, впереди Их Величеств, которые следовали с августейшей семьей в двух автомобилях. У Святых врат Государь был встречен митрополитом (*Владимиром. – В.Х.*) с епископами и многочисленным духовенством. Митрополит приветствовал Их Величества речью, в которой сопоставил настоящий момент с событиями Отечественной войны, отметив значение юбилея и подчеркнув, что Государь начинает празднование молитвою.

В предшествии духовенства Их Величества проследовали в соборный храм монастыря, где выслушали краткое молебствие. Протодиакон Розов провозгласил многолетие. Игуменья мать Ангелина поднесла Государю икону и пирамидку из неприятельских пуль, найденных в земле на полях. Предшествуемые хором инокинь и митрополита, Государь с семьей проследовал в церковь Спаса Нерукотворного, где покоится прах убитого генерала Тучкова и его вдовы, основательницы монастыря. У могилы Государь удостоил беседы потомков Тучковых – главного смотрителя Шереметевского дома, отставного генерал-майора А.П. Тучкова и председателя Верейской земской управы П.А. Тучкова с сыновьями, подробно расспрашивая их и интересуясь степенью родства наличных представителей семьи Тучковых с двумя Тучковыми, погибшими в Отечественную войну. Тут же находилась и семья потомков графа Коновницына, памятник которому находился также в ограде монастыря. Из церкви Спаса Их Величества проследовали в церковь Филарета Милостивого, где скончалась Тучкова. Перед отбытием Государь с семьей пили чай в покоях настоятельницы.

Из покоев настоятельницы Их Величества и Их Высочества в три часа дня при колокольном звоне, провожаемые инокинями, отбыли из монастыря, направляясь к Бородинскому полю. Здесь по всему пути от монастыря стояли шпалерами роты «потешных», школы детей и, густой шпалерой, 5000 волостных старшин и сельских старост, среди коих были в живописных расшитых шелками кунтушах представители Седлецкой губернии, в черных, серых и белых кафтанах жители Кавказа, в кокетливых повязанных на голове

башлыках грациозные гурийцы и тяжелые на вид, с азиатскими лицами татары и сыны нашей Средней Азии, в роскошных бархатных и парчовых халатах и весь в золотой парче бухарский бакша, и в ярко-желтых шапках калмыки, – все живущие под сенью России.

А на обширном поле у Бородинского монумента уже стояли войска, расположенные покоем в три линии, фронтом к памятнику. В первой линии стояла рота дворцовых гренадер, Конвой Его Величества, военные училища, кадетские корпуса, гвардейская пехота и часть гвардейской кавалерии. Во второй линии – другая часть гвардейской кавалерии, гвардейская артиллерия, саперы, части гренадерского корпуса и артиллерии. В третьей линии – армейская пехота, кавалерия, казаки и депутация от флота.

Государь следовал на автомобиле с Государыней, наследником и великой княжной Ольгой Николаевной. В следующем автомобиле – великие княжны Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны, далее министр двора и дежурство.

Подъехав к полю, Их Величества с августейшей семьей вышли из автомобилей. Государь сел на коня, а Государыня с наследником цесаревичем в коляску, запряженную a la Daumont. Следующую коляску заняли августейшие дочери Их Величеств. Рядом с коляской императрицы ехал обер-шталмейстер генерал-адъютант Гринвальд. Государь принял рапорт от генерала Плеве и стал объезжать войска. Склонялись знамена, музыка играла встречу, сменявшуюся гимном, восторженное «ура» не умолкало»[238]**238**

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 22–24.

.

Объезд войск императором Николаем II продолжался 45 минут. Все происходящее оставило неизгладимое впечатление на многих посетителей этих торжеств. Так, например, Т.А. Аксакова (Сиверс) позднее вспоминала:

«С трибун как на ладони видны были восстановленные фортификации: бастион Раевского, Семеновские флеши. Налево, на фоне синего неба, вырисовывался Тучков монастырь, а в центре поля, выстроенные громадным каре, стояли войска с развернутыми знаменами и гремело раскатистое «ура». Государь объезжал войска верхом, а императрица с детьми следовала в коляске, запряженной шестью белыми лошадьми (a la Daumont (фр.) – Цугом).

Все это я наблюдала с высоты «птичьего полета», т. к. трибуны были очень высокие. По окончании парада мы с Дарьей Николаевной очутились перед

каким-то маленьким домиком, у крыльца которого Государь беседовал с четырьмя столетними старцами. Одному из них было, кажется, 120 лет, и он был очевидцем нашествия Наполеона. Самой беседы я не слышала /…/»[239]**239**
Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн. 1. М., 2005. С. 202.

.

О встрече императора с ветеранами Бородинского сражения и очевидцами Отечественной войны 1812 года имеется несколько свидетельств. В частности, об этом (упоминаемом выше в дневнике Николая II и воспоминаниях Т.А. Аксаковой), о древнем ветеране, речь идет, судя по всему, об одном и том же человеке. Это был отставной фельдфебель 53-го пехотного Волынского полка Аким Бентенюк, 122 лет, который проживал в то время в Кишиневе. Он оказался весьма словоохотлив.

Московский губернатор В.Ф. Джунковский, который отвечал за организацию юбилейных торжеств, подчеркивал о ветеранах следующее:

«Большей частью они мало помнили и давали довольно неопределенные показания. Аким Бентенюк, самый старший из них и участник Бородинского боя, был самым разговорчивым, он рассказывал про свое участие в бою, как он был ранен, и даже указывал на кустик, за которым его "шарахнуло". Когда он это рассказывал Государю, то Государь не мог сдержать улыбки.

Другой очевидец говорил, что видел Наполеона, и когда его спросили, каков он ему показался, то он ответил: "Такой молодчина, косая сажень в плечах, бородища во какая", и указал на пояс. Кроме этих ветеранов, в Москву прибыли: крестьянин Витебской губернии Степан Жук, 110 лет, очевидец Отечественной войны, и крестьянка деревни Подберезной Рождественской волости Бронницкого уезда Московской губернии, Мария Желтякова 110 лет. Эти ветераны и очевидцы войны были окружены особым вниманием. Им везде отводили лучшие помещения, они имели особые экипажи, во время торжеств им предоставляли почетнейшие места»[240]**240**
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 18–19.

.

Возраст ветеранов даже сегодня поражает наше воображение. Однако некоторые из очевидцев торжеств выражали по этому поводу скептические

замечания. В частности, второй сын великого князя Константина Константиновича (известного поэта К.Р.), князь императорской крови Гавриил Константинович (1887–1955) указывал:

«На Бородинском поле был отслужен молебен, после которого Государю представляли столетних стариков-крестьян, современников Бородинского сражения. Говорили, что некоторые из них были подставные, что они были гораздо моложе и ничего общего с Бородинским сражением не имели»[241]**241** Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 113.

.

В Бородино в это время произошло еще одно событие, о чем подробно поведал московский губернатор В.Ф. Джунковский:

«Как только процессия крестного хода приблизилась к Инвалидному домику, Их Величества и Их Высочества, сопровождаемые свитой и французскими депутациями, вышли навстречу иконе. Крестный ход остановился; митрополит Владимир, подойдя к Государю, приветствовал его краткой речью. Выслушав приветствие, Их Величества и Высочества, поцеловав крест и приняв окропление святой водой, приложились к чудотворной иконе. Войска взяли «на молитву», хоры музыки заиграли «Коль славен», крестный ход повернул к Бородинскому памятнику, Их Величества с особами Императорского дома и лицами свиты последовали за ним, идя непосредственно за иконой. Я шел сбоку в нескольких шагах от Государя.

По прибытии Их Величеств и Высочеств с крестным ходом на место бывшей батареи Раевского духовенство, при пении духовных песнопений, внесло чудотворную икону Смоленской Божьей Матери «Одигитрии» в походную церковь императора Александра I. Высокопреосвященнейший Владимир, в со служении духовенства, при стройном и чудном пении певчих, совершил панихиду по императоре Александре I и павшим в Отечественную войну вождям и воинам. Необычайной торжественностью отличалась эта панихида, в открытом поле, над братской могилой многих десятков тысяч русских воинов. При возглашении вечной памяти Их Величества и все присутствовавшие опустились на колени. Панихида кончилась.

По окончании панихиды Государь осматривал иконостас походной церкви императора Александра I – этого памятника горячих молитв незабвенного царя Александра Благословенного, который в своих походах никогда не расставался

с этой святыней. Церковь эта последнее время находилась в г. Вильно в генерал-губернаторском дворце и была как бы домовой церковью генерал-губернатора. В марте 1910 г. последовало Высочайшее повеление о передаче придворно-походной церкви императора Александра I, бывшей с ним во всех походах 1812–1816 гг., из Виленского дворца во вновь сооружаемый Музей 1812 года в Москве. /…/

В воспоминание того, что накануне Бородинского сражения эта икона обносилась по фронту идущих в бой воинов, теперь ее вновь обнесли вдоль всего фронта представителей тех частей войск, которые с таким геройством бились в историческом бою. Впечатление необычайной торжественности создало следование Государя с блестящей свитой за иконой вдоль фронта войск. Шествие продолжалось больше часа, так как все три линии войск растянуты были почти на 4 версты. Войска держали ружья «на молитву», хоры играли «Коль славен». На всех флангах находились начальники частей. /…/ По окончании обнесения иконы крестный ход направился в Спасо-Бородинский монастырь, где икона была поставлена в соборном храме, а Государь император с великими князьями отбыл в Ставку при восторженных кликах войск и многочисленной толпы народа. По дороге Государь осмотрел памятник, сооруженный Кавалергардским и Конногвардейским полками»[242]**242**
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 26–28.

.

Это яркое действие осталось в памяти многих очевидцев юбилейных торжеств. Князь императорской крови Гавриил Константинович много лет спустя рассказывал в своих эмигрантских воспоминаниях:

«В тот же день был крестный ход, в котором несли чудотворный образ Владимирской Божьей Матери. Государь со свитой шел за иконой, которую проносили перед войсками. Ее несли солдаты, меняясь по дороге, так как образ был очень тяжелый. Это та самая чудотворная икона, перед которой служили молебен накануне Бородинского сражения в 1812 году в присутствии Кутузова»[243]**243**
Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 112–113.

.

Правда, князь Гавриил Константинович допустил невольную ошибку, назвав икону Смоленской Божьей Матери иконой Владимирской. Заметим, что на Бородинском поле вечером 25 августа 1912 г. в походной церкви императора Александра I было совершено всенощное бдение в честь Владимирской иконы Божьей Матери, празднуемой 26 августа. Это могло стать причиной ошибки, допущенной князем, т. к. его мемуары были написаны и опубликованы в конце его жизни (изданы в Нью-Йорке в 1955 г.).

Спасо-Бородинский монастырь и Инвалидный дом были иллюминованы в те торжественные дни. Все архитектурные линии всего купола соборного храма монастыря и всего фасада храма и ограды Инвалидного домика горели электрическими лампочками, также и кресты на куполе и монастырских воротах. Кроме того, у Инвалидного домика был установлен мощный прожектор, лучи которого скользили по всему Бородинскому полю, на котором царило необычайное оживление. Толпы народа и крестьян окружали монастырь, все желали приложиться к чудотворной иконе. Допуск начался после всенощной, в 10 часов вечера, и продолжался до 5 часов утра. Народ подходил непрерывной нитью, в полном порядке и с большим благоговением. Так окончился первый день Высочайшего пребывания на Бородинском поле.

26 августа, в самый день юбилея величайшего из сражений, был опубликован особый царский манифест и положение о медали, устанавливаемой в память 100-летия Отечественной войны. Митрополит Владимир при весьма милостивом рескрипте Николая II получил панагию, осыпанную драгоценными камнями.

С раннего утра вокруг батареи Раевского стали собираться толпы народа, все поле, что только мог охватить глаз, все пестрело народом, многие пришли за десятки и более верст. А тем временем один поезд за другим подходил к станции Бородино, привозя москвичей, депутации от разных городов и учреждений.

Император Николай II в этот день был в форме л. – гв. Измайловского полка, а наследник цесаревич Алексей Николаевич в форме 5-го гренадерского Киевского полка, шефом которого он являлся.

Государь, августейшие дочери, великие князья шли за крестным ходом от Спасо-Бородинского монастыря до Бородинского памятника больше версты. Государыня Александра Федоровна с наследником цесаревичем Алексеем и статс-дамой княгиней Е.А. Нарышкиной следовала в экипаже, запряженном цугом. Рядом в нескольких шагах от императора шел московский губернатор

В.Ф. Джунковский, которого Государь несколько раз подзывал к себе, интересуясь разными подробностями окрестностей.

Император Николай II записал в дневнике следующие впечатления об этом памятном дне:

«*26 августа. Воскресение. – Бородино.*

Ночь также была холодная. Встал пораньше и в 10 час. поехали в монастырь к самому концу обедни. Отсюда пошел с дочерьми и всеми за крестным ходом к Бородинскому памятнику. В шатре перед иконостасом походной церкви Александра Павловича был отслужен благодарственный молебен. Затем объехал войска и они прошли церем[ониальным] маршем. Парад был очень красив по разнообразию форм одежды. Аликс вернулась с детьми в поезд, а я поехал в Бородинский дворец, в кот[ором] позавтракал с мужч[инами] семейства. В саду было устроено 8 палаток, где ели офицеры и потомки участников Отечественной войны. Осмотрел до еды старую церковь села Бородина. Затем сел на лошадь и объехал большую часть поля сражения с правого ее фланга до левого через дер. Горки до Утицкого кургана. Заехал тоже верхом на крестьянский бивак, где жило 4 с половиною тысяч волост[ных] и сельских старост. Выпив торопливо чаю в вагоне, отправился на моторе к месту памятника французов, где была короткая служба освящения его. Оттуда на знаменитый Шевардинский редут, отлично возобновленный саперами Грен[адерского] сап[ерного] батальона. Вернулся почти с темнотою в 6BS [ч.]. Занимался. Обедал с аппетитом. Слушали пение капеллы Иванова из Москвы – на нашей платформе. Погода простояла чудная, совсем летняя. Впечатления пережитого самые отрадные»[244]**244**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 3–5.

.

Более пространно отразил события этого дня князь императорской крови Гавриил Константинович в своих эмигрантских мемуарах:

«26 августа, в самый день Бородинского сражения, состоялся большой парад войскам, прибывшим на торжество. После парада у Государя был семейный завтрак в маленьком доме, который назывался дворцом. Во время закуски Государь отозвал великого князя Михаила Михайловича в соседнюю комнату и назначил его шефом 49 Брестского полка, шефом которого он был с детства, пока не был уволен со службы за свою женитьбу на графине Меренберг. Михаил Михайлович был очень этим счастлив.

После завтрака мы снова сели на лошадей и поехали за Государем объезжать Бородинское поле. Очень многие воинские части поставили памятники своим предкам на тех местах, на которых они сражались в 1812 году. Представители этих частей стояли возле своих памятников. Очень интересно было объезжать Бородинское поле и видеть те места, на которых сражались наши доблестные полки. Я чувствовал себя взволнованным. Я въехал на место, с которого Кутузов смотрел на бой. С этого места все поле было видно, как на ладони. Михаил Михайлович подъехал к группе офицеров Брестского полка и объявил им о своем вторичном назначении их шефом.

Мы ехали за Государем разными аллюрами: шагом, рысью, галопом. Когда мы проезжали мимо какой-то изгороди, великий князь Кирилл Владимирович обратился к великому князю Дмитрию Павловичу: “Покажи-ка нам, олимпиец, как нужно прыгать!” (Дмитрий Павлович участвовал тем летом на международных Олимпийских играх, в Стокгольме.) Дмитрий тут же перепрыгнул изгородь, а за ним Иоанчик, Костя и я. Дальше был невысокий забор, который перепрыгнул Николай Николаевич. Он ехал на серой придворной лошади.

Французы тоже поставили на Бородинском поле памятник. Государь и мы остановились перед ним и, сойдя с лошадей, расписались в почетной книге. Великий князь Николай Михайлович почему-то не пожелал расписаться: он был своенравным человеком.

Вместе с французской делегацией встречал Государя Сандро Лейхтенбергский, как правнук герцога Евгения Богарнэ-Лейхтенбергского, сына императрицы Жозефины, пасынка Наполеона.

Объезд Бородинского поля продолжался несколько часов. Он закончился у царского поезда, стоявшего в лесу на насыпи. /…/

Так кончились торжества на Бородинском поле. В тот же день вечером мы приехали в Москву»[245]**245**
Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993. С. 113–114.

.

Обращает прежде всего на себя внимание факт участия в юбилейных торжествах французов, ставших теперь в XX веке союзниками России по Антанте. Не все это участие считали уместным. В частности, великий князь

Николай Михайлович, который написал по эпохе императора Александра I и наполеоновским войнам несколько исторических монографий, явно демонстрировал свое неудовольствие. К этому был повод. Памятник павшим в Бородинской битве французским воинам оказался временной копией. Этот факт московский губернатор описал следующим образом:

«В 6 с половиной часов вечера Государь император и все великие князья выехали вновь из Ставки в автомобилях на освящение памятника французов. Я сопровождал Государя, предшествуя Его Величеству. Памятник этот сооружен был в память павших французов по подписке среди французской нации. Памятник этот был временный, сооруженный в виде лепной модели в натуральную величину и увенчанный одноглавым орлом «Aux morts de la grande Armee» («Павшим воинам Великой армии» – фр.). Настоящий памятник, посланный морем из Франции, в Россию не доехал, пароход во время бури в Балтийском море пошел ко дну вместе с памятником, таким образом, на скорую руку был сооружен временный, который и освящали. Место для французского памятника было выбрано как раз против Шевардинского редута, с которого Наполеон I руководил боем.

У подножия памятника находились венки от всех французских частей, участвовавших в Бородинском сражении, серебряный венок от русской армии, венки от русских частей и французских законодательных учреждений. По сторонам памятника живописно расположилась французская молодежь с огромными флагами русских и французских национальных цветов. У памятника собрались Председатель [Совета] Министров, военный министр, французские депутации, бывшие в только что пожалованных орденах, генералы Лангль и Торси, получившие ленты Белого Орла, французская колония Москвы, генеральный консул и масса военных чинов. Государь, встреченный кликами «Vive l’empereur!» («Да здравствует император!» – фр.), проследовал на помост перед памятником, где католическое духовенство совершило траурную мессу и освятило временный памятник. После траурной мессы Государю императору поднесли медаль, специально выбитую в память сооружения памятника для поднесения Его Величеству и Президенту Республики. Государь и все великие князья подписали акт открытия памятника, после чего памятник был торжественно передан мне, на мое попечение как начальника губернии, я же передал его заботам и охранению собравшихся тут же должностных лиц крестьянского населения деревни Шевардино. По окончании церемонии освящения памятника Государь пешком поднялся к Шевардинскому редуту и, подробно осмотрев его и сооруженный на нем 3-ей гвардейской Артиллерийской бригадой памятник, отбыл в Ставку при восторженных кликах французов, многочисленной толпы народа и всех присутствовавших»[246]**246**

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 36–37.

.

Стоит отметить еще несколько важных событий, которые произошли на Бородинском поле в этот памятный день. После крестного хода, как было отмечено выше, император Николай II совершил объезд войск. Объезд войск начался с правого фланга первой линии. Командующий войсками генерал П.А. Плеве подал Государю рапорт. За Государем следовала блестящая свита, среди них выделялись французские генералы и офицеры. Джунковский тоже сел на лошадь и присоединился к свите. Государь объезжал войска, здоровался, склонялись знамена, звуки полковых маршей сменялись гимном, крики «ура» наполняли воздух.

Во время объезда войск Николай II остановился у царской палатки, а командиры полков и начальники частей перед фронтом своих частей, державших «на караул», громко, отчетливо прочли Высочайший Манифест, а также приказ армии и флоту:

«Сто лет назад Российское воинство, велением верховного вождя своего, блаженные памяти императора Александра Благословенного, призвано было к великому и почетному долгу отстоять грудью своею достоинство великой России, неприкосновенность Отечества, честь и славу, дотоле непрестанно сопровождавшие сухопутную армию и флот.

С глубокою верою во всемогущество Божие, в полном единении со своим Государем и с покорностью перед предстоявшими неисчислимыми и тяжелыми испытаниями, преданные своему долгу армия и флот приступили к совершению великого дела, и проявленные ими беззаветные подвиги мужества и храбрости спасли Отечество, заслужили благодарную память и вечное уважение потомства и удивление дотоле непобедимого врага и всех народов Европы.

В сегодняшний торжественный день поминания столетней годовщины знаменательного сражения на полях Бородинских воздаваемая вместе со мною всей Россией дань уважения и признательности к подвигам ваших предков, да укрепит в сердцах ваших сознание долга и да послужит источником к проявлению вами той же беззаветной преданности и мужества, когда промыслу Божьему угодно будет призвать Отечество к новому испытанию. Сердца ваши да пребывают в уверенности, что потомки с уважением произнесут имена ваши, и содеянные вами подвиги неизгладимо будут жить в памяти благородного Отечества. *Николай*»[247]**247**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2479. Л. 1–2.

.

В соответствии с царским манифестом от 26 августа 1912 г. военным ведомством в тот же день был оглашен приказ военного министра В.А. Сухомлинова:

«В непрестанном внимании к нуждам доблестной своей армии и в отеческой заботливости об участи как самих воинов, так и членов их семейств, особенно же тех, главы коих кровью запечатлели свою преданность Престолу и Отечеству, Государь император Всемилостивейше повелеть соизволил настоящий достопамятный день 26 августа 1912 г., в который истекает столетие со дня знаменательного в Отечественную войну 1812 г. сражения под Бородином, ознаменовать дарованием нижеизложенных милостей потомкам славных деятелей названной войны и их семействам.

1. Отделить при всех вообще кадетских корпусах 20 казенных вакансий, присвоив им наименование Бородинских стипендий, для сыновей офицеров, врачей и священников, служащих и служивших в частях войск, участвовавших в Бородинской битве, или для потомков участников войны 1812 г. по мужской линии, если отцы этих малолетних пользуются общим правом на воспитание своих сыновей в кадетских корпусах. Малолетних, удовлетворяющих условиям приема на Бородинские стипендии, назначать, по усмотрению Главного управления военно-учебных заведений, в те корпуса, в коих по состоянию вакансий, представится к тому возможность, в число штатных интернов этих корпусов без дополнительного отпуска из казны на их содержание. В штате Николаевского кадетского корпуса уменьшить на 20 число штатных своекоштных интернов и добавить соответственно этому 20 казеннокоштных вакансий.

2. Увеличить при Бородинском памятнике Дом для инвалидов и службы при нем.

3. Ассигновать 100 000 руб. на выдачу пособий состоящим в покровительстве Александровского комитета о раненых раненым и увечным, служившим в воинских частях, отличившихся в Отечественную войну, а также потомкам участников Отечественной войны других частей войск, по ранам и увечьям, состоящим в покровительстве комитета.

4. Семействам лиц офицерского звания, главы коих пострадали в Отечественную войну, пользующихся в настоящее время покровительством Александровского комитета о раненых и получающих пенсию и из инвалидного капитала, размер этой пенсии удвоить.

5. Семействам лиц офицерского звания, пользующихся при жизни покровительством Александровского комитета о раненых по ранам и повреждениям, полученным в Отечественную войну, но умерших не от последствий ран и повреждений, назначить пенсии из инвалидного капитала по табели, приложенной к статье 822 книги VIII Свода законов: Военные постановления 1869 г., изд. 2-е, в полном размере оклада по чину главы семьи.

6. Установить ежегодное внесение в смету расходов инвалидного капитала особого кредита в размере 5000 руб. на выдачу единовременных пособий семействам участников Отечественной войны.

7. Увеличить размеры пособий из инвалидного капитала на воспитание детей убитых, без вести пропавших на войне, от ран умерших и отставных раненых офицеров и других чинов соответствующего звания, состоявших и состоящих в покровительстве Александровского комитета о раненых, согласно имеющего быть объявленным дополнительно приказа по военному ведомству.

8. Представить в изъятие из закона дочерям офицеров, раненных в Отечественную войну и не состоявших в покровительстве Александровского комитета о раненых, права на получение из инвалидного капитала единовременных пособий в размерах не свыше годовых окладов пенсий семействам по чину главы семьи.

Подписал: военный министр *Сухомлинов*».

Московский губернатор В.Ф. Джунковский позднее делился воспоминаниями об юбилейных торжествах и заодно о своих заслугах:

«После чтения раздалась команда «К церемониальному маршу», и войска, перестроившись, стали проходить мимо своего державного вождя. Во главе войск шла рота дворцовых гренадер, очень красиво и лихо пронеслись рысью две сотни стариков Донского казачьего войска, среди которого было 108 Георгиевских кавалеров в возрасте от 60 до 80 лет. Парад был на редкость блестящий, прошел он с колоссальным подъемом. Государь несколько раз благодарил войска.

По окончании парада Государыня императрица с августейшими детьми отбыла в царскую Ставку, а Государь верхом проследовал в Бородинский дворец среди огромных толп народа, наполнявших обе стороны шоссе, провожаемый несмолкаемыми восторженными кликами. В саду Бородинского дворца был накрыт завтрак для лиц, приглашенных на торжества, потомков участников Бородинского сражения и начальников отдельных частей. Завтрак был на полторы тысячи человек»[248]**248**

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 33.

.

По окончании торжественного завтрака Николай II изъявил желание подробно осмотреть все поле Бородинского сражения и посетить некоторые памятники войсковых частей. В этой обзорной экскурсии его сопровождал и В.Ф. Джунковский. Любопытно отметить, что московский губернатор рискнул в какой-то степени показать императору и «оборотную сторону медали», возможно, и не без тайной и корыстной цели: подчеркнуть свои заслуги в организации юбилейных торжеств. Приведем некоторые фрагменты этой познавательной экскурсии со слов В.Ф. Джунковского:

«Около трех часов дня Государь сел на коня, и начался объезд Бородинского поля. Сопровождали Его Величество, кроме меня, министр двора, дворцовый комендант генерал-адъютант Дедюлин, дежурство, несколько великих князей и генерал Плеве. Государь все время меня расспрашивал, интересуясь малейшими подробностями. Прежде всего, направились в деревню Горки, где Государь принял от местных крестьян хлеб-соль и осмотрел памятник Кутузову. Затем в течение полутора часов объезжали все поле сражения, останавливаясь перед памятниками, сооруженными отдельными частями войск. Около памятников в ожидании Государя находились депутации войск, с которыми Государь беседовал. /…/

Предстояло проехать на Утицкий курган к памятнику Лейб-гвардии Павловского полка по ту сторону железной дороги. Я предложил Государю проехать через деревню Утица, а вернуться по вновь устроенной дороге от кургана к станции Бородино, предупредив Государя, что дорога на деревню Утица отчаянная, что с полверсты даже верхом придется пробираться с трудом, но зато Государь увидит настоящую российскую деревенскую дорогу. Государь согласился, и мы направились по дороге, по которой никто не ожидал Государя. Эти полверсты пришлось все время делать объезды громаднейших рытвин и ям, наполненных водою. Первый раз в жизни Государю пришлось ехать по такой

дороге, он был очень доволен, что увидал, наконец, плохую дорогу, и даже поблагодарил меня, сказав, что если б не я, то наверно никогда в жизни он не увидал бы таких дорог, о которых слыхал только по рассказам. Я доложил Государю, что эта дорога особенно плоха, так как крестьяне ее больше не чинят после того, как у них имеется другая, вновь устроенная, хорошая грунтовая дорога. Когда Государь неожиданно появился в деревне, все крестьяне высыпали из изб, и громадная толпа баб, мужиков и детей окружила Государя, восторженно провожая до самого Утицкого кургана. С Утицкого кургана, уже по хорошей новой дороге переменным аллюром Государь проехал к себе в Ставку»[249]**249**
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 34–35.

.

После насыщенной программы юбилейных торжеств на Бородинском поле царская семья на следующий день отправилась в Москву, где празднование продолжалось до 30 августа включительно. Московский губернатор В.Ф. Джунковский оказался на высоте положения и вскоре был отмечен в продвижении по службе. Времяпрепровождение императора Николая II в древней и золотоглавой столице России можно проследить по его дневниковым записям и письмам родственникам:

«*27 августа. Понедельник. – Москва.*

Около 7 час. утра тронулись. Приехали в Москву в 10 час. чудным жарким утром. Встреча такая же как в мае; поч[етный] караул Екатеринosл[авского] полка, масса народа на улицах, по другой стороне войск гарнизона шпалерами – порядок великолепный. Остановились у Иверской и прибыли в Кремль в 10.30 [ч.]. У Дворца чудная рота Астраханцев. Завтракал с дочерьми и семейством в 12 час. Затем изготовился к выходу, надев зимнюю форму. Шествие прошло залами без остановок в Успенский Соб[ор] и после молебствия в Чудов мон[астырь]. Были дома в 3Bj. Читал. В 5 час. поехали в Дворянское собрание, где были собраны все губ[ернские] предводители. После чая все дворянство поднесло мне красивый стяг. Вернулись домой в 6Bj. К вечеру собрались тучи и полил дождь. Обедала с нами и провела вечер Элла (*великая княгиня Елизавета Федоровна. – В.Х.*).»[250]**250**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 5–6.

.

В дни больших торжеств иногда происходят неожиданные инциденты, о которых власти, как правило, предпочитают не распространяться. Такой случай произошел во время военного парада 28 августа (9 сентября) 1912 года в честь 100-летнего юбилея Бородинского сражения, на печально известном Ходынском поле в Москве.

В дневнике императора Николая II за 1912 год (до сих пор не опубликованном) имеются такие строки:

«*28 августа. Вторник. – Москва.*

Дождь прошел и погода стала гораздо свежее. В 9.45 отправились в моторе на Ходынское поле. Ровно в 10 час. начался объезд. Парад был очень большой; в нем участвовали корпуса: гренадерский, 13-й, 17-й и 25-й – всего 75 500 чел. В общем, войска представились очень хорошо, но испортило мне впечатление то, что во время объезда рядовой Софийского полка выбежал с ружьем из строя и хотел подать мне прошение. (*За этот проступок рядовой Бахурин был арестован и осужден трибуналом к каторге, но был помилован императором. – В.Х.*). Церемон[иальный] марш закончился в 12.45. Завтракал у себя с семейством. Читал между разными приемами. В 4 ч. пошел наверх на Боярскую площадку к обеду волостных старшин по два челов[ека] от каждой губ[ернии] и области. В 5 час. поехали в городскую думу, где был небольшой концерт, чай и подношения работ городских школ. Вернулись к себе в 6Bj [ч.]. В 8 час. был обед для военного начальства в Георгиев[ском] зале. Поговорив недолго, спустились к себе в 10Bj [ч.]. Элла провела у нас вечер»[251]**251**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 6–7

.

Скандальный случай (со злосчастным солдатом) Николай II вновь упоминает в письме к своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, от 10 сентября:

«28-го был большой парад на Ходынском поле, в котором приняли участие четыре армейских корпуса – 75 000 человек. Тут случился невероятный случай – во время объезда из строя вышел солдат Софийского полка с прошением ко мне. Разные генералы ловили его, но он пробрался ко мне и остановился, когда я крикнул на него. Я очень рассердился, и всему московскому военному начальству досталось от меня сильно»[252]**252**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 16.

.

На инцидент во время парада в какой-то степени проливают свет воспоминания второго сына великого князя Константина Константиновича (поэта К.Р.) – князя императорской крови Гавриила Константиновича. Он участвовал в этих торжественных мероприятиях и позднее делился своими впечатлениями:

«За время нашего короткого пребывания в Москве был большой парад на Ходынском поле, торжественная обедня в храме Христа Спасителя и многие другие торжества. Я был рад присутствовать на параде, на Ходынском поле и ехать в свите Государя. По новым правилам, когда Государь, объехав одну линию войск, объезжал следующую, стоявшую за ней, первая поворачивалась кругом, чтобы видеть Государя и не стоять к нему спиной. Вдруг я вижу, что из повернувшейся линии войск выбежал солдат с винтовкой в руках и бежит к Государю. Великий князь Сергей Михайлович, ехавший передо мной, в ужасе схватил за руку князя С.Г. Романовского, герцога Лейхтенбергского, ехавшего с ним рядом. Все это длилось одно мгновение. Солдат подбежал к Государю и подал ему прошение. Говорят, что ехавший за Государем дежурный генерал-адъютант Скалон, варшавский генерал-губернатор, схватился за шашку, а Государь сказал солдату: “Срам для полка!” и поехал дальше, как ни в чем не бывало. Не знаю, какое впечатление произвело это неприятное происшествие на Государыню, ехавшую с наследником за Государем в экипаже.

Оказалось, что солдат, подавший прошение, не должен был отбывать воинской повинности. Он хлопотал, чтобы его освободили, но ничего не мог добиться. Тогда он решил прибегнуть к последнему средству, раз представилась к тому возможность, то есть обратиться к самому Государю. Я думаю, что его простому крестьянскому уму этот способ казался нормальным. Государь поручил свиты генералу Дельсалю произвести следствие. Генерал Дельсаль мне рассказывал, что Государь лично написал приказ, налагавший различные наказания на прямых начальников этого солдата, начиная с командующего войсками Московского военного округа генерала Плеве.

Великий князь Николай Михайлович был верен себе: он не пожелал сидеть верхом во время прохождения войск церемониальным маршем. Он слез с лошади и прогуливался позади нас, между нами и трибунами для публики, разговаривая с присутствующими знакомыми. Думаю, что Государь этого не заметил, так как это происходило за его спиной. Заметь это Александр III, полагаю, что он посадил бы Николая Михайловича под арест»[253]**253**
Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники

нашей семьи. СПб., 1993. С. 114–115.

.

О рядовом Григории Бахурине писали газеты, общественность ему сопереживала. Не отстают и наши современные журналисты – в Интернете нетрудно найти эссе о грустной судьбе Бахурина. Некоторые авторы пишут, что за свой проступок наивный солдат, понадеявшийся на царскую милость, был приговорен к бессрочной каторге. Так ли это?

Интересные воспоминания о юбилейных торжествах оставил московский губернатор В.Ф. Джунковский. Он отвечал за общую организацию празднования и порядок на улицах древней столицы. Вот что он пишет о случае с Бахуриным:

«К сожалению, во время Высочайшего объезда войск произошел весьма прискорбный инцидент, оставивший тяжелое впечатление: из рядов 2-го Софийского пехотного императора Александра III полка из строя неожиданно для всех с винтовкой вышел рядовой Бахурин и быстрыми шагами направился к Государю, держа в руках прошение. В этом прошении он просил об освобождении его от военной службы в силу семейного положения. Его пытался остановить военный министр и дежурный генерал-адъютант, но он все же проскочил к Государю и был остановлен уже великим князем Николаем Михайловичем. Это удручающе подействовало на всех и значительно омрачило торжество, особенно было стыдно перед французами. Государь ни слова не сказал, объявив уже после парада выговор генералу Плеве, и приказал расследовать этот инцидент. Все начальствующие лица этого рядового были подвергнуты взысканиям, а Бахурин был предан военно-окружному суду по 106 статье книги XXII Свода военных постановлений для осуждения по законам военного времени.

С житейской точки зрения случай этот мог вызвать сочувствие к виновному, но с точки зрения военных законов поступок этот содержал в себе ряд преступлений:

1. Бахурин, как всякий чин, знал отлично, что подавать жалобы и прошения в строю нельзя.

2. Еще более тяжелое преступление – оставить строй.

3. Явное сопротивление требованию начальства – военного министра, который его остановил, но тот его не послушал.

Как бы драматичны ни были обстоятельства, побудившие его подать прошение, но они не могли послужить оправданием. Военная служба должна покоиться на полном отречении от личных интересов, на жертву всеми личными побуждениями и соображениями; компромиссы на этой почве могли вести к гибели и к софизмам.

Суд приговорил Бахурина к лишению воинского звания и ссылке в каторжные работы и представил приговор на Высочайшее благовоззрение. 25 октября последовало Высочайшее повеление о полном помиловании Бахурина»[254]**254**
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 45.

.

Дальнейшую судьбу солдата нам и другим исследователям, к сожалению, пока установить не удалось. Хотя мало верится в ее благополучие, несмотря на милостивейшую резолюцию императора Николая II. Недаром в народе испокон веков бытует горькая поговорка: «До Царя далеко, до Бога высоко».

Государь, как обычно, кратко зафиксировал в дневнике события следующего памятного дня. Воспроизведем запись полностью:

«*29 августа. Среда. – Москва.*

День простоял серый, но без дождя и ветра. В 10 час поехал с тремя старшими [дочерьми] в храм Христа Спасителя к архиерейской обедне и панихиде по Александру I и всем участникам 1812 г. Служба кончилась в 12BS ч. Завтракало семейство. В 2BS [ч.] на Царской площадке против памятника Анпапа (*императору Александру II. – В.Х.*) был смотр воспитанникам Московских средних и низших учебных заведений. 400 девочек проделали соколиную гимнаст[ику]. Все закончилось прохождением цер[емониальным] марш[ем]. В 3BS [ч.] посетил с детьми выставку 1812 года в Историческом музее, а затем прекрасную панораму Бородинского боя – Рубо. Вернулся домой в 6BS [ч.]. Вечером спокойно занимался»[255]**255**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 8.

.

Более подробные сведения имеются в цитировавшихся нами выше воспоминаниях губернатора В.Ф. Джунковского, отвечавшего за проведение в Москве праздничных мероприятий:

«В 2 с половиной часа дня в Кремле состоялся Высочайший смотр учащимся в учебных заведениях. Смотр этот представлял собой невиданное до того времени зрелище. Учащиеся расположились в шесть линий, обращенных к памятнику Александру II. Кроме того, особую линию от Архангельского собора по направлению к Боровицким воротам составили депутации в числе 600 воспитанников от различных учебных округов. Против памятника императору Александру II, ближе к Чудову монастырю и Николаевскому дворцу, занял место многолюдный хор учащихся в средних учебных заведениях, под управлением директора Московской консерватории М.М. Ипполитова-Иванова. В хору насчитывалось свыше 2000 учащихся. У колокольни Ивана Великого стали воспитанницы женских средних учебных заведений; на площади против Николаевского дворца и далее, к Вознесенскому монастырю и Спасским воротам, стояли учащиеся в низших начальных школах; в глубине Царской площади сосредоточились ученики земских школ, которые образовали полукруг к памятнику. Участвовавшие в параде учебные заведения явились со своими знаменами и значками; воспитанники обучавшиеся военному строю, явились с ружьями. Учащиеся в низших школах и присутствовавшие на параде в качестве зрителей также прибыли со своими школьными значками. Особую группу, левее хора, составили московские воспитанницы 12 женских гимназий, которые должны были исполнить вольные сокольские движения. У памятника заняли места воспитанницы институтов.

В ожидании прибытия Его Величества собрались представители учебного округа во главе с министром народного просвещения Л.А. Кассо, а также представители московской администрации. Я ожидал прибытия Государя на правом фланге воспитанников Лицея цесаревича Николая, а потом перешел на правый фланг Императорской Московской практической академии и коммерческих наук как состоявший в то время попечителем этих двух учебных заведений.

В половине третьего часа дня Государь, сев на коня, в сопровождении министра Императорского двора барона В.Б. Фредерикса, дворцового коменданта генерал-адъютанта Дедюлина и других лиц Свиты начал объезд учащихся. За

Его Величеством следовали в коляске наследник цесаревич и великие княжны Татьяна, Мария и Анастасия Николаевны.

Первыми приветствовали монарха группы учащихся от разных округов, расставленные у Большого Кремлевского дворца. Приняв рапорт от командовавшего парадом полковника Лейб-гвардии Семеновского полка Назимова, Его Величество направился к правому флангу первой группы, где стояли лицеисты. Едва Его Величество вступил на Царскую площадь, как раздались звуки народного гимна, который был исполнен двухтысячным хором учащихся, под управлением М.М. Ипполитова-Иванова. Вместе с учащимися, находившимися в строю, восторженно приветствовали Государя собравшиеся в Кремле ученики и ученицы разных школ. Детский энтузиазм был неописуемый.

Остановившись у памятника, Государь смотрел сокольские вольные движения 250 воспитанниц женских гимназий. Этот сокольский отряд был весь в одинаковых платьицах и белых вязаных шапочках. Они очень эффектно и отчетливо проделали все приемы сокольской гимнастики. Государь, по-видимому, очень остался доволен.

Соединенный хор учащихся исполнил гимн-марш, музыка М.М. Ипполитова-Иванова. В это время учащиеся построились к церемониальному маршу, который начался сейчас же после сокольских упражнений гимназисток. Во главе учащихся под звуки военного оркестра проходили лицеисты. На правых флангах проходили начальствующие лица. Я проходил два раза на фланге лицеистов и на фланге воспитанников Практической академии. Государь благодарил учащихся, на что последние громко отвечали: “Рады стараться, Ваше Императорское Величество”. Обращали на себя внимание своей молодцеватой выправкой малыши земского Щелковского училища, церковно-приходских школ и Сергиево-Елизаветинского училища.

Когда кончился церемониальный марш, Его Величество приблизился к хору учащихся, который исполнил «Славься». Патриотический подъем охватил детей. Несмолкаемое единодушное «ура» огласило площадь; дети стали бросать вверх свои фуражки, ученицы махали платками. Восторженное настроение детей передавалось и всем присутствовавшим взрослым. При кликах «ура» Его Величество, окруженный детьми, оставил в четвертом часу Царскую площадь. После чего счастливые дети стали стройными рядами расходиться по домам.

Смотр прошел при благоприятной погоде; с утра угрожал дождь, но к полудню тучи рассеялись. Впечатление от этого единения царя с детьми и молодежью было огромное»[256]**256**
Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 49–51.

.

Следующим мероприятием этого дня для царской семьи и великих князей было посещение выставки 1812 г. в помещении Исторического музея. Московский губернатор находился рядом и позднее делился своими впечатлениями:

«В 3 с половиной часа дня Государь с великими княжнами Ольгой, Татьяной и Марией Николаевнами посетил выставку 1812 г. в залах Императорского Исторического музея. Выставка эта представляла собой коллекцию всевозможных предметов и документов, имевших отношение к Отечественной войне, и собранных особым комитетом по устройству в Москве Музея 1812 г. Так как музей ко дню юбилейных торжеств не был готов, то особый комитет и устроил выставку собранных вещей в Историческом музее./…/

Выставка, устроенная в Историческом музее, размещена была в девяти залах: 1) зал Александра I, 2) зал героев Отечественной войны, 3) зал Бородина, 4) зал Москвы 1812 г., 5) зал отступления французов, 6) зал французской армии, 7) зал Наполеона I, 8) зал 1813, 1814 и 1815 гг., 9) юбилейный 1812–1912 гг. Устройству выставки предшествовало много прений, и если б не усилия и старания А.А. Бахрушина и В.В. Петрова, которые явились душой этой выставки, она никогда не была бы готова ко дню посещения выставки Государем.

Государь прибыл на выставку в 3 с половиной часа дня, внизу в сенях Его Величество был встречен августейшим председателем Исторического музея великим князем Михаилом Александровичем, товарищем августейшего председателя Н.С. Щербатовым и другими чинами музея. На средней площадке Государя ожидали члены комитета по сооружению Музея 1812 г. в Москве с председателем генералом от инфантерии В.Г. Глазовым во главе. На верхней площадке, у самого входа на выставку, Государь был встречен председателем комитета выставки А.А. Бахрушиным и членами комитета.

В течение целого часа Его Величество детально обозревал выставку. Объяснения давал хранитель Музея 1812 г. В.В. Петров, великим княгиням – [В.К.] Трутовский. Осмотр выставки был начат с той комнаты, где главным образом собраны портреты императора Александра I. Эта комната представляла громадный интерес не только в историческом, но и в художественном отношении, так как очень многие портреты писаны знаменитейшими живописцами той эпохи и представляли большую художественную ценность. Был целый ряд вещей, принадлежавших императору Александру I или

связанных воспоминаниями с ним, например, все вещи письменного стола, находившиеся в Зимнем дворце, письменные принадлежности, книга, раскрытая на той странице, как была оставлена императором, и проч. Затем была показана шпага Наполеона, подаренная им, по преданию, императору Александру на балу в Тильзите, затем еще одна шпага, из тех, которыми всегда пользовался император Александр I.

В следующей комнате были показаны Его Величеству сабля Дениса Давыдова и шашка Дорохова, пистолеты Платова, звезда Тучкова, которая была на нем в момент смерти, лента, которая была на Багратионе в Бородинском бою, орден, принадлежавший Балашову и надетый на него самим Государем, снявшим его с себя. Следующие залы специально посвящены были собранию карт и планов битв, как Бородинской, так и предшествовавших ей, с расположением войск. Тут же были собраны все вещи, относившиеся к памяти героев Бородина: Кутузова, Коновницына и др., великолепно сохранившиеся различные вещи их обстановки, домашние принадлежности и проч.

Затем Его Величество прошел в зал французов. В этой комнате была труба маршала Нея, жезл маршала Даву, ключи от 20 неприятельских крепостей и городов, сдавшихся русским в 1813 г., сабля Орлова-Чесменского, отбитая Милорадовичем при Красном, и, наконец, сани, в которых Наполеон ехал до Вильны. В следующем зале – обмундирование французских войск и некоторые вещи, имевшие отношение к Наполеону, бюсты Наполеона и маска с него. Затем Государя очень заинтересовала витрина с коллекциями русских масонских знаков, собранных фабрикантом Бурилиным, за которую американцы предлагали 2 миллиона рублей.

Этим и кончилось обозрение выставки, и Государь с августейшими дочерьми спустился в зал стиля Иоанна Грозного, где на круглых столах был сервирован чай и фрукты. В соседней зале для великих княжон была устроена выставка рукоделий.

Только около 6 часов вечера Государь отбыл из музея и направился с великими княжнами на Чистопрудный бульвар для обозрения панорамы Бородинской битвы. Над входом красовалась громадная белыми буквами надпись: «Бородино». У входа в панораму Государь был встречен председателем междуведомственной юбилейной комиссии В.Г. Глазовым, автором панорамы профессором Ф.А. Рубо и заслуженным профессором генерал-лейтенантом Б.М. Колюбакиным. Пройдя внутрь здания, Государь осматривал панораму. Объяснения давали Ф.А. Рубо и Б.М. Колюбакин. После подробного обозрения панорамы Государь отбыл в Кремль»[257]**257**

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 51, 54–56.

.

Император Николай II остался доволен проведением юбилейных торжеств. В последний день проведения их он кратко записал в дневнике:

«*30 августа. Четверг. – Москва.*

Рано утром шел сильный дождь, но прошел к 10 час. Перед окнами построился Фанагорийский полк; обошел его, поздравил и выпил здравницу; затем пропустил его церем[ониальным] марш[ем] на руку. В 11Bj [ч.] пошли задним ходом в Успенский собор, откуда вскоре вышли за крестным ходом на Красную площадь. Там на помосте был прочитан манифест и отслужен торжественный молебен. Вернулись домой к часу в коляске. Церемония была очень красивая и обошлась без дождя. В 4 часа поехал с детьми в дом губернаторского земства, где осмотрели выставку кустарного производства и получили массу подношений. Пили там чай и вернулись домой в 6Bj [ч.]. В 8 час. был парадный обед с потомками [известных участников] Отечественной войны. После недолгих разговоров спустились к себе. В 11Bj [ч.] выехали из Кремля на Александр[овскую] станцию. Как при приезде порядок был замечательный, войска стояли шпалерами с одной стороны. Простились с провожающими и в 11.45 [ч.] поехали дальше в путь»[258]**258**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 9–10.

.

После юбилейных празднеств царская семья отправилась в Беловежскую Пущу. Насколько большое впечатление произвели на Государя торжества 100-летнего юбилея Бородинского сражения, можно судить по его письму к матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, которое он отправил из Беловежской Пущи 10 сентября 1912 года в Данию, где она находилась в гостях:

«Дорогая моя Мама!

Давно хотел я написать Тебе, но времени все не хватало. Сколько впечатлений пережито и таких светлых, что становится трудно описать их. Конечно, самыми приятными днями было 25 и 26 августа в Бородине. Там все мы прониклись общим чувством благоговения к нашим предкам. Никакие описания сражений не дают той силы впечатления, которая проникает в сердце, когда сам

находишься на этой земле, окрашенной кровью 58 000 наших героев, убитых и раненных в эти два дня Бородинского сражения. Некоторые старые редуты и батареи восстановлены совершенно точно саперами; Шевардино и Семеновские флеши. Присутствие на панихиде и торжественном молебствии знаменитой иконы Божией Матери Одигитрии, той самой, которая была в сражении, и обнесение ее вдоль фронта войск – это такие минуты, которые редко переживаются в наши дни! В довершение всего удалось привести несколько стариков, помнящих пришествие французов, но самое главное – между ними находился один участник сражения, бывший фельдфебель Войтинюк 122 лет.

Подумай только, говорить с человеком, который все помнит и рассказывает всякие подробности боя, показывает место, где был тогда ранен, и т. д. Я им сказал стоять рядом с нами у палатки во время молебна и следовать за нами. Они все становились на колени сами и с помощью палок и сами вставали!

Французская депутация, прибывшая на торжества, тоже чрезвычайно заинтересовалась ветеранами и расспрашивала главного старика через одного из наших.

Парад в Бородине был очень оригинален потому, что на нем были представлены все части нашей армии и Гвардейский экипаж – участники боя – по роте или взводу с полка и батареи. Многие полки уже поставили, а другие ставят памятники своим предкам приблизительно на тех местах, на которых сражались и оказали отличие их собственные части.

Днем 26-го я объезжал все полки верхом и видел эти памятники – все это еще лучше восполняет сильное впечатление всего виденного и всего слышанного. Все мы покинули с грустью Бородино рано 27 августа и переехали в Москву, чтобы выполнить конец программы торжества. Все прошло также хорошо и в полном порядке, но было утомительно и менее интересно. Я уверен, что Тебе уже писали о пребывании в Москве, и поэтому ограничусь вкратце тем, что я там делал. 27-го, в день приезда, был обычный выход в Успенский собор, а в 4 часа дня нас принимало дворянство в доме благородного собрания, где Самарин от имени всего Русского дворянства поднес красивого старинного образца стяг (вроде хоругви). /…/

Днем (*28 сентября. – В.Х.*) мы посетили городскую думу, а вечером дали обед всем военным. 29-го в храме Спасителя была отслужена архиерейская обедня и затем панихида по императору Александру Павловичу и всем сподвижникам его.

На площади в Кремле против памятника Анпапа (*император Александр II. – В.Х.*) был смотр всем воспитанникам Московских средних и низших учебных заведений, а кругом стояло около 25 000 мальчиков и девочек сельских школ.

Затем я посетил с детьми интересную выставку 1812 года в Историческом музее, где Софа Щербатова любезно предложила нам чаю. Отсюда поехали смотреть красивую и удачную панораму Рубо – Бородинское сражение.

30 августа последний день в Москве – пошли в Успенский собор к концу обедни и вышли за большим крестным ходом на Красную площадь, где был прочитан манифест и отслужен торжественный молебен. Толпа на площади была громадная, целое море голов – тишина и спокойствие полные.

Днем с детьми посетили дом губернского земства, где была устроена весьма интересная выставка кустарных изделий. Добрые люди поднесли столько вещей, что их повезли в Кремль на двух автомобилях. Вечером был обед всем должностным лицам Москвы и потомкам участников Отечественной войны, после чего мы уехали около 12 часов ночи. /…/

Всей душой любящий Тебя *Ники*»[259]**259**
ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2332. Л. 14–19.

.

Через несколько дней, т. е. 14 сентября 1912 г., император Николай II в письме к великому князю Константину Константиновичу, среди прочего, вновь упоминает об юбилее Бородинского сражения:

«Ты, конечно, слыхал от обоих старших сыновей о бородинских и московских торжествах. Мне вспомнились полтавские дни в 1909 г. Но теперь настроение было еще более повышенное. Объезд Бородинского поля сделал на меня неизгладимое впечатление при мысли, что каждый клочок земли под ногами орошен кровью наших героев, убитых и раненных в эти два дня! А потом видеть и говорить с участником сражения – 122-летним отставным фельдфебелем! К нему было чувство как бы к величайшей реликвии! В Москве все было хорошо и удачно, но в Бородине, для меня, по крайней мере, куда выше и сильнее»[260]**260**
ГА РФ. Ф. 660. Оп. 1. Д. 196. Л. 62–63.

.

Стоит обратить внимание читателей этих строк архивных документов, насколько эмоциональнее содержание писем императора Николая II, чем его дневников. По этим документам видно, что Государь, как и все подданные Российской империи, жили одними общими заботами – успешного процветания и величия Отечества.

Заговор против императора, или Февральская революция

Много «сломано копий» вокруг событий с отречением Николая II: был ли это заговор против императора или Февральская революция обрушила Императорский Дом Романовых?! Кто виноват, что царская семья и многие великие князья не смогли после революции покинуть Россию и тем спасти свою жизнь?

Существует мнение, что Николай II легко, без борьбы отказался от Российского престола, как будто (по крылатому выражению генерал-майора Д.Н. Дубенского) «сдал эскадрон». Так ли было на самом деле? Воспроизведем последовательность событий.

Весной 1917 года в России в считанные дни свершились события, которые вошли в анналы всемирной истории как Февральская революция. Ее кульминационным моментом было свержение монархии. Это положило начало конца Российской империи и более чем 300-летнему правлению династии Романовых. Всемирные исторические события часто преподносят человечеству своеобразные загадки, граничащие порой с мистикой. «Рок судьбы» не миновал и наше Отечество. Царствование Романовых началось с Михаила I Федоровича и завершилось Михаилом II Александровичем, т. е. началось с Михаила и завершилось Михаилом. Даже начало и конец правления династии Романовых оказались схожими. Михаил Федорович (1596–1645) был призван на Российский престол 21 февраля 1613 года русским народом в лице Великого Земского собора в период польского нашествия «смутного времени». Завершилось же царствование «венценосцев» 3 марта, сложением «бремени власти» Михаилом Александровичем (1878–1918) в не менее «смутное время» военного и мятежного 1917 года, до момента изъявления всенародной воли посредством Всероссийского Учредительного собрания, т. е. до предполагаемого вынесения решения такого же своеобразного «Земского собора».

Конечно, в этих нами сопоставляемых событиях начала XVII и начала XX вв. были и колоссальные различия. Романовы начинали свое служение на Российском престоле в драматический момент истории: угрозы потери страной национальной независимости. За 304 года правления династии Российская

империя стала мировой державой, занимавшей в…™ Земного шара и реально влиявшей на судьбоносные процессы развития цивилизации. Это была внушительная сила. Каждый седьмой человек планеты проживал в нашей стране. По своему экономическому развитию Российская империя в начале XX века входила в пятерку передовых государств мира, а по темпам промышленного роста находилась среди лидеров. Однако она опять очутилась в силу стечения неблагоприятных роковых обстоятельств, благодаря многочисленным враждебным внешним и оппозиционным внутренним силам, на пороге национальной катастрофы.

Царское правительство предпринимало спешные меры на случай ожидаемых революционных выступлений. В январе 1917 года разработка плана переброски в столицу надежных войск и укрепления полицейских сил была завершена. Император Николай II, обеспокоенный беседой с министром внутренних дел А.Д. Протопоповым (1866–1918), который выразил сомнения о благонадежности запасных гвардейских батальонов в Петрограде (сформированных из рабочих, служащих, студентов и т. п.), вызвал для консультации генерала С.С. Хабалова. После его доклада царь немедленно отдал приказ начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу В.И. Гурко (генерал М.В. Алексеев был еще болен) возвратить в казармы Петрограда, как будто для отдыха, два гвардейских кавалерийских полка с фронта и полк уральских казаков.

Был ли повод для беспокойства императора Николая II в эти дни? Да, был! Резко возросло число забастовок. Лидер партии кадетов П.Н. Милюков (1859–1943) позднее откровенно писал в своих исторических исследованиях об этом периоде времени:

«Как бы то ни было, из объективных фактов с бесспорностью вытекает, что подготовка к революционной вспышке деятельно велась – особенно с начала 1917 г. – в рабочей среде и в казармах петроградского гарнизона. Застрельщиками должны были выступить рабочие. Внешним поводом для выступления рабочих на улицу был намечен день предполагавшегося открытия Государственной думы, 14 февраля. Подойдя процессией к Государственной думе, рабочие должны были выставить определенные требования, в том числе и требования ответственного министерства. В одном частном совещании общественных деятелей этот проект обсуждался подробно…»[261]**261**
Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 14–15.

.

14 февраля 1917 г. после перерыва возобновляла свои заседания Государственная дума. В дневнике Николая II об этом событии нет упоминаний, но за 10 февраля имеются две важные пометки: «В 2 часа приехал Сандро (*великий князь Александр Михайлович. – В.Х.*) и имел при мне в спальне разговор с Аликс». И далее: «До чая принял Родзянко»[262]**262**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 622.

.

Государь Николай II имел в эти дни несколько деловых встреч с великими князьями на предмет результатов их командировок по определенным заданиям. Так, Кирилл Владимирович докладывал императору о результатах поездки на Мурман и в Архангельск, Георгий Михайлович сделал обзор о трехмесячной инспекционной поездке по фронтам. То же самое относится и к докладу Павла Александровича – генерала от кавалерии, инспектора войск гвардии.

Некоторые из представителей Императорской фамилии продолжали, кто явно, кто тайно фрондировать. Так, например, великий князь Николай Михайлович, отправленный в канун 1917 года на два месяца под домашний арест (в свое имение Грушевка*censored*сонской губ.), продолжал плести заговоры. В самом конце 1916 года он изложил вдовствующей императрице Марии Федоровне свой план действий: «После того как мы убрали гипнотизера, нужно попробовать обезвредить загипнотизированную. Как ни трудно, но нужно ее отослать как можно дальше или в санаторий, или в монастырь. Речь идет о спасении престола – не династии, которая еще прочна, но теперешнего Государя. Иначе будет слишком поздно… вся Россия знает, что покойный Распутин и А.Ф. одно и то же. Первый убит, теперь должна исчезнуть и другая. От этого зависит общее спокойствие»[263]**263**

ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 2350. Л. 34 об.–35.

.

У царя 10 февраля была еще одна деловая встреча, обычная перед открытием Думы, с председателем ее Родзянко, который все настойчивее добивался

ответственного министерства. В своих воспоминаниях М.В. Родзянко (1859–1924) позднее указывал:

«Необычайная холодность, с которой я был принят, показала, что я не мог даже, как обыкновенно, в свободном разговоре излагать свои доводы, а стал читать написанный доклад. Отношение Государя было не только равнодушное, но даже резкое. Во время чтения доклада, который касался плохого продовольствия армии и городов, передачи пулеметов полиции и общего политического положения, Государь был рассеян и, наконец, прервал меня:

– Нельзя ли поторопиться? – заметил он резко. – Меня ждет великий князь Михаил Александрович…

По поводу передачи пулеметов царь равнодушно заметил:

– Странно, я об этом ничего не слыхал…

А когда я заговорил о Протопопове, он раздраженно спросил:

– Ведь Протопопов был вашим товарищем председателя в Думе… Почему же теперь он вам не нравится?

Я ответил, что с тех пор, как Протопопов стал министром, он положительно сошел с ума…

При упоминании об угрожающем настроении в стране и возможности революции царь прервал:

– Мои сведения совершенно противоположны, а что касается настроения Думы, то если Дума позволит себе такие же резкие выступления, как в прошлый раз, то она будет распущена.

Приходилось кончать доклад:

– Я считаю своим долгом, Государь, высказать вам мое личное предчувствие и убеждение, что этот доклад мой у вас последний.

– Почему? – спросил царь.

– Потому что Дума будет распущена, а направление, по которому идет правительство, не предвещает ничего доброго… Еще есть время и возможность все повернуть и дать ответственное перед палатами правительство. Но этого, по-видимому, не будет. Вы, Ваше Величество, со мной не согласны, и все

останется по-старому. Результатом этого, по-моему, будет революция и такая анархия, которую никто не удержит.

Государь ничего не ответил и очень сухо простился»[264]**264**
Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 212–213.

.

Как видим, позиции сторон не изменились. Противостояние продолжалось. Срок полномочий Думы приближался к завершению. Впереди маячили выборы, и депутаты стремились набрать политические очки борцов за интересы демократии и народа. Жена Родзянко Анна Николаевна, передавая в письме влиятельной княгине Зинаиде Николаевне Юсуповой (мать убийцы Г.Е. Распутина князя Феликса Юсупова младшего) впечатления своего мужа от последнего разговора с императором Николаем II, с возмущением писала: «Эта кучка, которая всем управляет, потеряла всякую меру и зарывается все больше и больше. Теперь ясно, что не одна Александра Федоровна виновата во всем. Он как русский царь еще более преступен».

В январе в Петрограде, как и во всей стране, резко возрос размах беспорядков среди рабочих. Так, если в 1916 году по всей Российской империи прошли 243 политические забастовки, то за первые два месяца 1917 года их число составило 1140.

31 января 1917 года оппозиционная Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, которую возглавлял А.И. Гучков, была арестована, и ей было предъявлено обвинение в участии в «преступной организации, стремящейся к свержению существующего государственного строя». Это был первый предостерегающий звонок со стороны царских властей. Лидеры оппозиции почувствовали критический момент политического равновесия и реальную опасность за свое дальнейшее благополучие.

В Петроград с докладом к императору прибыл генерал В.И. Гурко (1864–1937). Свидетелем этой встречи была статс-дама Государыни Александры Федоровны княгиня Е.А. Нарышкина (1838–1928), которая записала 8 февраля в дневнике:

«Император принял генерала, приехавшего из армии. Разговор: “Какое впечатление на вас произвел Петроград? Много толков, но, к несчастью, среди разговоров много верного. Следовало бы жить в мире с Думой и отставить Протопопова”. Император горячо воскликнул: “Никакой возможности жить в мире с Думой, я сам виноват, я их слишком распустил. Мои министры мне не

помогали. Протопопов один мне поможет сжать их в кулак (показал сжатый кулак)". Резко отпустил, не владея собой. Обедала у Бенкендорфов. Из чужих никого. У нас опасения насчет Думы»[265]**265**

ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 4 об.

.

8 февраля 1917 г. по личному приказу императора Николая II Петроградский военный округ был выделен из Северного фронта, и командующий округом генерал С.С. Хабалов (1854–1924) получил широкие полномочия. Гарнизон Петрограда состоял из почти 200 тысяч недавно призванных и необученных солдат, ожидавших отправления на фронт. Оказавшись во главе Петроградского военного округа, престарелый генерал С.С. Хабалов практически солдат не знал и данной должности не соответствовал. Почти всю свою жизнь, начиная с 1900 года, он был преподавателем, инспектором и начальником военных училищ. Император знал об этом, но во время мировой войны было сложно с боевыми военачальниками. На эту ответственную должность предполагалось выдвижение генерала К.Н. Хагондокова (участника подавления восстания в Маньчжурии), но императрица Александра Федоровна, как-то услышав, что он неосмотрительно отозвался о Григории Распутине, заявила, что «лицо у него очень хитрое». Назначение его так и не состоялось.

По Петрограду стали быстро распространяться слухи, будто Царское Село уже приняло решение расправиться с Государственной думой. Слухи все с каждым днем разрастались, вызывая всеобщее беспокойство. Открытие сессии Государственной думы и обстановку, господствующую на ней, красочно передает в своих воспоминаниях А.Ф. Керенский (1881–1970). В частности, он писал:

«Когда 14 февраля открылось заседание Думы, в повестке дня стоял вопрос о ее роли в противостоянии между властью и страной, близившемся к своей высшей точке. Милюков заявил, что, по его мнению, страна далеко опередила свое правительство. Но мысль и воля народа способны выразить себя только через узкие щели, которые оставляет мертвая бюрократическая машина…

Отвечая на замечание Милюкова относительно "мертвой бюрократической машины", я сказал то, о чем думали, но не рисковали говорить открыто депутаты Думы. И заявил, что ответственность за происходящее лежит не на бюрократии и даже не на "темных силах", а на короне. Корень зла, сказал я,

кроется в тех, кто сейчас сидит на троне. Обращаясь к членам Прогрессивного блока, я продолжал:

“Нам говорят: правительство виновато, правительственные люди, которые как “тени” приходят и уходят с этих мест. Но поставили ли вы себе вопрос, наконец, во всю ширь и всю глубину, кто же те, кто приводит сюда эти “тени”? И если вы вспомните, как много здесь говорилось о “темных силах”… и вот эти “темные силы” исчезли! Исчез Распутин! Что же, мы вступили в новую эпоху русской жизни? Изменилась ли система? Нет, не изменилась, она целиком осталась прежней…

Поняли ли вы, что исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало, героическими личными жертвами тех людей, которые это исповедуют и которые этого хотят? Как сочетать это ваше убеждение, если оно есть, с тем, что отсюда подчеркивается, что вы хотите бороться только “законными средствами”?! (В этом месте Милюков перебил меня, указав, что такое выражение является оскорблением Думы.) Как можно законными средствами бороться с теми, кто сам закон превратил в орудие издевательства над народом?.. С нарушителями закона есть только один путь – физического их устранения”.

Председательствующий в этом месте спросил, что я имею в виду. Я ответил: “Я имею в виду то, что свершил Брут во времена Древнего Рима”. Председатель Думы позднее распорядился об исключении из стенографического отчета этого моего заявления, оправдывающего свержения тиранов. Когда мои слова передали царице, она воскликнула: “Керенского следует повесить!” На следующий день или, быть может, днем позже Председатель Думы получил от министра юстиции официальное заявление с требованием лишить меня парламентской неприкосновенности для привлечения к судебной ответственности за совершение тяжкого преступления против государства. Получив эту ноту, Родзянко тотчас пригласил меня в свой кабинет и, зачитав ее, сказал: “Не волнуйтесь. Дума никогда не выдаст вас…”»[266]**266**
Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 131–132.

.

Положение дел, как мы можем видеть, обострялось, оппозиция начала сжигать мосты. До М.В. Родзянко дошли слухи, что царь созывал некоторых министров

во главе с главой правительства князем Н.Д. Голицыным. На данном совещании обсуждался вопрос о последствиях возможного решения о даровании ответственного министерства. Возможно, император Николай II желал показать министрам, что над ними был тоже занесен «дамоклов меч», чтобы подтолкнуть их на решительные меры. А может быть, просто зондировал их общий настрой к обострившейся политической ситуации. Совещание показало, что глава правительства князь Н.Д. Голицын (1850–1925) был бы доволен таким возможным поворотом дела, который снял бы с него непосильную ношу. Но вечером 20 февраля его снова вызвали в Царское Село. Государь Николай II сообщил ему, что он уезжает на короткое время в Ставку. Когда князь Голицын напомнил царю, что тот собирался ехать в Думу и говорить о даровании «ответственного министерства», то Николай II спокойно ответил, что он изменил свое решение.

Что вызвало такое резкое изменение решения? Можно только догадываться. Известно, что 23 февраля в Ставку вернулся после продолжительной болезни начальник штаба генерал М.В. Алексеев. Бывшая фрейлина Государыни баронесса С.К. Буксгевден (1884–1956) позднее делилась воспоминаниями:

«Я находилась возле императрицы в тот момент, когда император пришел к ней с телеграммой в руке. Он попросил меня остаться и сказал императрице: “Генерал Алексеев настаивает на моем приезде. Не представляю, что там могло случиться такого, что потребовалось мое обязательное присутствие. Я съезжу и проверю лично. Я не задержусь там дольше, чем на неделю, так как мне следует быть сейчас именно здесь”»[267]**267**
Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы всероссийской. М., 2006. С. 389–390.

.

Великий князь Михаил Александрович передал в разговоре с августейшим братом в Александровском дворце Царского Села, что в Ставке выражают неудовольствие его длительным отсутствием. Возможно, Николай II еще раз решил взвесить все аргументы и прояснить до конца обстановку, прежде чем принимать такой ответственный шаг. По этому поводу есть любопытные рассуждения в воспоминаниях жандармского генерала А.И. Спиридовича: «Горячая кампания, поднятая против проектов Маклакова и Протопопова, возымела успех. Когда 11 февраля Маклаков лично привез Государю проект манифеста о роспуске Государственной думы, тот принял его, но заметил, что вопрос надо обсудить всесторонне. Изменение отношения Государя к Думе

было так очевидно, что все говорили, будто император намерен приехать на открытие Государственной думы, чтобы объявить о даровании ответственного министерства. Говорили, что слухи шли от премьера князя Голицына. Вопрос о комбинации правительства – Маклаков и Протопопов – заглох совершенно»[268]**268**

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 483.

.

Здесь стоит пояснить, что бывший министр внутренних дел Н.А. Маклаков (1871–1918) советовал императору сосредоточить все силы на борьбе с внутренним врагом, «который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего»[269]**269**

Падение царского режима. Т. 5. М.-Л., 1925. С. 209.

.

Накануне отъезда в Могилев, как видно из дневника Николая II, поздно вечером он принял министра внутренних дел А.Д. Протопопова. Известно, что Государь сообщил Протопопову, что генерал В.И. Гурко вместо полков личной гвардии, о направлении которых в Петроград он распорядился, послал туда только морскую гвардию – Гвардейский экипаж. Моряками командует великий князь Кирилл Владимирович, который вызывал определенные опасения. Царь собирался осуществить намеченную переброску верных войск в окрестности столицы. Перед тем как покинуть Петроград, император Николай II подписал указы Сената, как об отсрочке, так и о роспуске Думы, не поставив на обоих документах даты, и вручил их на непредвиденный случай председателю правительства князю Н.Д. Голицыну. Протопопов просил царя не задерживаться в Ставке без крайней необходимости и заручился его обещанием возвратиться не позднее чем через восемь дней.

Таким образом, проведя 66 дней в столице, выслушав все стороны, оставив за собой бунтующую Думу и заболевших корью детей, царь выехал в Ставку.

Несмотря на нарастающий размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны. В этом убеждали царскую семью

командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов и министр внутренних дел А.Д. Протопопов.

Государь Николай II в 14 часов 22 февраля выехал из Царского Села в Ставку (Могилев). Чуть позднее, в связи с обострением политического положения в стране, он принял решение о перерыве заседаний Государственной думы. Первые сообщения из Петрограда о стачках и беспорядках были оценены императором как бунтарская вспышка голодного люда и проявление неудовольствия в связи с перерывом заседаний Думы. Когда в Ставку пришла тревожная телеграмма председателя Государственной думы М.В. Родзянко о начале революции, Николай II (по некоторым свидетельствам) сказал министру Императорского Двора графу В.Б. Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»[270]**270**
Там же. С. 38.

.

Тем не менее вечером 25 февраля Хабалов и Протопопов получили от царя из Ставки телеграфное предписание: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии.*Николай*»[271]**271**
Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 627; Алферьев Е.Е. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991. С. 118.

.

В Петрограде власти проявили растерянность. Так, позднее, 22 марта 1917 года, на допросе в ЧСК Временного правительства генерал С.С. Хабалов признавался:

«Эта телеграмма, как бы вам сказать? – быть откровенным и правдивым: она меня хватила обухом… Как прекратить завтра же? Сказано: “завтра же”… Государь повелевает прекратить, во что бы то ни стало… Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: “хлеба дать”, дали хлеба и кончено. Но когда на флагах надпись “долой самодержавие”, – какой же тут хлеб успокоит! Но что же делать? – Царь велел: стрелять надо… Я убит был – положительно убит! – По тому, что я пущу в ход, привело бы непременно к желательному результату…»[272]**272**
Падение царского режима. Т. 1. Л., 1924. С. 190.

.

В депешах военных властей Петрограда не сообщалось царю в Ставку об истинных причинах, послуживших толчком к революционному взрыву, что в конечном итоге привело к государственному перевороту. Князь Владимир Андреевич Оболенский (1869–1938), принадлежавший к радикальному крылу кадетов, анализируя эти события, писал:

«Вспыхнувшая в конце февраля 1917 года революция не была неожиданностью. Она казалась неизбежной. Но никто не представлял себе – как именно она произойдет и что послужит поводом для нее… Революция началась с бунта продовольственных “хвостов”, а этот бунт вспыхнул потому, что министр земледелия Риттих, заведовавший продовольствием Петербурга, испугавшись уменьшения подвоза хлеба в столицу, отдал распоряжение отпускать пекарням муку в ограниченном размере по расчету 1 фунта печеного хлеба в день на человека. Ввиду сокращения хлебных запасов эта мера была вполне разумной, но лишь при одновременном введении системы хлебных карточек… Все были уверены, что начавшийся в Петербурге бунт будет жестко подавлен… 26 февраля Керенский был уверен в том, что не сегодня-завтра его арестуют… Но этот ряд стихийно-хаотических действий создал перелом в истории России, перелом, называемый Февральской революцией. На следующий день открылась новая страница русской истории»[273]**273**
Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники (воспоминания); Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель царской семьи. Сб. док. и матер. / Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев, при участии М.Д. Стейнберга. М., 2001. С. 21.

.

Такого же мнения был кадет В.Д. Набоков: «Происходившее нам казалось довольно грозным… Тем не менее, еще 26-го вечером мы были далеки от мысли, что ближайшие два-три дня принесут с собою такие колоссальные, решающие события всемирно-исторического значения».

Обстановку в Петрограде, в стенах Государственной думы передают многие ее члены в своих воспоминаниях. С утра 27 февраля в здании Государственной думы собралось много депутатов. Так как газет с 26 февраля не было, большинство еще не слышало о перерыве сессии. Начались частные совещания. Никто не знал в точности, что происходит: говорили о солдатских бунтах.

Настроение было подавленное. «Словесная борьба кончилась… – отмечал В.В. Шульгин. – Она не предотвратила революции… А, может быть, даже ее ускорила»[274]**274**
Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 176.

.

Совещание депутатов признало, что Государственная дума, ввиду перерыва сессии, заседать не может, но решено было пока не расходиться и ждать событий. Был образован Временный комитет» из представителей фракций Прогрессивного блока и крайних левых. В это время толпа, достигшая Таврического дворца, ворвалась во двор и проникла внутрь здания. «С первого же мгновения этого потопа отвращение залило мою душу… Пулеметов – вот чего мне хотелось. Ибо я чувствовал, что только язык пулеметов доступен уличной толпе…» – пишет В.В. Шульгин. Он далее констатирует: «С этой минуты Государственная дума, собственно говоря, перестала существовать»[275]**275**
Там же. С. 181, 182.

.

Но если Государственная дума уже 27 февраля перестала существовать как реальная величина – ее имя оказалось весьма сильным козырем в руках революционных вождей. От имени Временного комитета по всей стране рассылались телеграммы, изображавшие положение в совершенно искаженном виде.

У царского правительства был солидный багаж по подавлению революционных выступлений. Однако то, что происходило теперь, выходило за пределы накопленного опыта. Как в свое время метко заметил Бернард Шоу: «Единственный урок, который человечество может извлечь из истории, это то, что оно никаких уроков из нее не извлекает». События развивались по туго закрученной спирали.

Мятежные выступления в Петрограде начались 23 февраля. В шифрованной телеграмме А.Д. Протопопова в Ставку дворцовому коменданту В.Н. Воейкову для императора от 25 февраля сообщалось совершенно секретно:

«Внезапно распространившиеся [в] Петрограде слухи [о] предстоящем якобы ограничении суточного отпуска выпекаемого хлеба взрослым по фунту

малолетним [в] половинном размере вызвали усиленную закупку публикой хлеба очевидно в запас почему части населения хлеба не хватило точка. На этой почве двадцать третьего февраля вспыхнула [в] столице забастовка сопровождающаяся уличными беспорядками точка Первый день бастовало около 90 тысяч рабочих второй до 160 тысяч сегодня 200 тысяч точка Уличные беспорядки выражаются [в] демонстративных шествиях частью [с] красным флагом разгромом [в] некоторых пунктах лавок частичном прекращении забастовщиками трамвайного движения [в] столкновениях [с] полицией точка 23 февраля ранены два помощника пристава сегодня утром [на] Выборгской стороне толпой снят [с] лошади избит полицмейстер полковник Шалфеев ввиду чего полицией произведено несколько выстрелов [в] направлении толпы оттуда последовали ответные выстрелы точка Сегодня днем более серьезные беспорядки происходили около памятника императору Александру III и на Знаменской площади где убит пристав Крылов точка Движение носит неорганизованный стихийный характер наряду [с] эксцессами противоправительственного свойства бунтующих местами приветствуют войска точка Прекращению дальнейших беспорядков принимаются энергичные меры военным начальством точка [В] Москве спокойно»[276]**276**
ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 29–29 об.; РГИА. Ф. 1276. Оп. 13. Д. 36. Л. 2–2 об.; Пролетарская революция. 1923. Т. 1 (13). С. 290.

.

Похожее по содержанию в этот же день пришло телеграфное сообщение в Ставку (Могилев) от петроградских военных властей:

«Доношу, что 23 и 24 февраля, вследствие недостатка хлеба на многих заводах возникла забастовка. 24 февраля бастовало около 200 тысяч рабочих, которые насильственно снимали работавших. Движение трамвая рабочими было прекращено. В середине дня 23 и 24 февраля часть рабочих прорвалась к Невскому, откуда была разогнана. Насильственные действия выразились разбитием стекол в нескольких лавках и трамваях. Оружие войсками не употреблялось, четыре чина полиции получили неопасные поранения. Сегодня, 25 февраля, попытки рабочих проникнуть на Невский успешно парализуются. Прорвавшаяся часть разгоняется казаками. Утром полицмейстеру Выборгского района сломали руку и нанесли в голову рану тупым орудием. Около трех часов дня на Знаменской площади убит при рассеянии толпы пристав Крылов. Толпа рассеяна. В подавлении беспорядков, кроме петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска, и

вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка. № 486 / сек[ретно]. *Хабалов*»[277]**277**
Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 4–5.

.

Это сообщение доложили императору Николаю II на следующий день, т. е. 26 февраля, очевидно, считая, что не следует беспокоить императора незначительными происшествиями.

Интересна реакция императрицы Александры Федоровны на события в Петрограде, о которых 25 февраля она сообщала супругу в очередном письме в Ставку:

«Устала после приемов, разговаривала с Апраксиным и Бойсманом. Последний говорит, что здесь необходимо иметь настоящий кавалерийский полк, который сразу установил бы порядок, а не запасных, состоящих из петербургского люда. Гурко не хочет держать здесь твоих улан, а Гротен говорит, что они вполне могли бы разместиться.

Бойсман предлагает, чтобы Хабалов взял военные пекарни и пек немедленно хлеб, так как, по словам Бойсмана, здесь достаточно муки. Некоторые булочные также забастовали. Нужно немедленно водворить порядок, день ото дня становится все хуже. Я велела Бойсману обратиться к Калинину (*домашнее прозвище А.Д. Протопопова. – В.Х.*) и сказать ему, чтоб он поговорил с Хабаловым насчет военных пекарен. Завтра воскресенье, и будет еще хуже. Не могу понять, почему не вводят карточной системы и почему не милитаризуют все фабрики – тогда не будет беспорядков. Забастовщикам прямо надо сказать, чтоб они не устраивали стачек, иначе их будут посылать на фронт или строго наказывать. Не надо стрельбы, нужно только поддерживать порядок и не пускать их переходить мосты, как они это делают. Этот продовольственный вопрос может свести с ума. Прости за унылое письмо, но кругом столько докуки.

Целую и благословляю.

Навеки твоя старая *Женушка*.

Никто не чувствует себя особенно плохо. Аня [Вырубова] кашляет и страдает больше всех. Все целуют тебя 1000 раз»[278]**278**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1155. Л. 490–493 об.; Красный архив. 1923. № 4. С. 208-

210.

.

26 февраля министр внутренних дел А.Д. Протопопов направляет еще одно секретное сообщение в Могилев для императора:

«Сегодня порядок в городе не нарушался до четырех (*зачеркнуто: до трех. – В.Х.*) часов дня, когда на Невском проспекте стала накапливаться толпа, не подчинявшаяся требованию разойтись. В виду сего возле Городской думы войсками были произведены три залпа холостыми патронами, после чего образовавшееся там сборище рассеялось. Одновременно значительные скопища образовались на Лиговской улице, Знаменской площади, также на пересечениях Невского [с] Владимирским проспектом и Садовой улицей, причем [во] всех этих пунктах толпа вела себя вызывающе, бросая в войска каменья, комьями сколотого [на] улицах льда. Поэтому, когда стрельба вверх не оказала воздействия на толпу, вызвав лишь насмешки над войсками, последние вынуждены были для прекращения буйства прибегнуть [к] стрельбе боевыми патронами по толпе, [в] результате чего оказались убитые, раненые, большую часть коих толпа, рассеиваясь, уносила с собой. [В] начале пятого часа Невский был очищен, но отдельные участники беспорядков, укрываясь за угловыми домами, продолжали обстреливать воинские разъезды. Охранным отделением арестованы запрещенное собрание 30 посторонних лиц [в] помещении группы Центрального военного комитета и 136 человек партийных деятелей, а также революционный руководящий комитет из пяти лиц. [По] моему соглашению [с] командующим войсками контроль [за] распределением выпечного хлеба [и] также учетом использования муки возлагается на заведующего продовольствием империи Ковалевского. Надеюсь, будет польза. Около шести часов вечера четвертая рота Павловского полка, возмущенная участием учебной команды того же полка [в] подавлении беспорядков, самовольно вышла с оружием под командой унтер-офицера навстречу учебной команде, желая с ней расправиться, но, встретив разъезд конных городовых, открыла по нему огонь, причем один городовой убит, другой ранен. Затем эта рота возвратилась [в] свои казармы, куда явился батальонный командир полковник Экстерн, который был ранен. По сему поводу производится расследование военными властями. Рота усмирена вызванными Преображенцами. Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить [к] работам. [В] Москве спокойно. МВД. *Протопопов*»[279]**279**
ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 31–31 об., 32.

.

По Петрограду революционеры раскидывали многочисленные листовки с призывом свержения монархии:

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Братья солдаты!

Третий день мы, рабочие Петрограда, открыто требуем уничтожения самодержавного строя, виновника льющейся крови народа, виновника голода, ранее обрекающего на гибель ваших жен и детей, матерей и братьев.

Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному и гибнущему народу и конец братоубийственной и бессмысленной бойне.

Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционной армии с народом!»[280]**280**
ГА РФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 11215. Л. 1.

.

Только 27-го официальные власти сообщили в Ставку царю о своей неспособности контролировать ситуацию и запросили помощи с фронта. Так, в телеграмме военного министра генерала М.А. Беляева (1863–1918), отправленной в Ставку 27 февраля в 19 ч. 22 мин., говорилось:

«Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве, для одновременных действий в различных частях города. *Беляев*»[281]**281**
Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 9.

.

Через 7 минут вдогонку первой пошла еще одна депеша: «Совет Министров признал необходимым объявить Петроград на осадном положении. Ввиду проявленной генералом Хабаловым растерянности, назначил в помощь ему генерала Занкевича, так как генерал Чебыкин отсутствует. *Беляев*»[282]**282**
Там же. С. 9.

.

В Ставку по-прежнему шли тревожные телеграммы. 27 февраля в 12 ч. 40 мин. Родзянко сообщил в Ставку императору Николаю II:

«Занятия Государственной думы указом Вашего Величества прерваны до апреля. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров. Примкнув к толпе и народному движению, они направляются к дому Министерства внутренних дел и Государственной думе. Гражданская война началась и разгорается. Повелите немедленно призвать новую власть на началах, доложенных мною Вашему Величеству во вчерашней телеграмме. Повелите в отмену вашего Высочайшего указа вновь созвать законодательные палаты. Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России, а с ней и династии, неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Председатель Государственной думы *Родзянко*»[283]**283**
Там же. С. 6–7.

.

Однако император Николай II по-прежнему не намерен был уступать Думе.

Царь направил 27 февраля в Петроград председателю Совета Министров князю Н.Д. Голицыну следующую телеграмму:

«О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми.*Николай*»[284]**284**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2.

.

Как видим, позиция императора не изменилась, курс остался прежним. По распоряжению Государя в ночь на 28 февраля в столицу направляются верные царю войска под командованием генерала Н.И. Иванова (1851–1919). С фронта было снято несколько кавалерийских полков.

За внешним кажущимся спокойствием императора скрывались огромное душевное переживание и напряжение. Необходимо было определенно решить оставаться в Ставке, имея под рукой связь и управление войсками, но в то же время в опасности оставалась в Царском Селе семья. В своем письме из Ставки Николай II писал Александре Федоровне 26 февраля: «Вчера вечером был в церкви. Старуха, мать архиерея, благодарила за деньги, которые мы пожертвовали. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в середине груди, продолжавшуюся Bj часа. Я едва выстоял, и лоб мой покрылся каплями пота. Я не понимаю, что это было, потому что сердцебиения у меня не было, но потом оно появилось и прошло сразу, когда я встал на колени перед образом Преч. Девы. Если это случится еще раз, скажу об этом Федорову. Я надеюсь, что Хабалов сумеет остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову!»[285]**285**
ГА РФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 115. Л. 52–53 об.; Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 223-224.

.

В Царское Село выезжает и сам царь. В эти дни в своем дневнике он кратко записал:

«*27-го февраля. Понедельник.*

В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад; к прискорбию, в них стали принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия! Был недолго у доклада. Днем сделал прогулку по шоссе на Оршу. Погода стояла солнечная. После обеда решил ехать в Царское] С[ело] поскорее и в час ночи перебрался в поезд.

28-го февраля. Вторник.

Лег спать в 3Вj, т. к. долго говорил с Н.И. Ивановым, кот[орого] посылаю в Петроград с войсками водворить порядок. Спал до 10 час. Ушли из Могилева в 5 час. утра. Погода была морозная, солнечная. Днем проехал Вязьму, Ржев, а Лихославль в 9 час»[286]**286**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265; Дневники императора Николая II. М., 1991. С 625.

.

Тактику жестких мер против революционных выступлений разделяла и императрица Александра Федоровна: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни Государя, ни России, ничего!.. Надо быть твердыми и показать, что мы господа положения»[287]**287**
ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 2.

.

В непримиримой схватке столкнулись силы, требовавшие более или менее радикальных общественных перемен, и силы, попытавшиеся сохранить самодержавную систему, считая, что реформы должны быть проведены только после окончания войны. Страна раскалывалась на лагеря. Видя это, статс-дама императрицы Александры Федоровны княгиня Е.А. Нарышкина констатировала:

«Император думает и работает только для своей неограниченной власти. Увы, увы – у него в будущем отнимут гораздо больше, чем он должен был бы отдать добровольно, обеспечив себе популярность и любовь своего народа…»[288]**288**
Там же. Л. 5 об.

Накануне, 1 марта, Временный комитет Государственной думы (ВКГД) решил послать в Бологое для свидания и переговоров с императором Николаем II делегацию из трех лиц. Ехать должны были председатель Думы М.В. Родзянко и ее члены октябрист С.И. Шидловский и меньшевик Н.С. Чхеидзе. Член Думы октябрист Савич спросил Родзянко, есть ли гарантия того, что делегация вернется благополучно в Петроград и ее не арестуют в Бологом.

Впоследствии Н.В. Савич (1869–1942) делился воспоминаниями об этом эпизоде:

«Эти слова произвели потрясающее впечатление, видимо, об этой возможности не подумали, не предвидели решительно ничего. По крайней мере, Родзянко долго и внимательно смотрел на меня и вдруг сказал: “Он прав, мне, как председателю Временного комитета, нельзя туда ехать”. Затем он решительно отказался от поездки, несмотря на настроения некоторых членов Временного комитета, после этого отказался ехать Шидловский, а затем и Чхеидзе. Словом от делегации ничего не осталось»[289]**289**
Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 155.

.

Другой депутат Государственной думы В.В. Шульгин (1878–1976), который недавно ратовал за перемены в стране, в это время думал о другом: «Если подавить бунт можно, то и слава Богу. Это сделают не только без нас, но и против нас… Николай I повесил пять декабристов, но если Николай II расстреляет 50 000 “февралистов”, то это будет задешево купленное спасение России»[290]**290**
Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 195.

.

Обстановка в стране за несколько часов круто изменилась не в пользу самодержавия. Вооруженная борьба с революцией требовала дополнительных сил и энергичных действий. Это понимал император Николай II, в силу обстоятельств оказавшись в Пскове, где сделал запись в дневнике:

«*1-го марта. Среда.*

Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановился на ночь. Видел Рузского… Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского Села не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события. Помоги нам Господь!»[291]**291**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 65–66.

.

Дневник свидетельствует, что на Государя легли не только заботы о судьбе России и династии, но и тревога за благополучие семьи. Когда он уезжал из Царского Села, то один за другим тяжело заболели корью сын и дочери, что накладывало дополнительную гнетущую печать на его душевное состояние. А впереди предстояла серьезная политическая борьба.

Император Николай II, которому восставший народ и мятежные части фактически закрыли путь на Петроград и вынудили направиться в Псков, где находился штаб Северного фронта во главе с генералом Н.В. Рузским (1854–1918), пытается добиться решения поставленной задачи, поменяв тактику. Политический компромисс, уступка оппозиции в принятии решения о создании ответственного министерства (перед Государственной думой) – даются Государю в нелегкой борьбе с самим собой. Так, генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты» позднее писал:

«Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; Государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему Указ об ответственном министерстве. “Я знал, что этот компромисс запоздал, – рассказывал Рузский… – но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от Исполнительного комитета Государственной думы, предложил переговорить с Родзянко”»[292]**292**
Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 121–122.

.

В это время начальник штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генерал М.В. Алексеев (1857–1918), взяв на себя всю ответственность, информирует командующих фронтами о происходивших событиях в Петрограде и Ставке. В частности, он обращается с посланием к генералу Н.И. Иванову (1851–1919) в Царское Село, что в какой-то степени дезориентировало действия последнего против мятежников (телеграмма поступила в Александровский дворец 1 марта в 1 час 15 минут):

«Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко, заседая в Государственной думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к

населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий, переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей сообщения Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к успешной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. *Алексеев*»[293]**293**
Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 31.

.

Текст этой телеграммы был сообщен Ставкой также всем командующим фронтами, генералам: Н.В. Рузскому, А.А. Брусилову, А.Е. Эверту и др.

1 марта 1917 года в 5 ч. 51 мин. председатель Государственной думы М.В. Родзянко извещал начальника штаба царской Ставки генерала М.В. Алексеева следующей телеграммой: «Временный Комитет членов Государственной думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной думы. *Родзянко*».

В Пскове император Николай II оказался в полной изоляции, где фактически оппозицией и заговорщиками ему был предъявлен жесткий ультиматум об отречении.

Генерал А.И. Деникин (1872–1947) в своих известных «Очерках…» пишет:

«Утром 2-го [марта] Рузский представил Государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан…»[294]**294**
Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 122.

Между тем из Петрограда в Псков выехали к царю посланцы Думы А.И. Гучков и В.В. Шульгин.

Позднее, несколько лет спустя, приближенный к царской семье (воспитатель цесаревича) швейцарский подданный Пьер Жильяр (1879–1962) в своих воспоминаниях отчасти верно указывал:

«Ответ Думы ставил перед царем выбор: отречение или попытка идти на Петроград с войсками, которые оставались ему верны; но это была бы гражданская война в присутствии неприятеля… У Николая II не было колебаний… он передал генералу Рузскому телеграмму с уведомлением о своем намерении отречься от престола в пользу сына.

Несколько часов спустя Государь приказал позвать к себе в вагон профессора Федорова и сказал ему: "Сергей Петрович, ответьте мне откровенно, болезнь Алексея неизлечима?"

Профессор Федоров, отдавая себе отчет во всем значении того, что ему предстояло сказать, ответил: "Государь, наука говорит нам, что эта болезнь неизлечима. Бывают, однако, случаи, когда лицо, одержимое ею, достигает почтенного возраста. Но Алексей Николаевич, тем не менее, во власти случайности". Государь грустно опустил голову и прошептал: "Это как раз то, что мне говорила Государыня… Ну, раз это так, раз Алексей не может быть полезен Родине, как бы я того желал, то мы имеем право сохранить его при себе"»[295]**295**
Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921; М., 1991. С. 148–149.

.

Переживания и опасения императора Николая II за благополучие семьи в этих трагических событиях занимали большое место.

В эти дни, по доходящим отдельным сведениям, в Царском Селе было очень тревожно, что и заставило императора покинуть Ставку в Могилеве. Известно, что 28 февраля командиры гвардейских царскосельских воинских частей обратились к дяде императора, престарелому великому князю Павлу Александровичу (1860–1919) с просьбой дать указания на случай возникновения беспорядков. Успокаивая встревоженных командиров, великий князь заявил, что завтра в Царское Село возвратится император Николай II: «Я уверен, что он даст желаемое ответственное министерство, лишь бы не было слишком поздно. В Царском Селе наследник и императрица и наш долг их охранять»[296]**296**

РГИА. Ф. 2856. Оп. 1. Д. 84. Л. 15.

.

Ситуация была тревожная. 28 февраля 1917 года после 9 часов вечера Государыня Александра Федоровна увидела из окна, что Александровский дворец окружают верные части, занимая боевую готовность, а по телефону сообщили, что вооруженные мятежники, грозя все разнести, приближаются к дворцу. Слышны выстрелы, кровопролитие казалось неизбежным. Александра Федоровна, быстро накинув белый платок, вместе с еще не заболевшей корью 17-летней дочерью Марией выходит к войскам, чтобы предотвратить столкновение. Своим приближенным она сказала: «Я иду к ним не как Государыня, а как простая сестра милосердия моих детей»[297]**297**
Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 199.

. До 12 часов ночи по морозу она с дочерью обходила солдат, ободряя их и умоляя сохранять спокойствие и вступить в переговоры с мятежниками. Мужество и благоразумие Государыни Александры Федоровны победили, враждующие стороны после переговоров разошлись без кровопролития.

Телеграммы, направляемые к супругу, возвращались ей с издевательскими пометками синим карандашом, что местопребывание «адресата» неизвестно. Глухая стена молчания убивала императрицу Александру Федоровну, чувствующую сердцем беду. Она предпринимала все новые и новые усилия разорвать этот круг неизвестности. 2 марта 1917 года она пишет письмо, полное тревог и отчаяния:

«Мой любимый, бесценный ангел, свет моей жизни.

Мое сердце разрывается от мысли, что ты в полном одиночестве переживаешь все эти муки и волнения, и мы ничего не знаем о тебе, а ты не знаешь ничего о нас. Теперь я посылаю к тебе Соловьева и Грамотина, даю каждому по письму и надеюсь, что, по крайней мере, хоть одно дойдет до тебя. Я хотела послать аэроплан, но все люди исчезли. Молодые люди расскажут тебе обо всем, так что мне нечего говорить тебе о положении дел. Все отвратительно, и события развиваются с колоссальной быстротой. Но я твердо верю – и ничто не поколеблет этой веры – все будет хорошо… Не зная, где ты, я действовала, наконец, через Ставку, ибо Родзянко притворялся, что не знает, почему тебя

задержали. Ясно, что они хотят не допустить тебя увидаться со мной прежде, чем ты не подпишешь какую-нибудь бумагу, конституцию или еще какой-нибудь ужас в этом роде. А ты один, не имея за собой армии, пойманный, как мышь в западню, что ты можешь сделать? Это величайшая низость и подлость, неслыханная в истории, задерживать своего Государя. Теперь Протопопов не может попасть к тебе потому, что Луга захвачена революционерами. Они остановили, захватили и разоружили Бутырский полк и испортили линию. Может быть, ты покажешься войскам в Пскове и в других местах и соберешь их вокруг себя? Если тебя принудят к уступкам, то ты ни в каком случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом.

Павел [Александрович], получивший от меня страшнейшую головомойку за то, что ничего не делал с Гвардией, старается теперь работать изо всех сил и собирается нас всех спасти благородным и безумным способом: он составил идиотский манифест (*имеется в виду так называемый манифест великих князей. – В.Х.*) относительно конституции после войны и т. д. Борис [Владимирович] уехал в Ставку. Я видела его утром, а вечером того же дня он уехал, ссылаясь на спешный приказ из Ставки – чистейшая паника. Георгий [Михайлович] в Гатчине, не дает о себе вестей и не приезжает. Кирилл, Ксения, Миша не могут выбраться из города. Твое маленькое семейство достойно своего отца. Я постепенно рассказала о положении старшим… – раньше они были слишком больны – страшно сильная корь, такой ужасный кашель. Притворяться перед ними было очень мучительно. Беби я сказала лишь половину…

Вчера ночью от 1 до 2BS виделась с Ивановым, который теперь здесь сидит в своем поезде. Я думала, что он мог бы проехать к тебе через Дно, но сможет ли он прорваться? Он надеялся провести твой поезд за своим. Сожгли дом Фред[ерикса], семья его в конногвардейском] госпитале… Два течения – Дума и революционеры – две змеи, которые, как я надеюсь, отгрызут друг другу головы – это бы спасло положение. Я чувствую, что Бог что-нибудь сделает. Какое яркое солнце сегодня, только бы ты был здесь! Одно плохо, что даже Экип[аж] (*Гвардейский экипаж великого князя Кирилла Владимировича. – В.Х.*) покинул нас сегодня вечером – они совершенно ничего не понимают, в них сидит какой-то микроб… Родзянко даже и не упоминает о тебе. Но когда узнают, что тебя не выпустили, войска придут в неистовство и восстанут против всех. Они думают, что Дума хочет быть с тобой и за тебя. Что ж, пускай они водворят порядок, что они на что-нибудь годятся, но они зажгли очень большой пожар и как его теперь затушить?.. Сердце сильно болит, но я не обращаю внимания – настроение мое совершенно бодрое и боевое. Только страшно больно за тебя… Это вершина несчастий! Какой ужас для союзников и радость врагам! Я не могу ничего советовать, только будь, дорогой, самим собой. Если придется

покориться обстоятельствам, то Бог поможет освободиться от них. О, мой святой страдалец! Всегда с тобой неразлучно твоя…»[298]**298**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1151. Л. 500–500 об.; Красный архив. 1923. № 4 С. 214–216.

.

Однако письмо так и не попало в руки Николая II вовремя, гонцы были перехвачены.

Императрица Александра Федоровна была права, упрекнув в пассивности великих князей. Результаты недавнего конфликта в Императорской фамилии дали свои результаты. Большинство было готово к монархическому перевороту, надеясь в глубине души от перестановки мест на государственной лестнице что-то выиграть. Но никто не ожидал революции с такими катастрофическими последствиями. На начальной стадии беспорядков достаточно было кому-то из великих князей возглавить твердой рукой верные еще полки, и события могли принять совершенно иной характер.

В стане восставших, особенно до 28 февраля, не было никакой уверенности в своей победе. Был момент, когда даже лидеры социалистических партий считали, что революционная волна пошла на спад. Знаменитый комиссар Временного правительства А.А. Бубликов (1875–1941) признавался:

«Ведь в Петербурге (*так в воспоминаниях. – В.Х.*) была такая неразбериха. Петербургский гарнизон уже тогда был настолько деморализован, на “верхах” так мало было толку, порядка и действительно властной мысли, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание в корне было подавлено. Больше того, его можно было усмирить даже простым перерывом железнодорожного сообщения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться. Мне это, сидя в Министерстве путей сообщения, было особенно ясно видно»[299]**299**
Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 58.

.

Однако вместо поддержки царя или проявления нейтралитета великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) предпринял такие действия, которых от него никто не ожидал. Так, дворцовый комендант Императорского Двора генерал-

майор В.Н. Воейков (1868–1947) писал с явно выраженным возмущением об этом в воспоминаниях:

«Великий князь Кирилл Владимирович, с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1-го марта в 4 часа 15 мин. дня в Государственную думу, где отрапортовал председателю Думы – М.В. Родзянко: “Имею честь явиться Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России”, причем заявил, что Гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной думы…»[300]**300**
Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 208.

.

Это не помешало впоследствии Кириллу Владимировичу самому претендовать на Российский престол.

Председатель Государственной думы М.В. Родзянко позднее утверждал, что он содрогнулся, узнав о приходе в Таврический дворец с красным бантом на груди члена Императорского Дома. Он якобы выразил Кириллу удивление по поводу такого нарушения присяги и просил его удалиться и увести с собой Гвардейский флотский экипаж. Однако эти заявления бывший председатель Государственной думы придумал задним числом. На самом деле Родзянко выразил тогда великому князю благодарность за присоединение к революции и признание власти Временного комитета, ибо это как бы оправдывало поведение самого Родзянко, тоже нарушившего присягу на верность царю[301]**301**
См.: Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта; Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 257; Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970. С. 312.

.

Разговор Николая II с прибывшими из Петрограда в Псков представителями Думы описан в мемуарах В.В. Шульгина, А.И. Деникина и др. При встрече царь заявил делегатам: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы

это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата»[302]**302**
См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 122.

. Еще до отречения он отдал распоряжение генералу Н.И. Иванову не предпринимать никаких военных действий и вернул кавалерийские части на фронт.

Отречение Государя Николая II от престола за себя и несовершеннолетнего цесаревича Алексея Николаевича в пользу великого князя Михаила Александровича явилось для всех полной неожиданностью. Это решение было непростым и для последнего «самодержца» российского. В своем дневнике он с большой печалью 2 марта 1917 года записал:

«Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц[иал]-дем[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2BS ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!»[303]**303**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265. Л. 66–67.

.

Выразить свое отношение к событиям у Государя Николая II были основания. Среди телеграмм с требованием об отречении императора было послание и от великого князя Николая Николаевича (1856–1929), который командовал армией на Кавказском фронте. Влиятельный дядя царя «коленопреклонно» его умолял в телеграмме оставить престол. Еще болезненней был составлен сам текст не оставляющий никаких надежд телеграммы:

«Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец

войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив Себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячею молитвою молю Бога подкрепить и направить Вас.

Генерал-адъютант *Николай*»[304]**304**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2102. Л. 1–1 об., 2.

.

Великий князь Александр Михайлович (1866–1933) позднее писал в эмигрантских воспоминаниях:

«Мой двоюродный брат великий князь Николай Николаевич был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры. Тот, кому случалось присутствовать на парадах Петербургского гарнизона, имел возможность видеть безукоризненное исполнение воинских уставов в совершенстве вымуштрованной массой войск: каждая рота одета строго по форме, каждая пуговица на своем месте, каждое движение радовало сердце убежденных фронтовиков. Если бы великий князь Николай Николаевич оставался бы на посту командующего войсками гвардии и Петроградского военного округа до февраля 1917 года, он всецело оправдал бы все ожидания и сумел бы предупредить февральский солдатский бунт. Оглядываясь на двадцатитрехлетнее правление императора Николая II, я не вижу логического объяснения тому, почему Государь считался с мнением Николая Николаевича в делах государственного управления. Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта»[305]**305**
Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 120.

.

Подписав отречение, Николай II выехал из Пскова в Ставку (Могилев), формально попрощаться с войсками и сдать Верховное командование.

Возможно, в его душе еще чуть теплилась надежда, что ему еще удастся разорвать круг заговорщиков и переломить ситуацию. Во всяком случае, он имел шанс до конца понять, где была допущена ошибка и кто его предал. С дороги в Могилев (со станции Сиротино, что находится в 45 км западнее Витебска) 3 марта в 14 ч. 56 мин. он посылает телеграмму:

«Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.

Ники»[306]**306**
Скорбный путь Михаила Романова. От престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. / Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996. С. 41. «Иллюстрированная Россия» (Париж). № 3. С. 5.

.

Однако это послание, по свидетельству очевидцев, до адресата вовремя не дошло.

В манифесте об отречении Николая II от 2 марта 1917 года, доставленном депутатами Государственной думы А.И. Гучковым и В.В. Шульгиным в Петроград, провозглашалось:

«Ставка.

Начальнику Штаба.

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной

думой, признали мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть. Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повиновением царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России.

Николай.

г. Псков

2-го марта

15 час. 15 мин. 1917 г.»[307]**307**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101(а). Л. 5.

.

На самом деле император Николай II пометил акт об отречении более ранним временем, чем было в действительности, чтобы придать передаче власти черты некоторой легитимности, а не принуждения.

Он обреченно записал 3 марта в дневнике:

«Спал долго и крепко. Проснулся далеко за Двинском. День стоял солнечный и морозный. Говорил со своими о вчерашнем дне. Читал много о Юлии Цезаре. В 8.20 прибыл в Могилев. Все чины штаба были на платформе. Принял Алексеева в вагоне. В 9BS перебрался в дом. Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше»[308]**308**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

.

Эти лаконичные строки дневника императора дополняют воспоминания флигель-адъютанта свиты, полковника А.А. Мордвинова:

«Наступило утро 3 марта. Наш поезд, вышедший в три часа ночи из Пскова, уже двигался по направлению к Могилеву, в Ставку. …

Государь и после отречения продолжал сохранять не только для нас, его любящих, но и для людей посторонних, равнодушных все то присущее ему величие, которое эти последние думали, что можно с него снять. Это и замечалось и чувствовалось мною как во время остановок на станциях, так и по приезде в Могилев и во время дальнейшего пребывания в Ставке.

Во время этого переезда все лица ближайшей свиты, находившиеся в поезде, решили сообща записать до малейших подробностей, чуть ли не минутам, все то, что происходило за эти три дня, и Нарышкин записывал все подробно под нашу диктовку, хотел напечатать на пишущей машинке и дать это описание каждому из нас. Копии телеграмм главнокомандующих мы получили, наш общий дневник он переписать не успел.

Государь рано утром с дороги послал в Киев телеграмму своей матери, императрице Марии Федоровне, прося ее приехать на свидание в Могилев, а также телеграммы, в Царское Село – Ее Величеству и в Петроград – великому князю Михаилу Александровичу, уведомлявшую о передаче ему престола.

Телеграмма эта, наверно, не дошла, так как, судя по воспоминаниям В.Д. Набокова, великий князь "очень подчеркивал свою обиду, что брат его «навязал» ему престол, даже не спросив его согласия". …

Около четырех с половиной часов дня, когда поезд стал подходить к какой-то станции, скороход предупредил меня, что Его Величество собирается выйти на прогулку. Остановка была недолгая, всего несколько минут. Я вышел на рельсы с противоположной стороны от платформы. День был серый, ненастный, темнело. Была оттепель. Сильная грязь и нагроможденные поленницы дров оставляли очень мало места для прогулки. Государь уже успел спуститься из своего вагона и, увидя меня, направился в мою сторону. "А и вы, Мордвинов, вышли подышать свежим воздухом", – как-то особенно добро и вместе с тем, как мне показалось, необычайно грустно сказал Государь и продолжал идти вперед. Я пошел рядом с ним. Мы были совершенно одни – все мои товарищи по свите оставались в вагоне. Ординарец, урядник конвоя, находился далеко.

Впервые за эти мучительные дни мне явилась неожиданная возможность остаться на несколько минут с глазу на глаз с Государем, олицетворявшим мне мою родину, с человеком, которого я так любил и за которого теперь так страдал…

Я чувствовал его душевное состояние, мне так хотелось его утешить, облегчить. …

Государь шел, также молча, задумавшись, уйдя глубоко в себя. Он был такой грустный, ему было так “не по себе” … Я посмотрел на него и вдруг заговорил, почти бессознательно и так глупо и путано, что до сих пор краснею, когда вспоминаю эти свои взволнованные “успокоения”, оставшиеся в наказание у меня в памяти.

– Ничего, Ваше Величество, – сказал я. – Не волнуйтесь очень, ведь вы не напрашивались на престол, а, наоборот, вашего предка в такое же подлое время приходилось долго упрашивать, и, только уступая настойчивой воле народа, он, к счастью России, согласился нести этот тяжелый крест… Нынешняя воля народа, говорят, думают иначе… что ж, пускай попробуют, пускай управляются сами, если хотят. Насильно мил не будешь, только что из этого выйдет.

Государь приостановился.

– Уж и хороша эта воля народа! – вдруг с болью и непередаваемой горечью вырвалось у него. Чтобы скрыть свое волнение, он отвернулся и быстрее пошел вперед. Мы, молча, сделали еще круг.

– Ваше Величество, – начал опять я, – что же теперь будет, что вы намерены делать?

– Я сам еще хорошо не знаю, – с печальным недоумением ответил Государь, – все так быстро повернулось… На фронт, даже защищать мою родину, мне вряд ли дадут теперь возможность поехать, о чем я раньше думал. Вероятно, буду жить совершенно частным человеком. Вот увижу свою матушку, переговорю с семьей. Думаю, что уедем в Ливадию. Для здоровья Алексея и больных дочерей это даже необходимо, или, может, в другое место, в Костромскую губернию, в нашу прежнюю вотчину.

– Ваше Величество, – с убеждением возразил я, – уезжайте, возможно, скорее, за границу. При нынешних условиях даже в Крыму не житье.

– Нет, ни за что. Я не хотел бы уехать из России, я ее слишком люблю. За границей мне было бы слишком тяжело, да и дочери и Алексей еще больны.

– Что ж, что больны, – начал, было, я, но кто-то подошел и доложил, что время отправлять поезд, и мы вошли в вагон.

В Орше, куда уже под вечер прибыл наш поезд, к нам в купе вошел Базили – чиновник Министерства иностранных дел, заведовавший дипломатической канцелярией в Ставке. Он выехал к нам навстречу из Могилева по поручению генерала Алексеева с портфелем, каких-то срочных бумаг для доклада Его Величества в пути. Что это были за бумаги, я не помню, хотя Базили о них и упоминал: кажется, они касались уведомления союзников о случившемся»[309]**309**
Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998. С. 117–120.

.

Следует нам отметить, что на обратном пути в Ставку (Могилев) бывшим императором были получены две телеграммы. В них «командир III конного корпуса, граф Келлер (*генерал-лейтенант Ф.А. Келлер. – В.Х.*), и командир гвардейского кавалерийского корпуса, Хан Нахичеванский, предлагали Государю себя и свои войска для подавления “мятежа”»[310]**310**
Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 183.

. Николай II не воспользовался этими предложениями и только поблагодарил генералов, очевидно, не желая давать повода к разжиганию Гражданской войны.

Генерал А.И. Деникин позднее так описал переживания Николая Александровича Романова после отречения:

«Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II – отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, как-то нерешительно сказал:

– Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком Государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея…

Алексеев унес телеграмму и… не послал. Было слишком поздно.

Телеграмму эту Алексеев, “чтобы не смущать умы”, никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставляя верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки»[311]**311**
Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 124.

.

В своих воспоминаниях подполковник царской Ставки в Могилеве В.М. Пронин (1882–1965) также отмечал:

«По приезде Государя в Ставку после отречения ген. Алексееву была передана заготовленная и подписанная Государем 2 марта на имя председателя Государственной думы об отречении от престола в пользу сына телеграмма. Телеграмма эта по неизвестным причинам не была послана»[312]**312**
Пронин В.М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Русское возрождение. (Нью-Йорк, М., Париж). 1991. № 55–56. С. 261.

.

Этот факт обратил на себя внимание многих исследователей. Так, военный историк Е.И. Мартынов (1864–1932) одним из первых указывал, что «при существовавшей обстановке вопрос о порядке престолонаследия не имел никакого практического значения, но все-таки характерно, что Алексеев позволил себе скрыть от Временного правительства такой документ, которому оно придавало особую важность.

Объяснение, что телеграмма уже запоздала, не выдерживает критики: Государь передал ее Алексееву вечером 3 марта, а оба манифеста об отречении (Николая и Михаила) были опубликованы только на следующий день, утром 4 марта»[313]**313**
Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927. С. 185.

.

По нашему мнению, растерянность и смятение царя можно объяснить его ответственностью не только за будущее России, но и за судьбу сына Алексея. Имел ли он моральное право решать за него? Это накладывало определенную печать на действия Николая II. Возможно, он вспомнил отдых в Крыму, где еще маленький наследник Алексей убежденно лепетал: “Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы”. Там любимой пищей царевича были щи, каша и черный хлеб, как он говорил, “который едят все мои солдаты”.

Вместе с тем отречение Николая II за себя и за своего сына Алексея в пользу брата Михаила Александровича было очевидным нарушением закона о престолонаследии, т. к. царь не имел права отрекаться за прямого наследника. Некоторые политические деятели усматривали в этом определенную самоцель: с одной стороны, в случае перемены ситуации объявить отречение недействительным, а с другой – осложнить обстановку, спутав карты лидерам оппозиции в Государственной думе. Во всяком случае, известно по дневнику императора, что отказ Михаила Романова от трона был болезненно воспринят Николаем II.

По возвращении бывшего императора на несколько дней в Ставку (Могилев), он разговаривает с супругой Александрой Федоровной по телефону. Затем 4 марта посылает ей телеграмму: «Спасибо, душка. Наконец, получил твою телеграмму этой ночью. Отчаянье проходит. Благослови вас всех Господь. Нежно люблю. *Ники*»[314]**314**
Переписка Николая и Александры Романовых. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 233.

.

В тот же день Александра Федоровна пишет ему большое теплое успокаивающее письмо, в котором имеются следующие строки: «Каким облегчением и радостью было услышать твой милый голос, только слышно было очень плохо, да и подслушивают теперь все разговоры! И твоя милая телеграмма сегодня утром – я телеграфировала тебе вчера вечером около 9BS и сегодня утром до часу. Беби перегнулся через кровать и просит передать тебе поцелуй…». В письме царица упоминает любопытную деталь: «Революция в Германии! В[ильгельм] убит, сын ранен. Во всем видно масонское движение». И последние строки письма: «Только сегодня утром мы узнали, что все

передано Мише, и Беби теперь в безопасности – какое облегчение!»[315]**315** ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1151. Л. 505–506 об.; Красный архив. 1923. № 4. С. 220–221.

.

Перед возвращением Николая II в Царское Село Александра Федоровна просит Пьера Жильяра подготовить цесаревича Алексея и ввести его в курс произошедшего:

«Я пошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

– Почему?

– Потому, что ваш отец не хочет быть больше Верховным главнокомандующим!

Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в Ставку. Через несколько времени я добавил:

– Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

– Зачем? Почему?

– Потому, что он очень устал и перенес много тяжелого за последнее время.

– Ах, да! Мама мне сказала, что когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу великого князя Михаила Александровича, который в свою очередь уклонился.

– Но тогда кто же будет императором?

– Я не знаю, пока никто!..

Ни слова о себе, ни намека на свои права наследника. Он сильно покраснел и был взволнован. После нескольких минут молчания он сказал:

– Если нет больше царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься государственными делами до созыва Учредительного собрания, и что тогда, быть может, его дядя Михаил взойдет на престол. Я еще раз поражен скромностью этого ребенка»[316]**316**
Жильяр П. Император Николай II и его семья. М., 1991. С. 164–165.

.

Как мы отмечали, поздно вечером 3 (16) марта Николай II вернулся в Могилев, куда на следующий день прибыли вдовствующая императрица Мария Федоровна и великий князь Александр Михайлович из Киева. «Друг Сандро» позднее писал в своих воспоминаниях о свидании с Николаем II в Ставке после его отречения:

«Я должен был одеться, чтобы пойти к Марии Федоровне и разбить сердце матери вестью об отречении сына. Мы заказали поезд в Ставку, так как тем временем получили известие, что Ники было дано “разрешение” вернуться в Ставку, чтобы проститься со своим штабом.

По приезде в Могилев поезд наш поставили на «императорском пути», откуда Государь обычно отправлялся в столицу. Через минуту к станции подъехал мотор Ники. Он медленно прошел по платформе, поздоровался с двумя казаками конвоя, стоявшими у входа в вагон его матери, и вошел.

Он был бледен, но ничто другое в его внешности не говорило, что он был автором этого ужасного манифеста. Он оставался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая императрица никогда мне потом не рассказывала, о чем они говорили. Когда меня вызвали к ним, Мария Федоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги и, конечно, курил.

Мы обнялись. Я не знал, что ему сказать. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твердо верил в правильность принятого им решения, хотя и упрекал своего брата Михаила Александровича за то, что он своим отречением оставил Россию без императора.

– Миша не должен был этого делать, – наставительно закончил он. – Удивляюсь, кто дал ему такой странный совет.

Это замечание, исходившее от человека, который только что отдал шестую часть вселенной горсточке недисциплинированных солдат и бастующих

рабочих, лишило меня дара речи. После неловкой паузы он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1) желание избежать в России гражданского междоусобия, 2) желание удержать армию в стороне от политики, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело, 3) вера в то, что Временное правительство будет править Россией более успешно, чем он.

Ни один из этих доводов не казался мне убедительным…

Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко, все они, и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали Государю немедленно отречься от Престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военачальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета он нашел еще одну телеграмму с советом немедленно отречься, и она была подписана великим князем Николаем Николаевичем.

– Даже он! – сказал Ники, и впервые его голос дрогнул»[317]**317**
Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 227–228.

.

В дневниках императрицы Марии Федоровны, которые она вела на датском языке, мы имеем сегодня возможность, прочитать следующую запись от 4 марта 1917 года:

«Спала плохо, хотя постель была удобная. Слишком много волнений. В 12 часов прибыла в Ставку, в Могилев, в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции. Горестное свидание! Мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед вместе со всеми. Там также были Фредерикс, Сергей Михайлович, Сандро, который приехал со мной, Граббе, Кира, Долгоруков, Воейков, А. Лейхтенбергский, Ежов и доктор Федоров. После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию, затем – чтобы спасти страну – предложил образовать новое правительство и Ники (невероятно!) – отречься от престола в пользу своего сына. Но Ники, естественно, не мог расстаться с сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был неслыханно спокоен и величественен в этом ужасно унизительном положении. Меня как будто оглушили. Я ничего не могу понять! Возвратилась в 4 часа, разговаривали с Граббе. Он был в отчаянии

и плакал. Ники пришел в 8 часов ко мне на ужин. Также был Мордвинов. Бедняга Ники открыл мне свое бедное кровоточащее сердце, и мы оба плакали. Он оставался до 11 часов…»[318]**318**
Дневники императрицы Марии Федоровны. 1914–1920, 1923 годы. М., 2005. С. 175–176.

.

4 марта 1917 г. поверженному императору Николаю II было написано послание сочувствия от генерала В.И. Гурко:

«Ваше Императорское Величество Всемилостивейший Государь.

В столь тяжелые дни, которые переживает вся Россия, и которые всего болезненнее не могут не отразиться на Вас, Государь, позвольте мне, движимому душевным влечением, обратиться к Вам с настоящими строками.

Я надеюсь, что в этом Вы усмотрите лишь потребность сказать Вам, в какой мере я, и уверен, многие миллионы верных сынов России болезненно восприняли высоко-великодушный поступок Вашего Величества, когда Вы, влекомые чувством желания блага и целости России, предпочли принять на себя все последствия и наибольшую тягость разворачивавшихся событий – нежели ввергнуть страну во все ужасы длительной междоусобной брани, или – что еще хуже – возможности хотя бы временного торжества вражеского оружия. Поступок, за который история и благодарная память народная в свое время воздаст Вам, Государь, должное. Сознание, что в такую минуту Вы, не колеблясь, решились на акт величайшего самопожертвования ради целости и блага Вашей страны, коей по примеру Ваших венценосных предков Вы всегда были первым и наиболее верным слугой и радетелем, да послужит Вам, Государь, достойной наградой за принесенную на алтарь Отечества неизмеримую жертву. Я не нахожу слов, чтобы выразить мое преклонение перед величием совершенного Вами государственного подвига, перед величием принесенной Вами за себя и за Вашего наследника – жертвы. Я вполне понимаю, что Вы не решились отдать для государственного служения Вашего единственного сына, которому через три с половиною года суждено было бы принять в свои еще слишком юные руки бразды правления. Тем более, что мало надежды, что к тому времени жизнь России войдет в ровное и спокойное течение. Но пути Всевышнего неисповедимы и не Он ли Вами руководил, не сохраняете ли Вы Вашему сыну возможность более правильного и неспешного воспитания до более зрелых лет и более обширного изучения государственных

наук и более полного познания людей и жизни. Дабы к тому времени, когда после ряда лет бурного проявления государственной жизни, нарушенной недавними событиями, взоры всех благомыслящих людей в России, вне сомнения, обратятся на него, как на надежду России, чтобы он во всеоружии приобретенных познаний и жизненного опыта мог бы быть призван к принятию своего законного наследия на благо, счастье и величие России.

Но, даже не заглядывая в столь сравнительно отдаленное будущее, нельзя не предвидеть и той возможности, когда страна и народ после горького опыта, пережитых внутренних волнений – времени шатания, государственного неустроения и форм правления, до которых исторически и социально народ русский еще далеко не развился, – страна и народ вновь обратятся к своему законному Государю и помазаннику Божию, ожидая и прося у него нового, быть может, еще большего государственного и личного подвига.

Прошлая история народов нас учит, что в этом нет ничего невозможного, а исключительность тех условий, при которых произошел Государственный переворот в столице, и то обстоятельство, что для большинства народа это было такою же неожиданностью, как и для армии, связанной близостью врага внешнего – дает основание предполагать, что это весьма вероятно.

Возможность этого, однако, невольно заставляет думать о тех событиях, которые ныне происходят в столице. Тогда как Временное правительство объявило и проводит в жизнь полную амнистию всем политическим заключенным – оно одновременно заключает в тюрьмы Ваших бывших верных слуг, которые если в чем-либо в глазах нового правительства и погрешили, то, во всяком случае, действовали в пределах существовавших и существующих законов. Такой поступок является к тому же нарушением как раз той свободы, которую выставляют на своем знамени люди, захватившие власть.

Но есть и другая сторона всего этого. Если предвидеть возможность проявления желания страны вернуться к законному порядку, то надо, чтобы те, которые составят ядро, могущее сплотить вокруг себя людей, которые дорожат не минутной властью, а лишь стремятся к правильному развитию и постепенному эволюционированию русского народа – не были бы остановлены воспоминанием, что в годину временного крушения их идеалов не было достигнуто, хотя бы чрезвычайными мерами, спасение личной свободы, а быть может, и жизни тех, большинство которых в свое время верою и правдою служили своей Родине и Царю, руководствуясь, хотя, быть может, и устарелыми, но все же законно действовавшими законами.

Позволяю себе, Государь, обратить Ваше внимание на это обстоятельство потому, что среди громадности тех событий, которые столь быстро надвинулись на Вас, Вы легко могли упустить из виду всей важности такого шага – шага, который в будущем может иметь неисчислимые последствия и для Вас, Государь, и Вашей Династии, и для будущей судьбы России.

Памятуя Ваше всегда благосклонное ко мне отношение, за те немногие месяцы, что я волею Вашею был призван быть Вашим ближайшим помощником в деле Верховного Главнокомандования – я льщу себя надеждою, что Вы столь же благосклонно примите излияние души, наболевшей за эти грозные дни жизни России и будете верить, что мною руководило лишь чувство преданности Русскому Венценосцу, преемственно воспринятой от моих предков, всегда имевших мужество и честность в тяжелые дни Государственной жизни России выражать своим Государям свое откровенное мнение и неподдельную правду.

Примите же, Государь, мои искренние пожелания увидеть Вам более светлые дни, которые одновременно должны быть и порой новой зори, обновленной в пережитых испытаниях России, и чувства безграничной преданности Вашего, Государь, верноподданного

Василия Гурко. г. Луцк»[319]**319**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2104. Л. 1–4 об.

.

Вскоре Государь прощался с чинами штаба Ставки. Генерал-майор свиты императора Д.Н. Дубенский записал в этот день:

«Шестого марта Государь прощался со своей Ставкой. Утром в 11-м часу весь наличный персонал служащих во всех учреждениях и отделах Ставки собрался в управлении дежурного генерала, и здесь в большом зале ожидали прибытия Его Величества. Тут были великие князья: Сергей и Александр Михайловичи, Борис Владимирович, свита, все генералы, офицеры и гражданские чины с генералом Алексеевым во главе. Тут же построилась команда нижних чинов разных частей войск, находившихся в Могилеве.

Весь зал был переполнен, стояли даже на лестнице и при входе. Шли тихие разговоры, и все напряженно смотрели на двери, откуда должен был появиться Государь. Прошло минут десять, и послышались легкие, быстрые шаги по лестнице. Все зашевелилось и затем замолкло. Послышалась команда: “Смирно”.

Государь в Кубанской пластунской форме бодро, твердо и спокойно вошел в середину зала. Его Величество был окружен со всех сторон. Около него находился генерал Алексеев. Государь немного помолчал, затем при глубочайшей тишине своим ясным, звучным голосом начал говорить. Его Величество сказал, что волею Божией ему суждено оставить Ставку, что он ежедневно в продолжение полутора лет видел самоотверженную работу Ставки и знает, сколько все положили сил на служение России во время этой страшной войны с упорным и злым врагом. Затем сердечно поблагодарил всех за труды и высказал уверенность, что Россия вместе с нашими союзниками будет победительницей, и жертвы все мы несли не напрасно.

Думаю, что восстановив речь Государя по памяти, я не очень исказил слова Его Величества, да и суть речи была не в словах, а в той сердечности, той особой душевности, с которой он последний раз говорил со своими сотрудниками. Ведь Государь оставлял свою работу со Ставкой накануне наступления, которого ждали со дня на день, и к которому все уже было подготовлено. Все это знали от Алексеева до младшего офицера и писаря. У всех были твердые надежды на победу, и даже разгром врага. И вдруг все переменилось и глава империи, верховный вождь армии оставляет Россию и свои войска. Все это было у всех на уме и на сердце. А Государь смотрел на всех своими особыми удивительными глазами с такой грустью, сердечностью и с таким благородством.

Ему стал отвечать генерал Алексеев взволнованным каким-то надтреснутым голосом, но речь его продолжалась очень недолго, так как от слез он не мог ее продолжать. Генерал Алексеев успел сказать только, что Его Величество не по заслугам ценит труды Ставки, что они все делали только то, что могли, но что сам Государь отдавал всю душу свою работе и тем давал всем силы работать для России… Его Величество подошел к генералу Алексееву и крепко обнял его. Я стоял очень близко от Государя и ясно видел, как у него скатилась крупная слеза, а у генерала Алексеева все лицо было мокрое от слез. Уже при первых звуках голоса Государя послышались рыдания и почти у всех были слезы на глазах, а затем несколько офицеров упали в обморок, начались истерики и весь зал пришел в полное волнение, такое волнение, которое охватывает близких при прощании с дорогим любимым, но уже не живым человеком. Около меня стояли генерал Петрово-Соловой, великий князь Александр Михайлович и целый ряд других лиц, и все они буквально рыдали.

Государь быстро овладел собою и направился к нижним чинам, поздоровался с ними, и солдаты ответили: “Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству”. Государь начал обходить команду, которая, так же как и офицерский состав Ставки, с глубокой грустью расставалась с своим царем,

которому они служили верой и правдой. Послышались всхлипывания, рыдания, причитания; я сам лично слышал, как громадного роста вахмистр, кажется кирасирского Его Величества полка, весь украшенный Георгиями и медалями, сквозь рыдания сказал: “Не покидай нас, батюшка”. Все смешалось, и Государь уходил из залы, и спускался с лестницы, окруженный глубоко расстроенной толпой офицеров и солдат. Я не видал сам, но мне рассказывали, что какой-то казак-конвоец бросился в ноги царю и просил не покидать России. Государь смутился и сказал: “встань, не надо, не надо этого”…

Настроение у всех было такое, что казалось, выйди какой-либо человек из этой взволнованной, потрясенной толпы, скажи слова призыва, и все стали бы за царя, за его власть. Находившиеся здесь иностранцы поражены были состоянием офицеров царской Ставки; они говорили, что не понимают, как такой подъем, такое сочувствие к императору не выразились во что-либо реальное и не имели последствий.

Как это случилось так, но это случилось, и мы все только слезами проводили нашего искренно любимого царя.

Одно надо сказать – мы все знали, что Государь уже отрекся от престола, и нарушать его волю было трудно»[320]**320**
Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. // Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922. С. 87–89.

.

Николай II прощался с представителями союзных армий, находившихся при Ставке в Могилеве 7 марта. Описывая события этого периода, великий князь Александр Михайлович в своих воспоминаниях подчеркнул:

«Генерал Алексеев просит нас присягнуть Временному правительству. Он, по-видимому, в восторге: новые владыки, в воздаяние его заслуги перед революцией, обещают назначить его Верховным главнокомандующим!

Войска выстраиваются перед домом, в котором живет Государь. Я узнаю форму личной охраны Государя. Это батальон георгиевских кавалеров, отделение гвардейского железнодорожного батальона, моя авиационная группа и все офицеры штаба.

Мы стоим за генералом Алексеевым. Я не знаю, как чувствуют себя остальные, но лично не могу понять, как можно давать клятву верности группе интриганов,

которые только что изменили данной присяге. Священник произносит слова, которые я не хочу слушать. Затем следует молебен. Впервые за триста четыре года существования монархии на молебне не упоминается имени Государя. Мои мысли с Ники, который до окончания этой церемонии находится у себя. Что-то он переживает в этот момент. Наконец, Временное правительство снизошло до его просьбы, и его отъезд назначен на завтра. В четыре часа дня он и Сергей (*великий князь Сергей Михайлович. – В.Х.*) должны уехать в Петроград. Я же и вдовствующая императрица отправляемся в Киев.

Отсутствие всех остальных членов Императорской фамилии вызывает во мне чувство горечи. Неужели они боялись, что, приехав в Ставку, они рискуют своим положение пред Временным правительством, или же эта поездка им запрещена. Этот вопрос так и остался без ответа»[321]**321**
Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 229–230.

.

Вечером 7 (20) марта Государь собственноручно составил свое прощальное обращение к армии, датированное им 8 (21) марта. В нем говорилось:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайтесь ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в наших сердцах беспредельная любовь к вашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

НИКОЛАЙ»[322]**322**
ГА РФ. Ф. 5827. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

.

Как известно, Временное правительство запретило его распространение.

Революционные события, имевшие следствием отречение от престола Николая II, привели в растерянность членов Императорского Дома.

Попытку перехватить инициативу и хоть как-то оставить за династией определенную сферу власти предпринял великий князь Николай Николаевич. События застали его в роли главнокомандующего Кавказской армией. При отречении Николай II подписал указ о назначении великого князя Верховным главнокомандующим. 5 марта 1917 г. великий князь Николай Николаевич выехал из Тифлиса в Ставку. Перед отъездом, вызвав к себе из Кисловодска великого князя Андрея Владимировича, он сообщил ему:

«Последние акты, подписанные Государем, были мое назначение и кн. Львова председателем Совета Министров, но указ Сенату не опубликован… Больше я ничего не знаю и не знаю, пропустят ли мой поезд, но надо полагать, что я доеду»[323]**323**
Гибель монархии. М., 2000. С. 334–335.

.

Далее он сказал: «Насчет Кирилла я еще ничего не решил, но повелеваю, чтобы никто из братьев к маме (*Мария Павловна, старшая. – В.Х.*) не ездил ни в коем случае. /…/ Потом дядя Николаша, – записал в дневнике великий князь Андрей Владимирович, – упомянул, что единства в нашей семье нет, что дядя Саша (*Александр III. – В.Х.*) разбил семью, и теперь хотели бы, но уже не могут объединиться. Мы вспомнили наши семейные совещания, и дядя выразил, что проектируемый семейный совет помог бы сплотить семью, но ничего тогда из этого не вышло. Мы все сделали, что было в наших силах; не наша вина, что ничего нам не удалось, а идея была хорошая. Говорили о Дмитрии Павловиче. Он будет переведен в Тифлис. …Дядя решил, чтобы семейство осталось там, где каждый в данное время находится»[324]**324**
Там же. С. 337.

.

Последний совет был, безусловно, бесполезным, ибо революция остановила все передвижения членов Императорского Дома. Уже в самые первые дни свершения Февральской революции великий князь Николай Николаевич объявил, что “сочувствует делу революции”. В его телеграмме в адрес Временного правительства значилось:

«Сего числа я принял присягу на верность Отечеству и новому государственному строю. Свой долг до конца выполню, как мне повелевает совесть и принятые обязательства. Великий князь *Николай Николаевич*».

Телеграмма была опубликована в газетах. Он, вероятно, еще надеялся, что его рвение будет должным образом оценено. Вскоре «Вестник Временного правительства» на своих страницах поместил заметку: «Отъезд великого князя Николая Николаевича», где сообщалось:

«*Тифлис, 7 марта*. Великий князь Николай Николаевич, восторженно приветствуемый представителями народа и солдат, выражавших великому князю горячие пожелания победы над врагом, прощался с населением. Призывая всех ради блага горячо любимой Родины в верности новому строю к дружной и спокойной работе в тылу, как залогу победы над внешним врагом и укрепления режима свободной России, великий князь закончил прощание словами: “А после войны позвольте мне, как маленькому помещику, вернуться в имение”. Эти слова приняты с восторгом»[325]**325**
Вестник Временного правительства. 1917 г. 9 марта. № 4.

.

В эти же дни в разделе «Хроника» во многих газетах указывалось: «В ближайшие дни ожидается в Петроград великий князь Николай Николаевич».

Однако еще 3 марта 1917 г. Исполком Петросовета принял постановление, в котором предписывалось: «По отношению к Николаю Николаевичу, в виду опасности арестовать его на Кавказе, предварительно вызвать его в Петроград и установить в пути строгое над ним наблюдение»[326]**326**
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Т. 1. Л., 1991. С. 81.

.

Временное правительство усомнилось в «специфике» понимания долга Николаем Николаевичем и вскоре настояло «от греха подальше» на добровольном сложении великим князем обязанностей Верховного главнокомандующего. Глава Временного правительства князь Г.Е. Львов 9 марта сообщил телеграфом великому князю:

«Ваше Императорское Высочество.

Временное правительство, обсудив вопрос о состоявшемся незадолго до отречения бывш[его] императора назначении вашем на пост Верховного главнокомандующего, пришло к заключению, что создавшееся в настоящее время положение делает неизбежным оставление вами этого поста. Народное мнение резко и настойчиво высказывается против занятия членами Дома Романовых какой-либо государственной должности.

Временное правительство не считает себя вправе оставаться безучастным к голосу народа, пренебрежение которым может привести к самым серьезным осложнениям.

Временное правительство убеждено, что вы, во имя блага родины, пойдете навстречу требованию положения и сложите с себя еще до приезда вашего в Ставку звание Верховного главнокомандующего.

Кн. *Львов*»[327]**327**
Красный архив. 1925. № 3 (10). С. 343.

.

Сам Николай Николаевич вскоре после прибытия в Ставку был вынужден подать в отставку, а должность Верховного главнокомандующего по решению Временного правительства занял, как и предполагалось, генерал М.В. Алексеев. Это произошло 11 марта 1917 г. Великий князь Николай Николаевич был уволен окончательно от военной службы постановлением Временного правительства 31 марта 1917 г.

Думской оппозиции в своем большинстве ранее грезилось проведение революции под знаменами монархии против монарха, с конечной целью укрепления стабильности в стране и достижения победы в Первой мировой

войне. Монархист, член Государственной думы В.В. Шульгин уже 26 апреля 1917 года признавал: «Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это было бы неправдой… Но даже не желая этого, мы революцию творили… Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность»[328]**328**
Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 35.

. Многие не представляли себе будущего России без трона. Так, например, в самые первые дни «великой и бескровной» лидер Прогрессивного блока кадет П.Н. Милюков восклицал, что Временное правительство одно без монарха «окажется утлой ладьей, которая может потонуть в океане народных волнений еще до созыва Учредительного собрания»[329]**329**
Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 468.

. В какой-то степени эти слова оказались пророческими для Временного правительства и для российской демократии. Для многих отречение Николая II и его брата Михаила явилось крушением монархических взглядов, а с «октябрьским переворотом» – конец всякой «демократии» и установление жесткой диктатуры большевиков в России.

Уже на второй день после отречения царя, 3 марта 1917 года, Петроградский Исполнительный комитет, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, поставил в повестку дня вопрос: «Об аресте Николая и прочих членов династии Романовых». После бурного обсуждения было принято постановление:

«1) Довести до сведения Рабочих Депутатов, что Исполнительный Комитет Совета Рабочих и Солдатских Депутатов постановил арестовать династию Романовых и предложить Временному правительству произвести арест совместно с Советом Рабочих Депутатов. В случае же отказа запросить, как отнесется Временное правительство, если Исполнительный комитет сам произведет арест. Ответ Временного правительства обсудить вторично в заседании Исполнительного комитета»[330]**330**
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 9.

.

Специальные пункты постановления касались ареста великих князей Михаила Александровича и Николая Николаевича. Особо подчеркивалось: «Арест женщин из дома Романовых производить постепенно, в зависимости от роли каждой в деятельности старой власти». Производство и организацию арестов поручалось разработать Военной комиссии Петросовета. Принятое постановление председатель Исполкома Петросовета меньшевик Н.С. Чхеидзе довел до сведения Временного правительства.

Таким образом, еще не успели высохнуть чернила на актах об «отречении» от престола Николая II и его брата Михаила Романова и передачи ими всей полноты власти «законному» Временному правительству, как другая не менее «законная» советская власть решила объявить об аресте бывших «венценосцев».

Какие же проблемы волнуют в это время Временное правительство? Обратимся к журналам его заседаний, где читаем:

«Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться Временное правительство до установления Учредительным собранием формы правления и основных законов Российского государства, равным образом, как и о взаимоотношениях Временного правительства к Временному Комитету Государственной думы. По этому вопросу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва»[331]**331**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2103. Л. 1.

.

Весьма откровенные высказывания. Как говорится в таких случаях: «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить». Буффонада с требованием ответственного министерства канула в небытие. Не успев оказаться у власти, новые демократические правители страны спешили избавиться от пут парламента. Борцы за «свободу» всем этим воспользовались только как инструментом в борьбе за власть, а так называемые требования народа учреждения «ответственного правительства» перед избранниками России, т. е. Государственной думой, уже были всеми забыты.

Но продолжим внимательное чтение документа: «Было обращено внимание, что по обстоятельствам текущего момента Временному правительству приходится считаться и с мнением Совета Рабочих Депутатов. Однако допустить такое вмешательство в действия правительства являлось бы недопустимым двоевластием. Поэтому членам Временного правительства надлежало бы ознакомляться с предложениями Совета Рабочих Депутатов в своих частных совещаниях, до рассмотрения этих вопросов в официальных заседаниях…»[332]**332**
Там же. Л. 1–1 об.

.

Надо заметить, что мудрая тактика! Здесь невольно вспоминается давно планируемая стратегия «Прогрессивного блока» в борьбе за власть в Российской империи: оседлать революционную волну и на ее гребне, разрушив самодержавие, повести страну и политические течения за собой.

Но гладко было на бумаге… Ситуация кадетов напоминала хорошо известную народную притчу:

– Эй, Егор, что ты там застрял?

– Медведя поймал.

– Ну, так тащи его сюда.

– Да он не идет, упирается…

– Ну, так сам иди.

– Да он не пускает.

Однако оставим методы борьбы за власть на совести лидеров Временного правительства и обратим внимание на то, как правительство отреагировало на постановление Петросовета об аресте династии Романовых. На этот счет министром иностранных дел П.Н. Милюковым была сделана специальная информация. Далее читаем:

«Министр иностранных дел… по вопросу о дальнейшей судьбе членов бывшей императорской фамилии высказался за необходимость выдворения их за пределы Российского государства, полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и небезопасности их дальнейшего

пребывания в России. Временное правительство полагало, что распространять эту меру на всех членов семьи Дома Романовых нет достаточных оснований, но что такая мера представляется совершенно необходимой и неотложной в отношении отказавшегося от престола бывшего императора Николая II, а также и по отношению к великому князю Михаилу Александровичу и их семьям. Что касается местопребывания этих лиц, то нет надобности настаивать на выдворении за пределы России и при желании их оставаться в нашем государстве необходимо лишь ограничить их местопребывание известными пределами, равным образом как ограничить и возможность свободного передвижения»[333]**333**

Там же. Л. 1–1 об.

.

Специального постановления о Романовых Временное правительство на тот момент не вынесло, но приняло руководство к действию. На этом же заседании на должность главнокомандующего Петроградским военным округом был утвержден генерал-майор Л.Г. Корнилов. На сообщение морского министра «о бунте матросов на судах Балтийского флота» поручалось министру юстиции А.Ф. Керенскому «принять меры к увещанию на предмет водворения спокойствия и порядка». На этом фоне массового избиения морских офицеров контрастом выглядит принятый правительством указ Сенату об учреждении Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц (ЧСК).

Министр юстиции А.Ф. Керенский 4 (17) марта 1917 года приказал дело об убийстве Григория Распутина прекратить, а князю Ф.Ф. Юсупову и великому князю Дмитрию Павловичу (участникам убийства Распутина) разрешить возвратиться в столицу. Хотя сам великий князь Дмитрий Павлович утверждал, что такого разрешения он не получал. Но вернемся к документам. В этот же день были опубликованы акт об отречении Николая II и акт об отказе Михаила принять престол впредь до того, как народ выразит свою волю об образе правления в Учредительном собрании. Одновременно председатель Временного правительства князь Г.Е. Львов обратился ко всем военным и гражданским властям России с телеграммой, оповещающей о вышеупомянутых актах отречения и переходе верховной власти к Временному правительству впредь до созыва Учредительного собрания. Таким образом, государственный переворот был узаконен. А на следующий день 5 (18) марта князь Г.Е. Львов сделал телеграфное распоряжение о повсеместном устранении от должностей

губернаторов и вице-губернаторов и замене их временно председателями губернских земских управ, о возложении на председателей уездных земских управ обязанностей уездных комиссаров Временного правительства, а также о замене полиции милицией, организуемой общественными самоуправлениями. Революция восторжествовала и на местах.

5 марта 1917 года на заседании Временного правительства заслушивается сообщение А.Ф. Керенского о вынесенной Сенатом резолюции, в которой «Сенат благодарит Временное правительство за почти бескровное установление внутреннего мира и переход к новому порядку в стране»[334]**334**
Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 33.

. На этом же заседании Керенским ставится вопрос: «О необходимости принятия мер к охранению царской семьи, находящейся в Царскосельском дворце, и замены коменданта означенного дворца лицом, назначенным от Временного правительства».

Что же в это время происходило в столице? С временным отказом от трона Михаила Романова до решения Учредительного собрания часть политиков проявляли беспокойство, и особенно о надежности воинских частей в Ставке и на фронте. Так, известный в февральские дни 1917 года комиссар железных дорог А.А. Бубликов высказывал такое общее настроение:

«Царь, к великому моему удивлению, отправился из Пскова в Ставку. Как только я получил справку о назначении в Могилев для литерного поезда “А”, в котором царь путешествовал по России, я немедленно же телефонировал Гучкову… чтобы высказать ему свое недоумение и опасение, как бы царь в Ставке не вздумал организовать сопротивление. Но Гучков спокойно ответил: “Он совершенно безвреден…”. Но все-таки разрешение уволенному в отставку царю свободно разъезжать по стране, направляться к войскам, среди которых могли оказаться и преданные ему, все это не могло не казаться странным…»[335]**335**
Бубликов А.А. Русская революция. Нью-Йорк, 1918. С. 47.

.

Быстро меняющаяся политическая ситуация в стране вызывала опасения новых правителей, что военные могут пересмотреть свое отношение к событиям. Эту ситуацию подогревали и знаменитый приказ № 1, ведущий к подрыву

единоначалия и дисциплины в войсках, и приказ военного министра А.И. Гучкова о массовом одновременном увольнении из армии до 150 старших начальников и замене их другими выдвиженцами, отвечающими лишь одному требованию – преданности делу революции. Что будет, если бывший «самодержец» Николай II получит поддержку некоторых недовольных генералов и отборные части пойдут на Петроград, или, наконец, он укрепится в Ставке и этим парализует все революционные начинания.

Среди архивных материалов имеется постановление Временного правительства «О лишении свободы отрекшегося императора Николая II и его супруги» от 7 марта 1917 года, в котором предписывалось:

«1) Признать отрекшегося императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село.

2) Поручить генералу Михаилу Васильевичу Алексееву предоставить для охраны отрекшегося императора наряд в распоряжение командированных в Могилев членов Государственной думы: Александра Александровича Бубликова, Василия Михайловича Вершинина, Семена Федоровича Грибунина и Савелия Андреевича Калинина.

3) Обязать членов Государственной думы, командируемых для сопровождения отрекшегося императора из Могилева в Царское Село, представить письменный доклад о выполненном ими поручении.

4) Обнародовать настоящее постановление»[336]**336**
ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 1.4. 1. Л. 15.

.

Выполнение постановления об аресте императрицы Александры Федоровны в Царском Селе было поручено новому командующему войсками Петроградского военного округа генералу Л.Г. Корнилову (знаменитому своим побегом из австрийского плена).

Такой оборот дела для некоторых членов Временного правительства оказался не бесспорным. «Ведь, в сущности говоря, не было никаких оснований – ни формальных, ни по существу – объявлять Николая II лишенным свободы, – позднее сознавался в своих воспоминаниях первый управляющий делами Временного правительства, кадет В.Д. Набоков, – отречение его не было формально вынужденным. Подвергать его ответственности за те или иные

поступки его, в качестве императора, было бы бессмыслицей и противоречило бы аксиомам государственного права… Между тем актом о лишении свободы завязан узел, который был 4 (17) июля в Екатеринбурге разрублен товарищем Белобородовым. Но этого мало. Я лично убежден, что “битье лежачего” – арест бывшего императора, – сыграло свою роль и имело более глубокое влияние в смысле разжигания бунтарских страстей. Он придавал “отречению” характер “низложения”, так как никаких мотивов к этому аресту не было указано»[337]**337**
Набоков В. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. С. 32–33.

.

В свою очередь белогвардейский следователь Н.А. Соколов (1882–1924), который позднее вел следствие по делу убийства царской семьи и великих князей, констатировал:

«Лишение царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд их за границу»[338]**338**
Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Буэнос-Айрес, 1969. С. 267.

.

Однако еще раз вернемся к поставленным вопросам: являлась ли Российская империя слабейшим звеном в цепи капиталистических государств, как утверждал В.И. Ленин? Была ли она так уж неизбежно обречена на революцию?

Напомним строки воспоминаний генерала А.С. Лукомского:

«В обществе было и будет много споров о том, “кто сделал революцию?”. Как мне передавали, А.Ф. Керенский, которого как-то упрекнули в том, что он был одним из руководителей революционного движения в феврале и марте 1917 года и что этим он сыграл в руку немцам, – будто бы ответил: “Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались направить ее в должное русло”»[339]**339**
Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 336.

.

Попробуем разобраться в этом и вскрыть хотя бы некоторые «потаенные пружины» закулисных комбинаций, взглянуть на это дело с другой стороны.

В курсе подготовки тайного «заговора» и переворота был начальник штаба Верховного главнокомандующего в Могилеве генерал М.В. Алексеев (1857–1918). Он, имея негласные контакты с А.И. Гучковым (1862–1936) и ведя переговоры с представителями заговорщиков, одновременно официально готовил проект военной диктатуры (*на роль военного диктатора одно время предполагалась кандидатура великого князя Сергея Михайловича, но тот учтиво уклонился от этой миссии. – В.Х.*), который 15 июня 1916 года представил на рассмотрение императору Николаю II. Однако когда император в конце концов отверг этот проект, генерал Алексеев стал склоняться к военному заговору «во имя спасения России» и победы над внешним врагом на фронте.

Смысл плана заговора (по проекту А.И. Гучкова) сводился к тому, чтобы во время одной из многочисленных поездок императора Николая II на фронт или в столицу захватить его поезд и вынудить отречься в пользу цесаревича Алексея при регентстве одного из великих князей (Михаила Александровича или Николая Николаевича). Затем в духе дворцовых переворотов XVIII века намечалось арестовать и сменить правительство.

Казалось, все было готово. Имеется свидетельство, что генерал М.В. Алексеев при обсуждении срока переворота сказал: «Так передайте князю Львову в спешном порядке, что для дела, о котором мы с ним говорили, я назначил день: 30 октября»[340]**340**

Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле. // «Минувшее». Исторический альманах. Т. 12. М.-СПб., 1993. С. 10–11.

. Однако через некоторое время он сказался больным и вскоре уехал на лечение в Крым, сдав временно должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генералу В.И. Гурко. Болезнь М.В. Алексеева, можно предположить, была настоящая, а не «дипломатическая» или «медвежья», т. к. по возвращении в Ставку 23 февраля 1917 года он чувствовал себя еще не совсем здоровым.

Любопытен и другой эпизод. Когда заговорщики посетили генерала Алексеева во время его пребывания в Крыму, он (по свидетельствам очевидцев и утверждению дворцового коменданта В.Н. Воейкова) заявил: «Содействовать перевороту не буду, но и противодействовать не буду»[341]**341**

Воейков В.Н. С царем и без царя. М., 1995. С. 155.

.

Факт посещения генерала М.В. Алексеева в Севастополе представителями «некоторых думских и общественных кругов» подтверждает в своих исследованиях и генерал А.И. Деникин. Приведем его версию событий:

«В Севастополе к больному Алексееву приехали представители думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость, как бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, “и так не слишком прочно держится”, просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял меня впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а все дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее, некоторые обстоятельства стали известны… предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от Престола, а в случае несогласия, физическое его устранение. Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович»[342]**342**
Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 107–109.

.

Февральские и мартовские события 1917 года показали истинные позиции генерала М.В. Алексеева, который не оставил своих соучастников по общему «делу» без своеобразной координирующей поддержки и реальной помощи.

Заметим, что охранка тоже не дремала, отрабатывая свой хлеб. В «совершенно секретном» докладе жандармского генерала К.И. Глобачева (1870–1941) от 26 января 1917 г. сообщалось о «действующей пока законспирированно» группе, состоящей из А.И. Гучкова, князя Г.Е. Львова, С.Н. Третьякова, А.И. Коновалова, М.М. Федорова и некоторых других. В докладе подчеркивалось, что «вся надежда этой группы – неизбежный в самом ближайшем будущем дворцовый переворот, поддержанный всего-навсего одной-двумя сочувствующими частями».

Слухи о военном заговоре беспокоили французского посла в России М. Палеолога (1859–1944). В своем дневнике он анализировал ситуацию перед переворотом следующим образом:

«Император Николай, конечно, останется верен союзу с нами, в этом я нисколько не сомневаюсь. Но ведь он не бессмертен. Сколько русских, и особенно в самой близкой к нему среде, втайне желают его исчезновения. Что может произойти при смене царя? На этот счет у меня нет иллюзий: Россия тогда немедленно откажется от участия в войне»[343]**343**
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 171.

.

Фактический отказ генерала М.В. Алексеева активно участвовать в военном заговоре затормозил его выполнение. В следственных материалах ЧСК Временного правительства имеются показания А.И. Гучкова, в которых он говорит о своей роли в заговоре: «…Я ведь не только платонически сочувствовал этим действиям, я принимал активные меры… Провести это было трудно технически … план заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить по дороге между Царским Селом и Ставкой Императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство… Надо было найти часть, которая была бы расположена для целей охраны ж. д. пути, а это было трудно»[344]**344**
Падение царского режима. Т. 6. С. 278–279; Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 617.

.

Технику исполнения плана дворцового переворота А.И. Гучков представлял так:

«Предполагалось уговорить царя (*что и было сделано. – В.Х.*) поочередно приводить гвардейские кавалерийские полки в столицу на отдых и для поддержания порядка, а затем выманить царя из Ставки и при помощи кавалергардов совершить дворцовый переворот, добившись отречения в пользу цесаревича и регентства».

Из следственных материалов ЧСК можно понять, что А.И. Гучков имел непосредственные связи через генерала А.М. Крымова с Румынским и, очевидно, через генерала Н.В. Рузского с Северным фронтами, а также имел свидания с некоторыми великими князьями. Некоторые из участников событий указывают на сочувствие заговору популярного в стране генерала А.А. Брусилова, который заявлял: «Если придется выбирать между царем и Россией, я пойду за Россией»[345]**345**
Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 201.

.

Однако, по признанию А.И. Гучкова, трудности были не только технические: «У многих были известные принципы, верования и симпатии, для многих это представляло трагедию… требовалась с нашей стороны известная осторожность»[346]**346**
Падение царского режима. Т. 6. С. 279; Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 617.

.

Некоторые участники заговора позднее в своих воспоминаниях пытались устраниться от этих событий и снять с себя, в какой-то мере, ответственность за все последовавшие катастрофические события в России. Так, например, генерал А.А. Брусилов (1853–1926) писал:

«Доходили до меня сведения, что задумывается дворцовый переворот, что предполагают провозгласить наследника Алексея Николаевича императором при регентстве великого князя Михаила Александровича, а по другой версии –

Николая Николаевича, но все это были темные слухи, не имевшие ничего достоверного. Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который якобы согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну; зная свойства характера Алексеева, я был убежден, что он это не выполнит»[347]**347**
Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 205.

.

В воспоминаниях последнего военного министра Временного правительства А.И. Верховского (1886–1938), наоборот, выпячивается роль заговорщиков, приводятся дополнительные любопытные факты и откровения того же Гучкова в узком кругу единомышленников:

«На 1 марта был назначен внутренний дворцовый переворот. Группа твердых людей должна была собраться в Питере и на перегоне между Царским Селом и столицей проникнуть в царский поезд, арестовать царя и выслать его немедленно за границу. Согласие некоторых иностранных правительств было получено»[348]**348**
Верховский А.И. На трудном перевале. М.,1959. С. 55.

.

Заговорщики наметили гарнизон села Медыха и стали искать подходы к его офицерам. В начале января 1917 года в Петроград приезжал командир одной из кавалерийских дивизий на Румынском фронте генерал А.М. Крымов, который приглашался на разные совещания верхушки буржуазной оппозиции. В заговор были вовлечены генерал А.А. Маниковский, ответственный сотрудник военного министерства, князь Д.Л. Вяземский, аристократ с большими связями среди высшего офицерства, и некоторые другие. Многие участники заговора, по свидетельствам С.П. Мельгунова, В.В. Шульгина и др., являлись членами масонских лож.

Князь Д.Л. Вяземский и М.И. Терещенко отправились на фронт, стремясь посетить воинские части охраны железной дороги между Петроградом и Могилевом. Заговорщики не сомневались в успехе своего дела. Однако обстоятельства не благоприятствовали им. На этот раз почувствовал себя плохо главный вдохновитель всего дела А.И. Гучков, который 13 октября 1916 года выехал лечиться в Кисловодск. Хотя дело и без него продолжало двигаться, но

медленно. Вернулся он в столицу только 20 декабря. А за три дня до этого был убит Г.Е. Распутин, что привело к ужесточению репрессий, общему ухудшению обстановки. Неожиданным и самым главным явилось то, что император Николай II спешно вернулся в столицу по срочному вызову своей супруги. Неделя шла за неделей, а император все продолжал оставаться в Царском Селе. В связи с этими обстоятельствами Гучков стал поговаривать, что «дело» придется отложить до Пасхи, т. е. до 2–3 апреля 1917 года.

Любопытное подтверждение этому имеется у английского посла Дж. Бьюкенена: «Один мой русский приятель, который стал потом членом Временного правительства, сообщил мне через полковника Тарнгидля, нашего помощника военного атташе, что революция произойдет перед Пасхой, но что мне нечего беспокоиться, так как она продолжится всего две недели»[349]**349** Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Т. 2. Берлин, 1924. С. 39.

.

По признанию самого А.И. Гучкова, о стадии подготовки к осуществлению военного заговора можно было судить следующим образом: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало для реального осуществления…»

По нашему мнению, картина «военного заговора» вырисовывается недостаточно убедительной для реального планируемого переворота. Военные устами генерала А.М. Крымова говорят думской оппозиции: если вы решитесь, мы вас поддержим… А те, в свою очередь, подталкивают военных: если вы сумеете заставить царя отречься, то мы это используем на благо России. Все надеялись, что кто-то начнет первым и только «зондировали» позиции друг друга, опасаясь брать инициативу на себя. В то же время морально все были готовы к предстоящим событиям, и каждый способствовал осуществлению плана переворота.

Вызывает удивление, что генерал А.М. Крымов в дни Февральской революции оказался в тени и не принимал активного участия в событиях переворота. Тому есть свои причины.

Стоит отметить, что союзники по Антанте опасались заключения Россией сепаратного мира с Германией, чем постоянно их пугали заговорщики и лидеры оппозиции. Западные союзники желали содействовать урегулированию отношений между царским правительством с деятелями «Прогрессивного

блока» и Государственной думой в целях более успешного ведения военных действий на фронте. Монархисты обвиняли английского посла Дж. Бьюкенена в том, что он подготовил русскую революцию, что под его влиянием думские лидеры пошли на обострение ситуации в борьбе с царским режимом. Французский посол в России М. Палеолог 28 декабря 1916 г. (по новому стилю или 15 декабря по старому) записал в дневнике: «Вот уже несколько раз меня расспрашивают о сношениях Бьюкенена с либеральными партиями и даже серьезнейшим тоном спрашивают меня, не работает ли он тайно в пользу революции. Я каждый раз всеми силами протестую»[350]**350**
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923. С. 261.

.

Между прочим, Дж. Бьюкенену бросали такие же обвинения прямо в лицо по его возвращении на родину. Ему приходилось постоянно оправдываться. Даже его дочь Мириэль вынуждена была его защищать. В своей книге она позднее писала: «Английское посольство являлось тем единственным домом в русской столице, в котором планы дворцовой революции не подвергались обсуждению… Верность его Государю стояла выше всяких подозрений»[351]**351**
Бьюкенен М. Крушение великой империи. Ч. 2. Париж, 1932. С. 31–32.

.

Однако имеются и другие свидетельства. Жандармский генерал-майор А.И. Спиридович (1873–1952) позднее писал в эмигрантских воспоминаниях о событиях первого дня 1917 года: «Новогодний Высочайший прием… Принимая поздравления дипломатов, Государь очень милостиво разговаривал с французским послом Палеологом, но, подойдя к английскому послу Бьюкенену, сказал ему, видимо, что-то неприятное. Близстоящие заметили, что Бьюкенен был весьма смущен и даже сильно покраснел. На обратном пути в Петроград Бьюкенен пригласил к себе в купе Мориса Палеолога и, будучи крайне расстроенным, рассказал ему, что произошло во время приема. Государь заметил ему, что он, посол английского короля, не оправдал ожиданий Его Величества, что в прошлый раз на аудиенции Государь упрекал его в том, что он посещает врагов монарха. Теперь Государь исправляет свою неточность: Бьюкенен не посещает их, а сам принимает их у себя в посольстве. Бьюкенен был и сконфужен, и обескуражен. Было ясно, что Его Величеству стала известна закулисная игра Бьюкенена и его связи с лидерами оппозиции»[352]**352**

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция: Воспоминания. Минск, 2004. С. 449.

.

Морганатическая супруга великого князя Павла Александровича княгиня О.В. Палей (1865–1929), поддерживавшая знакомство со многими дипломатами, позднее писала в своих эмигрантских воспоминаниях: «Так прошел январь, причем общее положение дел ухудшалось день ото дня. В газетах недовольство прорывалось даже сквозь цензуру. Революционная пропаганда в войсках резервистов распространялась не по дням, а по часам. А рассадником ее стало английское посольство под началом Ллойд Джорджа. Наши либералы, князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и иже с ними, из посольства не вылезали. Там же и решено было отказаться от мирных путей борьбы и встать на путь революции. Причем сам английский посол, сэр Джордж Бьюкенен, Государю нашему просто мстил. Николай не любил его и в последнее время держался с ним все суше и суше, особенно после того как Бьюкенен сошелся с Государевыми личными врагами. На последней аудиенции Государь принял посла стоя и даже не предложил ему сесть. Бьюкенен спал и видел отомстить. Водил он дружбу кое с кем из великих князей. С их помощью он чуть было не затеял дворцовый переворот…»[353]**353**

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 199–201.

.

В России в начале 1917 г. все ожидали решительных перемен, и политическая оппозиция начала «сжигать мосты». Особой активностью отличались думские лидеры «Прогрессивного блока», т. к. срок полномочий IV Государственной думы скоро истекал, предстоящие выборы не могли гарантировать их прежнего положения, а также личную неприкосновенность. Представителям оппозиции необходимо было набирать политические очки и попытаться решительно переломить ситуацию в свою пользу. Так, например, в воспоминаниях председателя Государственной думы М.В. Родзянко имеется описание одного из конспиративных совещаний, которое происходило на его квартире: «С начала января приехал с фронта генерал Крымов и просил дать ему возможность неофициальным образом осветить членам Думы катастрофическое положение армии и ее настроения. У меня собрались многие из депутатов, членов Государственного Совета и членов Особого Совещания. С волнением слушали доклад боевого генерала. Грустной и жуткой была его исповедь. Крымов

говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, – не может быть надежд на победу. Войне определенно мешают в тылу, и временные успехи сводят к нулю. Закончил Крымов приблизительно такими словами:

– Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние жены сильнее честных слов, сказанных царю. Времени терять нельзя.

Крымов замолк, и несколько минут все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

– Генерал прав – переворот необходим… Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

– Щадить и жалеть его нечего, когда он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским: поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова:

“Если придется выбирать между царем и Россией – я пойду за Россией”.

Самым неумолимым и резким был Терещенко, глубоко меня взволновавший. Я его оборвал и сказал:

– Вы не учитываете, что будет после отречения царя… Я никогда не пойду на переворот. Я присягал… Прошу вас в моем доме об этом не говорить. Если армия может добиться отречения – пусть она это делает через своих начальников, а я до последней минуты буду действовать убеждениями, но не насилием…

Много и долго еще говорили у меня в этот вечер. Чувствовалась приближающаяся гроза, и жутко было за будущее: казалось, какой-то страшный рок влечет страну в неминуемую пропасть»[354]**354**
Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 199–201.

.

Конечно, читая эти строки, трудно поверить в искренность уверений тонкого политика и искушенного царедворца М.В. Родзянко. Вскоре сами события показали, и стало ясно: у кого и как слово расходится с делом.

Относительно боевого генерала А.М. Крымова (1871–1917) следует заметить, что в его политической позиции не все было однозначно. Во многих взглядах он был введен в заблуждение, что несколько для него прояснилось, когда он побывал в Петрограде. Возможно, этим можно объяснить то, что Крымов практически никак не проявил себя в дни Февральской революции, а затем принял активное участие в так называемом Корниловском мятеже, видя бессилие и демагогию Временного правительства.

Были ли реальные попытки со стороны царского правительства, силовых структур стабилизировать ситуацию в столице и стране? По словам того же А.Д. Протопопова, за А.И. Гучковым усиленно следил Департамент полиции, велся список посещавших его лиц. Известны были полиции и собрания военных, которые устраивал лидер партии октябристов Гучков. До сведения Николая II был доведен факт встречи А.И. Гучкова с генералом В.И. Гурко. Создается впечатление, что император был «в курсе дела», но, очевидно, получая какие-то сведения, выжидал, считая, что необходим убедительный компрометирующий материал для нанесения решительного и сокрушительного удара по заговорщикам и оппозиции.

План такого разгрома оппозиции предлагался Николаю II еще в ноябре 1916 года, сразу же после знаменитой и скандальной речи П.Н. Милюкова в Государственной думе. Позднее этот документ «правых монархистов» оказался в следственных материалах ЧСК Временного правительства. В документе под заголовком «Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова и переданная Николаю II князем Голицыным»[355]**355**
Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004. С. 457–458.

говорилось: «В настоящее время уже не представляется сомнений в том, что Государственная дума, при поддержке так называемых общественных организаций, вступила на явно революционный путь, ближайшим последствием чего по возобновлении ее сессии явится искание ею содействия мятежно настроенных масс, а затем ряд активных выступлений в сторону государственного, а весьма вероятно, и династического переворота, надлежит теперь же подготовить, а в нужный момент незамедлительно осуществить ряд совершенно определенных и решительных мероприятий, клонящихся к

подавлению мятежа…»[356]**356**
Блок А. Последние дни императорской власти. Приложение. Пг., 1921. С. 139.

.

Далее предлагалась конкретная программа действий, состоящая из 9 пунктов. Отметим лишь некоторые из них: «I. Назначить на высшие государственные посты министров, главноуправляющих и на высшие командные тыловые должности по военному ведомству (начальников округов, военных генерал-губернаторов) лиц, не только известных своей издавна засвидетельствованной и ничем не поколебленной и не заподозренной преданностью Единой Царской Самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом…

II. Государственная дума должна быть немедленно Манифестом Государя Императора распущена без указания срока нового ее созыва.

III. В обеих столицах, а равно в больших городах, где возможно ожидать особенно острых выступлений революционной толпы, должно быть тотчас же фактически введено военное положение (а если нужно, то осадное), со всеми его последствиями…»[357]**357**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1066. Л. 1–7.

.

Это были предложения крайних правых, на которые император Николай II не пошел, т. к. стремился удержать ситуацию в равновесии, без резких шараханий из крайности в крайность.

Государь Николай II стремился изолировать заговорщиков и изменить ход событий. Он сообщил А.Д. Протопопову о своем намерении немедленно отправиться в Ставку с тем, чтобы обеспечить переброску в столицу необходимых армейских подразделений и принять дисциплинарные меры в связи с поведением генерала В.И. Гурко.

Обе силы в своем противостоянии зашли достаточно далеко. Царь стремился опередить заговорщиков, а заговорщики опередить царя. При этом каждая из сил надеялась своим упреждающим выпадом склонить чашу весов в свою сторону и предотвратить революционную вспышку. Разница заключалась в том, что заговорщики и нарастающая революционная волна действовали в одном

направлении, а император Николай II твердым курсом пытался практически в изоляции противостоять этой разрушительной стихии, особенно опасной в условиях военного времени. Положение Николая II значительно осложнялось произошедшим расколом Императорской фамилии Дома Романовых. В данной ситуации наиболее здравые люди понимали, что все это ставило Российскую империю на грань национальной катастрофы.

В конечном итоге в проигрыше оказались и те и другие. Стоит отметить, что царская чета знала об оппозиционных настроениях в определенных кругах общества и даже среди ряда членов Императорской фамилии. По свидетельству некоторых очевидцев, наблюдавших Государя Николая II в конце 1916 и начале 1917 г., казалось, будто он предчувствовал великую катастрофу. Он был подобен человеку, который, неудержимо и решившись на все, идет навстречу таящейся опасности.

В итоге все в России получили то, что получили, как клятвопреступники перед Богом, Царем и Отечеством. Кто внес большую лепту: заговорщики-генералы, интриги великих князей, масоны во главе с А.Ф. Керенским и социал-демократической братией (включая депутатов Государственной думы), недовольные народные массы (ухудшимся материальным положением во время мировой войны и жертвами на фронте), подрывная деятельность внешних врагов Российской империи? Все постарались в меру своих сил и возможностей. Однако вектор движения разрушительных сил на тот момент превысил силы, которые ему противостояли. В итоге вслед за «добровольным отречением» от трона Государя Николая II рухнули устои государственного строя, так как из державы был вынут тот стержень, на котором все держалось в Российской империи. Временщики быстрыми темпами довели державу до окончательного развала, что породило очередной длительный период «окаянных дней» и «смутного времени». Страна в своем развитии была отброшена далеко назад, и необходимы были новые колоссальные усилия всего народа, чтобы ее поднять из анархии и разрухи.

Добивался ли короны Михаил Романов и нарушал ли присягу великий князь Кирилл Владимирович?

В исторических популярных работах можно встретить утверждения, что младший брат царя великий князь Михаил Александрович стоял в оппозиции к императору, а его морганатическая супруга графиня Н.С. Брасова мечтала о короне для своего супруга. До сих пор идут дебаты по поводу того, что в мятежные февральские дни 1917 года великий князь Кирилл Владимирович во главе Гвардейского экипажа под красным знаменем и расцвеченный революционными бантами явился к стенам Государственной думы и тем самым

признал главенство «нового порядка» еще до отречения императора Николая II. Какие на этот счет имеются свидетельства? Попытаемся предпринять попытку заглянуть в архивные документы, периодику тех лет и прояснить указанные события.

Историк Г.М. Катков приводит сведения о том, что тетка Михаила Александровича великая княгиня Мария Павловна (старшая) считала, что он стоит на пути ее собственных детей, из которых старший – Кирилл Владимирович – мог бы быть следующим престолонаследником[358]**358**
Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 396.

.

15 февраля 1917 года прибыл из Измаила вместе с великим князем Кириллом Владимировичем батальон Гвардейского экипажа и расположился в Александровке, рядом с Царским Селом. Это в какой-то мере оказалось вопреки воле императора, который просил генерала В.И. Гурко вернуть какой-нибудь лейб-гвардейский кавалерийский полк или дивизию на отдых с фронта в окрестности Петрограда. На этот счет можно найти критическое замечание в одном из писем императрицы Александры Федоровны, направленном Николаю II в Ставку: «Гурко не хочет держать здесь твоих улан, а Гротен говорит, что они вполне могли бы разместиться»[359]**359**
Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 5. М.-Л., 1927. С. 219.

.

Позднее, анализируя события мятежных дней в Петрограде в своих исторических трудах, лидер кадетов П.Н. Милюков писал: «Вмешательство Государственной Думы дало уличному и военному движению центр, дало ему знамя и лозунг и тем превратило восстание в революцию, которая кончилась свержением старого режима и династии»[360]**360**
Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 года. М., 1991. С. 15.

.

Между тем вечером 27 февраля в градоначальство приехал великий князь Кирилл Владимирович, командовавший Гвардейским экипажем, расположенным в Царском Селе. Переговорив с генералом С.С. Хабаловым и градоначальником А.П. Балком, он прислал на помощь две роты учебной команды.

27 февраля в 19 часов уже состоялось в помещении Таврического дворца первое заседание Петроградского Совета рабочих депутатов (Петросовет).

Депутаты Государственной думы ожидали вестей от членов Временного комитета Государственной думы (Родзянко, Дмитрюкова, Некрасова и Савича), отправившихся на переговоры с братом императора. Им было поручено убедить Михаила Романова «явочным порядком» принять на себя власть до возвращения из Ставки Николая II.

Члены ВКГД при этом, очевидно, руководствовались мыслью, высказанной В.В. Шульгиным: «Может быть два выхода: все обойдется – Государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие…»[361]**361**
Шульгин В.В. Дни. Л., 1925. С. 111.

.

В составе бывшего Пражского Русского Зарубежного Исторического Архива (РЗИА) сохранился уникальный документ, вроде своеобразного протокола происходивших на тот момент событий, в котором значится: «В то же самое время в здании Мариинского дворца имело место свидание великого князя Михаила Александровича с Председателем Государственной Думы и делегированными членами Думы. Разговор происходил в кабинете Государственного секретаря. Великий князь интересовался ходом событий, о чем его и осведомили указанные члены Гос. Думы. Вместе с тем они указывали великому князю, что единственным спасением страны является передача власти в другие руки. По настоящему моменту остается передать эту власть Государственной Думе, которая сможет образовать правительство, в достаточной мере авторитетное, для успокоения страны. Время не терпит и если этого не сделать сегодня, то завтра уже может быть поздно.

На это ответил великий князь, что у него нет такой власти, чтобы санкционировать эту меру и что потому решить этот вопрос сейчас представляется невозможным. Вместе с тем великий князь выразил желание переговорить с председателем Совета Министров кн. Голицыным.

Происходившее в это время заседание Совета Министров было прервано и беседа великого князя с кн. Голицыным состоялась в присутствии председателя Государственной Думы. Во время этой беседы председатель Государственной Думы указал кн. Голицыну, что события дня и позднейшая растерянность правительства повелительно требуют для успокоения Петрограда и дабы предотвратить анархию в стране немедленного удаления от власти всего состава правительства и передачи этой власти Временному комитету Государственной Думы. На это кн. Голицын ответил, что им лично подано уже прошение об отставке, но что до получения таковой он не считает себя вправе передать кому-либо принадлежащую ему власть. После такого заявления князя Голицына председатель Государственной Думы сказал ему, что ход событий, по-видимому, будет иметь своим последствием арест всех членов Совета Министров.

По окончании этой беседы великий князь возвращается в комнату, где находились члены Гос. Думы. По возобновлении с ними совещания члены Государственной Думы Савич и Дмитрюков указали великому князю, что течение событий требует отстранения от власти императора Николая II и необходимости принятия на себя регентства великим князем Михаилом Александровичем. На что великий князь ответил, что без согласия Государя он этого сделать не может.

Около 9 часов вечера великий князь Михаил Александрович изъявил согласие на предложение, сделанное ему делегацией от Государственной Думы, принять на себя власть в том случае, если по ходу событий это окажется совершенно неизбежным.

В десятом часу члены Государственной Думы и председатель покинули Мариинский дворец. Великий князь отправился в Военное министерство, чтобы по прямому проводу переговорить с Государем императором и доложить обо всем происшедшем, но этому его желанию не удалось осуществиться и переговоры ему пришлось вести с генералом Русским (*правильно, Рузским. Однако на самом деле переговоры шли через генерала Алексеева с императором Николаем II. – В.Х.*).

Председатель Государственной Думы и сопровождавшие его члены Государственной Думы около 10 часов вечера прибыли в Таврический дворец, где доложили Временному комитету о своих переговорах с великим князем и кн. Голицыным»[362]**362**

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 823. Л. 9–12.

.

Любопытно отметить, что вопрос о морганатическом браке Михаила Александровича не возник ни в связи с возможностью назначения его регентом при малолетнем цесаревиче Алексее, ни тогда, когда Николай II отрекся от трона в пользу младшего брата. М.В. Родзянко имел при проведении этой комбинации свой интерес. Так, историк Г.М. Катков считал, что Родзянко предполагал превратить Временный комитет Государственной Думы в «регентский совет»[363]**363**

Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 393.

.

Стоит нам также отметить, что угроза Родзянко в адрес председателя царского правительства князя Н.Д. Голицына не осталась пустыми словами. Позднее А.Ф. Керенский вспоминал: «Наконец поступило сообщение, что правительство заседает в Мариинском дворце. Туда немедленно был отряжен отряд в сопровождении броневиков с приказом арестовать всех членов кабинета»[364]**364**

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 140.

. Но пробиться к дворцу восставшие в этот период не смогли.

Обратимся к изложению событий по варианту опубликованных в 1919 г. воспоминаний М.В. Родзянко, которые позднее он неоднократно редактировал в зависимости от ситуации, чтобы выглядеть перед потомками невинной жертвой обстоятельств: «27 февраля великий князь Михаил Александрович прибыл в Петроград, и мы имели с ним совещание в составе: председателя Государственной Думы, его товарища Некрасова, секретаря Государственной Думы Дмитрюкова и члена Думы Савина (*правильно: Савича. – В.Х.*). Великому князю было во всей подробности доложено положение дел в столице и было указано, что еще возможно спасти положение: он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя императора о даровании ответственного министерства.

Нерешительность великого князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен.

Вместо того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя еще непоколебимый, в смысле дисциплины, Петроградский гарнизон, великий князь Михаил Александрович провел по прямому проводу переговоры с императором Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ, и, таким образом, в этом отношении попытка Государственной Думы потерпела неудачу.

При этой беседе с великим князем и вышеназванными членами Государственной Думы присутствовал и председатель Совета Министров князь Голицын. Несмотря на все убеждения в том, что ему надлежит выйти в отставку, что это облегчит Государю императору разрешение назревающего и все возрастающего конфликта, князь Голицын оставался неумолимым в своем решении, объяснив, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение»[365]**365**
Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов-на-Дону, 1919. С. 40.

.

Таким образом, если нам кратко констатировать указанные выше слова, то Родзянко хотел, чтобы великий князь Михаил Александрович своей волей фактически произвел государственный переворот. Разумеется, эта тактическая хитрость М.В. Родзянко не получила одобрения со стороны брата Государя.

Известный комиссар Временного правительства А.А. Бубликов, так объяснял стремление «думцев» и политической оппозиции сменить монарха на троне: «…Ни один ответственный политический деятель, даже такой, как лидер октябристов, А.И. Гучков, лично, почти физически не переваривавший Николая II, не заходил в своих желаниях дальше мечтаний о персональном низложении Николая, чтобы в период регентства Михаила над несовершеннолетним Алексеем попытаться создать в России нечто аналогичное Английскому государственному строю с царем царствующим, но не управляющим»[366]**366**
Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 14.

.

По настойчивой просьбе М.В. Родзянко великий князь Михаил Александрович в тот же день (в 22 ч. 30 мин.) связался по прямому проводу с царской Ставкой в Могилеве и попытался переговорить с царем, просил его (через генерала М.В. Алексеева) уступить Думе, создав правительство доверия[367]**367**
Красный архив. 1927. № 2 (21). С. 11–12.

.

В конечном итоге Государь Николай II ответил через начальника штаба генерала М.В. Алексеева, поблагодарив брата за заботу, но отказался последовать его совету.

Уже через час после этих телеграфных переговоров император Николай II направил в Петроград председателю Совета Министров князю Н.Д. Голицыну в 23 ч. 25 мин. следующую телеграмму: «О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемен в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. *Николай*»[368]**368**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2089. Л. 2; Красный архив. 1927. № 2(21). С. 13.

.

Как видим, позиция императора не изменилась, курс остался прежним. По распоряжению Николая II в ночь на 28 февраля в столицу направляются верные царю войска под командованием генерала Н.И. Иванова. С фронта с той же целью по распоряжению царя снималось несколько пехотных полков и кавалерийских частей, хотя заговорщики-генералы не очень торопились это выполнить.

Михаил Александрович в мятежные и тревожные дни бунта проявил заботу о своих приближенных. Сохранилось его письмо к великому князю Николаю Михайловичу (вернувшемуся к этому времени из домашней ссылки) от 1 марта 1917 года с просьбой: «Милый Николай [Михайлович], очень прошу тебя приютить состоящего при мне [адъютантом] генерал-майора барона Врангеля, т. к. находясь в частной квартире, я лишен возможности иметь его при себе. У него пропуск из Государственной Думы. Приветствую тебя с приездом. Обнимаю тебя.

Миша.

Повидаемся завтра»[369]**369**
ГА РФ. Ф. 670. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

.

Он написал карандашом еще одно небольшое письмо своей супруге Н.С. Брасовой, чтобы хоть как-то успокоить ее: «Моя дорогая Наташа, сердечно благодарю тебя за письмо. События развиваются с ужасающей быстротой. Мне необходимо быть здесь эти дни, и будь совершенно спокойна за меня. Недавно приходила депутация, в состав которой входили военные. Представил мне эту депутацию директор-распорядитель общественных металлических заводов. Я подписал манифест (*имеется в виду манифест великих князей. – В.Х.*), который должен быть подписан Государем. На нем уже подписи Павла А[лександровича] и Кирилла, и теперь моя, как старших вел[иких] князей. Этим манифестом начнется новое существование России. Возможно, что поеду в Г[осударственную] Думу сегодня же, а может быть, завтра. Вообще рассчитываю, что увидимся не сегодня – завтра. Сегодня пришли Алеша [Матвеев] и Воронцовы. Ужасно грущу, что мы не вместе, люблю тебя всем сердцем. Да хранит тебя Бог, моя нежная Наташа.

Весь твой *Миша*»[370]**370**
ГА РФ. Ф. 622 Оп. 1. Д. 22. Л. 87–87 об.

.

Когда 1 марта 1917 г. присяжный поверенный Н.Н. Иванов появился на Миллионной, 12, то «манифест великих князей» (уступка части власти в пользу Государственной думы) был уже подписан великими князьями Павлом Александровичем и Кириллом Владимировичем. Оставалось поставить подпись Михаилу. По свидетельству очевидцев, он колебался, просил отсрочки для того, чтобы посоветоваться, но в конечном итоге поставил свою подпись. По воспоминаниям присяжного поверенного Н.Н. Иванова: «Великий князь просит поставить охрану к графине Брасовой в Гатчине. Я обещаю, и по приезде во Временный Комитет дается соответственное распоряжение в Гатчину, а к великому князю лично – я посылаю для охраны юнкеров»[371]**371**
ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 367. Л. 8.

. Вскоре на Миллионную ул., 12, прибыл караул из школы прапорщиков. Пять офицеров поместились в кабинете князя Путятина, а двадцать юнкеров – на первом этаже в другой квартире.

По утверждению княгини О.В. Палей: «Манифест тут же отнесли в Думу и вручили Милюкову. Тот пробежал его глазами, положил в портфель и сказал: “Интересная бумаженция”»[372]**372**
Палей О.В. Воспоминания о России. М., 2005. С. 28.

.

В исследовании историка Г.М. Каткова «Февральская революция» имеется примечание о судьбе этого манифеста: «В тот же день великий князь Михаил попросил Милюкова вычеркнуть его подпись»[373]**373**
Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997. С. 406.

.

Вероятно, великий князь Михаил Александрович первоначально уступил напору, а позднее поняв, что он недозволительно вмешался в дела государственной важности без согласования с императором, позвонил в Думу о снятии своей подписи.

Лидер кадетской партии П.Н. Милюков (1859–1943) об этом периоде времени и судьбе манифеста великих князей писал следующее: «На просьбы, обращенные к главнокомандующим фронтами – поддержать перед царем обращение председателя Думы, – Родзянко получил от генералов Брусилова и Рузского ответные телеграммы, что его просьба исполнена. Генерал Алексеев также настаивал, вместе с великим князем Николаем Николаевичем, на “принятии решения, признаваемого нами единственным выходом при создавшихся роковых условиях”, то есть на составлении ответственного министерства. В том же смысле составлено было заявление (*имеется в виду манифест великих князей. – В.Х.*), подписанное великими князьями и доставленное во Временный Комитет Государственной Думы»[374]**374**
Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 48.

.

Английский посол Дж. Бьюкенен также приводит весьма любопытные сведения: «В среду 14-го (*1 марта по старому стилю. – В.Х.*), великий князь Михаил, проживавший на частной квартире около посольства, попросил меня зайти к нему. Он сказал мне, что несмотря на случившееся в Бологом, он все-таки ожидает, что Государь приедет в Царское около 6-ти вечера и что Родзянко предложит Его Величеству для подписи манифест (*имеется в виду манифест великих князей. – В.Х.*), дарующий конституцию и возлагающий на Родзянко избрание членов нового правительства. Сам он, вместе с великим князем Кириллом, приложили свои подписи к проекту манифеста, чтобы придать просьбе Родзянки больше весу.

Его Высочество прибавил, что надеется повидать Государя вечером, и спросил, не имею ли я чего-нибудь передать ему. Я ответил, что только прошу его убедить Государя во имя короля Георга, который так горячо любит Его Величество, подписать манифест, выйти к народу и искренно примириться с ним. Но в то время как я разговаривал с великим князем, предложенный манифест был уже отвергнут Советом, и было решено требовать отречения Государя»[375]**375**
Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Т. 2. Берлин, 1924. С. 50–51.

.

Великий князь Михаил Александрович 1 марта 1917 г. записал в дневнике: «Утром обходили квартиры дома Преображенцы, к нам не вошли, княгиня очень волновалась. В 12BS ч. пришла и депутация в числе нескольких офицеров и присяжного поверенного Иванова. Они просили меня подписаться под проектом манифеста, где уже были подписи д. П[авла] и К[ирилла]. В манифесте этом Государь даровал полную конституцию. Днем были Воронцовы и Врангель. Вечером был Клопов, который пробыл до 3BS ч. ночи. Я написал письмо Родзянко. На улицах продолжалась, как вчера, та же езда на автомобилях, стрельба. Преображенцы (*запасной батальон, сам полк находился на фронте. – В.Х.*) проходили с музыкой. Слышали о нескольких убийствах по соседству, совершенных солдатами, между прочим гр. Штакельберга. Ники должен был приехать сегодня из Ставки, но не приехал, и неизвестно было, где находится поезд, по слухам говорили, что поезд в Бологом. Вся власть сосредоточилась в руках Временного комитета [Государственной Думы], которому очень тяжело, в виду сильного давления на него со стороны Союза (*правильно Совета. – В.Х.*) рабочих и солдатских депутатов. Родзянко должен был ко мне приехать, но не мог этого исполнить. Алеша [Матвеев] пришел

около 2 ч. и остался на ночь. Вечером пришел [великий князь] Н[иколай] М[ихайлович]»[376]**376**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 59–59 об.

.

Разговор с М.В. Родзянко по телефону многое прояснил для великого князя Михаила Александровича. Через визиты на Миллионную, 12, и другие источники сложилась картина, что происходит в Петрограде, что поезд императора не пропущен в Царское Село. От Родзянко он узнал, что тот готовится ехать к Государю навстречу, добиться нового правительства и новой конституции. Михаил Романов посочувствовал этому намерению и старался, чтобы все договорились, и все бы кончилось миром. В итоге М.В. Родзянко просил в очередной раз содействия со стороны великого князя.

По некоторым свидетельствам очевидцев, 1 марта 1917 года великий князь Михаил Александрович послал на имя императора следующую телеграмму: «Забыв все прошлое, прошу тебя пойти по новому пути, указанному народом. В эти тяжелые дни, когда мы все, русские, так страдаем, я шлю тебе от всего сердца этот совет, диктуемый жизнью и моментом времени, как любящий брат и преданный русский человек»[377]**377**
Никитин Б.В. Роковые годы. (Новые показания участника). Париж, 1937. С. 201.

.

Относительно намерения М.В. Родзянко встретиться с царем следует пояснить. Временный комитет Государственной думы (ВКГД) решил послать в Бологое, где на тот момент находился поезд с императором, делегацию из трех человек. Должны были ехать Родзянко, Шидловский и меньшевик Чхеидзе. Член Думы Савич спросил, есть ли гарантия того, что делегация вернется благополучно в столицу и ее не арестуют в Бологом. В результате они передумали ехать и предпочли остаться в Петрограде.

События этого дня, появление и судьба «манифеста великих князей», составление телеграммы Михаилом Александровичем и отправка ее в адрес Николая II, нашли отражение в рукописных воспоминаниях присяжного поверенного Н.Н. Иванова, который в них поведал: «После подписания “Манифеста великих князей” за Государя, состоявшегося 1 марта 1917 года, великий князь Михаил Александрович просил меня вечером заехать к нему.

Попал я на Миллионную улицу, 12, уже к ночи. У великого князя сидели секретарь Джонсон, его управляющий – присяжный поверенный Матвеев и какой-то штатский старичок, по фамилии, кажется, Чехович (*это был чиновник А.А. Клопов. – В.Х.*).

Великий князь просил меня рассказать о судьбе подписанного манифеста, о виденном мною за день и о настроениях, как в Таврическом дворце, так и в Петрограде.

Мне пришлось ответить, что "Манифест великих князей" принадлежит уже истории. Настроения Таврического дворца диктуются не теми, кто считаются руководителями движения, а в значительной степени улицей и какими-то закулисными силами. Роль Временного комитета Государственной Думы не возрастает, а падает. Родзянко, Керенский и иже с ними вынуждены вертеться как волчки на бурных волнах и легализовать все, что приносит народная толпа. Во что выльется хотя бы ближайший день, никто не взялся бы предсказать…

– Как вы думаете, что идет? – спросил меня великий князь.

– По совести, не вижу. Сознаю только, что совершается что-то важное и страшное.

– Вы ждете крови?

– Страшное не в крови сегодняшнего дня. О, если бы все ограничилось сегодняшней кровью, тогда не жаль было бы никакой жертвы.

– А вы что думаете? – обратился великий князь к штатскому старичку, которого я называю Чеховичем.

С живостью и бойкостью начал говорить Чехович. Он показался мне по всем речам этого дня симпатичным либералом земского склада характера. Происходит то, чему давно время, и то, чему следовало случиться после войны, случилось сегодня. Сожалеть ли об этом? Не сожалеть, если немедленно будут приняты нужные действия сверху, чтобы не разразилась катастрофа безвластия или анархии. Конечно, катастрофа не придет немедленно, есть еще время, и нужно его использовать.

Михаил Александрович прервал его.

– Я не понимаю брата. Не знаю, что он думает. Боюсь, что ему не все известно. Такая ясная обстановка. Надо идти навстречу народу. Думаете ли вы, что будет

полезно, если я напишу Государю телеграмму? – снова спросил меня великий князь.

– Телеграмма ваша может, полагаю, быть очень важной, если вам удастся вложить в нее нужное и убедительное содержание, – ответил я.

– Я напишу ему, что вижу и что думаю. Или давайте напишем вместе. А удастся переслать?

– За пересылку ручаюсь. Текст телеграммы я сейчас же отвезу в Таврический [дворец] и его немедленно передадут Государю. А составление Ваше Высочество должны взять исключительно на себя. Литературный, дипломатический язык в таком обращении не нужен. Государь должен сразу видеть, что это телеграмма вашего сердца. Ни на одну секунду не должно быть у него и тени подозрения, что вы писали под каким-либо давлением, ведь для него вы пишите из очага революции…

Минут двадцать прошло, когда он вернулся с небольшим листком бумаги и передал его мне.

Ровным четким почерком было набросано рукою великого князя несколько строк. Не помню теперь точного содержания телеграммы, но отлично помню, как меня остановила на себе и привлекла сердечность обращения. Михаил Александрович просил брата и царя со всей доброжелательностью и искренностью пойти навстречу народу, и просьба была облечена и нежностью брата, и привязанностью верноподданного. …

Я весь вечер всматривался в лицо и глаза великого князя, изучая их, запоминал. Он говорил от всей души, но до этого момента все его взгляды и движения губ обволакивались привычками царского воспитания. Сейчас придворная маска была сброшена, и я увидел выражение, которое мог определить резко словом "умиление".

"Образ царя Федора Ивановича!" – мелькнуло у меня в голове…

Я взял телеграмму и уехал.

В Таврическом [дворце] переписал копию и сдал ее М.В. Родзянко, показав подлинник и прося распорядиться немедленной передачей Государю. Подлинник оставил у себя, видя, что все равно его в этой суматохе затеряют»[378]**378**
ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 369. Л. 1–3 об.

.

Вечером на квартиру князей Путятиных пришел великий князь Николай Михайлович (1859–1919), переодетый в простолюдина, хотя из своего дворца по ту сторону Миллионной ему надо было всего только улицу пересечь. Он только недавно вернулся из домашней ссылки, из*censored*сонской губернии, куда был отправлен императором за интриги и лишние разговоры. Страстный историк и мятежный по натуре, великий князь был не столько удручен событиями, сколько обрадован ими, что присутствует при них, принимает участие в них, сможет описать. Хотя Николай Михайлович и сознавал ответственность перед историей, но что делать, так толком и не посоветовал своему родственнику.

Никто не ожидал революции с такими катастрофическими последствиями. На начальной стадии беспорядков достаточно было кому-то из великих князей возглавить твердой рукой верные еще полки, и события могли принять совершенно иной характер.

Схожий взгляд на ситуацию высказывал депутат Думы С.И. Шидловский: «Общее впечатление у меня осталось от этого времени такое, что, если бы во главе петроградского начальства стояли более энергичные лица, и в их распоряжении были сравнительно не особенно крупные воинские части, спаянные дисциплиною и воинским духом, то в несколько дней Февральская революция была бы подавлена. Было ли бы это лучше, весьма сомнительно, так как этим только была бы подавлена данная вспышка, а отнюдь не устранена неминуемость революции, без которой, по моему мнению, не могло быть ликвидировано то положение, в котором находилась тогда Россия»[379]**379** Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 58.

.

Вместо поддержки императора великий князь Кирилл Владимирович предпринял действия, которые можно приравнять к предательству. Дворцовый комендант, генерал-майор В.Н. Воейков (1868–1947) писал по этому поводу в воспоминаниях:

«Великий князь Кирилл Владимирович, с царскими вензелями на погонах и красным бантом на плече, явился 1 марта в 4 часа 15 минут дня в Государственную Думу, где отрапортовал председателю Думы М.В. Родзянко:

“Имею честь явиться вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России”, – причем заявил, что Гвардейский экипаж в полном распоряжении Государственной Думы»[380]**380** Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 208.

.

Двадцать лет спустя великий князь Кирилл Владимирович (1876–1938) в мемуарах объяснял свой роковой шаг как попытку поддержать дисциплину в рядах своих подчиненных следующими обстоятельствами: «Один из моих батальонов нес охрану императорской семьи в Царском Селе, но положение в столице стало чрезвычайно опасным, и я приказал ему вернуться в столицу. Это были чуть ли не единственные преданные войска, которым можно было доверить наведение порядка, если бы ситуация еще более ухудшилась. Государыня согласилась на эту вынужденную меру и в Царское были отправлены другие войска, хорошо справлявшиеся со своими обязанностями.

Столичные военачальники отдавали противоречивые приказы. То они посылали солдат занимать какие-то улицы, то предпринимали еще что-нибудь столь же бесполезное, тогда как единственным верным шагом было бы передать всю полноту власти военным. Только это могло спасти положение. Одного – двух полков с фронта было бы достаточно, чтобы в несколько часов восстановить порядок. …

Я должен был решить, следует ли мне подчиниться приказу правительства и привести моих матросов к Думе или же подать в отставку, бросив их на произвол судьбы в водовороте революции… Меня заботило только одно: любыми средствами, даже ценой собственной чести, способствовать восстановлению порядка в столице, сделать все возможное, чтобы Государь мог вернуться в столицу.

Правительство еще не стало откровенно революционным, хотя и склонялось к этому. Как я говорил, оно оставалось последней опорой среди всеобщего краха. Если бы Государь вернулся с верными ему войсками и был восстановлен порядок, то все можно было бы спасти. Надежда пока еще оставалась. …

Итак, я направился к Думе во главе батальона Гвардейского экипажа. По пути нас обстреляли пехотинцы, и я пересел в автомобиль.

В Думе царило “вавилонское столпотворение”. … В этой тягостной атмосфере я провел остаток дня под охраной своих матросов. Поздно вечером ко мне в комнату зашел студент Горного института и сказал, что меня ждет машина, и я могу ехать»[381]**381**
Вел. кн. Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996. С. 238–239, 241–242.

.

Первую резкую оценку действий великого князя Кирилла Владимировича дала императрица Александра Федоровна в своих письмах к Николаю II. Так, в письме от 2 марта 1917 г. она указывала: «Кирилл ошалел, я думаю: он ходил к Думе с Экип[ажем] и стоит за них. Наши тоже оставили нас (Экип.), но офицеры вернулись, и я как раз посылаю за ними»[382]**382**
Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917 гг. Т. V. М.-Л., 1927. С. 230.

. В другом письме от 3 марта она сообщает супругу: «В городе муж Даки (*имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович. – В.Х.*) отвратительно себя ведет, хотя и притворяется, будто старается для монарха и родины»[383]**383**
Там же. С. 231.

.

Так, например, газета «Русская Воля» поместила на своих страницах следующую информацию:

«**Великий князь Кирилл Владимирович в Гос. Думе.**

1 марта, в 4 часа 15 минут дня, в Таврический дворец приехал великий князь Кирилл Владимирович.

Великого князя сопровождали адмирал, командующий Гвардейским экипажем и эскорт из нижних чинов Гвардейского экипажа.

Великий князь прошел в Екатерининский зал, туда же был вызван председатель Гос. Думы М.В. Родзянко. Обращаясь к председателю Гос. Думы, великий князь Кирилл Владимирович заявил:

– Имею честь явиться к вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам Гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий, и теперь я могу заявить, что весь Гвардейский флотский экипаж в полном распоряжении Гос. Думы.

Слова великого князя были покрыты криками “ура”.

М.В. Родзянко поблагодарил великого князя и, обратившись к окружающим его солдатам Гвардейского экипажа, сказал:

– Я очень рад, господа, словам великого князя. Я верил, что Гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке, выполнят свой долг, помогут справиться с общим врагом и выведут Россию на путь победы.

Слова председателя Гос. Думы были также покрыты криками “ура”.

Затем М.В. Родзянко, обратившись к великому князю, спросил, угодно ли ему будет остаться в Гос. Думе? Великий князь ответил, что к Гос. Думе приближается Гвардейский экипаж в полном составе, и что он хочет представить его председателю Гос. Думы.

– В таком случае, – заявил М.В. Родзянко, – когда я вам понадоблюсь, вы меня вызовете.

После этого М.В. Родзянко возвратился в свой кабинет. В виду того, что все помещения Гос. Думы заняты, представители комитета петроградских журналистов предложили великому князю пройти в их комнату.

Вместе с великим князем в комнату журналистов прошли адмирал Гвардейского экипажа и адъютант великого князя»[384]**384**
Русское Слово. 1917 г. 5 марта.

.

Появление великого князя Кирилла Владимировича с Гвардейским экипажем под красным флагом 1 марта у Государственной Думы (еще до отречения императора Николая II) имело большое психологическое и деморализующее влияние на офицеров и воинские части, державших нейтралитет к происходившим событиям, а также на сторонников самодержавия. Многие из

современников событий свидетельствовали и открыто говорили о «позорном поведении» великого князя.

Осуждение поступка Кирилла Владимировича можно найти во многих эмигрантских мемуарах. Графиня М.Э. Клейнмихель (1846–1931), описывая первые дни Февральской революции, сетовала: «На следующее утро я вышла узнать, что происходит. Я узнала новости, радостные для одних и горестные для других; я слыхала много речей, и когда я увидела во главе Гвардейского экипажа великого князя Кирилла Владимировича, революционная осанка которого восхищала солдат, я поняла, что династии нанесен тяжелый удар. Впоследствии говорили, что великому князю посоветовал так поступить английский посол. Я уверена, что Кирилл не раз, впоследствии, в этом раскаивался»[385]**385**

Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Пер. с фр. Берлин, б/д. С. 272–273.

.

Однако наиболее справедливое замечание по поводу этого события высказал бывший начальник штаба «Дикой дивизии» П.А. Половцов: «Из числа грустных зрелищ, произведших большое впечатление, нужно отметить появление Гвардейского Экипажа с красными тряпками, под предводительством великого князя Кирилла Владимировича. Нужно заметить, что в Думе ясно обозначилось два течения: одни хотели сохранить идею какой-то закономерной перемены власти с сохранением легитимной монархии, другие хотели провозглашать немедленно низложение династии. Появление великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли. А неделю спустя это впечатление было еще усилено появлением в печати интервью с великим князем Кириллом Владимировичем, начинавшееся словами: “мой дворник и я мы одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все”, и кончавшееся заявлением, что великий князь доволен быть свободным гражданином и что над его дворцом развивается красный флаг. А про разговоры, якобы имевшие место между великим князем и Родзянко, по Думе ходили целые легенды»[386]**386**

Половцов П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 29.

.

В стенах Государственной думы, надо заметить, великого князя Кирилла Владимировича приняли весьма любезно, т. к. еще до его прибытия в комендатуре Таврического дворца уже было известно о разосланных им записках начальникам частей Царскосельского гарнизона, гласивших: «Я и вверенный мне Гвардейский экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам. Командир Гвардейского экипажа Свиты Его Величества контр-адмирал *Кирилл*»[387]**387**
Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 208.

.

Между прочим, стоит отметить, что моряки Гвардейского экипажа заняли Николаевский и Царскосельский вокзалы в Петрограде, чтобы воспрепятствовать прибытию войск, верных царю[388]**388**
См.: Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. М., 1932.

.

Комендант Таврического дворца полковник Г.Г. Перетц писал: «Днем (*1 марта. – В.Х.*) был занят революционными войсками Зимний дворец, и над ним вместо императорского штандарта взвился красный флаг свободы. Замечательно, что событие это по времени совпало с тем моментом, когда в Зимний дворец тридцать шесть лет тому назад был привезен умирающий Александр II и над дворцом взвился черный флаг.

В 4 ч. 15 м. в Таврический дворец приехал великий князь Кирилл Владимирович. Его сопровождали адмирал, командовавший Гвардейским экипажем, и эскорт чинов Гвардейского экипажа.

Великий князь прошел в Екатерининский зал, куда был приглашен председатель Гос. Думы М.В. Родзянко. Обратившись к последнему, Кирилл Владимирович отрапортовал:

– Имею честь явиться к Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам (*правильно матросам. – В.Х.*) Гвардейского экипажа, разъяснил им значение происходящих событий и теперь я могу заявить, что весь Гвардейский экипаж в полном распоряжении Гос. Думы.

Эти слова покрыты были громкими криками “ура”.

М.В. Родзянко поблагодарил великого князя и, обратившись к окружавшим его солдатам, сказал:

– Я очень рад, господа, словам великого князя, я верил, что Гвардейский экипаж, как и все остальные войска, в полном порядке выполнят свой долг, помогут справиться с собственным врагом и выведут Россию на путь победы!

Затем М.В. Родзянко обратился к великому князю и спросил:

– Угодно ли вам будет остаться в Гос. Думе?

Великий князь ответил, что к Гос. Думе подходит Гвардейский экипаж в полном составе, и что он хочет представить его председателю Гос. Думы.

– В таком случае, – сказал М.В. Родзянко, – когда я вам понадоблюсь, вы меня вызовите.

После этого великий князь прошел в комнату думских журналистов, где за стаканом чая по-товарищески беседовал с представителями печати. Когда же пришел Гвардейский экипаж, он вышел к своим солдатам и вместе с ними засвидетельствовал свою преданность народу.

Небезынтересно отметить, что 1 марта к зданию Государственной Думы с красными флагами, под звуки “Марсельезы”, прибыл среди прочих частей и петроградский жандармский дивизион также засвидетельствовать свою верность на службу народу»[389]**389**
Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 50–52.

.

Великий князь Кирилл Владимирович был первым из Императорской фамилии, нарушивший присягу царю и заявивший думским деятелям, что он и вверенный ему Гвардейский экипаж переходит на сторону Государственной думы и выражает радость по поводу свершившейся революции[390]**390**
Великие дни Российской революции 1917 г. Пг., 1917. С. 20, 27–28.

. Весть об этом событии получила широкое распространение и оказала известное влияние на дальнейшее поведение офицеров.

Данный факт не остался без внимания иностранных дипломатов. Так, французский посол в России М. Палеолог записал в дневнике: «Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя за Думу. Он сделал больше. Забыв присягу в верности и звание флигель-адъютанта, которое он получил от императора, он пошел сегодня в четыре часа преклониться пред властью народа. Видели, как он в своей форме капитана 1-го ранга отвел в Таврический дворец гвардейские экипажи, коих шефом он состоит, и представил их в распоряжение мятежной власти»[391]**391**
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 353.

.

Интересно знать, вспоминал ли в это время великий князь Кирилл Владимирович о своей присяге императору, которую приносил 20 мая 1896 года в дни коронации Николая II в Москве, и сознавал ли позже тяжесть греха клятвоотступничества.

Стоит еще раз напомнить, что в дневнике Государя за 20 мая 1896 года имеется запись: «*20-го мая. Понедельник.* День стоял отличный, только было очень ветрено и поэтому пыльно. Поехали к обедне в Чудов монастырь; после молебна Кирилл [Владимирович] присягнул под знаменем Гвардейского Экипажа. Он назначен флигель-адъютантом…»[392]**392**
Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 146.

.

Слух о том, что великий князь Михаил Александрович добивается Российского престола, переполошил остальных членов Императорской фамилии. Великий князь Павел Александрович немедленно обратился за разъяснением к третьему участнику коллективно подписанного манифеста великих князей. В письме от 2 марта к великому князю Кириллу Владимировичу он писал: «Дорогой Кирилл. Ты знаешь, что я через Н.Н. (*имеется в виду Н.Н. Иванов. – В.Х.*) все время в контакте с Государственной Думой. Вчера вечером мне ужасно не понравилось новое течение, желающее назначить Мишу регентом. Это недопустимо, и возможно, что это только интриги Брасовой. Может быть, это только сплетни, но мы должны быть начеку и всячески, всеми способами, сохранить Ники

престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства. Переговори с Родзянко и покажи ему это письмо. Крепко тебя и Диску (*великая княгиня Виктория Федоровна*. – *В.Х.*) обнимаю.

Твой дядя *Павел*»[393]**393**
ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 174. Л. 1–1 об.

.

Одновременно, т. е. 2 марта 1917 года, великий князь Павел Александрович обратился с тревожным письмом к председателю Государственной думы М.В. Родзянко: «Глубокоуважаемый Михаил Владимирович, как единственный, оставшийся в живых сын Царя-Освободителя, обращаюсь к Вам с мольбой, сделать все от Вас зависящее, дабы сохранить конституционный престол Государю. Знаю, что Вы ему горячо преданы и что Ваш поступок проникнут глубоким патриотизмом и любовью к дорогой Родине. Я бы не тревожил Вас в такую минуту, если бы не прочитал в "Известиях" речь министра иностранных дел Милюкова и его слова о регентстве великого князя Михаила Александровича. Эта мысль о полном устранении Государя меня гнетет[394]**394**
Далее зачеркнуто: «и отравляет. Подумайте об армии на фронте, которая ему глубоко преданна. Это может создать».

. При конституционном правлении и правильном снабжении армии – Государь, несомненно, поведет войска к победе. Я бы приехал к Вам, но мой мотор реквизирован, а силы не позволяют идти пешком. Да поможет нам Господь и да спасет Он нашего дорогого царя и нашу Родину. Искренно Вас уважающий и преданный великий князь *Павел Александрович*».[395]**395**
ГА РФ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 161. Л. 1–1 об.

Супруга великого князя Павла Александровича княгиня О.В. Палей немедленно сообщила эту информацию царице Александре Федоровне. Короче говоря, далеко не все члены Императорской фамилии поддерживали эту идею. Надо полагать, что Михаил Романов, зная мнение своих родственников, нашел возможность успокоить их. Во всяком случае, великий князь Кирилл

Владимирович, бывший в курсе событий и знавший, где находится Михаил, в ответном письме Павлу Александровичу от 2 марта писал:

«Дорогой дядя Павел!

Относительно вопроса, который тебя беспокоит, до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно с тобой согласен, но Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомышленно с нашим семейством, он прячется и только сообщается секретно с Родзянко. Я был все эти тяжелые дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и Родиной, спасая положение, признавая новое правительство.

Обнимаю *Кирилл*»[396]**396**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2098. Л. 1; Ф. 644. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.

.

Это, по сути своей, явное предательство и нарушение присяги перед Государем не помешало впоследствии великому князю Кириллу Владимировичу самому провозгласить себя сначала блюстителем престола, а затем императором в изгнании.

Не стоит забывать, что правительства Франции и Великобритании поспешили в те мятежные дни 1917 года уведомить М.В. Родзянко о признании ВКГД «единственным законным временным правительством России»[397]**397**
Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 405.

.

Отрекался ли Михаил Романов от Российского престола?!

Во многих статьях и популярных книгах по истории революций бурного1917 года часто ошибочно утверждается, что младший брат царя Михаил Романов, в пользу которого «добровольно» отрекся от престола Николай II в дни февральской смуты, якобы тоже «добровольно» отказался от Российской короны. Попробуем с помощью архивных документов и других исторических источников разобраться в этом деле.

Волей случая Михаил Романов оказался последним императором на Российском престоле, если считать временем его «царствования» неполные сутки с 2 на 3 марта 1917 года. Его судьба овеяна таинственностью. Даже после своего условного «отречения» до решения Учредительного собрания (то есть до изъявления воли такого же своеобразного всенародного Земского собора, подобно, как и первый русский самодержец – Михаил Федорович из рода Романовых, избранный на царствование в смутное время 1613 года), он сохранял право на трон, что стоило ему жизни.

Михаил Романов не участвовал в интригах и заговорах против императора Николая II. Наоборот, он всячески пытался помочь ему в напряженные январские и февральские дни 1917 года в Петрограде. В дневниках царя и царицы имеются пометки о шести его посещениях в течение этого периода Александровского дворца в Царском Селе. Однако имя младшего брата царя в общественном мнении все чаще упоминается в комбинациях политического пасьянса различных конкурирующих партий и придворных группировок. В этой связи среди широких кругов столичной аристократии и интеллигенции все больше говорят о «политической роли» салона графини Н.С. Брасовой (1880–1952), морганатической супруги великого князя Михаила Александровича. Даже французский посол М. Палеолог (1859–1944) с возмущением писал: «Говорят, что графиня Брасова старается выдвинуть своего супруга в новой роли. Снедаемая честолюбием, ловкая, совершенно беспринципная, она теперь ударилась в либерализм. Ее салон, хотя и замкнутый, часто раскрывает двери перед левыми депутатами. В придворных кругах ее уже обвиняют в измене царизму, а она очень рада этим слухам, создающим ей определенную репутацию и популярность. Она все больше эмансипируется; она говорит вещи, за которые другой отведал бы лет двадцать Сибири…»[398]**398**
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 44–45.

.

Февральская революция (как эти события в России получили официальное название) застала Михаила Романова в Гатчине. Документы свидетельствуют, что он делал все возможное для того, чтобы спасти монархию, но отнюдь не для того, чтобы занять престол. Кратко напомним последовательность дальнейших событий. 27 февраля 1917 года его вызвал в Петроград председатель Государственной Думы М.В. Родзянко. По его просьбе Михаил Александрович связался по прямому проводу с царской Ставкой в Могилеве и ходатайствовал перед царем уступить требованиям Думы, создав «правительство доверия». Ответив через начальника штаба генерала М.В. Алексеева и поблагодарив

брата, Николай II отказался последовать совету. В дневнике в этот день великий князь записал: «*Гатчина и Петроград, 27 февраля, понедельник, начало анархии.*

В 5 ч. с экстренным поездом Дж[онсон] и я поехали в Петроград. В Мариинском дворце совещался с М.В. Родзянко, Некрасовым, Савичем, Дмитрюковым и потом пришли кн. Голицын, ген. Беляев и Крыжановский. Когда мы приехали в Петроград, то было сравнительно тихо, к 9 ч. стрельба по улицам уже началась и почти все войска стали революционными, старая власть больше не существовала, – в виду этого образовался временно-исполнительный комитет, кот. и начал отдавать распоряжения и приказания. В состав комитета входили: несколько членов Гос. Д[умы] под председ[ательством] Родзянко. Я поехал в 9 ч. на Мойку к военному мин. и передал по аппарату юзе ген. Алексееву (в Могилев) для передачи Ники, те меры, кот. принять немедленно для успокоения начавшейся революции, а именно отставка всего кабинета, затем поручить кн. Львову выбрать новый кабинет по своему усмотрению. Я прибавил, что ответ должен быть дан теперь же, т. к. время не терпит, каждый час дорог. Ответ был следующий: никаких перемен не делать до моего приезда в личном составе. Отъезд из Ставки назначен завтра к 2, 30 дня. – Увы, после этой неудачной попытки помочь делу, я собирался уехать обратно в Гатчину, но выехать нельзя было, шла сильная стрельба, пулеметная, также и ручные гранаты взрывались. В 3 ч. ген. Беляеву советовали переехать в Зимний дворец, где был ген. Хабалов команд[ующий] Петро[градского] воен. округа. К этому времени стихло. Дж[онсон] и я поехали в нашем моторе по Гороховой, по Набережной до Ник[олаевского] моста, затем налево, рассчитывая проехать на вокзал мимо Никола Морского, но тут мы поняли, что ехать дальше более, чем рискованно, – всюду встречались революционные отряды и патрули, – около церкви Благовещения нам кричали: стой, стой, но мы благополучно проскочили, но конвоирующий нас автомобиль был арестован. Ехать дальше нам не удалось, и мы свернули влево и решили ехать к Зимнему [дворцу]. Там был ген. Беляев и Хабалов в распоряжении кот. было около 1000 чел., часть батальона Преобр[аженского] п[олка], 1 рота Гвар[дейского] эк[ипажа] и 1 Донской каз[ачий] п[олк]. Мне удалось убедить генералов не защищать дворец, как ими было решено, и вывести людей до рассвета из Зимнего и этим избежать неминуемого разгрома дворца революционными войсками. Бедный ген. Комаров был мне очень благодарен за такое мое содействие. В 5 ч. Дж[онсон] и я решили покинуть Зимний и перешли на Миллионную, 12, к кн[ягини] Путятиной, где легли в кабинете у кн[ягини] на диванах»[399]**399**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 58.

.

Безуспешно попытавшись уехать обратно в Гатчину (дороги были заблокированы), Михаил Романов поздно вечером направился в Зимний дворец. Но здесь он вновь оказался в самом центре событий, среди возбужденного и плохо управляемого отряда последних вооруженных защитников самодержавия. Это был отряд, в котором находилась группа генералов (начальник Петроградского военного округа С.С. Хабалов, военный министр М.А. Беляев и др.), перешедших из здания Адмиралтейства в Зимний дворец. Михаил Романов отказался возглавить этот отряд. В последующие пять дней он, тайно скрываясь, но поддерживая тесную связь с Родзянко, проживал на квартире князя П.П. Путятина на Миллионной, 12.

По этому адресу Михаила Романова и нашел присяжный поверенный Н.Н. Иванов. Близкий по своим адвокатским делам к великому князю Павлу Александровичу, он, действуя под контролем Родзянко, был одним из авторов так называемого великокняжеского манифеста. Документ, текст которого был составлен в окружении Павла Александровича, являлся очередной попыткой спасти трон, уступив власть Думе. В этом манифесте, в частности, от имени царя, предполагалось провозгласить: «Поручаем Председателю Государственной думы немедленно составить Временный комитет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи…»[400]**400**

ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 367. Л. 10–11.

.

Однако «манифест» запоздал, революционные события развивались настолько стремительно, что уже на следующий день, 2 марта 1917 года, Родзянко поставил вопрос об отречении Николая II в пользу цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Михаила Александровича. Именно с этой просьбой он обратился к великому князю Михаилу Александровичу, убеждал его «повлиять» на Николая II.

В конечном итоге создается впечатление, что Родзянко скорее ставил в известность Михаила Романова о варианте отречения Николая II, чем просил его согласия. Документально не подтверждено, что Михаил Александрович дал

свое согласие на регентство, но именно с этим предложением и выехали в Псков к царю двое посланцев Думы – В.В. Шульгин и А.И. Гучков.

Разговор Николая II с представителями Думы описан Шульгиным в его широко известных мемуарах «Дни». Отречение Николая II за себя и несовершеннолетнего наследника Алексея в пользу брата Михаила явилось для них полной неожиданностью. Столь же неожиданным оно было и для великого князя.

Еще утром 2 марта 1917 года, выступая перед толпой в Екатерининском зале Таврического дворца, П.Н. Милюков, опережая события, поспешил объявить, что великий князь Михаил Александрович будет регентом и что решено установить в России конституционную монархию. Однако это заявление вызвало бурю негодования рабочих и солдат, собравшихся в Государственной думе. Милюков вынужден был сделать заявление, что он высказал только свое частное мнение.

Отречение императора Николая II в ночь со 2 на 3 марта от престола за себя и за несовершеннолетнего наследника сына Алексея в пользу брата Михаила явилось для всех полной неожиданностью. К тому же это было нарушением закона о престолонаследии. С дороги в Могилев (со станции Сиротино, что находится в 45 км западнее Витебска) 3 марта в 14 ч. 56 мин. Николай II посылает телеграмму брату, которая, однако, так к нему и не попала: «Петроград. Его Императорскому Величеству Михаилу Второму.

События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине.*Ники*»[401]**401**
Скорбный путь Михаила Романова. От престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. /Сост. В.М.Хрусталев, Л.А.Лыкова. Пермь, 1996. С. 41. «Иллюстрированная Россия» (Париж). № 3. С. 5.

.

Позднее А.Ф. Керенский подробно описывал в воспоминаниях ход последующих событий, которые в своей сущности разоблачают двурушничество политиков от Временного правительства: «После объявления этой новости (*об отречении царя в пользу брата. – В.Х.*) наступила мгновенная тишина, а затем Родзянко заявил, что вступление на престол великого князя

Михаила невозможно. Никто из членов Временного комитета не возражал. Мнение собравшихся казалось единодушным.

Вначале Родзянко, а затем и многие другие, изложили свои соображения касательно того, почему великий князь не может быть царем… Слушая эти малосущественные аргументы, я понял, что не в аргументах как таковых дело. А в том, что выступавшие интуитивно почувствовали, что на этой стадии революции неприемлем любой новый царь.

Неожиданно попросил слова молчавший до этого Милюков. С присущим ему упорством он принялся отстаивать свое мнение, согласно которому обсуждение должно свестись не к тому, кому суждено быть новым царем, а к тому, что царь на Руси необходим. Дума вовсе не стремилась к созданию республики, а лишь хотела видеть на троне новую фигуру. В тесном сотрудничестве с новым царем, продолжал Милюков, Думе следует утихомирить бушующую бурю. В этот решающий момент своей истории Россия не может обойтись без монарха. Он настаивал на принятии без дальнейших проволочек необходимых мер для признания нового царя…

Время было на исходе, занималось утро, а решение так и не было найдено. Самым важным было не допустить – до принятия окончательного решения – опубликования акта отречения в пользу брата. По общему согласию заседание было временно отложено»[402]**402**
Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 149–150.

.

Не успели еще посланцы Думы – Гучков и Шульгин – доехать из Пскова до Петрограда, как на Миллионной, 12, в шесть часов утра 3 марта зазвонил телефон, пробудивший Михаила Александровича от сна. У телефона был А.Ф. Керенский. Дальнейшие события дошли до нас в изложении великого князя Андрея Владимировича со слов члена Государственной Думы и атамана Терского казачьего войска М.А. Караулова: «Керенский объявил ему об отречении и спросил, знает ли он что-либо по этому поводу. Миша ответил, что ничего не знает. Тогда Керенский спросил, может ли Миша принять его и других членов Думы и, получив согласие, обещал быть через час, но приехали через три, так как Родзянко и князь Львов задержались на прямом проводе в разговорах с Алексеевым. …»[403]**403**
«Позорное время переживаем». Из дневника великого князя Андрея

Владимировича. /Публикация Хрусталева В.М. и Осина В.М. // Источник. 1998. № 3. С. 53.

.

Есть свидетельство известного уже нам присяжного поверенного Н.Н. Иванова, как развивались события, когда Михаил Романов мог самостоятельно принять решение. Как прошли те несколько часов, которые предоставила ему история. Н.Н. Иванов позднее писал в рукописных воспоминаниях: «Помню, как мы завтракали и обедали вместе с приехавшей из Гатчины супругой великого князя – графиней Брасовой (*по дневниковым записям великого князя в эти дни сведения о Брасовой не подтверждаются. – В.Х.*). Помню замешательство Михаила Александровича, узнавшего об отречении брата от престола. Помню его смущение, охватившее его, когда ему заявили, что престол перешел к нему. Теперь около него была графиня Брасова (*предположительно это была графиня Л.Н. Воронцова-Дашкова, которая посещала в эти дни квартиру Путятиных. – В.Х.*), с которой он мог совещаться, но из посторонних, неофициальных лиц, с которыми он мог бы свободно обменяться мнением, остался один я, и как бы уже по привычке, и в новом своем положении великий князь подолгу говорил со мной и не знал, на что решиться.

Нежелание брать верховную власть, могу свидетельствовать, было основным его, так сказать, желанием. Он говорил, что никогда не хотел престола, и не готовился, и не готов к нему. Он примет власть царя, если все ему скажут, что отказом он берет на себя тяжелую ответственность, что иначе страна пойдет к гибели.

И помимо всего он не согласится сесть на штыки. Сейчас он видит в России только штыки…

Он переживал сильные колебания и волнение. Ходил из одной комнаты в другую. Убегал куда-то в глубь квартиры. Неожиданно возвращался. И опять говорил и ходил. Или просил говорить. Он осунулся за эти часы. Мысли его метались. Он спрашивал и забывал, что спросил.

– Боже мой, какая тяжесть – трон! Бедный брат! У них пойдет, пожалуй, лучше без меня… Как вам нравится князь Львов? Умница, не правда ли? А Керенский – у него характер. Что это он, всегда такой, или это революция его?.. Он, пожалуй, скрутит массу.

На несколько часов он замолчал. Можно было много раз подряд спрашивать – вопросы не доходили до него. И тогда к нему начало возвращаться внутреннее спокойствие. Он стал выглядеть как-то деловитее.

– Что вы решили? – спросил я его коротко до отречения.

– Ах! – провел он рукою по лбу с несвойственной ему открытостью. – Один я не решу. Я решу вместе с этими господами.

Он имел в виду представителей новой власти.

Очевидно, это и было успокоившее его решение»[404]**404**
ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 369. Л. 3–4.

.

Имеется еще одно малоизвестное свидетельство об этих событиях графини Людмилы Николаевны Воронцовой-Дашковой. Она вспоминала: «В мыслях всех был один вопрос – что делать Михаилу Александровичу? Отказаться от престола и тогда вся власть перейдет к Государственной думе, или взять на себя бремя власти?

– Ко мне приходили члены Думы, но у них нет единодушия, – обращаясь к нам, сказал великий князь тоном человека, чувствующего всю тяжесть ответственности…

Михаил Александрович проговорил:

– Нет, я думаю, графиня, если я так поступлю, польется кровь и я ничего не удержу. Все говорят, если я не откажусь от трона, начнется резня и тогда все погибнет в анархии…

Я до сих пор уверена, что нерешительность Михаила Александровича выявилась только потому, что ни в ком из окружавших его он не видел железной решимости идти до конца. Одни молчанием подтверждали правильность его отрицательного решения, другие открыто это поддерживали. Думаю, что момент физического страдания (*обострение болезни язвы желудка. – В.Х.*) играл тоже роль в принятии отрицательного решения. Боли по временам были настолько сильны, что Михаилу Александровичу было трудно говорить»[405]**405**
ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 21 об.–22.

.

Сам А.Ф. Керенский описывал эти события в своих мемуарах и многочисленных других работах, но всякий раз со значительными смысловыми разночтениями. Сопоставим по возможности эту информацию. В воспоминаниях «Россия на историческом повороте» он, в частности, указывал: «Когда Родзянко вернулся в Думу после своего телефонного разговора с Алексеевым, мы решили связаться с великим князем, который, возвратившись из Гатчины, остановился у княгини Путятиной в доме № 12 по Миллионной, и информировать его о событиях минувшей ночи. Было 6 утра, и никто не решился обеспокоить его в столь ранний час. Но в такой ответственный момент вряд ли стоило думать о соблюдении этикета, и я решил сам позвонить домой княгине. Должно быть, там все уже были на ногах, поскольку на мой звонок немедленно ответил личный секретарь и близкий друг великого князя, англичанин Джонсон. Я объяснил положение и спросил, не согласится ли великий князь принять нас утром между 11 и 12 часами. Утвердительный ответ последовал через несколько минут.

Во время обсуждения вопроса о том, какую позицию нам следует занять на встрече с великим князем, большинство высказалось за то, чтобы разговор от нашего имени вели Родзянко и князь Львов, а остальные бы присутствовали в качестве наблюдателей.

Однако, как я и предполагал, с возражением против этого выступил Милюков, сказавший, что он имеет право, как государственный деятель и как частное лицо, в этот жизненно важный момент истории России высказать великому князю свою собственную точку зрения. После краткой дискуссии по моей инициативе было решено предоставить Милюкову столько времени для изложения его взглядов великому князю, сколько он сочтет необходимым»[406]**406**

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 150–151.

.

А.Ф. Керенский позднее писал несколько иначе в своей широко известной за рубежом книге «Русская революция 1917», а теперь переизданной в России, следующее: «Почти до наступления дня мы продолжали обсуждать вопрос с

Милюковым, пока еще не зная, насколько сам Михаил Александрович осведомлен о происходящем. В любом случае следовало предупредить его планы, каковы б они ни были, пока мы сами не найдем решение.

Великий князь находился на частной квартире своих друзей в доме 12 на Миллионной. Разузнали номер телефона, и совсем ранним утром я попросил меня соединить. Ответили сразу. Как я и предполагал, окружение великого князя, следившее за развитием событий, всю ночь не ложилось в постель.

– Кто у аппарата? – спросил я.

Это был адъютант Его Императорского Высочества.

Представившись, я попросил адъютанта предупредить великого князя, что Временное правительство предполагает через несколько часов прибыть для переговоров с ним и просит до этого не принимать никакого решения.

Адъютант обещал немедленно передать.

В тот же ранний час мы договорились, наконец, отправиться к великому князю, не дожидаясь возвращения Гучкова и Шульгина, несколько задержавшихся на обратном пути в Петроград. Было решено, что великий князь должен отречься и передать верховную власть Временному правительству, пока Учредительное собрание окончательно не определит форму правления. Милюков заявил, что немедленно выйдет из Временного правительства, если ему не позволят изложить великому князю мнение меньшинства. Мы согласились»[407]**407** Керенский А.Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 69.

.

Один из активнейших участников Февральской революции и Временного правительства Н.В. Некрасов (1879–1940) позднее после своего ареста в 1921 году показывал следователям ВЧК: «Как известно, одним из первых дел пред Временным правительством встал вопрос о признании или непризнании Михаила царем в силу отречения Николая. Кроме Милюкова и Гучкова, все члены Временного правительства высказались за отречение Михаила. Текст отречения был составлен мною и мною прочитан Михаилу на совещании его с Временным правительством утром 3 марта. Как известно, Михаил последовал совету большинства и отрекся, но с этого основного разногласия началась борьба, кончившаяся через два месяца уходом и Милюкова и Гучкова. Наши разногласия имели место, в сущности говоря, почти по всем основным

вопросам, выдвинутым революцией, но в этот период особенно резко определились два – об отношении к Советам и о целях войны. Милюков настаивал на активном противодействии Советам, другая же группа, в том числе и я, находили необходимым во имя единства революции идти рука об руку с Советами, чтобы раздорами не воспользовалась реакция»[408]**408**
Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. // Вопросы истории. 1998. № 11–12. С. 20–21.

.

Великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. сделал краткую запись в дневнике: «В 6 ч. утра мы были разбужены телеф[онным] звонком. Новый мин[истр] юстиции Керенский мне передал, что Совет мин[истров] в полном его составе приедет ко мне через час. На самом деле они приехали только в 9BS ч.»[409]**409**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 60.

. Далее в дневнике за этот день оставлено чистое место, возможно, для дальнейших записей, которые так и не были сделаны.

Вернемся к дневнику великого князя Андрея Владимировича (1879–1956), который пересказал ход событий со слов их очевидца М.А. Караулова: «Когда все собрались у Миши, каждый изложил свою точку зрения на текущие события и все, кроме Милюкова, уговаривали Мишу отречься. Керенский наиболее ярко характеризовал момент. Он заявил, что поступился всеми своими партийными принципами ради блага отечества и лично явился сюда. Его могли бы партийные товарищи растерзать, но вчера ему удалось "творить волю партии" и ему доверяют. Вчера еще он согласился бы на конституционную монархию, но сегодня после того, что с церквей расстреливали город, негодование слишком сильное, и Миша, беря корону, становится под удар народного негодования, из-под которого вышел Ники. Успокоить умы теперь нельзя, и Миша может погибнуть, а с ним и они все. Милюков же настаивал на принятии, ссылаясь на исторические примеры, что от Самодержавия до Республики скачок слишком большой и опыты в этом направлении даром не проходили.

Выслушав всех, Миша заявил, что ему крайне трудно принять решение, раз между членами Думы нет единства во взглядах, и просил разрешения переговорить с Родзянко и князем Львовым наедине: Родзянко отказался, ссылаясь на то, что все должны присутствовать, но Караулов и Керенский

заявили, что надо дать Мише полную возможность принять свободное решение и против разговора с двумя лицами, не имеют, при условии, что Миша ни с кем посторонним разговаривать не будет даже по телефону. Потом Миша удалился с Родзянко и князем Львовым и через полчаса вышел обратно и заявил, что, памятуя пользу родины, он отрекается от своих прав до изъявления народной воли Учредительным собранием. Тогда выступил вперед Керенский и заявил в сильном волнении: “Ваше Императорское Высочество, я вижу, Вы честный человек!”

После этого было преступлено к составлению акта, причем Миша настоял, чтобы акт был редактирован не в виде Манифеста от имени императора, а в виде акта, исходящего от него как не императора, и все выражения “Мы” – заменил на “Я”. Обмен мнений длился около 3–4 часов. Волнение всех было большое. Один из членов совещания все пил холодную воду, другой нервно обтирал пот со лба. Даже Караулов, который уверяет, что всегда отличался крепкими нервами, и тот был взволнован. Насколько момент был тревожен, видно со слов Караулова. Акт об отречении Ники они не публиковали до окончательного решения вопроса с Мишей, чтоб избежать междувластия. Во время совещания все время посматривали в окно, не идет ли толпа, ибо боялись, что их могут всех прикончить, хотя поездка к Мише держалась в тайне. Боязнь контрреволюции у всех была большая, и первые дни не знали, кто возьмет верх»[410]**410**

«Позорное время переживаем». Из дневника великого князя Андрея Владимировича. Публикация Хрусталева В.М. и Осина В.М. // Источник. 1998. № 3. С. 53.

.

Великий князь Андрей Владимирович был профессиональным военным юристом и сквозь строки его дневника чувствуется по отношению к происходившим событиям горькая ирония и сарказм. Стоит с нашей стороны также заметить, что, как водится в нашем грешном мире: если бы “контрреволюция взяла верх” (т. е. сторонники прежней законной власти победили), то революции было бы другое наименование – мятеж или бунт в отдельном городе Петрограде. Он далее иронически писал в этой связи: «Больше всех удивлялся успеху революции китайский посланник. У них миллион голов отрубили и дело не закончили, а здесь убито всего около 200 человек, и он признал, что русский народ высоко культурен, хотя китайская [культура] и старше и лучше русской»[411]**411**

Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–

1917). М., 2008. С. 266.

.

3 марта в 10 часов утра в квартире князя Путятина началось совещание по обсуждению вопроса, объявлять ли возложение на себя Михаилом Романовым императорских обязанностей или не объявлять? Многие советовали Михаилу власть на себя не брать. Так, например, А.Ф. Керенский заявил: «Я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол… Я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества». Наоборот, в противовес большинству Милюков и Гучков убеждали, что Михаил Александрович не только может, но и обязан взять трон. Однако Михаил Романов, послушно выполнявший все указания, которые он получал от думского центра, после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего условного отречения от престола до решения этого вопроса Учредительным собранием.

Реконструируя ход совещания у великого князя Михаила Александровича, обратимся к дневнику французского посла Мориса Палеолога, который 4 марта 1917 года сделал следующую подробную запись со слов очевидцев: «Суббота, 17 марта (*дата указана по новому стилю, 4 марта по старому. – В.Х.*).

Погода сегодня утром мрачная. Под большими темными и тяжелыми облаками падает снег такими частыми хлопьями и так медленно, что я не различаю больше парапета, окаймляющего в двадцати шагах от моих окон обледенелое русло Невы: можно подумать, что сейчас худшие дни зимы. Унылость пейзажа и враждебность природы хорошо гармонируют с зловещей картиной событий.

Вот, по словам одного из присутствовавших, подробности совещания, в результате которого великий князь Михаил Александрович подписал вчера свое временное отречение.

Собрались в десять часов утра в доме князя Павла Путятина, № 12, по Миллионной.

Кроме великого князя и его секретаря Матвеева, присутствовали: князь Львов, Родзянко, Милюков, Некрасов, Керенский, Набоков, Шингарев и барон Нольде; к ним присоединились около половины десятого Гучков и Шульгин, прямо прибывшие из Пскова.

Лишь только открылось совещание, Гучков и Милюков смело заявили, что Михаил Александрович не имеет права уклоняться от ответственности верховной власти.

Родзянко, Некрасов и Керенский заявили, напротив, что объявление нового царя разнуздает революционные страсти и повергнет Россию в страшный кризис; они приходили к выводу, что вопрос о монархии должен быть оставлен открытым до созыва Учредительного собрания, которое самостоятельно решит его. Тезис этот защищался с такой силой и упорством, в особенности Керенским, что все присутствовавшие, кроме Гучкова и Милюкова, приняли его. С полным самоотвержением великий князь сам согласился с ним.

Гучков сделал тогда последнее усилие. Обращаясь лично к великому князю, взывая к его патриотизму и мужеству, он стал ему доказывать необходимость немедленно явить русскому народу живой образ народного вождя:

– Если вы боитесь, Ваше Высочество, немедленно возложить на себя бремя императорской короны, примите, по крайней мере, верховную власть в качестве "Регента империи на время, пока не занят трон", или, что было бы еще более прекрасным, титулом в качестве "Прожектора народа", как назывался Кромвель. В то же время вы могли бы дать народу торжественное обязательство сдать власть Учредительному собранию, как только кончится война.

Эта прекрасная мысль, которая могла еще все спасти, вызвала у Керенского припадок бешенства, град ругательств и угроз, которые привели в ужас всех присутствовавших.

Среди этого всеобщего смятения великий князь встал и объявил, что ему нужно несколько мгновений подумать одному, и направился в соседнюю комнату. Но Керенский одним прыжком бросился к нему, как бы для того, чтобы перерезать ему дорогу:

– Обещайте мне, Ваше Высочество, не советоваться с вашей супругой.

Он тотчас подумал о честолюбивой графине Брасовой, имеющей безграничное влияние на мужа. Великий князь ответил, улыбаясь:

– Успокойтесь, Александр Федорович, моей супруги сейчас нет здесь; она осталась в Гатчине.

Через пять минут великий князь вернулся в салон. Очень спокойным голосом он объявил:

– Я решился отречься.

Керенский, торжествуя, закричал:

– Ваше Высочество, вы – благороднейший из людей!

Среди остальных присутствовавших, напротив, наступило мрачное молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Львов и Родзянко, казались удрученными только что совершившимся, непоправимым. Гучков облегчил свою совесть последним протестом:

– Господа, вы ведете Россию к гибели, я не последую за вами на этом гибельном пути.

После этого Некрасов, Набоков и барон Нольде отредактировали акт временного и условного отречения, Михаил Александрович несколько раз вмешивался в их работу и каждый раз для того, чтобы лучше подчеркнуть, что его отказ от императорской короны находится в зависимости от позднейшего решения русского народа, предоставленного Учредительным собранием.

Наконец, он взял перо и подписал. В продолжение всех этих долгих и тяжелых споров великий князь ни на мгновенье не терял своего спокойствия и своего достоинства. До тех пор его соотечественники невысоко его ценили; его считали человеком слабого характера и ограниченного ума. В этот исторический момент он был трогателен по патриотизму, благородству и самоотвержению. Когда последние формальности были выполнены, делегаты исполнительного комитета не могли удержаться, чтобы не засвидетельствовать ему, какое он оставлял в них симпатичное и почтительное воспоминание. Керенский пожелал выразить общее чувство лапидарной фразой, сорвавшейся с его губ в театральном порыве:

– Ваше Высочество! Вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли»[412]**412**
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 362–365.

.

Теперь обратимся к свидетельствам непосредственных участников этого исторического события. Попытаемся сопоставить их с целью восстановить истинность всего происходившего.

Лидер кадетов П.Н. Милюков излагает свой взгляд хода совещания на Миллионной улице: «Свидание с великим князем состоялось на Миллионной, в квартире кн. Путятина. Туда собрались члены правительства, Родзянко и некоторые члены временного комитета. Гучков приехал позже. Входя в квартиру, я столкнулся с великим князем, и он обратился ко мне с шутливой фразой, не очень складно импровизированной: "А что, хорошо ведь быть в положении английского короля. Очень легко и удобно! А?" Я ответил: "Да, Ваше Высочество, очень спокойно править, соблюдая конституцию". С этим мы оба вошли в комнату заседания. Родзянко занял председательское место и сказал вступительную речь, – мотивируя необходимость отказа от престола! Он был уже, очевидно, распропагандирован – отнюдь не в идейном смысле, конечно. После него в том же духе говорил Керенский. За ним наступила моя очередь. Я доказывал, что для укрепления нового порядка нужна сильная власть – и что она может быть такой только тогда, когда опирается на символ власти, привычный для масс. Таким символом служит монархия. Одно Временное правительство, без опоры на этот символ, просто не доживет до открытия Учредительного Собрания. Оно окажется утлой ладьей, которая потонет в океане народных волнений. Стране грозит при этом потеря всякого сознания государственности и полная анархия. Вопреки нашему соглашению, за этими речами полился целый поток речей – и все за отказ от престола. Тогда, вопреки страстному противодействию Керенского, я просил слова для ответа – и получил его. Я был страшно взволнован неожиданным согласием оппонентов – всех политических мастей. Подошедший Гучков защищал мою точку зрения, но слабо и вяло. К этому моменту относится импрессионистское описание Шульгина, из которого я позволяю себе привести несколько строк: "Это была как бы обструкция… Милюков точно не хотел, не мог, боялся кончить. Этот человек, обычно столько учтивый и выдержанный, никому не давал говорить, он обрывал возражавших ему, обрывал Родзянку, Керенского, всех… Белый как лунь, лицом сизый от бессонницы, совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он каркал хрипло". Следует набор отрывочных фраз, отчасти взятых из моей первой речи. "Если это можно назвать речью, эта речь его была потрясающей"… Внешняя сторона здесь схвачена верно; но, конечно, Шульгин немножко преувеличил. В моем "карканье" была все-таки система. Я был поражен тем, что мои противники, вместо принципиальных соображений, перешли к запугиванию великого князя. Я видел, что Родзянко продолжает праздновать труса. Напуганы были и другие происходящим. Все это было так мелко в связи с важностью момента… Я признавал, что говорившие, может быть, правы. Может быть, участникам и самому великому князю грозит опасность. Но мы ведем большую игру – за всю Россию – и мы должны нести риск, как бы велик он ни был. Только тогда с нас будет снята ответственность за

будущее, которую мы на себя взяли. И в чем этот риск состоит? Я был под впечатлением вестей из Москвы, сообщенных мне только что приехавшим оттуда полковником Грузиновым: в Москве все спокойно и гарнизон сохраняет дисциплину. Я предлагал немедленно взять автомобили и ехать в Москву, где найдется организованная сила, необходимая для поддержки положительного решения великого князя. Я был уверен, что выход этот сравнительно безопасен. Но если он и опасен – и если положение в Петрограде действительно такое, то все-таки на риск надо идти: это – единственный выход. Эти мои соображения очень оспаривались впоследствии. Я, конечно, импровизировал. Может быть, при согласии, мое предложение можно было бы видоизменить, обдумать. Может быть, тот же Рузский отнесся бы иначе к защите нового императора, при нем же поставленного, чем к защите старого… Но согласия не было; не было охоты обсуждать дальше. Это и повергло меня в состояние полного отчаяния… Керенский, напротив, был в восторге. Экзальтированным голосом он провозгласил: “Ваше Высочество, вы – благородный человек! Теперь везде буду говорить это!”

Великий князь, все это время молчавший, попросил несколько минут для размышления. Уходя, он обратился с просьбой к Родзянко поговорить с ним наедине. Результат нужно было, конечно, предвидеть. Вернувшись к депутации, он сказал, что принимает предложение Родзянки. Отойдя ко мне в сторону, он поблагодарил меня за “патриотизм”, но… и т. д. Перед уходом обе стороны согласились поддерживать правительство, но я решил не участвовать в нем. …

В квартире на Миллионной приглашенные нами юристы, Набоков и Нольде, писали акт отречения. О незаконности царского отречения, конечно, не было и речи, – да, я думаю, они и сами еще не знали об этом. Отказ Михаила был мотивирован условно: “Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего”, выраженная Учредительным Собранием. Таким образом, форма правления все же оставалась открытым вопросом. Что касается Временного правительства, тут было подчеркнуто отсутствие преемника власти от монарха, и великий князь лишь выражал просьбу о подчинении правительству, “по почину Государственной Думы, возникшему и облеченному всей полнотой власти”. В этих двусмысленных выражениях заключалась маленькая уступка Родзянке: ни “почина” Думы, как учреждения, ни тем более “облечения”, как мы видели, не было.

Родзянко принял меры, чтобы отречение императора и отказ Михаила были обнародованы в печати одновременно. С этой целью он задержал напечатание

первого акта. Он, очевидно, уже предусматривал исход, а может быть, и сговаривался по этому поводу.

Временное правительство вступало в новую фазу русской истории, опираясь формально только на свою собственную “полноту власти”»[413]**413**
Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. М., 1990. С. 271–274.

.

В воспоминаниях А.Ф. Керенского дается несколько иное изложение хода совещания у великого князя Михаила Александровича: «В 11.00 [ч.] 4 марта (*правильно 3 марта. – В.Х.*) началась наша встреча с великим князем Михаилом Александровичем. Ее открыли Родзянко и Львов, кратко изложившие позицию большинства. Затем выступил Милюков, который в пространной речи использовал все свое красноречие, чтобы убедить великого князя занять трон. К большому раздражению Михаила Александровича Милюков попросту тянул время в надежде, что разделявшие его взгляды Гучков и Шульгин, вернувшись из Пскова, поспеют на встречу и поддержат его. Затея Милюкова увенчалась успехом, ибо они и впрямь подоспели к концу его выступления. Но когда немногословного Гучкова попросили высказать свою точку зрения, он сказал: “Я полностью разделяю взгляды Милюкова”. Шульгин и вовсе не произнес ни слова.

Наступило короткое молчание, и затем великий князь сказал, что он предпочел бы побеседовать в частном порядке с двумя из присутствующих. Председатель Думы, в растерянности бросив взгляд в мою сторону, ответил, что это невозможно, поскольку мы решили участвовать во встрече как единое целое. Мне подумалось, что коль скоро брат царя готов принять столь важное решение, мы не можем отказать ему в его просьбе. Что я и сказал. Вот каким образом я “повлиял” на выбор великого князя.

Снова воцарилась тишина. От того, кого выберет для разговора великий князь, зависело, каким будет его решение. Он попросил пройти с ним в соседнюю комнату Львова и Родзянко.

Когда они вернулись, великий князь Михаил Александрович объявил, что примет трон только по просьбе Учредительного собрания, которое обязалось созвать Временное правительство.

Вопрос был решен: монархия и династия стали атрибутом прошлого. С этого момента Россия, по сути дела, стала республикой, а вся верховная власть –

исполнительная и законодательная – впредь до созыва Учредительного собрания переходила в руки Временного правительства»[414]**414**
Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 151.

.

А.Ф. Керенский эти события в книге «Русская революция 1917» описал следующим образом: «Около десяти утра тронулись в автомобиле без сопровождения к Миллионной, приветствуемые по пути толпами. Нас встретил адъютант, проводил в гостиную. Вскоре появился великий князь, сильно озабоченный. Протянул всем руку, обменялись любезностями. Воцарилась неловкая тишина. Князь Львов и Родзянко сообщили великому князю мнение Временного правительства. Великий князь был очень взволнован, перевозбужден. Пришлось повторять ему многие фразы, он сам повторял какие-то слова. Затем пришла очередь Милюкова, официально участвовавшего в переговорах. Он говорил больше часа с полным спокойствием и хладнокровием, держа речь с явной надеждой на незамедлительное появление Гучкова и Шульгина, которые ему окажут могущественную поддержку. Они действительно вернулись к завершению его выступления, и переговоры с великим князем были на какое-то время отложены.

Мы рассказали им о новом повороте в развитии ситуации, а они в свой черед описали происходившее в Пскове. Кое с кем посовещавшись, Гучков приготовился поддержать Милюкова и объявил, что, если Михаил Александрович подчинится мнению большинства Временного правительства, он, Гучков, прекратит в нем работать. Наконец возобновились переговоры с великим князем. На сей раз слово взял Гучков, но говорил совсем в иной манере по сравнению с Милюковым, четко и кратко. Великий князь заметно утомился, начинал проявлять нетерпение. Когда Гучков закончил, великий князь неожиданно заявил, что хочет частным образом посоветоваться кое с кем из присутствующих, затем принять окончательное решение. Я боялся, что он обратится к Милюкову с Гучковым. Но он сказал:

– Мне хотелось бы побеседовать с князем Львовым и с Михаилом Владимировичем Родзянко.

Тяжесть свалилась с моих плеч, я сказал себе: “Если он хочет поговорить с ними, значит, уже готов отречься”.

Родзянко высказал какие-то возражения, настаивая на совместном обсуждении вопроса, не видя ничего хорошего в приватных консультациях. Бросил на меня

вопросительный взгляд, словно ждал разрешения. Я сказал, что мы полностью доверяем друг другу и не можем отказать великому князю в просьбе переговорить перед принятием серьезного решения с людьми, которым он особенно доверяет.

– По-моему, нам не следует отказывать великому князю, – таков был мой окончательный ответ.

Великий князь, князь Львов и Родзянко прошли в другую комнату, мы остались в гостиной. Старались уговорить Гучкова не выходить из Временного правительства даже в случае отречения Михаила Александровича хотя бы несколько дней, пока ему не найдется замена. Наконец он, подумав, вполне успокоился и, видимо, пришел к заключению, что Романовы больше не имеют возможности играть какую-либо роль в истории России.

Вскоре вернулись князь Львов и Родзянко. Через некоторое время за ними последовал великий князь, объявив о решении не брать на себя бремя правления и попросив составить проект отречения.

– Ваше Императорское Высочество, – сказал я, – вы совершаете благородный, поистине патриотический поступок. Обязуюсь довести это до всеобщего сведения и позаботиться о вашей всемирной защите от всех и вся.

Мы обменялись рукопожатием и с того момента сохраняли добрые отношения. Виделись, правда, с тех пор только раз в ночь отправки царя в Тобольск, но слышали от помощников и адъютантов взаимные отзывы друг о друге. Я не раз имел случай оказать услугу великому князю и старался несколько облегчить ему жизнь в новых условиях.

После заявления великого князя Родзянко и большинство министров удалились, а мы с князем Львовым и Шульгиным остались составлять акт отречения»[415]**415**
Керенский А.Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 69–71.

.

Участник этого совещания член IV Государственной думы С.И. Шидловский (1861–1922) позднее также дал некоторые уточнения: «Относительно условий, на которых ему надлежало согласиться вступить на престол, среди присутствующих не было единомыслия. Одни считали, что Михаилу Александровичу надлежит принять престол, безусловно, оговорив в манифесте

свое отношение к ответственному министерству и полной конституционной свободе, другие же полагали, что ему надлежит поставить свое согласие в зависимость от воли Учредительного собрания, как это и было им сделано в опубликованном им манифесте.

После долгих споров и рассуждений, которому из двух решений отдать преимущество, великий князь просил дать ему время обдумать свое решение и удалился во внутренние комнаты, пригласив с собою Родзянко и князя Львова.

Совещание их продолжалось около часа, по истечении которого Михаил Александрович вышел и объявил свою волю принять престол только в случае желания Учредительного собрания. После этого временный комитет уехал в Таврический дворец, и у великого князя осталось всего несколько человек для составления текста манифеста»[416]**416**
Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 88–89.

.

Председатель Государственной Думы М.В. Родзянко не оставил подробных воспоминаний об этом дне. Очевидно, ему сказать было уже нечего, т. к. после краха “нового демократического порядка” он оказался под огнем критики и монархистов, и демократов. Он оставил лишь общие рассуждения о своей позиции: «Таким образом, Верховная власть перешла якобы к великому князю Михаилу Александровичу, но тогда же возник для нас вопрос, какие настроения может вызвать такая совершенно неожиданная постановка вопроса и возможно ли воцарение Михаила Александровича, тем более, что об отказе за сына от престола в акте отречения не сказано ни слова.

Прежде всего, по действующему закону о престолонаследии царствующий император не может отказаться в чью-либо пользу, а может этот отказ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцарение тому лицу, которое имеет на то законное право, согласно акту о престолонаследии.

Таким образом, при, несомненно, возрастающем революционном настроении масс и их руководителей, мы, на первых же порах, получили бы обоснованный юридический спор о том, возможно ли признать воцарение Михаила Александровича законным. В результате получилась бы сугубая вспышка со стороны тех лиц, которые стремились опрокинуть окончательно монархию и сразу установить в России республиканский строй.

По крайней мере, член Государственной Думы Керенский, входивший в состав Временного Комитета Государственной Думы, без всяких обиняков заявил, что если воцарение Михаила Александровича состоится, то рабочие города Петрограда и вся революционная демократия этого не допустит.

Идти на такое положение вновь воцаряемого царя, очевидно, в смутное тревожное время было совершенно невозможно. Но что всего существенней – это то, что принимая в соображение настроения революционных элементов, указанные членом Государственной Думы Керенским, для нас было совершенно ясно, что великий князь процарствовал бы всего несколько часов, и немедленно произошло бы огромное кровопролитие в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне.

Для нас было ясно, что великий князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имел за собой. Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него»[417]**417** Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов-на-Дону, 1919. С. 45.

.

Позднее других на совещание на Миллионную улицу прибыли из Пскова А.И. Гучков и В.В. Шульгин. Последний из них также оставил пространное, облеченное в художественную своеобразную форму описание этого важного для истории России события: «Мы идем несколько шагов пешком. Вот двенадцатый номер. Вошли. Внутри – два часовых… Значит, есть какая-то охрана.

Поднялись… квартира Путятина… В передней ходынка платья. И несколько шепчущихся. Спрашиваю:

– Кто здесь?

– Здесь все члены правительства.

– Когда образовалось правительство?

– Вчера…

– Еще кто?

– Все члены Комитета Государственной думы… Идите – ждали вас…

– Великий князь здесь?

– Да…

Посредине между ними в большом кресле сидел офицер – моложавый, с длинным худым лицом… Это был великий князь Михаил Александрович, которого я никогда раньше не видел. Вправо и влево от него на диванах и креслах – полукругом, как два крыла только что провозглашенного мною монарха, были все, кто должны были быть его окружением: вправо – Родзянко, Милюков и другие, влево – князь Львов, Керенский, Некрасов и другие. Эти другие были: Ефремов, Ржевский, Бубликов, Шидловский, Владимир Львов, Терещенко, кто еще, не помню (*Шульгин забыл назвать М.А. Караулова и П.В. Годнева. – В.Х.*).

Гучков и я сидели напротив, потому что пришли последними…

Это было вроде как заседание… Великий князь как бы давал слово, обращаясь то к тому, то к другому:

– Вы, кажется, хотели сказать?

Тот, к кому он обращался, – говорил.

Говорили о том: следует ли великому князю принять престол или нет…

Я не помню всех речей. Но я помню, что только двое высказались за принятие престола. Эти двое были: Милюков и Гучков…

Направо от великого князя стоял диван, на котором ближе к великому князю сидел Родзянко, а за ним Милюков.

Пять суток нечеловеческого напряжения сказались… Ведь и Наполеон выдерживал только четыре… И железный Милюков, прячась за огромным Родзянко, засыпал сидя… Вздрагивал, открывал глаза и опять засыпал…

– Вы, кажется, хотели сказать?

Это великий князь к нему обратился.

Милюков встрепенулся и стал говорить.

Эта речь его, если можно назвать речью, была потрясающая…

Головой – белый как лунь, сизый лицом (от бессонницы), совершенно сиплый от речей в казармах и на митингах, он не говорил, а каркал хрипло…

– Если вы откажетесь… Ваше Высочество… будет гибель. Потому что Россия… Россия теряет… свою ось… Монарх… это – ось… Единственная ось страны… Масса, русская масса, вокруг чего… вокруг чего она соберется? Если вы откажетесь… будет анархия… хаос… кровавое месиво… Монарх – это единственный центр… Единственное, что все знают… Единственное общее… Единственное понятие о власти… пока… в России… Если вы откажетесь… будет ужас… полная неизвестность… ужасная неизвестность… потому что… не будет… не будет присяги… а присяга – это ответ… единственный ответ… единственный ответ, который может дать народ… нам всем… на то, что случилось… Это его – санкция… его одобрение… его согласие… без которого… нельзя… ничего… без которого не будет… государства… России… ничего не будет…

Белый как лунь, он каркал как ворон… Он каркал мудрые, вещие слова… самые большие слова его жизни…

И все же…

И все же он оставался тем, чем был… Милюковым…

Великий князь слушал его, чуть наклонив голову… Тонкий, с длинным, почти еще юношеским лицом, он был весь олицетворением хрупкости…

Этому человеку говорил Милюков свои вещие слова. Ему он предлагал совершить: подвиг силы беспримерной…

Что значит совет принять престол в эту минуту? …

Принять престол сейчас – значило во главе верного полка броситься на социалистов и раздавить их пулеметами. …

Керенский говорил:

– Ваше Высочество… Мои убеждения – республиканские. Я против монархии… Но я сейчас не хочу, не буду… Разрешите нам сказать совсем иначе… Разрешите вам сказать… как русский… – русскому… Павел Николаевич

Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете России… Наоборот… Я знаю настроение массы… рабочих и солдат… Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии… Именно этот вопрос будет причиной кровавого развала… И это в то время… когда России нужно полное единство… Пред лицом внешнего врага… начнется гражданская, внутренняя война… И поэтому я обращаюсь к Вашему Высочеству… как русский к русскому. Умоляю вас во имя России принести эту жертву!.. Если это жертва… Потому что с другой стороны… я не вправе скрыть здесь, каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол… Во всяком случае… я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества.

Он сделал трагический жест и резко отодвинул свое кресло. …

За принятие престола говорил еще Гучков.

Я, кажется, говорил последним. Я сказал:

– Обращаю внимание Вашего Высочества на то, что те, кто должны были быть вашей опорой в случае принятия престола, то есть почти все члены нового правительства, этой опоры вам не оказали… Можно ли опереться на других? Если нет, то у меня не хватит мужества при этих условиях советовать Вашему Высочеству принять престол…

Великий князь встал… Тут стало еще виднее, какой он высокий, тонкий и хрупкий… Все поднялись.

– Я хочу подумать полчаса…

Подскочил Керенский.

– Ваше Высочество, мы просим вас… чтобы вы приняли решение наедине с вашей совестью… не выслушивая кого-либо из нас… отдельно…

Великий князь кивнул ему головой и вышел в соседнюю комнату…

Образовались группы… /…/

Великий князь позвал к себе Родзянко. Против этого почему-то Керенский не протестовал. Родзянко пошел.

Кто-то подошел ко мне и сказал:

– Не грустите… существует легенда: будет царствовать Михаил и при нем буд…

Великий князь вышел… Это было около двенадцати часов дня… Мы поняли, что настала минута.

Он дошел до середины комнаты.

Мы столпились вокруг него.

Он сказал:

– При этих условиях я не могу принять престола, потому что…

Он не договорил, потому что… потому что заплакал…

Керенский рванулся:

– Ваше Императорское Высочество… Я принадлежу к партии, которая запрещает мне… соприкосновение с лицами императорской крови… Но я берусь… и буду это утверждать… перед всеми… да, перед всеми… что я… глубоко уважаю… великого князя Михаила Александровича…

Он сорвался и, наскоро одевшись, умчался… Кто-то объяснил мне, что он все время дрожал, что ворвутся… что напряжение очень сильно…

Великий князь ушел к себе. Стали говорить о том, как написать отречение.

Некрасов показал мне набросок, им составленный. Он был очень плох. Кажется, поручили Некрасову, Керенскому и мне его улучшить. Милюков объяснил мне, что накануне Комитет Государственной Думы признал необходимым под давлением слева в той или иной форме упомянуть об Учредительном собрании.

Княгиня Путятина попросила всех завтракать.

Узкую часть стола занимала сама хозяйка. По правую ее руку – великий князь. По левую – посадили меня. Рядом с великим князем был, кажется, князь Львов. Рядом со мной, кажется, Некрасов или Терещенко. Напротив княгини – Керенский. Остальных не помню.

За завтраком великий князь спросил меня:

– Как держал себя мой брат?

Я ответил:

– Его Величество был совершенно спокоен… Удивительно спокоен…

Затем я рассказал все, как было…

После завтрака мы, т. е. те, кто должен был редактировать акт, перешли в другую комнату. Это была детская. Стояли кроватки, игрушки и маленькие парты…

На этих школьных партах и писалось…

Скоро вызвали Набокова и Нольде.

Они, собственно, и обработали более или менее записку Некрасова, потому что Некрасов и Керенский то уходили, то приходили.

Керенский все торопил, утверждая, что положение очень трудное./…/

Наконец составили и передали великому князю. В это время в детской оставались Набоков, Нольде и я. Через некоторое время секретарь великого князя, не помню его фамилии, высокий, плотный блондин, молодой, в земгусарской форме, принес текст обратно. Он передал, что великий князь просит употреблять от его лица местоимение "я", а не "мы" (у нас всюду было "мы"), потому что великий князь считает, что он престола не принял, императором не был, а потом не должен говорить – "мы". Во-вторых, по этой же причине, вместо слова "повелеваем", как мы написали, – употребить слово "прошу". И, наконец, великий князь обратил внимание на то, что нигде в тексте нет слова "Бог", а таких актов без упоминания имени Божия не бывает.

Все эти указания были выполнены, и текст переделан. Снова передали великому князю, и на этот раз он его одобрил.

Набоков сел на детскую парту переписывать набело. …

За это время все разъехались. Великий князь несколько раз говорил со мной. Говорил, так сказать, попросту. Хотя он не знал меня раньше, но, видимо, инстинктивно почувствовал, что мне династия дорога не только разумом, но и чувством. Великий князь, кроме того, внушал мне личную симпатию. Он был хрупкий, нежный, рожденный не для таких ужасных минут, но он был искренний и человечный. На нем совсем не было маски. И мне думалось:

"Каким хорошим конституционным монархом он был бы…"

Увы… Там, в соседней комнате, писали отречение династии.

Великий князь так и понимал. Он сказал мне:

– Мне очень тяжело… Меня мучает, что я не мог посоветоваться со своими. Ведь брат отрекся за себя… А я, выходит так, отрекаюсь за всех…

Это было часов около четырех дня – у окна в той комнате, где много ковров и мягких кресел…

К сожалению, от меня совершенно ускользает самая минута подписания отречения… Я не помню, как это было. Помню только почему-то, что Набоков взял себе на память перо, которым подписал Михаил Александрович. И помню, что появившийся к этому времени Керенский умчался стремглав в типографию (кто-то еще раз сказал, что могут каждую минуту “ворваться”).

Через полчаса по всему городу клеили плакаты:

“Николай отрекся в пользу Михаила. Михаил отрекся в пользу народа”»[418]**418**
Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 271–280.

.

Таким образом, Михаил Романов, послушно выполнявший все указания, которые он получал от думского центра, после совещания, трезво оценив ситуацию в стране, подписал акт своего условного отречения от престола.

Среди присутствовавших наступило гробовое молчание; даже те, которые наиболее энергично настаивали на отречении, как князь Г.Е. Львов и М.В. Родзянко, казались пришибленными только что совершившимся и непоправимым. Лишь А.И. Гучков облегчил свою совесть последней репликой: “Господа, вы ведете Россию к гибели; я не последую за вами на этом гибельном пути”.

Отметим еще один важный факт. Так, по воспоминаниям известного контрразведчика капитана Б.В. Никитина (1883–1943), утверждается: «Совершенно достоверным является свидетельство княгини Брасовой, что великий князь не признавал за Государем права отречься за наследника, и потому не считал себя вправе взойти на престол. …

Смущенный незаконно доставшимся престолом, считая, что Правительство, против него настроенное, не даст ему возможности работать, великий князь, никогда ничего не искавший для себя лично, отказался от короны, веря министрам, что в этом благо России. Великий князь был совершенно один; министры добивались немедленного решения, а стране и армии не позволили узнать об отречении императора в его пользу и высказать свое мнение, оказать ему свою поддержку.

Так, по определению одних, великий князь принял свободное решение, без всякого давления со стороны, а, по мнению других, то же называется “взять мертвой хваткой”.

Конечно, цель оправдывает средства. Великому князю дается заверение, что формы государственного строя будут определены на Учредительном Собрании, а полгода спустя, в порядке декрета, Россия провозглашается республикой. Так были забыты демократические принципы, о которых столь широко нам возвещали»[419]**419**
Никитин Б.В. Роковые годы. (Новые показания участника). Париж, 1937. С. 202–203.

.

Имеется еще одно малоизвестное свидетельство об этих событиях графини Л.Н. Воронцовой-Дашковой. Она вспоминала: «К сожалению, на другой день, 3-го марта, мы только к 5-ти часам дня могли приехать к князю Путятину. Меня поразила картина внутри особняка. Из передней я увидела, что в гостиной, сидя в креслах, спали штатские люди; кажется, председатель кабинета министров князь Львов и другие общественные деятели, проведшие ночь в переговорах с Михаилом Александровичем.

Его не было. Я прошла в столовую, где возле стола стояли Н.Н. Джонсон и А.С. Матвеев.

– Все решилось, графиня, великий князь отрекся – сказал мне Н.Н. Джонсон, один из самых преданных ему людей…

Н.Н. Джонсон рассказал, что в последние минуты перед отречением Михаил Александрович, все еще колебавшийся, спросил с глазу на глаз председателя Государственной Думы М.В. Родзянко: может ли он надеяться на петербургский гарнизон, поддержит ли он вступающего на престол императора? Родзянко ответил отрицательно и добавил, что если великий князь не отречется от

престола, то, по его мнению, начнется немедленная резня офицеров петербургского гарнизона и всех членов Императорской фамилии.

После совещания с министрами Временного правительства великий князь удалился в соседнюю комнату и там, оставаясь один в течение 15 минут, принял решение отречься от престола.

Принять положительное решение Михаила Александровича уговаривали только два министра Временного правительства – П.Н. Милюков и А.И. Гучков, но голоса их были одиноки.

Для меня, казалось бы, уже вчера было ясно, что Михаил Александрович отречется от престола, и все-таки, когда я услыхала от Н.Н. Джонсона о совершившемся факте отречения, я была во власти страшных предчувствий.

В этот момент вошел Михаил Александрович. Бессонная ночь не прошла для него даром. Он казался восковым, только на губах играла прежняя улыбка.

– Стало быть, такая судьба, графиня, – тихо проговорил он.

– Но я уверена, что Учредительное собрание призовет вас, Ваше Высочество, – проговорила я, чтобы подбодрить присутствующих.

– Не думаю, – ответил Михаил Александрович, и, улыбнувшись, добавил: – После отреченья А.Ф. Керенский назвал меня благородным человеком и протянул мне руку не как великому князю, а как гражданину…

В этот же день Михаил Александрович, разбитый всем пережитым за эти три дня, уехал к себе в Гатчину, где его ждала жена Н.С. Брасова»[420]**420**
ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 22–22 об.

.

Великий князь Михаил Александрович 3 марта 1917 г. написал письмо своей супруге в Гатчину:

«Дорогая Наташа,

Только два слова. Благодарю за письмо. Надеюсь выехать сегодня ночью или завтра утром. Страшно занят и крайне утомлен. Много интересного расскажу.

Нежно тебя целую.

Весь твой *Миша*.

Ольга П[утятина], Алеша [Матвеев] и Дж[онсон] шлют тебе сердечный привет и очень много о тебе думают.

Немного задержи мужа М[арии] до моего возвращения, – шлю ему привет. Обнимаю тебя и крещу много раз»[421]**421**
ГА РФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 22. Л. 88–89.

.

В воспоминаниях управляющего делами Временного правительства В.Д. Набокова (1869–1922) раскрываются многие тайны этого исторического события. Владимир Дмитриевич являлся, как и П.Н. Милюков, одним из лидеров кадетской партии. Он был в курсе многих тонкостей политического пасьянса первых дней «великой и бескровной» революции: «Была чудная, солнечная, морозная погода. Не успел я прийти к ген. Манакину и поговорить с ним, как к нему позвонили из моего дома, и жена сказала мне, что меня просят немедленно, от имени кн. Львова, на Миллионную, 12, где находится – в квартире кн. Путятина – великий кн. Михаил Александрович. Я тотчас распростился с ген. Манакиным и поспешил по указанному адресу, разумеется, пешком, так как ни извозчиков, ни трамвая не было. Невский представлял необычайную картину: ни одного экипажа, ни одного автомобиля, отсутствие полиции и толпы народа, занимающие всю ширину улицы. Перед въездом в Аничков дворец жгли орлы, снятые с вывесок придворных поставщиков.

Я пришел на Миллионную, должно быть, уже в третьем часу. На лестнице дома № 12 стоял караул Преображенского полка. Ко мне вышел офицер, я себя назвал, он ушел за инструкциями и, тотчас же вернувшись, пригласил меня наверх.

Раздевшись в прихожей, я вошел сперва в большую гостиную (в ней, как я узнал, в это утро происходило то совещание Михаила Александровича с членами Временного правительства и вр. комитета Государственной Думы, которое закончилось решением великого князя отказаться от навязанного ему “наследства”). В следующей комнате, по-видимому, будуаре хозяйки, сидел кн. Львов и Шульгин. Князь Львов объяснил мне мотив моего приглашения. Он рассказал мне, что в самом Временном правительстве мнения по вопросу о том, принимать ли Михаилу Александровичу престол или нет, разделились. Милюков и Гучков были решительно и категорически за и делали из этого вопроса punctum saliens (камень преткновения), от которого должно было

зависеть участие их в кабинете. Другие были, напротив, на стороне отрицательного решения. Великий князь выслушал всех и попросил дать ему подумать в одиночестве (я предполагаю, что он посоветовался со своим секретарем Матвеевым, которому он очень доверял, и что тот был сторонником отказа). Через некоторое время он вернулся в комнату, где происходило совещание, и заявил, что при настоящих условиях он далеко не уверен в том, что принятие им престола будет на благо родине, что оно может послужить не к объединению, а к разъединению, что он не хочет быть невольной причиной возможного кровопролития и потому не считает возможным принять престол и предоставляет решение (окончательное) вопроса Учредительному собранию.

Тут же кн. Львов прибавил, что в результате этого решения Милюков и Гучков выходят из состава Временного правительства. “Что Гучков уходит, это не беда: ведь оказывается (sic)[422]**422**
Так.

, что его в армии терпеть не могут, солдаты его просто ненавидят. А вот Милюкова непременно надо уговорить остаться. Это уж дело ваше и ваших друзей помочь нам”. На мой вопрос: “Зачем меня просили прийти?” кн. Львов сказал, что нужно составить акт отречения Михаила Александровича. Проект такого акта набросан Некрасовым, но он не закончен и не вполне удачен, а так как все страшно устали и больше не в состоянии думать, не спав всю ночь, то меня просят заняться этой работой. Тут же он передал мне черновик Некрасова, сохранившийся до настоящего времени в моих бумагах, вместе с окончательно установленным текстом. …

Само собой разумеется, при данных обстоятельствах мне не приходилось заниматься размышлениями на тему о том, правильно ли или неправильно принятое решение. Одно для меня было ясно: необходимо было удержать Милюкова в составе Временного правительства во что бы то ни стало, а затем надо было в отношении того ближайшего дела, для которого меня призвали, найти вполне ясную, определительную и точную формулировку отречения великого князя. В первом отношении я обещал кн. Львову употребить все усилия и все влияние, которое я мог иметь на Милюкова, причем я имел в виду встретиться с ним вечером в Таврическом дворце. Что касается акта отречения, то я тотчас же остановился на мысли попросить содействия такого тонкого и осторожного специалиста по государственному праву, как бар. Б.Э. Нольде. С согласия кн. Львова я позвонил к нему, он оказался поблизости, в министерстве иностранных дел, и пришел через четверть часа. Нас поместили в комнате дочери кн. Путятина. К нам же присоединился В.В. Шульгин. Текст отречения и

был составлен нами втроем, с сильным видоизменением некрасовского черновика. Чтобы покончить с внешней историей составления, скажу, что после окончания нашей работы составленный текст был мною переписан и через Матвеева представлен великому князю. Изменения, им предложенные (и принятые), заключались в том, что было сделано (первоначально отсутствовавшее) указание на Бога и в обращении к населению словом “прошу” было заменено проектированное слово “повелеваю”. Вследствие таких изменений мне пришлось еще раз переписать исторический документ. В это время было около шести часов вечера. Приехал М.В. Родзянко. Вошел и великий князь, который при нас подписал документ. Он держался несколько смущенно – как-то сконфуженно. Я не сомневаюсь, что ему было очень тяжело, но самообладание он сохранял полное, и я, признаться, не думал, чтоб он вполне отдавал себе отчет в важности и значении совершаемого акта. Перед тем как разойтись, он и М.В. Родзянко обнялись и поцеловались, причем Родзянко назвал его благороднейшим человеком.

Для того чтобы найти правильную форму для акта об отречении, надо было предварительно решить преюдициальные вопросы. Из них первым являлся вопрос, связанный с внешней формой акта. Надо ли было считать, что в момент его подписания Михаил Александрович был уже императором и что акт является таким же актом отречения, как и документ, подписанный Николаем II. Но, во-первых, в случае решения вопроса в положительном смысле отречение Михаила могло вызвать такие же сомнения относительно прав других членов Императорской фамилии, какие, в сущности, вытекали и из отречения Николая II. С другой стороны, этим санкционировалось бы неверное предложение Николая II, будто он вправе был сделать Михаила императором. Таким образом, мы пришли к выводу, что создавшееся положение должно быть трактуемо так: Михаил отказывается от принятия верховной власти. К этому собственно должно было свестись юридически ценное содержание акта. Но по условиям момента казалось необходимым, не ограничиваясь его отрицательной стороной, воспользоваться этим актом для того, чтобы – в глазах той части населения, для которой он мог иметь серьезное нравственное значение, – торжественно подкрепить полноту власти Временного правительства и преемственную связь его с Государственной Думой. Это и было сделано в словах “Временному правительству, по почину Государственной Думы, возникшему и облеченному всей полнотой власти”. Первая часть формулы дана Шульгиным, другая – мною. Опять-таки с юридической точки зрения можно возразить, что Михаил Александрович, не принимая верховной власти, не мог давать никаких обязательных и связывающих указаний насчет пределов и существа власти Временного правительства. Но, повторяю, мы в данном случае не видели центра тяжести в юридической силе формулы, а только в ее нравственно-политическом

значении. И нельзя не отметить, что акт об отказе от престола, подписанный Михаилом, был единственным актом, определившим объем власти Временного правительства и вместе с тем разрешившим вопрос о формах его функционирования, в частности (и главным образом) вопрос о дальнейшей деятельности законодательных учреждений. Как известно, в первой декларации Временного правительства оно говорило о себе как о “кабинете”, и образование этого кабинета рассматривалось как “более прочное устройство исполнительной власти”. Очевидно, при составлении этой декларации было еще неясно, какие очертания примет временный государственный строй. С момента акта отказа считалось установленным, что Временному правительству принадлежит в полном объеме и законодательная власть. Между тем еще накануне в составе Временного правительства поднимался (по словам Б.Э. Нольде) вопрос об издании законов и принятии финансовых мер в порядке 87 ст. осн. зак.»[423]**423**

Набоков В.Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. С. 16–17, 20–22.

.

Заглянем в воспоминания барона Б.Э. Нольде (1876–1948), профессионального знатока юриспруденции, где подробно освещается «вся кухня» подготовки акта временного отречения Михаила Романова от трона до решения Учредительного собрания: «3 марта после завтрака я сидел в своем служебном кабинете на Дворцовой площади. Позвонил телефон и я услышал, как всегда, ровный и неторопливый голос Набокова, сказавшего: “Бросьте все, возьмите первый том свода законов и сейчас же приходите на Миллионную, такой-то номер, в квартиру князя Путятина”. Через десять минут меня вводили в комнату с детским учебным столиком дочки хозяев, в которой оказался Набоков и В.В. Шульгин. Наскоро Шульгин рассказал свою поездку в Псков, подписание акта отречения от престола императора Николая и решительный отказ утром того же дня великого князя принять престол. Набоков добавил, что надо составить об этом манифест для великого князя и что набросок имеется, составленный Некрасовым. Набросок был чрезвычайно несовершенен и явным образом не годился. Мы тотчас же стали его писать заново. Первый составленный нами проект – мы втроем взвешивали каждое слово – так же, как и Некрасовский набросок, – был изложен, как манифест, и начинался словами: “Мы, Божьей милостью Михаил I (*правильно Михаил II. – В.Х.*), император и самодержец Всероссийский…”. В проекте Некрасова было сказано только, что великий князь отказывается принять престол и передает решение о форме правления Учредительному собранию. Что будет происходить до того, как Учредительное

собрание будет созвано, кто напишет закон о выборах, и т. д., обо всем этом он не подумал. Набокову было совершенно ясно, что при таких условиях единственная имевшаяся налицо власть – Временное правительство – повиснет в воздухе. По общему соглашению мы внесли в наш проект слова о полноте власти Временного правительства. Набоков своим превосходным почерком, сидя за маленьким учебным столом, переписал проект и отнес его в соседнюю комнату великому князю. Через некоторый промежуток времени великий князь пришел к нам, чтобы сказать свои замечания и возражения. Он не хотел, чтобы акт говорил о нем, как о вступившем на престол монархе, и просил, чтобы мы вставили фразу о том, что он призывает благословение Божие и просит – в нашем проекте было написано "повелеваем" – русских граждан повиноваться власти Временного правительства. Поправки были внесены, акт еще раз переписан Набоковым и одобрен – кажется, с новыми маленькими поправками – великим князем. К этому времени подъехали князь Г.Е. Львов, Родзянко и Керенский. Великий князь сел за тот же маленький стол, подписал манифест, встал и обнял князя Львова, пожелав ему всякого счастья. Великий князь держал себя с безукоризненным тактом и благородством, и все были овеяны сознанием огромной важности происходившего. Керенский встал и сказал, обращаясь к великому князю: "Верьте, Ваше Императорское Высочество, что мы донесем драгоценный сосуд Вашей власти до Учредительного собрания, не расплескав из него ни одной капли"»[424]**424**

Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. С. 143–145.

.

Кадет В.Д. Набоков в своих воспоминаниях давал политическую оценку этого исторического документа: «Может показаться странным, что я так подробно останавливаюсь на содержании акта об отказе. Могут сказать, что акт этот не произвел большого впечатления на население, что он был скоро забыт, заслонен событиями. Может быть, это и так. Но все же несомненно, что с более общей исторической точки зрения акт 3 марта имел очень большое значение, что он является именно историческим актом и что значение его, может быть, еще скажется в будущем. Для нас же в тот момент, в самые первые дни революции, когда еще было совершенно неизвестно, как будут реагировать вся Россия и иностранные державы-союзницы на переворот, на образование Временного правительства, на все создавшееся новое положение, казалось бесконечно важным каждое слово. И мне кажется, что мы были правы»[425]**425**

Набоков В.Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. С. 22.

.

Аналогичную точку зрения высказал на этот счет барон Б.Э. Нольде: «Акт 3 марта, в сущности говоря, был единственной конституцией периода существования Временного правительства. С ней можно было прожить до Учредительного собрания – конечно, реально осуществляя формулу “полноты власти…”»[426]**426**
Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930. С. 145.

.

В этом историческом документе, т. е. акте великого князя Михаила Александровича о временном отказе, о возложении на себя верховной власти до решения Учредительного собрания, говорилось: «Тяжелое бремя возложено на меня волею брата моего, передавшего мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и обреченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

3/III – 1917 г. *Михаил.*

Петроград»[427]**427**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101(б). Л. 2; Ф. 668. Оп. 1. Д. 131. Л. 1.

.

Подписав акт об отказе «восприятия верховной власти» до решения Учредительного собрания, Михаил Романов посчитал, что выполнил свой долг, как он его понимал. Таким образом, вопрос о власти формально оставался открытым до решения Учредительного собрания, а Михаил Романов сохранял права на Российский престол. «Соломоновым решением» на некоторое время был достигнут баланс равновесия политических сил в стране, но борьба за власть продолжалась.

Позднее присяжный поверенный Н.Н. Иванов свидетельствовал в своих рукописных воспоминаниях:

«Я видел великого князя после отречения.

– Ну, пожмете ли вы мне руку? Я поступил правильно. Я счастлив, что я частное лицо. У них все устроится понемногу. И я думаю, что не будет так много крови и ужасов, как вы пророчили. Я и отказался, чтобы не было никаких поводов дальше проливать кровь. Я понимаю ваши опасенья. В такие дни так легко потерять перспективу.

Я мог только сказать, что он поступил согласно своему характеру»[428]**428**
ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 369. Л. 4 об. – 5.

.

Стоит еще раз напомнить, что тем временем, т. е. после отречения императора Николая II от Российского престола, на фронте начали присягать новому императору Михаилу II. На Кавказском и Румынском фронтах это было сделано почти повсеместно. Понадобились дополнительные телеграфные переговоры М.В. Родзянко и кн. Г.Е. Львова с генералом М.В. Алексеевым о создавшейся ситуации и необходимости до опубликования манифестов в печати запретить принятие новой присяги. Манифест Николая II специально не стали сразу публиковать после отречения, т. к. если бы это было сделано, то по законам Российской империи великий князь Михаил Александрович автоматически считался взошедшим на престол. Акты об отречении Николая II и Михаила Романова были официально обнародованы одновременно, только 5 марта 1917 года, в «Вестнике Временного правительства».

В армейских частях, военном флоте и по Российской империи последние события были восприняты неоднозначно. Здесь уместно привести выдержку из воспоминаний контр-адмирала С.С. Фабрицкого (1874–1941), который командовал одним из соединений на Румынском фронте: «Не было буквально

никаких признаков надвигавшейся революции, о которой никто и не думал, когда неожиданно ураганом влетел ко мне в кабинет бледный начальник штаба и подал зловещие телеграммы от командующего флотом с известием об отречении Государя и передаче престола великому князю Михаилу Александровичу. Телеграмма была составлена в туманных выражениях, из нее можно было ясно понять лишь факт отречения и вступления на престол нового императора. Поэтому немедленно войска участка были приведены к присяге на верность Государю императору Михаилу Александровичу. Всюду царил полный порядок, но чувствовалась какая-то общая подавленность, как будто перед грозой.

Получился по телеграфу текст отречения и последний Высочайший приказ по армии, где Государь приказывал подчиниться новой власти. А какой – не было понятно. Пришло, наконец, отречение великого князя Михаила Александровича и спуталось все. Абсолютно невозможно было понять, кому перешла вся полнота верховной власти, и стало ясно, что наступила гибель…»[429]**429** Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин, 1926. С. 154–155.

.

Вот еще одно свидетельство командира л. – гв. Измайловского полка, генерал-майора Н.Н. Шиллинга (1870–1946), который в этот период находился на Западном фронте: «Когда я сообщил моим измайловцам печальную новость об отречении Государя, то увидел, какое гнетущее впечатление она произвела на офицеров полка: появилась какая-то безнадежность, упадок энергии, так как каждый сознавал, сколько горя несет России эта перемена, особенно тогда, когда все надежные войска находились на фронте. Этой перемены могли желать только враги родины или слепые фанатики. Через несколько дней пришли манифесты Государя императора и великого князя Михаила Александровича; я, пользуясь тем, что полк еще находился в резерве, приказал собрать весь полк со всеми командами, дабы лично объявить им Высочайшие манифесты. Когда полк построился и мне было об этом доложено, я вышел к полку, обошел, здороваясь, все батальоны и команды, а, потом, приказав подвести ближе ко мне всех солдат, лично прочел манифесты и разъяснил им наш общий долг перед родиной, сказав, что как в каждой семье есть отец и мать, так и у нас были царь-отец и родина-мать; и как иногда семья теряет отца, оставаясь лишь с матерью, так и у нас сейчас: отец наш, царь ушел, а осталась наша мать – родина и наш святой долг еще крепче сплотиться круг нашей осиротелой родины, хранить и защищать ее до последней капли крови. Затем разъяснил солдатам, что великий

князь Михаил Александрович до созыва и решения Учредительного собрания не хочет принять царский престол; а потому: “Братцы”, – обращаясь к солдатам, сказал я, – “Наш долг, когда придет время созыва Учредительного собрания, чтобы все наши подавали голоса за великого князя Михаила Александровича”, а теперь всем нам остается одно: снял папаху, осенив себя крестным знаменем, сказал: “Господи сохрани нам законного царя Михаила!” И весь полк, как один человек, снял папахи и осенил себя крестным знамением. Вот яркая картина того настроения, которое царило в то время на фронте почти во всех строевых частях. Я подчеркиваю – в строевых частях на фронте, так как то, что творилось в тылу и, особенно, запасных частях Петроградского гарнизона, распропагандированного революционными агитаторами, не может служить доказательством, что армия была революционно настроена. Не правы те лица, говорящие в своих воспоминаниях о “тыловом бунте” в последних числах февраля 1917 года, в Петрограде, называя его “революцией” и, указывая, что то такой, то другой гвардейский полк присоединился к восставшим и принимал участие в революции. Это не верно уже потому, что все настоящие Гвардейские полки в это время были на фронте, а в Петрограде были лишь запасные батальоны Гвардейских полков, причем, чья-то невидимая, но сильная и вредная рука, совершенно изъяла эти батальоны из подчинения командирам полков, бывшим в то время на фронте и, вместо того, чтобы командир полка являлся полным хозяином запасного батальона, как неотъемлемой части полка, батальоны эти и полка не имели между собой настоящей твердой связи, а являлись как бы отдельными, самостоятельными единицами, что очень вредно отразилось в моральном отношении, в смысле понимания подчиненности, как в составе офицеров, так и нижних чинов»[430]**430**

Шиллинг Н.Н. Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. / Сб. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 327–328.

.

На начальной стадии беспорядков достаточно было кому-то из великих князей возглавить твердой рукой верные еще полки, и события могли принять совершенно иной характер. В стане восставших особенно до 28 февраля не было никакой уверенности в своей победе. Был момент, когда даже лидеры социалистических партий считали, что революционная волна пошла на спад.

Даже демократически настроенный князь С.Е. Трубецкой (1890–1949) – член Всероссийского Земского Союза, признавался в мемуарах: «Отречение Государя императора наша армия пережила сравнительно спокойно, но отречение

Михаила Александровича, отказ от монархического принципа вообще – произвел на нее ошеломляющее впечатление: основной стержень был вынут из русской государственной жизни; короткое время, по силе инерции, все оставалось как будто на месте, но скоро все развалилось.

Много политических грехов готов я простить П.Н. Милюкову и А.И. Гучкову за их – к сожалению тщетные – уговоры великого князя Михаила Александровича не отказываться от императорской короны.

С этого времени на пути революции уже не было серьезных преград. Не за что было зацепиться элементам порядка и традиции. Все переходило в состояние бесформенности и разложения. Россия погружалась в засасывающее болото грязной и кровавой революции»[431]**431**
Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991. С. 153.

.

По свидетельству начальника штаба Кавказской (Дикой) кавалерийской дивизии П.А. Половцова (1874–1964), находившегося в это время в Петрограде: «Говорят, будто у солдат-рабочих царило такое обалдение, что на голосовании вопроса о монархии и республике 210 из 230 солдатских депутатов голосовали за монархию и что вожаки решили подождать, пока почва не будет лучше подготовлена для борьбы. Если такой случай и был, то это просто доказывает, что у них сумятица была хуже нашей»[432]**432**
Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова 1917 года). М., 1999. С. 28–29, 32.

.

Упоминания П.А. Половцова об отношении большинства солдат к форме правления в стране (к монархии или республике) невольно напоминает ситуацию на Сенатской площади во время восстания декабристов 1825 г. Тогда мятежные рядовые солдаты выступали в Санкт-Петербурге с возгласами за нового императора Константина Павловича (1779–1831) и его жену Конституцию.

Сегодня каждый из нас, читающий фрагменты приведенных воспоминаний и архивных документов, понимает, что в истории не бывает сослагательного

наклонения: если бы то, тогда бы?!. Однако мы часто невольно сами задаем себе подобные вопросы.

Свою точку зрения на события и возможные варианты их развития излагает один из лидеров партии кадетов В.Д. Набоков: «Здесь я хотел бы… коснуться вопроса об отречении Михаила Александровича по существу.

Много раз впоследствии я возвращался мысленно к этому моменту, и теперь вот, в конце апреля 1918 года, когда я пишу эти строки в Крыму, завоеванном немцами (“временно занятом”, как они говорят), пережив все горькие разочарования, все ужасы, все унижение этого кошмарного года революции, убедившись в глубокой несостоятельности тех сил, на долю которых выпала задача создания новой России, я спрашиваю себя: не было ли больше шансов на благополучный исход, если бы Михаил Александрович принял тогда корону из рук царя.

Надо сказать, что из всех возможных “монархических” решений это было самым неудачным. Прежде всего, в нем неустранимый внутренний порок. Наши основные законы не предусматривали возможности отречения царствующего императора и не устанавливали никаких правил, касающихся престолонаследия в этом случае. Но, разумеется, никакие законы не могут устранить или лишить значения самый факт отречения или помешать ему. Это есть именно факт, с которым должны быть связаны известные юридические последствия… И так как, при таком молчании основных законов, отречение имеет то же самое значение, как смерть, то, очевидно, что и последствия его должны быть те же, т. е. престол переходит к законному наследнику. Отрекаться можно только за самого себя. Лишать престола то лицо, которое по закону имеет на него право, – будь то лицо совершеннолетний или несовершеннолетний, – отрекающийся император не имеет права. Престол российский – не частная собственность, не вотчина императора, которой он может распоряжаться по своему произволу. Основываться на предполагаемом согласии наследника также нет возможности, раз этому наследнику не было еще полных 13 лет. Во всяком случае, даже если бы это согласие было категорически выражено, оно подлежало бы оспариванию, здесь же его и в помине не было. Поэтому передача престола Михаилу была актом незаконным. Никакого юридического титула для Михаила она не создавала. Единственный законный исход заключался бы в том, чтобы последовать тому же порядку, какой имел бы место, если бы умер Николай II. Наследник сделался бы императором, а Михаил – регентом. Если бы решение, принятое Николаем II, не оказалось для Гучкова и Шульгина такой неожиданностью, они, быть может, обратили бы внимание Николая на

недопустимость такого решения, предлагающего Михаилу принять корону, на которую он – при живом законном наследнике престола – не имел права.

Я касаюсь этой стороны вопроса потому, что не является только юридической тонкостью. Несомненно, она значительно ослабляла позицию сторонников сохранения монархии. И, несомненно, она влияла и на психику Михаила. Я не знаю, обсуждался ли с этой точки зрения в утреннем совещании, но, несомненно, что Николай II сам (едва ли сознательно) сделал наибольшее для того, чтобы затруднить и запутать создавшееся положение. Правда, им, по словам акта об отречении, руководили чувства нежного отца, не желающего расстаться с сыном. Как ни почтенны эти чувства, не в них, конечно, может он найти себе оправдание.

Принятие Михаилом престола было бы, таким образом, как выражаются юристы, ab initio vitiosum, с самого начала порочным. Но допустим, что эта, так сказать, формальная сторона дела была бы оставлена без внимания. Как обстояло положение по существу.

Рассуждая a priori, можно привести очень сильные доводы в пользу благоприятных последствий положительного решения.

Прежде всего, оно сохраняло преемственность аппарата власти и его устройства. Сохранена была основа государственного устройства России, и имелись бы налицо все данные для того, чтобы обеспечить монархии характер конституционный. Этому способствовали бы и те условия, при которых воцарился бы Михаил, и его личные черты – прямота и несомненное благородство характера, лишенного притом властолюбия и деспотических замашек. Устранен был бы роковой вопрос о созыве Учредительного собрания во время войны. Могло бы быть создано не временное правительство, формально облеченное диктаторской властью и фактически вынужденное завоевать и укреплять эту власть, а настоящее конституционное правительство на твердых основах закона, в рамки которого вставлено бы было новое содержание. Избегнуто бы было то великое потрясение всенародной психики, переворот был бы введен в известные границы и, может быть, была бы сохранена международная позиция России. Были шансы сохранения армии.

Но все это, к сожалению, только одна сторона дела. Для того чтобы она была решающей, необходим был ряд условий, которых налицо не было. Приняв престол из рук Николая, Михаил сразу имел бы против себя те силы, которые в первые же дни революции вступили на первый план и захотели овладеть положением, войдя в ближайший контакт с войсками Петербургского гарнизона. Эти восставшие войска к тому времени (3 марта) уже были

отравлены. Реальной опоры они не представляли. Несомненно, что для укрепления Михаила потребовались бы очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием, перед арестом Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, перед провозглашением, в случае попыток сопротивления, осадного положения. Через неделю, вероятно, все вошло бы в надлежащие рамки. Но для этой недели надо было располагать реальными силами, на которые можно бы было безоглядно рассчитывать и, безусловно, опереться. Таких сил не было. И сам по себе Михаил был человеком, мало или совсем не подходившим к той трудной, ответственной и опасной роли, которую ему предстояло сыграть. Он не обладал ни популярностью в глазах масс, ни репутацией умственно выдающегося человека. Правда, его имя было не запятнано, он остался непричастным всем темным перипетиям скандальной хроники распутинской, – он даже некоторое время был как бы в оппозиции, – но всего этого, конечно, было недостаточно для того, чтобы твердой и уверенной рукой взяться за руль государственного корабля. Я не вижу тех элементов, которые его бы поддерживали, – не во имя своих личных интересов, а во имя интересов высших. Кадеты, три недели спустя выкинувшие республиканский флаг (об этом я подробнее скажу в своем месте), такой опорой не могли быть. Бюрократия, дворянство, придворные сферы? Все это было совсем не организовано, совершенно растерялось и боевой силы не представляло. Наконец, приходится считаться с тем общим настроением, которое преобладало в эти дни в Петербурге: это было опьянение переворотом, был бессознательный большевизм, вскруживший наиболее трезвые умы. В этой атмосфере монархическая традиция, лишенная к тому же глубоких элементов внутренней жизни, не могла быть действенной, объединяющей и собирающей силой…

Таким образом, я так формулирую тот окончательный вывод, к которому я уже давно пришел. Если бы принятие Михаилом престола было возможно, оно оказалось бы благодетельным или, по крайней мере, дающим надежду на благополучный исход. Но, к несчастью, вся совокупность условий была такова, что принятие престола было невозможно. Говоря тривиальным языком, из него бы “ничего не вышло”. И прежде всего это должен был чувствовать сам Михаил. Если “мы все глядим в Наполеоны”, то он – меньше всех. Любопытно отметить, что он очень подчеркивал свою обиду по поводу того, что брат его “навязал” ему престол, даже не спросив его согласия. И было бы еще интереснее знать, как бы он поступил, если бы об этом согласии его заранее спросил Николай…»[433]**433**

Набоков В.Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. С. 17–20.

.

Любопытно сопоставить мнение по этому же поводу, высказанное позднее одним из вождей вооруженной борьбы с большевиками, генералом А.И. Деникиным: «Учитывая всю создавшуюся к марту 1917 года обстановку, я прихожу к убеждению, что борьба за оставление власти в руках императора Николая II вызвала бы анархию, падение фронта и окончилась бы неблагополучно и для него, и для страны; поддержка регентства Михаила Александровича была бы проведена с некоторой борьбой, но без потрясений и с безусловным успехом. Несколько труднее, и все же возможным представлялось утверждение на престоле Михаила Александровича, при условии введения им широкой конституции.

И члены Временного правительства и Временного комитета, за исключением Милюкова и Гучкова, терроризованные Советом рабочих депутатов и переоценивая силу и значение возбужденной солдатской и рабочей массы Петрограда, взяли на себя большую историческую ответственность – убедить великого князя отказаться от немедленного восприятия верховной власти.

Дело не в монархизме и не в династии. Это – вопросы совершенно второстепенные. Я говорю только о России.

Трудно, конечно, сказать, насколько прочна и длительна была бы эта власть, какие метаморфозы испытала бы она впоследствии, но, если бы только на время войны она сберегла от распада армию, весь ход дальнейшей истории русской державы мог бы стать на путь эволюции и избавиться от тех небывалых потрясений, которые ныне ставят вопрос о дальнейшем ее существовании»[434]**434**
Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 126–127.

.

Архивы оберегают многие тайны. Порой документы позволяют вскрыть потаенные пружины хода исторического процесса, которые совершенно в другом свете представляют истинные события и позволяют понять многие «темные места» этой запутанной истории. Напомним еще раз, что в составе ГА РФ хранится журнал заседания членов Временного правительства и представителей Думы от 2 марта 1917 года (т. е. до момента фактического отречения императора Николая II), в котором было записано: «Засим министр

иностранных дел доложил, что Совет рабочих депутатов по вопросу о дальнейшей судьбе членов бывшей императорской фамилии высказался за необходимость выдворения их за пределы Российского государства, полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и небезопасности их дальнейшего пребывания в России. Временное правительство полагает, что распространять эту меру на всех членов семьи дома Романовых нет достаточных оснований, но что такая мера представляется совершенно необходимой и неотложной в отношении отказавшегося от престола бывшего императора Николая II, а также и по отношению к великому князю Михаилу Александровичу и их семьям. Что касается местопребывания этих лиц, то нет надобности настаивать на выдворении за пределы России и при желании их оставаться в нашем государстве необходимо лишь ограничить их местопребывание известными пределами, равным образом как ограничить и возможность свободного их передвижения»[435]**435**

ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2103. Л. 1–1 об.

.

Данный документ показывает, что новые правители России были практически едины во взглядах на дальнейшую участь представителей династии Романовых. Таким образом, события, связанные с отречением Николая II, и ведение переговоров с великим князем Михаилом Александровичем о троне были только фарсом. Если «думцы» и члены Временного правительства могли заранее знать через генерала Н.В. Рузского, что царь был готов 2 марта (во второй половине дня) подписать манифест об отречении от престола, то относительно великого князя Михаила Александровича ничего еще не было известно. На его счет могли строиться только планы. Если следовать логике, то получается, что Временным правительством шансы на престол других потенциальных претендентов, т. е. цесаревича Алексея и великого князя Михаила Александровича (с «ограничением их местопребывания», как отмечалось в журнале), уже не воспринимались всерьез. Политическим деятелям от «Прогрессивного блока», по всей вероятности, необходимо было только подтвердить или создать видимость легитимности своего правительства. Управлять Государством Российским они решили самостоятельно. Вскоре Временное правительство рядом действий «добровольному акту» отречения Николая II (вероятно, в знак благодарности за «бескровный переворот»), был предан, в связи с последовавшим «домашним арестом царской четы», характер «низложения императора», что послужило еще одним лишним поводом экстремистам (включая возвращавшихся из эмиграции и Сибирской ссылки большевиков) для дальнейшего углубления революционного процесса.

Начальник штаба Ставки в Могилеве генерал М.В. Алексеев, выполняя предписания М.В. Родзянко, ранним утром 3 марта 1917 г. телеграфировал главнокомандующим фронтов и военным начальникам: «Председатель Государственной Думы Родзянко убедительно просит задержать всеми мерами и способами объявление того манифеста, который сообщен этой ночью, ввиду особых условий, которые я вам сообщу дополнительно. Прошу сделать соответствующие распоряжения, ознакомив с манифестом только старших начальствующих лиц. Прошу ответа. 3 марта. 6 ч. 45 м. № 1913. *Алексеев*»[436]**436**

Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 19.

.

Гораздо позднее генерал М.В. Алексеев горько сожалел, что поддался на уговоры Временного правительства и послал эту телеграмму военным начальникам. Если бы армия присягнула новому императору Михаилу II, а такой процесс уже начался в отдельных воинских частях на фронте, то правительству пришлось бы считаться с этим фактом. Таким образом, был бы положен конец дальнейшему разрушению державы, углублению революционного процесса, а тем самым – поражение левых социалистических партий.

Вечером 3 марта 1917 г. состоялось заседание Временного правительства. Одним из обсуждаемых вопросов было опубликование актов об отречении императора Николая II и великого князя Михаила Александровича. Об этом заседании имеются сведения в воспоминаниях помощника комиссара путей сообщения Временного правительства, инженера-железнодорожника, генерал-майора Ю.В. Ломоносова (1876–1952): «Около половины одиннадцатого появился князь Львов, испуганный, растерянный. Привез отречение Михаила. Подождали еще немного Керенского и затем уселись. Чтобы отпустить нас с Сидельниковым, начали с вопроса об опубликовании актов.

– Как назвать эти документы?

– По существу это суть манифесты двух императоров, – заявил Милюков.

– Но Николай, – возразил Набоков, – придал своему отречению иную форму – форму телеграммы на имя начальника штаба. Мы не можем менять эту форму…

– Пожалуй. Но решающее значение имеет отречение Михаила Александровича. Оно написано вашей рукой, Владимир Дмитриевич, и мы можем его вставить в

любую рамку. Пишите: “Мы, милостью Божией, Михаил II, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и прочая, и прочая… объявляем всем верным подданным нашим: тяжкое бремя…”. /…/

– Позвольте, позвольте… да ведь он не царствовал.

Начался горячий спор.

– С момента отречения Николая Михаил являлся действительно законным императором… Михаилом II, – докторально поучал Набоков. – Он почти сутки был императором… Он только отказался восприять верховную власть.

– Раз не было власти, не было царствования.

– Жестоко ошибаетесь. А малолетние и слабоумные монархи?

Спор ушел в дебри государственного права. Милюков и Набоков с пеной у рта доказывали, что отречение Михаила только тогда имеет юридический смысл, если признать, что он был императором. /…/

Полночь застала нас за этим спором. Наконец около 2 часов ночи соглашение было достигнуто. Набоков написал на двух кусочках бумаги названия актов»[437]**437**
Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994. С. 263–265.

.

В опубликованном «Акте» великий князь Михаил Александрович условно отказывался от власти до вынесения решения Учредительным собранием. Здесь же содержался призыв к гражданам России подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы «возникшему и облеченному всей полнотой власти»[438]**438**
Отречение великого князя Михаила Александровича. // Известия. 1917. 4 марта.

.

По мнению ряда современников тех событий, считается, что этот акт уничтожил «парламентский строй»[439]**439**

Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 208.

, введенный Манифестом отречения от престола императора Николая II, и создал полновластное Временное правительство. Однако в этом акте Михаил Романов не принял верховную власть и поэтому ничего уничтожить или создать не мог. Этот документ лишь консервировал на некоторое время политическую ситуацию, порожденную Манифестом Николая II, который официальным актом гарантировал России «парламентский строй».

В первых числах марта 1917 г. некоторые архиереи Русской православной церкви (РПЦ) объясняли своей пастве смысл произошедших событий, руководствуясь содержанием текста опубликованного акта великого князя Михаила Александровича. Призывая народ к безусловному подчинению Временному правительству как законной власти, священнослужители напоминали, что это правительство – временное и должно обеспечить созыв Учредительного собрания, которое предоставит всем гражданам возможность сказать свое слово по поводу дальнейшего устроения верховной власти. Епископ Пермский и Кунгурский Андроник (Владимир Никольский) 4 марта 1917 г. обратился с призывом «Ко всем русским православным христианам», в котором, изложив суть высочайших актов, охарактеризовал сложившуюся ситуацию в России как «междуцарствие». Призвав всех оказывать всякое послушание Временному правительству, он сказал: «Будем умолять Его Всещедрого (*Бога. – В.Х.*), ДА УСТРОИТ Сам Он власть и мир на земле нашей, да не оставит Он нас надолго без царя, как детей без матери. …Да поможет Он нам, как триста лет назад нашим предкам, всем единодушно и воодушевлено получить родного царя от Него Всеблагого Промыслителя»[440]**440**
РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1917. III отд. V стол. Д. 12. Л. 89-а об.

.

Схожие мысли прозвучали в его проповеди, сказанной 5 марта 1917 г. в кафедральном соборе Перми[441]**441**
ГА РФ. Ф. 550. Оп. 1. Д. 96. Л. 3–7 об.

.

Характерно, что в это же время на страницах некоторых церковных епархиальных изданий акт великого князя Михаила Романова именовался как

«Отречение великого князя Михаила Александровича от престола» или как «Акт сложения с себя Верховной власти великим князем Михаилом Александровичем»[442]**442**
Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 10–11. Отдел неофициальный. С. 247–248.

.

Однако это лишь только предваряло и опережало последующие события: объявление Российской империи демократической республикой, – но, по сути своей, это никак однозначно не могло вытекать из содержания акта, который Михаил Романов подписал 3 марта 1917 года.

Пройдет всего около года, и новый режим большевиков приступит к планомерному и массовому уничтожению не только представителей династии Романовых, но и духовенства, а также чуждых элементов «диктатуре пролетариата».

«Манифест» 3 марта 1917 г. Михаила Романова, в сущности говоря, был единственной конституцией периода существования Временного правительства. С ней можно было прожить до Учредительного собрания – конечно, реально осуществляя формулу «полноты власти…». Все эти события были последствиями “великой и бескровной” драмы главного акта политического спектакля, обернувшегося трагедией для будущего России.

В тот же день, 3 марта, в экстренном прибавлении к № 4 «Известий Петроградского совета» большими буквами было напечатано:

«**Отречение от престола.**

Депутат Караулов явился в Думу и сообщил, что государь Николай II отрекся от престола в пользу Михаила Александровича. Михаил Александрович в свою очередь отрекся от престола в пользу народа. В Думе происходят грандиознейшие митинги и овации. Восторг не поддается описанию»[443]**443**
Известия Петроградского Совета. 1917. 3 марта.

.

Известие об отречении Государя Николая II в пользу Михаила и об отказе последнего принять корону до решения Учредительного собрания было

восторженно встречено повсеместно среди интеллигенции в России. В числе многих поздравлений на имя Михаила Романова была послана телеграмма за подписью одного из лидеров большевиков Л.Б. Каменева с приветствием «за его великодушие и гражданственность».

Фактически принимая историческое решение, Михаил Александрович не знал, мог ли он опереться на поддержку армии и народа или встретит в лице их явную оппозицию. Решение о выборе форм правления страной формально откладывалось до Учредительного собрания. По сути дела, в эти дни выбор был уже предрешен в пользу республики.

Уже на второй день после отречения царя Петроградский исполком, учитывая требования, выдвинутые на многочисленных митингах и собраниях, постановил арестовать царскую семью. В этом же постановлении специально подчеркивалось: «По отношению к Михаилу произвести фактический арест, но формально объявить его лишь подвергнутым фактическому надзору революционной армии»[444]**444**
Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925. С. 9.

.

Однако относительная свобода Романовых вызывала чувство протеста в народных массах. В Петросовет продолжали поступать многочисленные резолюции и телеграммы с требованием принятия жестких мер к членам Императорской фамилии. Так, например, в одном из документов указывалось: «Не желая, чтобы многочисленные жертвы в борьбе за свободу [пали] даром и сознавая, что только демократическая республика отвечает ближайшим задачам пролетариата ввиду тяжести ответственного момента, настойчиво призываем немедленно лишить свободы всю династию Романовых, дабы в корне пресечь возможность восстановления монархии. Призываем с изменниками поступать как с военными шпионами.

Совет рабочих депутатов Константиновских заводов»[445]**445**
ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 53. Д. 19. Л. 63.

.

Следует отметить, что если Петросовет опасался угрозы восстановления прежних порядков, то представители дома Романовых выражали беспокойство

за безопасность своих близких. 5 марта 1917 года на заседании Временного правительства рассматривается письмо великого князя Михаила Александровича о принятии мер к охране членов Императорской фамилии. В вынесенном по этому вопросу решении правительства, в частности, предписывалось: «Поручить Военному министру установить, по соглашению с министром внутренних дел, охрану лиц императорского дома…»[446]**446**
Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 33.

.

Тревога была не напрасной. 10 марта 1917 года «Маленькая газета» г. Петрограда опубликовала заметку «Покушение на в[еликого] к[нязя] Михаила».

В это неопределенное время некоторые представители Императорской фамилии склонны были выехать на некоторый период за пределы России. Однако Временное правительство и Петроградский совет не желали выпустить великих князей за границу, опасаясь организации контрреволюционного движения. В двойственном положении оказались иностранные миссии при обращении в них представителей Императорской фамилии. Так, 4 (17) апреля 1917 года английский посол в Петрограде Бьюкенен направил в Лондон следующий запрос: «Великий князь Михаил прислал мне письмо и сообщает, что сумма денег, которую он хочет перевести в Англию, достигает 100 000 руб. Я ничего ему не ответил и был бы рад, если бы Вы ответили на вышеупомянутую мою телеграмму до предположенной поездки великого князя… в Англию»[447]**447**
Красный архив. 1927. № 5 (24). С. 131.

. Вчерашние союзники и правители страны, таким образом, оказались заложниками революции.

С весны 1917 года великий князь Михаил Александрович продолжал жить сравнительно неприметно в Гатчине, не принимая участия в политической жизни страны. Накануне отправки Николая II и его семьи в Тобольск, получив на то разрешение от А.Ф. Керенского, Михаил Александрович простился с братом. Мы не знаем, о чем говорили они в последнюю встречу. Княгиня Е.А. Нарышкина, бывшая статс-дама царицы, записала в дневнике: «Приехал Михаил, Керенский его впустил, сел в угол, заткнул уши и сказал: “Разговаривайте!”»[448]**448**
ГА РФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 595. Л. 17.

.

А.Ф. Керенский в одном из своих исторических трудов следующим образом дал описание этого события: «В ночь перед дальней дорогой я под свою ответственность разрешил царю свидеться с братом, великим князем Михаилом. Мне пришлось присутствовать при их прощании. Оба были заметно и глубоко взволнованы первой встречей после падения монархии. Долго молчали, не находя слов. Потом завязался обрывистый разговор с короткими незначительными фразами, характерными для таких кратких свиданий. Как Аликс? Как матушка? Куда ты теперь? И так далее. Они стояли друг перед другом, неловко переминаясь с ноги на ногу, время от времени хватая друг друга за руку, за пуговицу… Наконец стали прощаться. Кто мог подумать, что братья видятся в последний раз?

Великий князь Михаил хотел повидать детей, но я не мог позволить, визит его и так затянулся, время нас поджимало»[449]**449**
Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 139.

.

Бурные события 1917 года не обходили Михаила Романова стороной. Он продолжал оставаться в центре внимания продолжавшихся политических разборок различных сил в борьбе за власть.

«Дело фрейлины Хитрово», или Был ли монархический заговор?

Известное «Дело фрейлины Хитрово» и был ли монархический заговор по освобождению в Тобольске царской семьи? До сих пор на эти вопросы нет четких ответов. Если говорить в этом деле о последовательности событий, то все началось с разведывательной поездки фрейлины М.С. Хитрово (1895–1952) в августе 1917 года в Тобольск.

Временное правительство торопилось с назначением для контроля нового своего представителя к царской семье, тем более что, выполнив свою миссию, 14 августа покинули Тобольск помощник комиссара П.М. Макаров и член Государственной Думы В.М. Вершинин. Беспокойство А.Ф. Керенского имело основание. Вслед за появлением в Тобольске царской семьи туда устремились некоторые из ее почитателей. 17 августа без специального разрешения приехала подруга цесаревен фрейлина М.С. Хитрово.

В дневнике императрицы Александры Федоровны от 18 августа 1917 г. имеется запись (на английском языке), где отмечалось:

«Появилась Рита [Хитрово], гуляла и сидела с Настенькой [Гендриковой]. Затем пришли люди из [министерства] юстиции, по приказу Керенского просмотрели все вещи, которые она привезла нам, а также просмотрели все вещи Настеньки, последней снова не разрешено выходить на улицу в течение нескольких дней и не посещать Риту [Хитрово]»[450]**450**
Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Т. 2. (1 августа 1917 – 16 июля 1918). М., 2008. С. 37.

.

Появление Хитрово в дневнике Николая II было зафиксировано следующим образом:

«*18-го августа. Пятница.*

Утро было серое и холодное, около часа вышло солнце, и день настал отличный. Алексей встал. Утром на улице появилась Рита Хитрово, приехавшая из Петрограда, и побывала у Настеньки Генд[риковой]. Этого было достаточно, чтобы вечером у нее произвели обыск. Черт знает что такое!

19-го августа. Суббота.

Вследствие вчерашнего происшествия Настенька лишена права прогулок по улицам в течение нескольких дней, а бедная Рита Хитрово должна была выехать обратно с вечерним пароходом!..»[451]**451**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 649.

.

Вокруг этого инцидента развернулось целое следствие. М.С. Хитрово была под конвоем отправлена в Москву. Арест фрейлины получил широкий отклик в печати. Возникло даже подозрение о монархическом контрреволюционном «заговоре против республиканской власти». Оно оказалось несостоятельным, и дело было прекращено. Однако вернемся к началу его и изложим все по порядку.

О молодой фрейлине императрицы Александры Федоровны Рите Хитрово до сих пор мало что известно. В исторической литературе обычно приводятся ее краткие биографические данные, которые укладываются в несколько строк.

Хитрово Маргарита Сергеевна (17/30.10.1893–31.02/ 13.03.1952) – бывшая фрейлина императрицы Александры Федоровны, близкая подруга старшей царской дочери, великой княжны Ольги Николаевны (1895–1918). В царской семье ее просто называли Ритой. Родилась в Орловской губернии. В большой и дружной семье Хитрово было 10 детей, в том числе 6 братьев. Окончила Смольный институт благородных девиц, получив шифр фрейлины Высочайшего Двора. Во время Первой мировой войны сестра милосердия Царскосельского Собственного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны лазарета (№ 3) в Царском Селе, где работала вместе с цесаревнами. В дни Февральской революции была рядом с царицей в Александровском дворце, но затем не имела доступа к «опальным венценосцам». Менее чем через две недели после отправки царской семьи в Сибирь поехала вслед за царственными узниками в Тобольск, взяв с собой письма для передачи Их Величествам, августейшим детям и лицам свиты. Имела намерение увидеть царскую семью и быть ей чем-то полезной. За самовольный приезд в Тобольск она 22 августа 1917 года была по распоряжению А.Ф. Керенского подвергнута обыску в гостинице, где остановилась, и аресту, а затем под конвоем отправлена в Москву (в Судебную палату), т. к. подозревалась в участии по подготовке «монархического заговора» по освобождению царской семьи. Допрос вел следователь по особо важным делам Павел Александрович Александров (1866–1940), но позднее за отсутствием улик была освобождена. Поддерживала переписку с царской семьей. Сама же Маргарита Хитрово в 1922 году писала в статье, опубликованной в эмигрантском журнале, что она поехала в Тобольск по собственной инициативе, желая быть вблизи от царской семьи. В эмиграции вышла замуж за офицера, участника Белого движения Владимира Георгиевича Эрдели (1883–1959). Скончалась в Нью-Йорке (США), похоронена была на кладбище монастыря “Новое Дивеево”.

Попытаемся восстановить и проследить ее жизненный путь, а также разобраться: какое отношение имела фрейлина Рита Хитрово к так называемому монархическому заговору? О нем весьма широко, навязчиво и упорно сообщалось в периодической печати Временным правительством.

С началом Первой мировой войны большое семейство Хитрово, как и весь русский народ, встали на защиту Родины. Братья отправились на фронт, где вскоре некоторые из них получили ранения, а некоторые позднее погибли во

время Гражданской войны. Рита Хитрово вместе со старшими цесаревнами Ольгой и Татьяной Николаевнами работала сестрой милосердия в госпитале в Царском Селе. Она очень сблизилась с великой княжной Ольгой Николаевной (1895–1918). Подруги были почти ровесницами. Сохранились некоторые их письма и записки, которыми они регулярно обменивались. Так, например, цесаревна Ольга Николаевна 26 сентября 1914 года сообщала Рите Хитрово:

«Дорогая Рита!

Большое Вам спасибо за письмо. – Очень рада, что брату лучше. Кланяюсь ему. Мы ездим ежедневно на перевязку в Дворцовый лазарет, в отдельный домик для офицеров, и туда приносят 6 раненых солдат каждый день, и Татьяна и я перевязываем их. Мама и Аня [Вырубова], обыкновенно, офицеров, а мы иногда помогаем им, а если нет, сидим у других. Они все такие милые и веселые, и с ними уютно сидеть. А солдаты, это просто Ангелы. Такие терпеливые и все рвутся обратно в строй. Папа вернулся в пятницу – и много интересного рассказывал. – Хорошее впечатление на него произвел гарнизон в Осовце. Он посещал разные больницы с ранеными в Вильно и Ровно, где сейчас находится Петя Ольги (*имеется в виду муж великой княгини Ольги Александровны принц Петр Александрович Ольденбургский*. – *Прим. В.Х.*). – Здесь в Большом дворце у меня устроен маленький склад, где работают для детей семей запасных. Довольно часто бываем там и тоже работаем. По средам езжу в Петроград принимать пожертвования в пользу моего Комитета. Вы, наверное, слышали, что весь Гвардейский Экипаж на войне, и все наши с яхты, офицеры и команда. Кроме Молоховца. Он бедный был болен и теперь, кажется, в Балаклаве на солнышке греется. Здесь очень холодно, но ясно, и листья почти все опали. Наши раненые потихоньку поправляются и их возят кататься на моторе. У нас в Царском [Селе], масса лазаретов и вместе с Павловском можно поместить более 1000 человек. Все-таки порядочно для маленького города.

Ну, до свиданья, милая Рита. Крепко Вас целую. Татьяна шлет привет.

Любящая Вас *Ольга*.

Храни Вас Бог»[452]**452**
ГА РФ. Ф. 1840. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–3 об.

.

Они доверяли друг другу сокровенные девичьи тайны, делились и радостями, и печалями. Дружба все крепла. Они виделись практически каждый день, но если

бывали небольшие разлуки, то по-прежнему продолжали обмениваться письмами и записками.

Императрица Александра Федоровна только приветствовала эту дружбу. Она сама часто привечала Риту Хитрово. В письме № 332 императрицы к Николаю II за 24 августа 1915 года имеются такие строки: «Бэби очень весело провел время в “маленьком доме” с Ириной Толстой и Ритой Хитрово, – они вместе играли»[453]**453**
Переписка Николая и Александры Романовых. 1915–1916 гг. Т. IV. М.-Л., 1925. С. 320.

. Это означает, что цесаревич Алексей (1904–1918) играл в доме Анны Вырубовой с графиней Ириной Дмитриевной Толстой (1897–1940) и Маргаритой Сергеевной Хитрово (1895–1952), фрейлиной императрицы.

Наступали Рождественские и новогодние праздники, последние перед грозной эпохой испытаний и «великих перемен». Ничто, казалось, не предвещало крушения Российской империи, о чем можно судить по записочкам царских дочерей к Рите Хитрово:

«Ритка, спасибо, дорогая.

Самых радостных и веселых праздников желаем.

Ольга. Татьяна»[454]**454**
ГА РФ. Ф. 1840. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

.

В мятежные дни начала Февральской революции императрица Александра Федоровна, находясь в Александровском дворце Царского Села с больными детьми, предпринимала попытки установить связь с супругом и прояснить ситуацию. В частности, в ее дневнике от 4 марта 1917 года имеются строки, по которым видно, что Рита Хитрово не покинула Государыню:

«[Написала письмо] № 653.

9 ч[асов]. Бенкендорф, Ресин, Рита [Хитрово], Ольга Колзакова.

Завтракала с Лили [Ден] и Марией»[455]**455**
Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Т. 1. (1 января – 31 июля 1917 г.). М., 2008. С. 305.

.

Царская семья и сам Государь Николай II были объявлены под домашним арестом, очевидно, в знак благодарности за “бескровное и добровольное отречение” бывшего «самодержца» от Российского престола. Великие князья Императорского Дома Романовых, хотя и находились на свободе, но не имели права покинуть Россию или изменить свое расположение местожительства без разрешения новых властей.

Доступ в Александровский дворец, где находилась в заключении царская семья, был закрыт. Переписка подвергалась контролю коменданта дворца, который был назначен Временным правительством. Многие из бывших приближенных к царской семье в такой обстановке предпочитали не рисковать и прекратили общение с «царственными узниками». Только немногие пренебрегли опасностями и продолжали пытаться восстановить связь и общение с царской семьей. Среди них была Рита Хитрово, которая по-прежнему подписывала свои письма и не боялась скомпрометировать себя перед новыми правителями России.

Комендант Царского Села полковник Е.С. Кобылинский (1879–1927) позднее свидетельствовал белогвардейскому следователю по особо важным делам Н.А. Соколову следующее: «Люди трусили обнаруживать свои отношения к Царской Семье. Ольгу Николаевну очень любила Маргарита Хитрово. Она часто приходила ко мне и просила передать письма Ольге Николаевне. Свои письма она всегда так и подписывала: “Маргарита Хитрово”. Так же полно подписывалась в письмах, которые мне приносила Хитрово, еще Ольга Колзакова. Но были еще письма, которые авторами их подписывались: “Лили” (Ден), “Тити” (Вельчковская). Я как-то сказал Хитрово: “Вот вы прямо и открыто подписываетесь своим именем. Так же подписывается и Ольга Колзакова. А другие скрывают свои имена. Это неудобно. Представьте себе, каким-либо образом переписка попадет в руки власти, и меня спросят: от кого эти письма? Ведь мое положение станет глупым. Передайте, пожалуйста, авторам этих писем, чтобы они пришли ко мне. Должен же я знать, кто они такие”. После этого я совсем перестал получать письма от “Лили” и “Тити”»[456]**456**
Историк и современник. Берлин, 1924. С. 177.

.

Новые «демократические правители» страны считали опасным оставлять царскую семью около революционного и беспокойного Петрограда. Ее решили отправить в Сибирскую ссылку в Тобольск, что одновременно выглядело «актом возмездия» за все прежние грехи династии Романовых против революционеров и демократии.

До Временного правительства дошли слухи, что М.С. Хитрово самовольно, без всякого официального разрешения властей отправилась в Тобольск к царской семье.

Начало всей истории нашло отражение в воспоминаниях Т.Е. Боткиной-Мельник (дочери доктора Е.С. Боткина), которая поведала о свидании с фрейлиной М.С. Хитрово в Царском Селе перед ее отъездом в Сибирь. Правда, в этих воспоминаниях имеются и некоторые погрешности по точности изложения событий:

«– Я еду в Тобольск, – объявила она мне.

Я уже раньше слышала об ее намерении ехать в Тобольск, но не ожидала, что это будет так скоро после Их отъезда.

– Я еду завтра, у меня билет уже есть, а чтобы не возбуждать подозрения, я еду как будто бы на поклонение мощам Иоанна Тобольского. Туда много ездят, отчего же я не могу поехать на богомолье? А Вы мне дайте письмо, если хотите.

Я дала ей письмо к моему отцу, и она отправилась, взяв еще много писем к лицам свиты и даже Их Величествам. /…/

Вскоре после отъезда Маргариты Хитрово я получила от своего отца разрешение ехать и была в отчаянии, что некоторые дела меня задерживали. Вдруг до нас дошли слухи об аресте Хитрово и препровождении ее под конвоем в Петроград.

Вслед за тем приехал Макаров, на смену которому в Тобольск был послан комиссар Панкратов с помощником – прапорщиком Никольским.

Бедная Хитрово была очень поражена всем случившимся, не представляя себе, что исключительно ее странное поведение повело к ее аресту, а ее приезд – к удалению Макарова и смене его на более доверенное лицо. Но, действительно,

она вела себя так, точно хотела довести до этого. Уезжая, она вся закуталась в пакеты со всевозможной корреспонденцией, а с пути писала открытки родственникам следующего содержания: “Я теперь похудела, так как переложила все в подушку” или “Население относится отлично, все подготовляется с успехом” и т. д.

Приехав в Тобольск, она моментально направилась в дом, где помещалась свита, и наткнулась на графиню Гендрикову, которая провела ее в свою комнату. Затем туда же пришел мой отец, и они все мирно разговаривали, когда появился Кобылинский и объявил, что он вынужден арестовать Хитрово. Корреспонденция была отобрана, у графини Гендриковой сделали обыск, и ее, моего отца и Хитрово допрашивали, причем последняя, говорят, держала себя очень вызывающе. Затем ее под конвоем отправили в Петроград»[457]**457** Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993. С. 67–68.

.

Фрейлина императрицы Александры Федоровны баронесса С.К. Буксгевден в эмигрантских воспоминаниях также писала об этом происшествии: «Невольно большой вред в это время нанесла неожиданным приездом в Тобольск подруга Великих Княжон Маргарита (Рита) Сергеевна Хитрово, одна из почетных фрейлин. У нее не было должности при Дворе, но она была сестрой милосердия в госпитале Императрицы и с большим восхищением относилась к Великой Княжне Ольге Николаевне. Во время своей поездки она вела себя самым глупым образом и писала своей семье открытки, неосторожно выбирая выражения, и это вызвало подозрение, что она ехала с политическим поручением. Когда она прибыла в Тобольск в сентябре, то прямо прошла в дом Корнилова повидаться с графиней Гендриковой. Никому не разрешалось входить в дом без специального разрешения. Ее, конечно, увидели солдаты, была поднята тревога, и барышня Хитрово была немедленно арестована и отправлена в Москву. Она везла с собой несколько совершенно невинных писем к Императорской Семье, которые намеревалась отдать Кобылинскому, чтобы он передал их им, но нарушила правила, и ее визит к графине Гендриковой закончился допросом и арестом графини на один день в собственной комнате и многими волнительными моментами для коменданта. В Москве, в конечном счете, было подтверждено, что барышня Хитрово не обладала никаким политическим влиянием и что ее путешествие было предпринято единственно из-за желания повидать ее любимых Великих Княжон. Она была освобождена, но заключенные в Тобольске пострадали от ее смелой выходки. Хотя

Императорская Семья ее не видела, солдаты пришли в ярость из-за нарушения правил и усилили бдительность и строгость. Они боялись, что «заговор» все еще существовал, и именно вследствие визита барышни Хитрово свите стали разрешать выходить только под вооруженной охраной. Когда в ноябре из Царского Села прибыли камер-юнгфера Императрицы Мадлен Занноти и две служанки, их не допустили, несмотря на то, что у них были необходимые полномочия от Керенского. Та же участь постигла и меня после моего приезда»[458]**458**

Буксгевден С.К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины. М., 2012. С. 311–312.

.

Все дело началось, как часто водится, с элементарного доноса. Как писал И.П. Якобий в эмигрантской книге «Император Николай II и революция» о начале этой истории: «В сентябре 1917 г. (*по новому стилю или во второй половине августа, по старому стилю. – В.Х.*) товарищ прокурора Нижегородского окружного суда С., возвращаясь в поезде из командировки, услышал рассказ одной из пассажирок о подготовке какой-то казачьей организацией попытки освободить Царскую Семью, причем непомерно болтливая дама поведала даже, что дочь ее, фрейлина Маргарита Сергеевна Хитрово, выехала уже в Тобольск, везя с собой корреспонденцию для Царской Семьи. Приехав в Нижний Новгород, товарищ прокурора С. вместо того, чтобы свято хранить случайно услышанную им весть о возможном спасении своего Монарха, поспешил обо всем донести прокурору суда. Этот, забывший долг присяги, «судебный деятель», в свою очередь, выехал в тот же день в Москву для доклада о «заговоре» прокурору Московской судебной палаты А.Ф. Стаалю, заядлому революционеру из эмигрантов, назначенному на эту должность Керенским.

Начальнику московской сыскной полиции (*правильно уголовной милиции. – В.Х.*) Григорьеву было поручено разыскать неосторожную пассажирку, арестованная и допрошенная Григорьевым, Л.В. Хитрово не только подтвердила весь свой рассказ о заговоре, но, напуганная печальным оборотом, который приняло дело, показала, что душою заговора является офицер К., служащий на станции Режица; относительно же своей дочери Л.В. Хитрово сообщила, что та действительно выехала в Тобольск, везя корреспонденцию, зашитую в холстину, обернутую вокруг талии.

Чины судебного ведомства и милиции понеслись задерживать «виновных»; один товарищ прокурора поехал в Тобольск, другой в Режицу. Вместе с тем в

Тобольск же была отправлена телеграмма Керенского о задержании и обыске Маргариты Сергеевны Хитрово»[459]**459**
Якобий И.П. Император Николай II и революция. СПб., 2005. С. 295–296.

.

Видимо, в тревожные августовские дни «мятежа» генерала Л.Г. Корнилова глава Временного правительства А.Ф. Керенский весьма с преувеличенным опасением воспринял эту поездку М.С. Хитрово. В шифрованной телеграмме от 18 августа 1917 года, направленной в Тобольск прокурору окружного суда Корякину, предписывалось:

«Из Петрограда.

Расшифруйте лично и если комиссар Макаров или член Думы Вершинин [в] Тобольске, то [в] их присутствии.

Предписываю установить строгий надзор за всеми приезжающими на пароходе в Тобольск, выясняя личность и место, откуда выехали, равно путь, которым приехали, а также место остановки. Исключительное внимание обратите [на] приезд Маргариты Сергеевны Хитрово, молодой светской девушки, которую немедленно на пароходе арестовать, обыскать, отобрать все письма, паспорта и печатные произведения, все вещи, не составляющие личного дорожного багажа, деньги; обратите внимание на подушки; во-вторых, имейте в виду вероятный приезд десяти лиц (*эта группа в Тобольске не появилась. – В.Х.*) из Пятигорска, могущих, впрочем, прибыть и окольным путем.

Их тоже арестовать, обыскать указанным порядком. Ввиду того, что указанные лица могли уже прибыть [в] Тобольск, произведите тщательное дознание и [в] случае их обнаружения арестовать, обыскать, тщательно выяснить, с кем виделись. У всех, кого видели, произвести обыск и всех их впредь до распоряжений из Тобольска не выпускать, имея бдительный надзор. Хитрово приедет одна, остальные, вероятно, вместе. Всех арестованных немедленно под надежной охраной доставить [в] Москву к прокурору. Если они или кто-либо из них проживал уже [в] Тобольске, произвести тотчас обыск [в] доме, обитаемом бывшей царской семьей, тщательный обыск, отобрав переписку, возбуждающую малейшее подозрение, а также все не привезенные ранее вещи и все лишние деньги. Об исполнении предписания по мере осуществления указанных действий телеграфировать шифром мне и Прокурору в Москву, приказания которого подлежат исполнению всеми властями. Прошу Макарова или Вершинина телеграфировать, какой у них шифр. Нумер 2992.

Министр-председатель *Керенский*»[460]**460**
Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920). /Сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 245.

.

В дневнике Государыни Александры Федоровны от 19 августа 1917 года по этому поводу значится следующее: «Риту [Хитрово] снова отослали пароходом, я полагаю, в Москву. Нам не дали иконы, леденцы и жакет, которые она привезла. Письма мы, к счастью, получили вчера утром»[461]**461**
Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Т. 2. (1 августа 1917 – 16 июля 1918). М., 2008. С. 38.

.

Однако произошла обычная накладка – местные власти вовремя не арестовали Маргариту Хитрово: все, что нужно было, она уже передала по назначению.

Вокруг инцидента развернулось целое следствие. Начались допросы свидетелей этого происшествия, производились обыски помещений. Государыня Александра Федоровна 21 августа зафиксировала в дневнике: «Приходил прокурор для проведения дознания относительно Риты [Хитрово] у Настеньки [Гендриковой], Боткина»[462]**462**
Там же. С. 42.

.

В ответном рапорте прокурора Тобольского окружного суда Корякина в Петроград А.Ф. Керенскому от 22 августа 1917 года сообщалось: «Вследствие Вашего, господин министр-председатель, телеграфного предписания доношу, что 18 текущего августа в 8 часов утра, получив и лично расшифровав телеграмму, я тотчас, в исполнение полученного предписания, установил при посредстве Тобольского губернского комиссара наблюдение за всеми приезжающими и уезжающими из Тобольска лицами, а также принял меры к установлению личности всех приехавших за последние два месяца в Тобольск. К часу дня я получил сведения о том, что в город Тобольск 17 августа в 11 часов вечера прибыла сестра милосердия Маргарита Сергеевна Хитрово и

остановилась в № 12 гостиницы Хвастунова и, не застав там Хитрово, я в присутствии хозяина гостиницы произвел тщательный обыск…»[463]**463**
Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель Царской Семьи. Сб. документов и материалов. /Сост. В.М. Хрусталев // Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. III. М., 2001. С. 105–107.

.

В этот же день Тобольский губернский комиссар В.Н. Пигнатти в письме А.Ф. Керенскому указывал на необходимость усиления мер по контролю за положением в Тобольске. В частности, он подчеркивал: «Я считаю необходимым дачу Временным правительством кому-либо в городе Тобольске особых полномочий, или командирование в Тобольск особого лица с полномочиями, для постоянного здесь жительства. Противное положение может поставить в невозможность исполнить Ваши приказы… Для переписки по делам бывшей царской семьи необходимо, чтобы лицо уполномоченное имело особый шифр…»[464]**464**
Якобий И.П. Император Николай II и революция. СПб., 2005. С. 296–297.

.

Сделано было все, как приказал министр-председатель А.Ф. Керенский: всех (Прохорову, Гендрикову, Корнилову, Петропавлову, Иванову, контактировавших с фрейлиной) обыскали, а М.С. Хитрово арестовали и отправили под охраной в Москву. Но при всем этом результатов это не дало: никакой криминальной информации «о заговоре» следствие не получило.

Как отмечал И.П. Якобий в своей вышеупомянутой книге: «Смелая девушка заявила, что ничего о заговоре не знает, и приехала в Тобольск единственно из желания находиться возможно ближе к Царской Семье, с которой она, как фрейлина Государыни Императрицы, была тесно связана. Арестованная М.С. Хитрово была доставлена в Москву и временно помещена в здании судебных установлений в кабинете врача.

При обыске в Режице у офицера К. были, между прочим, обнаружены обширная переписка, квитанционная книжка по сбору пожертвований и обыкновенная резиновая печать, сделанная от руки перочинным ножом, с надписью “Общеказачий Союз”.

Беглым опросом начальствующих лиц и сослуживцев К. было установлено, что никакого "общеказачьего союза" как будто не существует, но квитанционная книжка выдала имена жертвователей на это загадочное дело.

Прямо с Николаевского вокзала арестованный К. был доставлен в камеру судебного следователя Александрова, который и подверг его двухчасовому допросу. Александров оказался судебным деятелем другого закала, нежели те, непомерно старающиеся перед новыми хозяевами чины прокурорского надзора, которые заварили всю эту кашу. Под его умелым руководством дело быстро приняло совершенно иной оборот. Офицер К. показал, что никакого заговора в действительности не было, а что он единственно решил использовать в корыстных целях настроения некоторых кругов русского общества и, под предлогом спасения Царской Семьи, собирал пожертвования, которые и обращал в свою пользу.

Где была правда в этом показании, трудно сказать, но оно дало Александрову возможность свести крупное политическое дело к простому мошенничеству и освободить М.С. Хитрово»[465]**465**

Якобий И.П. Император Николай II и революция. СПб., 2005. С. 296–297.

.

Любопытно отметить, что документы Тобольского окружного суда по обвинению Маргариты Хитрово и других граждан по 101 статье Уголовного уложения, оказалось в марте 1919 года в руках белогвардейского следствия по делу убийства царской семьи. Товарищ прокурора Т.Ф. Соловьев в своем протоколе от 13 марта 1919 года отметил: «В конце производства имеется телеграмма прокурора Московской судебной палаты Стааля от 21 сентября 1917 года, из которого видно, что дело Хитрово прекращено и препятствий к приезду ее в Тобольск не встречается»[466]**466**

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи (Август 1918 – февраль 1920). Сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 245.

. Иными словами, дело против М.С. Хитрово было фактически закрыто, а она была освобождена.

Мы, к сожалению, располагаем только документами Временного правительства и личными фондами Императорского Дома Романовых. Хотя было бы весьма

интересно заглянуть непосредственно в следственные материалы по делу М.С. Хитрово следователя А.П. Александрова и прокурора А.Ф. Сталя (Стааля), если, конечно, они сохранились и не были уничтожены (как дела временного хранения). Из всех изложенных выше документов видно, что А.Ф. Керенский продолжил антимонархическую кампанию в масштабах государства без всяких серьезных оснований, так как дело против М.С. Хитрово было прекращено. А именно оно, как мы видели из документов, послужило основанием начала расследования контрреволюционного заговора. Маховик пропаганды так называемой борьбы с «монархическим заговором» продолжал раскручиваться с новой силой, но уже с вектором в сторону великих князей и непокорного генерала Л.Г. Корнилова.

Взявший под контроль это дело прокурор Московской судебной палаты А.Ф. Сталь (Стааль) 25 августа 1917 г., докладывая А.Ф. Керенскому, констатировал именно это, но вместе с тем дал объективную информацию о настроениях, имевших место в Тобольске. В частности, он отмечал: «…Необходимо отметить ее (*Хитрово М.С. – В.Х.*) свидание с комендантом полковником Кобылинским и графиней Гендриковой. Виделась она с ним дважды: в первый раз вскоре после приезда, зайдя в дом Корнилова и ограничившись беседой, которую ни прокурор, ни Кобылинский не сочли нужным закрепить в дознании, во второй раз – после обеда, когда Хитрово свезла Гендриковой чемодан и корзину с письмами и вещами для графини и Великих Княжон. Допрошенная прокурором Хитрово не могла вспомнить всех адресатов и сообщила лишь, что писем по ее мнению, было около 15-ти. У Гендриковой обыска не производилось. Ей прокурором было предъявлено лишь требование выдать письма, переданные Хитрово. Гендрикова передала письма некоего Николаева и Буксгевден, в которых, по мнению прокурора, говорилось лишь о личных настроениях и личных отношениях. /…/

Допрошенный мною председатель Совета крестьянских депутатов Экземплярский заявил мне, что население Тобольска, в общем, относится скорее сочувственно к бывшей Царской Семье и перед домом, где они живут, всегда стоят небольшие группы, почтительно ожидающие момента, когда кто-либо из бывшей Царской Семьи выйдет на балкон или появится в окне. /…/ Совет солдатских и рабочих депутатов влияния в городе не имеет. По мнению Экземплярского, опубликование документов, говорящих о деятельности бывшего Государя и в особенности Государыни, более чем желательно, ибо монархическое настроение, охватывающее широкие круги тобольского населения, объясняется в значительной степени отсутствием надлежащей осведомленности.

В Тюмени антимонархическое настроение прочно (железнодорожные мастерские).

В заключение, возвращаясь к вопросу об обыске в доме, обитаемом бывшей Царской Семьей, полагаю, что арест Хитрово, несомненно, известный графине Гендриковой, лишает этот обыск в настоящее время практического смысла. Что же касается препятствий, поставленных полковником Кобылинским… В этом вопросе Вы являетесь единственным компетентным судьей»[467]**467**
ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 259. Л. 5–5 об., 6.

.

Стоит пояснить, что полковник Е.С. Кобылинский посчитал невозможным производить обыск помещений царской семьи, как настаивали местные власти, в связи с тем, что это было бы бесполезно с уже упущенным временем и создало бы еще большее напряжение атмосферы. По этому поводу он имел также письменные объяснения с центром.

Позднее полковник Е.С. Кобылинский в показаниях белогвардейскому следователю по особо важным делам Н.А. Соколову в апреле 1919 года отметил: «В Тобольск приезжала и Хитрово. Это молоденькая девушка, проникнутая чисто “институтским” обожанием к Ольге Николаевне. Из-за ее приезда была целая история, раздутая тогда газетами. Ее обыскивали и ничего не нашли»[468]**468**
Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920). Франкфурт-на-Майне, 1987. С. 313.

.

На запрос белогвардейского следователя Екатеринбургского окружного суда И.А. Сергеева 24 февраля 1919 г. от прокурора Тобольского окружного суда Корякина им был получен ответ: «В августе 1917 года возникло предположение об организации какого-то заговора в связи с приездом в гор. Тобольск М.С. Хитрово, но, как видно из позднейших сообщений прокурора Московской судебной палаты Стааля, это предположение, по-видимому, оказалось несостоятельным»[469]**469**
Там же. С. 166.

.

Однако на момент возникновения этого уголовного дела оно сослужило добрую услугу Временному правительству. В этот период в Москве проходило Государственное совещание, на котором правые элементы открыто предъявляли требования установления контрреволюционной диктатуры. «Меня, – как позднее писал А.Ф. Керенский, – заподозрили в заигрывании с реакцией». Поэтому, по мнению многих современных историков, разоблачение любого – «реального» или «мнимого» монархического заговора продемонстрировало решимость Временного правительства бороться не только с левой, но и с правой опасностью. При этом было объявлено, что 20 августа 1917 года Временное правительство постановило «заключить под стражу» великого князя Михаила Александровича, его жену графиню Н.С. Брасову, великого князя Павла Александровича, его супругу княгиню О.В. Палей и их сына В.П. Палей. В документах подчеркивалось, что указанные лица представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революцией свободе»[470]**470**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2472. Л. 8.

. Одновременно за границу подлежат высылке генерал В. Гурко, бывшая фрейлина А. Вырубова, П. Бадмаев, И. Манасевич-Мануйлов, С. Глинка-Янчевский, В. Диц и штаб-ротмистр Г. Эльвенгрен. Об этом была дана соответствующая информация в периодической печати.

Во многих газетах в тот период сообщалось:

«**Раскрытие заговора.**

О раскрытии контрреволюционного заговора сообщают следующие подробности:

Еще во время московского совещания прокурор московской судебной палаты А.Ф. Стааль сообщил А.Ф. Керенскому о наличности заговора против республики. Тогда же им были приняты, с одобрением правительства, энергичные меры к раскрытию заговора. В Москву был экстренно вызван прокурор петроградской судебной палаты Н.С. Каринский.

Еще во время московского совещания было начато расследование, которое через несколько дней дало в руки Временного правительства все нити заговора. Дознание производилось с чрезвычайной энергией.

Во главе следствия по всей России поставлен прокурор московской судебной палаты. Заговор, как выяснилось, подготовлялся тщательно и имел массу разветвлений в провинции. Сталю даны исключительные полномочия. В помощники ему приглашен судебный следователь по важнейшим делам Александров.

Произведены многочисленные аресты.

Прокуратура не останавливается в целях скорейшего пресечения дела перед самыми неожиданными арестами, хотя бы пришлось некоторых лиц вскоре освобождать за их непричастностью.

Аресты произведены в Москве, в Петрограде, на Юге и даже в Тобольске.

Фронт к этому заговору не причастен.

Официально дело о раскрытии заговора против республики носит название: "Дело по обвинению Маргариты Хитрово и других по 101 ст. Уголовного уложения".

Через каждые два часа А.Ф. Керенскому делаются подобные доклады о ходе следствия, о результатах допроса и именах арестованных, число которых возрастает с каждым часом. Кроме того, ежедневно прокурор московской судебной палаты докладывает о положении дел в заседаниях Временного правительства.

Задержанный по подозрению в участии в заговоре сын (*правильно брат. – В.Х.*) бывшей фрейлины С.С. Хитрово освобожден»[471]**471**
Русское Слово. 1917. 23 августа.

.

Газеты разной политической направленности наперебой рассказывали о подробностях монархического заговора, порой добавляя то, чего не было. Так, например, в хронике «Известий ЦИК» (Петроград) под заголовком «Контрреволюционный заговор» 25 августа 1917 года сообщалось:

«Ход следствия

Сосредоточенное у судебного следователя по особо важным делам при Петроградском окружном суде П.А. Александрова следствие по делу о контрреволюционном заговоре идет ускоренным темпом.

По добытым данным предварительного следствия создается впечатление о глубокой вере участников заговора в их чисто политического характера стремление воссоздать в России монархический строй.

Допрос арестованных и общий просмотр всех документов не дал определенных данных о том, что участники заговора желали возвратить на трон отрекшегося Николая Романова. Не установлено также единодушного у всех заговорщиков желания видеть монархом России вел. кн. Михаила Александровича или Павла Александровича, или кого-либо другого.

Заговор обнаружен именно в той стадии, когда была признана только необходимость для всей России возвращения к монархическому строю.

Допрос Л.В. Хитрово

Вчера в 4 часа дня в здание судебных установлений была доставлена для допроса арестованная в Елабуге, по ордеру прокурора Московской судебной палаты А.Ф. Сталя, мать фрейлины Любовь Владимировна Хитрово.

Она прибыла в Петроград в сопровождении инспектора московской уголовной милиции.

Допрос производился судебным следователем по особо важным делам П.А. Александровым и главнонаблюдающим за следствием А.Ф. Сталем. Допрос продолжался 4 часа и дал много обличающего материала.

По окончании допроса в качестве меры пресечения для Л.В. Хитрово был избран домашний арест.

В Петроград доставлен из Москвы бывший командующий войсками Петроградского округа, ныне арестованный ген. Фролов.

Маргарита Хитрово

По пути в Петроград находится и фрейлина Маргарита Хитрово. Обо всех обстоятельствах ее ареста были получены обширные и шифрованные телеграммы А.Ф. Керенским и А.Ф. Сталем, но они, вследствие неправильной передачи, до сих пор не расшифрованы.

Все дело будет сосредоточено в Петрограде, куда будут доставлены все арестованные.

Главнонаблюдающий за следствием А.Ф. Сталь выехал вчера в Москву, откуда вернется через неделю. Ему поручено все дальнейшее расследование заговора.

Первые неопровержимые сведения о заговоре получены были прокуратурой от одного очень уважаемого гражданина в Нижнем Новгороде.

Прокуратура до сих [пор] не считает возможным определять роль и значение каждого из арестованных и прикосновенных к делу лиц.

Официальный список высылаемых из России

Мы имеем возможность на основании официальных сведений сообщить полный список лиц, высылаемых за границу на основании закона об остракизме. В этот список входят отставной генерал В.И. Гурко, бывшая фрейлина А.А. Вырубова, редактор «Земщины» С. Глинка-Янчевский, доктор Бадмаев, И.Ф. Манасевич-Мануйлов и гвардии штабс-ротмистр г. Эльвенгрем.

Эльвенгрем играл довольно активную роль в союзе георгиевских кавалеров. Согласно его собственным показаниям, данным на допросе следственным властям, Эльвенгрем состоял вице-председателем этого союза. Эльвенгрем был прикомандирован к Генеральному штабу. Во всех выступлениях союза он принимал деятельное участие, пользуясь в союзе большой популярностью.

Всем высылаемым предъявляется следующий текст приказа: “На основании п. 2 указа Временного правительства от 2-го сего августа, определяющего исключительные полномочия министров военного и внутренних дел, по взаимному их соглашению, такой-то, деятельность которого особо угрожает обороне государства, внутренней безопасности и завоеваниям революции, обязан немедленно покинуть пределы Российского государства”.

Отъезд перечисленных выше лиц должен состояться сегодня, 25 августа, однако большинство из них заявило о невыполнимости предписания ввиду отсутствия средств и невозможности в такой короткий срок ликвидировать свои дела. Кроме того, возникли затруднения в смысле изготовления заграничных паспортов. Вследствие этого высылка всех состоится в субботу. Всех до Торнео будет сопровождать особый конвой, а также представители военной и гражданской власти»[472]**472**
Известия ЦИК (Петроград). 1917. 25 августа.

.

Таким образом, создавалось впечатление о крупном монархическом заговоре, которого на самом деле не было. Следует еще раз подчеркнуть, что предположение о заговоре оказалось несостоятельным. Дело было прекращено, но начато другое. Большинство видных военных начальников по обвинению в участии так называемого Корниловского мятежа были заключены под арест. Если детально разбираться в этом хитросплетенном узле политических событий, то главное, по нашему мнению, конечно, был не так называемый монархический заговор, а борьба за власть. Керенский не хотел никому ее уступать. Главной силой на тот момент были военные, как и в памятные дни свершения Февральской революции. Авторитет Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, в котором А.Ф. Керенский видел явную угрозу для своей популярности и «незаменимости» у руля России, подвинул главу Временного правительства пойти на явную провокацию. Генерал Л.Г. Корнилов был объявлен «мятежником», который даже не помышлял восстанавливать Романовых на троне, но хотел навести дисциплину и положить предел бесконечной вакханалии анархии, бесчисленным провокациям по захвату власти большевиками. Глава Временного правительства А.Ф. Керенский лишь корыстно желал, пытаясь всеми правдами и неправдами, сохранить свое место во главе Российского государства.

Позднее судебный белогвардейский следователь по особо важным делам Н.А. Соколов в августе 1920 года при допросе А.Ф. Керенского в Париже по делу убийства царской семьи не забыл задать бывшему главе Временного правительства вопрос и о «деле М.С. Хитрово». В протоколе допроса свидетельских показаний Керенский признал следующее: «Действительно по поводу приезда в Тобольск Маргариты Хитрово было произведено по моему телеграфному требованию расследование. Вышло это таким образом. Во время московского государственного совещания были получены сведения, что к Царю пытаются проникнуть 10 человек из Пятигорска. Это освещалось, как попытка увезти Царскую Семью. В силу этого и производилось расследование. Однако эти сведения не подтвердились. Ничего серьезного тут не было»[473]**473**
Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 гг./Сост. Л.А. Лыкова // Российский Архив. Вып. VIII. М., 1998. С. 236.

.

Несмотря на это признание белогвардейскому следствию, А.Ф. Керенский много лет спустя в своей книге «Трагедия династии Романовых» (вышедшей впервые на французском языке во Франции) писал по этому делу следующее:

«Хорошим примером истинной преданности и отсутствия всякого здравого смысла служит путешествие фрейлины Маргариты Хитрово. /…/

Осуществлялся ребячий заговор по освобождению Императорской Семьи. Хитрово ехала далеко не одна. Там собирались другие молодые люди, столь же воодушевленные, столь же неопытные. До правительства дошли сильно преувеличенные слухи, так что пришлось заняться расследованием. Серьезной опасности не обнаружилось, дело было закрыто.

Если я более или менее подробно рассказываю о деле Хитрово, то лишь потому, что оно типично для молодых энтузиастов, не способных «помочь» государям. Живя в Санкт-Петербурге, Москве, они питали непоколебимое убеждение, что, "кроме царской стражи, в Тобольске все до последнего – монархисты. Там есть настоящая организация, готовая нас поддержать, и необходимый транспорт".

Но, приехав в Тобольск, они видели, что "монархистами" можно назвать лишь немногих сочувствующих представителей среднего класса»[474]**474**
Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005. С. 148–149.

.

Последующие сведения в печатных изданиях о Маргарите Сергеевне Хитрово, ее судьбе весьма отрывочны и эпизодичны. Это в основном переписка с царской семьей, которая частично была впервые опубликована в зарубежных сборниках, а позднее в России. Некоторые документальные материалы о ней теперь находятся в ГА РФ.

Учредительное собрание и провозглашение республики

Насколько правомочно было провозглашение Временным правительством 1 сентября 1917 года в России республики, т е. до созыва и вынесения решения Учредительным собранием, к выборам которого само всех призывало? Почему позднее большевики разогнали Учредительное собрание и жестоко расстреляли демонстрацию простого народа, который выступил в его поддержку, тем самым напомнив в какой-то степени своими действиями события Кровавого воскресенья 1905 года, и положили начало Гражданской войны в России?!

В этой драматичной истории, прежде всего, вспоминаются эпизоды с так называемым временным отречением Михаила Романова от престола до вынесения решения Учредительного собрания, о чем мы говорили в этой книге раньше. Французский посол в России М. Палеолог о тех событиях в своих

известных мемуарах и дневниках говорил о поведении А.Ф. Керенского: «Керенский пожелал выразить общее чувство лапидарной фразой, сорвавшейся с его губ в театральном порыве:

– Ваше Высочество! Вы великодушно доверили нам священный сосуд вашей власти. Я клянусь вам, что мы передадим его Учредительному собранию, не пролив из него ни одной капли»[475]**475**
Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 365.

.

Вспомним и дневниковые строки императора Николая II от 3 марта 1917 года: «Алексеев пришел с последними известиями от Родзянко. Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость! В Петрограде беспорядки прекратились – лишь бы так продолжалось дальше»[476]**476**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 265; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 625.

.

Напомним, что монархист, член Государственной думы В.В. Шульгин уже 26 апреля 1917 года признавал: «Не скажу, чтобы вся Дума целиком желала революции; это было бы неправдой… Но, даже не желая этого, мы революцию творили… Нам от этой революции не отречься, мы с ней связались, мы с ней спаялись и несем за это моральную ответственность»[477]**477**
Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990. С. 35.

.

Какие же проблемы волнуют в это время Временное правительство? Обратимся к журналам его заседаний, где читаем: «Министр-председатель возбудил вопрос о необходимости точно определить объем власти, которой должно пользоваться Временное правительство до установления Учредительным собранием формы правления и основных законов Российского государства, равным образом, как и о взаимоотношениях Временного правительства к Временному Комитету Государственной думы. По этому вопросу высказывались мнения, что вся полнота власти, принадлежавшая монарху, должна считаться переданной не

Государственной думе, а Временному правительству, что таким образом возникает вопрос о дальнейшем существовании Комитета Государственной думы, а также представляется сомнительной возможность возобновления занятий Государственной думы IV созыва»[478]**478**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2103. Л. 1.

.

Таким образом, Государственная Дума, боровшая с царем за создание всенародного «правительства доверия», фактически канула в вечность, так как ее больше не собирали. Парламентский контроль в России оказался лишним. Получилось по поговорке: «За что боролись, на то и напоролись!».

Политические потрясения июльских дней 1917 года, осуществленные под знаменами большевиков, официальной правительственной пропагандой были связаны также с именем династии Романовых. В петроградских «Известиях» (редакция еще не принадлежала большевикам) от 12 июля указывалось: «Не может быть никакого сомнения, что именно контрреволюцией был задуман и с дьявольской хитростью приведен в исполнение бессмысленный бунт этих дней… Ведь это только им – Николаю и Вильгельму – идет на пользу та черносотенная проповедь, которая безвозбранною ведется на улицах и забрызгивает грязью и ядовитой слюной все органы революционной демократии, всех без разбора вождей ее…»[479]**479**
Известия (Петроград). 1917. 12 июля.

.

Вскоре те же «Известия» поместили еще одну подобную заметку:

«Временное правительство постановило членам дома Романовых избирательных прав в Учредительное собрание не предоставлять»[480]**480**
Известия (Петроград). 1917. 20 июля.

.

Таким образом, в самой свободной стране мира (как любили декламировать правители «нового порядка») – России – представители Императорской фамилии фактически официально лишались гражданских прав.

Министр юстиции А.Ф. Керенский с самого начала преуспел в государственной карьере (царская семья без суда уже была в тобольской ссылке), а он занял пост премьер-министра Временного правительства и больше эту власть никому не хотел уступать.

Бурные события не обходили Михаила Романова стороной. Так случилось в дни так называемого Корниловского мятежа, а по своей сути междоусобных разборок между ветвями власти. По России распространялись различные провокационные слухи. Так, например, председатель Комитета Всероссийского Земского союза Западного фронта В.В. Вырубов (1879–1963) писал в мемуарах: «Возвращаюсь к воспоминаниям о Корниловском деле. Замечу, что в краткие дни своего пребывания в Москве я услышал от одного лица, занимавшего там довольно ответственный пост, о каком-то заговоре, будто бы составленном против Временного правительства военными и монархическими кругами во главе с вел. кн. Михаилом Александровичем. Я не придал этому сообщению никакого значения, зная, что лицо, от которого я его слышал, настроено крайне нервно и вдобавок, по собственным его же словам, усиленно "подкрепляет себя в работе шампанским". Сведения о заговоре были им в ту пору сообщены и председателю Временного правительства»[481]**481**
Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле. // «Минувшее». Исторический альманах. Т. 12. М.-СПб., 1993. С. 11–12.

.

Сторонники монархии видели спасение России в реставрации прежнего строя и установления твердой власти. Многие из них считали, что «Манифест» Николая II скреплен подписью графа Фредерикса, а «Манифест» Михаила Романова ничьей подписью не скреплен – и, стало быть, недействителен. Значит, необходимо было вернуться к исходному моменту о праве передачи трона.

Роковую роль в судьбе великих князей сыграло разоблачение попыток монархических кругов связаться с высланным в Тобольск Николаем II. Дело Маргариты Хитрово, так до конца и не выясненное, подтолкнуло Временное правительство к принятию постановления об аресте великого князя Михаила Александровича и его супруги; а также семьи великого князя Павла Александровича. В правительственных документах, в частности, значилось, что указанные лица представляют угрозу «обороне государства, внутренней безопасности и завоеванной революционной свободе». В газетах подробно

описывались аресты великих князей, произведенные 21 августа 1917 года. Так, например, «Биржевые ведомости» сообщали: «В седьмом часу вечера из Петрограда были отправлены в Гатчину и Царское Село наряды воинских частей в составе одной роты. Вслед за тем выехал в Гатчину министр-председатель А.Ф. Керенский, в сопровождении помощника главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Козьмина и адъютанта.

По приезде на место А.Ф. Керенский проследовал на дачу, занимаемую Михаилом Александровичем, и в тот же момент дача была окружена войсками. А.Ф. Керенский лично объявил Михаилу Александровичу о мотивах, побуждающих Временное правительство применить по отношению как к самому великому князю, так и к его супруге домашний арест.

Михаил Александрович выразил некоторое удивление по поводу изложенных соображений, но вместе с тем указал, что он, конечно, готов подчиниться постановлению Временного правительства…

В ту же ночь, как передают, были произведены аресты некоторых других великих князей…»[482]**482**
Биржевые ведомости (Петроград). 1917. 23 августа.

.

В другой газете «Русское Слово» дополнительно в эти дни печаталось: «Как передают, великие князья Михаил Александрович и Павел Александрович будут высланы за границу.

Домашний арест их объясняется тем, что оба великих князя служили объектом раскрытого контрреволюционного заговора.

Как передают, в состав первой серии высылаемых по распоряжению Временного правительства из Петрограда за границу, кроме трех названных великих князей, входят: два брата офицеры Хитрово, по женской линии внуки Суворова, генерал Гурко и др.»[483]**483**
Русское Слово. 1917. 23 августа; ГА РФ. Ф. 5849. Оп. 2. Д. 30. Л. 47.

.

Историю ареста великого князя Михаила Александровича можно проследить по его дневниковым записям. 21 августа 1917 года, т. е. в день ареста, он в 6BS ч. вечера вернулся из Петрограда: «Через 15 минут наш сад и дом оказались оцепленными большим количеством солдат при двух офицерах. Вскоре приехал помощник главнокомандующего Петроградским воен[ным] окр[угом] кап. Козьмин в сопровождении гатчинского коменданта рот[мистра] Свистунова, комиссара г. Петрограда и поручика … (*фамилия не указана, пропуск в дневнике. – В.Х.*) и объявил мне, что по приказанию министра внутренних дел и военного министра, я буду находиться под домашним арестом. Наташа, Т.П. и Джонсон приехали из Петрограда через BS часа. Козьмин представил такую же бумагу об аресте и Наташе, которую ей пришлось подписать так же, как и мне. Затем он уехал, но осталась охрана с приставленным к нам комендантом пор. … (*фамилия не указана. – В.Х.*). Милые Шлейфера пожелали сесть в бест вместе с нами, а Меле Вальвен уехала в Петроград в 11 ч. веч. Обедали около 8Bs. Погода была чудная, около 18°, солнечная. Настроение у нас возбужденное, но бодрое, ибо совесть чиста.

Гатчина. 22 августа, вторник.

Утром читал. Днем Наташа и я разбирали старые письма. После чая мы прошлись по саду с Шлейферами, Джонсоном и мисс Ним. Вечером читали, играли на бильярде. Погода была дождливая до 12 ч., 13°, пасмурно было весь день.

Караул, кот. нас охраняет со вчерашнего дня, состоит из 60–70 чел., часовые расставлены по наружной дорожке сада и по другой стороне забора. Только что прочли в «Вечернем Времени» о нашем аресте, – арестован также и д. Павел в Царском [Селе]. Вчера при аресте мне была представлена бумага следующего содержания:

“Главнокомандующему войсками Петрог. Воен. Округа.

На основании п. 1-го постановления Временного правительства от 2-го сего августа о предоставлении исключительных полномочий министрам военному и внутренних дел по взаимному их соглашению, приказываю Вам с получением сего задержать быв. вел. кн. Михаила Александровича как лицо, деятельность которого представляется особо угрожающей обороне Государства, внутренней безопасности и завоеванной Революцией свободе, при чем такого надлежит содержать под строжайшим домашним арестом, с приставлением караула, коему будет объявлена особая инструкция.

Настоящий приказ объявить быв. вел. кн. Михаилу Александровичу и содержать его под арестом впредь до особого распоряжения.

Управ. Воен. Мин. *Савинков*.

21. VIII. № 580. Петроград”.

Гатчина. 23 августа, среда.

Утром читал. Днем мы все мели дорожки. В “Новом Времени” сегодня сказано о нашем аресте. Третьего дня немцы взяли Ригу. После обеда я писал Керенскому письмо. Погода была утром немного солнечная, а от 5 ч. пошел дождь, 12°.

Гатчина. 24 августа, четверг.

Утром читал. Днем мисс Ним и я на балконе втирали в Райта (*собака великого князя. – В.Х.*) нефть с вазелином (собственное патентованное средство) ввиду того, что он сильно чешется. Около 5 ч. был у меня капитан Козьмин, кот. держа мое письмо к Керенскому, сказал, что Керенский поручил мне передать, “что Временное Правительство не сомневается в моей лояльности и что положение демократии и государства таково, что признано необходимым меня изолировать от мира”. – На запрос об отъезде за границу, Козьмин ответил – “в настоящее время это совершенно невозможно”. – До обеда читал. Вечером играл на гитаре. Погода была дождливая, ветреная, 8°. Зелень еще совсем зеленая, только отдельные желтые листья. Наш сад весь в цветах, главным образом много табаку и душистого горошка, роз сейчас немного.

Гатчина. 25 августа, пятница.

Весь день провели в доме. Нам было объявлено, что во время прогулок за нами будет следовать унтер-офицер, ввиду чего мы и решили больше пока не выходить. До обеда я играл на гитаре. Вечером читали газеты. Погода была пасмурная, 8°.

В газетах за последние дни много писали об открытии контрреволюционного заговора, душой кот. являлась Маргарита Хитрово, кот. и арестовали. Выясняется, что в связи с раскрытием этого заговора произошел наш арест и дяди Павла. Но, по-видимому, никакого такого заговора нет.

Гатчина. 26 августа, суббота (день именин Наташи и Таты).

В 12 ч. о. Страхов отслужил молебен у нас в столовой, – был диакон и два псаломщика, присутствовал комендант, приставленный к нам – пор. Лаврентьев. Днем сидели в саду у дома и читали. Вечером я играл на бильярде с Шлейфером. Погода была пасмурная, 10°.

Сегодня высланы за границу: А. Вырубова, Бадмаев, Манасевич-Мануйлов, Глинка-Янчевский и штаб рот. Эльвенгрен.

Гатчина. 27 августа. Воскресенье.

Утром читал. Днем был у меня [Константин Антонович] Котон (*доктор великого князя. – В.Х.*), т. к. у меня сильно разболелось под ложечкой, – при этом визите присутствовал комендант. После чая Шлейфер и я гуляли в саду ровно час и прошли, вероятно, 5BS верст. До обеда лежал, очень болело, после обеда также. Погода была полусолнечная, 12°. Лег рано, в комнате Елизаветы Н., а то плохо сплю и беспокою Наташу.

28 августа, понедельник, Гатчина.

Днем мисс Ним мыла Райта в саду. Я большую часть лежал на диване в кабинете. Около 5 ч. был Котон, – присутствовал при этом конечно комендант. Из «Вечернего Времени» узнали в первый раз о выступлении ген. Корнилова. В 11 ч. я пошел наверх, заснул только на какой-нибудь час. Погода была теплая, до 4 ч. были сильные ливни, 14°.

Гатчина и переезд в Петроград. 29 августа, вторник.

Я был поднят в 3 ч. Нам заявил комендант приготовиться к отъезду в Петроград через час 10 м. К означенному времени мы все были готовы. Выехали же на самом деле только в 5 ч. 10 м. из-за того, что военные шоферы не могли пустить наши моторы, и только по вызову Ведихова это было исполнено (мы это предвидели и предупреждали коменданта). Повезли нас на Царское [Село]. Впереди шел грузовик с вооруженными 30 солдатами. Мы ехали на новом Паккарде. Рядом с шофером сидел солдат – член совета. Ехали бесконечно долго до Царского (больше 2 часов). Там была остановка, около Совета Р. и С. Д. Вместо грузовика пошел легковой мотор, и повезли нас мимо Пулково в Петроград. Около Московской заставы вследствие неисправности в моторе мы задержались еще на BS часа под страшным ливнем и градом. На Воскресенской встретили Преображенский Резервный полк, кот., по-видимому, выступал на охрану Петрограда. Наконец в 9 ч. мы подъехали к Штабу Округа, – долго ждали в автомобиле, затем повели нас в кабинет Главнокомандующего, где нас встретил шт[абс]-кап[итан] Филоненко. Он просил нас подождать, пока не

отведут для нас помещения. В 11BS [ч.] нам объявили, что помещение отведено на Морской 60, куда и тронулся наш караван. Оказалось, что это дом Мин. внут. дел и № его не 60, а 61 (напротив д[ома] кн. Орлова). Для жилья помещение это оказалось совсем невозможным, только с тремя кроватями и без малейших удобств. В 1 ч. закусили, после чего легли отдыхать, а Джонсон поехал хлопотать в Штаб Округа, о переводе нас к Алеше [Матвееву] на Фонтанку. Около 4 ч. он возвратился с благоприятным ответом. Предполагалось нас перевезти между 5 и 6 ч., но на самом деле перевезли только в 9 ч. Алешу видели, но ему пришлось переехать, чтобы не засесть также под арест. Дети вскоре легли, а я около 11 ч. К вечеру мои боли в желудке усилились. К нам приставили охрану в 65 чел., и мы продолжаем сидеть под строжайшим арестом. Из “Вечернего Времени” узнали, что выступление Корнилова и его наступление на Петроград, по-видимому, обречено на неуспех.

Все пообедали. Погода была от 9 ч. солнечная, 12°, сильный ветер. Памятный и тяжелый день.

Петроград, Фонтанка, 54, среда, 30 августа.

Встали очень поздно. Провел целый день в постели. До завтрака заходил Алеша [Матвеев], – разговаривал, конечно, в присутствии коменданта. Мы все себя чувствовали крайне утомленными, с развинченными нервами.

События дня:

Наступление войск ген. Корнилова на Петроград окончательно приостановилось. Арестованы Временным правительством ген. Деникин, Марков. Корнилов отрешен от должности и объявлено, что предается военно-революционному суду с присяжными заседателями.

Погода была солнечная, 12°.

Петроград. 31 августа, четверг.

Утром заходил Алеша. День провел частью на кресле, частью в постели. Дежурный офицер находится рядом с передней, а у входных дверей стоят парные часовые. Вот как сторожат опасных преступников!

События дня:

Корниловское выступление ликвидируется. Сам Корнилов согласен вступить в переговоры с Временным правительством о своей сдаче. Керенский принял Верховное командование, а ген. Алексеев у него начальник штаба.

Про себя ничего не можем узнать. Сидим и тоскуем. Погода дождливая, 10 градусов, как сегодня, так и вчера. Ведихов ездит на P.P. в Гатчину и привозит нужные вещи и провизию, а также и цветы.

Образовалось правительство из пяти: Керенский, Терещенко, Никитин, Верховский и Вердеревский.

Боли у меня усилились.

Петроград. 1 сентября, пятница.

Весь день провел в кровати. Около 11BS приехал из Финляндии Герман Георгиевич Вестфален и определил у меня круглую язву в желудке. Сказал мне пить одно молоко с бисквитом каждые два часа, лежать и прикладывать мешок с горячей водой. Причина болезни от нервов, в данном случае повлиял на меня арест. Погода была сырая, 8°.

Петроград. 2 сентября, суббота.

Положение без перемен. Утром был Вестфален.

Из газет знаем, что Корнилов и весь его штаб арестованы в Могилеве и приступлено к следствию над ним. В газетах упоминается, что ген. Каледин (Наказной атаман Войска Донского) что-то замышляет на Дону. Временное правительство приказало его арестовать, и это не было сделано.

Погода сырая и дождливая, 9°. К вечеру разгулялась.

Сегодня проснулись при объявлении России Демократической Республикой. Не все ли равно, какая будет форма правления, лишь был бы порядок и справедливость в стране (*подчеркнуто мною. – В.Х.*).

Петроград. 3 сентября, Воскресенье.

Перемен никаких. Читал Тургенева. Погода солнечная, 9°.

Петроград. 4 сентября, понедельник.

В 3 ч. состоялся консилиум: Сиротинин, Цейдлер и Вестфален. Они определили язву в желудке, кот. явилась следствием переживаемых больших неприятностей. Лечение состоит в молочной диете, в лежании с припарками на желудке, а главное нравственное спокойствие, но где его найти, живя здесь? Заходила миссис Беннет. Вечером Джонсон играл на рояле. После 9 ч. заехал Григорьев

(адъютант Керенского) и предупредил о нашем скором освобождении. Погода дождливая, к вечеру разгулялась, 9°.

Петроград. 5 сентября, вторник.

Обстановка все такая же. Около 1 ч. заезжал Зиновьев, кот. привез о здоровье Коки вести. В 2BS был Вестфален, а в 3 ч. M-r Жюль остриг Беби (*сын Георгий. – В.Х.*) длинные волосы и он выглядит теперь гораздо лучше, он сразу преобразовался из девочки в мальчика. Днем я читал Тургенева. Погода утром была ясная, потом дождливая, 11°.

Петроград и Гатчина. 6 сентября, среда.

С вчерашнего 9 ч. вечера я начал полную голодовку по совету Вестфалена, ввиду того, что боли не проходили. Днем был Вестфален. Между 5 и 6 ч. был Козьмин. Решено было около 9 ч. вечера выехать в Гатчину. К назначенному времени мы были готовы, но за нами приехал Козьмин только в 10Bj. Его задержал разговор по прямому проводу со Ставкой, откуда он спрашивал разрешение Керенского о нашем переводе в Гатчину. Кортеж наш состоял из 5 моторов, из кот. два наших. Наташа, дети и я ехали на Паккарде, с нами ехал Козьмин. Впереди шли два автомобиля с людьми и вещами, а сзади ехали: мисс Ним, Джонсон и комендант на закрытом автомобиле, наконец, последним шел Р.Р. с охраной. Приехали в Гатчину в 12Bj ночи. Встретили Шлейфера, кот. с этого момента снова сели с нами под арест. Вскоре все пили чай в столовой, – были Козьмин и Лаврентьев и были интересные разговоры. Я же пошел спать сейчас же по приезде. Приятно было возвратиться, наконец, домой. Погода была солнечная до вечера, 11°, ночью пошел дождь.

Гатчина. 7 сентября, четверг.

Встал очень поздно. Боли, наконец, прошли. От 12 до 6 ч. лежал на диване в саду. Александр Н[иколаевич] читал, а потом перешел в кабинет. Котон навестил. Вечером все сидели у меня в кабинете. Погода была чудная, но сильный ветер, северо-западный, 20° на солнце, 12° в тени. Зелень еще очень хорошая, желтизны мало.

Гатчина. 8 сентября, пятница.

В 10BS утра приехал доктор Вестфален, кот. разрешил мне выпить за целый день 2 стакана молока пополам с Виши, а до сего времени я в течение 3 дней ничего не ел, даже не пил ни капли молока. Я пробыл в кабинете до 1BS, а потом до 7 ч. на террасе. Александр Николаевич [Шлейфер] мне читал. Вечером

все сидели в кабинете. Погода днем была солнечная, вечером пошел дождь, 11°. Боли прошли почти совсем. Завидую тем, кот. едят, а мне еще долго голодать.

Ген. Алексеев ушел из начальников штаба при Верховном главнокомандующем. И весь штаб и Ставка будут расформированы. Завтра выйдет “Новое Время”.

Гатчина. 9 сентября, суббота.

Весь день лежал в кабинете на диване. За целый день выпил всего 4 стакана молока с Виши. Боли прошли. С завистью думаю о тех, кот. могут все есть. Днем был Котон. Погода дождливая, 8°. “Новое Время” вышло, оно было закрыто с 28 авг.

Гатчина. 10 сентября, Воскресенье.

Провел день, как вчера. В 3BS приехал проведать нас кап. Козьмин. Я его просил передать Керенскому, о том, чтобы сняли арест. Погода дождливая, по временам, 9°. За последние 4 дня листья сильно пожелтели. Цветов еще много в нашем саду. Выпил за день 4 стакана с BS молока.

Гатчина. 11 сентября, понедельник.

Пока что боли совсем прошли, вот уже несколько дней. День провел на диване в кабинете, а вечером от 9 до 10BS в гостиной. Вечером А.Н. [Шлейфер] мне читал. Погода была по временам дождливая, 8.

Начальником штаба при Верховном главнокомандующем назначен ген. Духонин.

Гатчина. 12 сентября, вторник.

Лежал весь день. Между 6 и 7 ч. вечера приехал навестить доктор Вестфален с Котоном. Они нашли улучшение в моем здоровье. Просил продолжать лежать и соблюдать диету до его приезда, т. е. до четверга 21-го. А.Н. [Шлейфер] как всегда мне много читал. От 9 ч. я перешел в гостиную и там лежал. А.Н. и Джонсон играли на бильярде, а Наташа с Т.П. в кости. Погода пасмурная, временами шел дождь, 9°.

Гатчина. 13 сентября, среда.

Благодаря чудной погоде я лежал при открытых дверях на террасе, а от 3BS до 6Bs лежал в саду и наслаждался, поскольку это было возможно. Затем мыл голову. В 8BS приехал Козьмин с адъютантом Домацианцем и от имени

Керенского объявил об освобождении от ареста. Они обедали у нас и пробыли до 11BS. Велись очень интересные разговоры. Были также и Шлейфера. С 8 ч. я лежал в гостиной. Погода с 11 ч. сделалась солнечной и теплой, 15° в тени.

Почему мы сидели под арестом – неизвестно и, конечно, никаких обвинений не было предъявлено и, конечно, не могло и быть. Где гарантия, что это не повторится. Козьмин производит очень хорошее впечатление, – идейный, скромный и умный»[484]**484**
ГА РФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 136. Л. 231–253.

.

Сохранилась расписка великого князя Михаила Александровича от 13 сентября 1917 г. о снятии ареста: «Объявленное мне через помощника Главнокомандующего Петроградским военным округом капитана Козьмина постановление Временного правительства о снятии с меня строгого ареста, наложенного 21-го августа 1917 г.

Великий князь *Михаил Александрович*»[485]**485**
ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2472. Л. 18.

.

В конечном итоге, Временное правительство разрешило великому князю выехать на лечение в Крым. Но он не пожелал воспользоваться этим правом и остался в Гатчине.

Этой политической акцией – борьбой с правой опасностью, Керенский надеялся упрочить свои позиции, добиться дополнительной популярности как защитника революции и сплотить ряды своих сторонников перед противостоянием «крайним левым». Но продолжающиеся революционные события в России и нестабильность положения на фронте поколебали уверенность союзников в дееспособности Временного правительства. Посол Бьюкенен 23 августа (5 сентября) 1917 года сообщал в Лондон:

«Здешним представителям очень трудно обрисовать в полной мере настоящее положение вещей, и только при личном участии члена русского правительства союзные правительства смогут решить, в какой мере будет в дальнейшем возможно предоставление России значительного количества военных материалов. Последние известия с фронта, связанные с внутренним

экономическим кризисом, сильно поколебали мою веру в способность России отразить немецкие войска… Я выразил надежду, что арест двух великих князей и всех… в контрреволюции, не отвлечет внимания от тяжелого военного положения, и спросил, может ли он (*министр иностранных дел. – В.Х.*) сообщить мне причину ареста. Он ответил, что они скомпрометированы интригами княгини Палей, жены великого князя Павла, и ее сына, направленными к возвращению императора или возведению на престол великого князя Дмитрия; были найдены ее многочисленные шифрованные телеграммы и письма. Однако он не думает, чтобы этот арест, являющийся лишь домашним, был продолжительным»[486]**486**
Красный архив. 1927. № 5 (27). С. 157–158.

.

Вскоре газеты поместили дополнительную информацию о так называемом монархическом заговоре. Газета «Биржевые ведомости» опубликовала следующую информацию:

«**История “контрреволюционного” заговора.**

Материалы, собранные властями по делу о контрреволюционном заговоре Хитрово и др., дают возможность нарисовать более или менее полную картину этого заговора.

Компания молодых людей, состоящая из двух вольноопределяющихся и двух штатских во главе с неким Скакуном, пользуясь монархическим настроением некоторых кругов, решила воспользоваться этим и устроить своего рода сбор пожертвований под флагом восстановления монархии. С этой целью было выпущено воззвание, которое распространялось путем рассылки и раздачи по рукам. Воззвание приглашало к пожертвованиям для восстановления монархического строя в России и для поддержки казаков во время их наступления на фронте. На воззваниях имеется печать. Эта печать взята из воинского учреждения и сделана она из каучука и на ней вырезаны орел, окруженный буквами, составляющими название этой организации “Комитет казачьих войск”. Одно из этих воззваний, найденное по указаниям видного нижегородского должностного лица в Елабуге у Хитрово, дало основание предполагать существование комитета, организованного с контрреволюционными целями.

После тщательного расследования было установлено, что никакого комитета не существовало, что вся организация вымышлена в целях эксплуатации доверчивых монархистов.

Воззвание сопровождалось списком якобы пожертвованных денег. В списке значились весьма видные имена, в том числе некоторые великие князья. Сумма уже собранных пожертвований объявлялась равной 3 миллионам рублей. На самом же деле, как установило следствие, аферистам удалось собрать только полторы тысячи рублей, которые они и прокутили в Витебской губернии.

Маргарита Хитрово была заподозрена в том, что она занимается распространением этих воззваний, но после того как обнаруженные при ней письма оказались самого невинного свойства, она была освобождена.

В настоящее время в "Крестах" находится один виновник этого заговора, вольноопределяющийся Скакун. В ближайшие дни ожидается арест остальных трех его сообщников.

Скакуну и его сообщникам предъявляется обвинением в мошенничестве по ст. 1666 и 1671 ул[ожения] о нак[азаниях]»[487]**487**
Биржевые ведомости. 1917. 12 сентября. № 16437.

.

Следует заметить, что предположение о «монархическом заговоре» оказалось несостоятельным. Дело было прекращено. Большинство видных военных начальников по обвинению в участии в так называемом Корниловском мятеже были заключены под арест. Воспользовавшись удобным моментом, еще до созыва Учредительного собрания 1 сентября 1917 года Россия была провозглашена республикой.

В Указе о создании Директории, подписанном А.Ф. Керенским и А.С. Зарудным, Временным правительством было заявлено:

«Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое сказалось на Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику»[488]**488**
Вестник Временного правительства. 1917. 3 сентября

.

Несмотря на то что Михаил Романов добровольно передал право решения вопроса о форме правления Учредительному собранию, все же оказался невольно заложником противоборствующих сил, стремящихся единолично возглавить правление государством. В ожесточенной борьбе был нарушен принцип легитимности, т. е. законной преемственности верховной власти. Не дожидаясь созыва Учредительного собрания, Временное правительство провозгласило Россию республикой. Октябрьский переворот закрепил беззаконие и явился предтечей разгона Учредительного собрания, которое оказалось ненужным фиговым листком для правителей – властей предержащих.

Историк С.П. Мельгунов (1879–1956) привел все произошедшие события в определенную систему, перечисляя основные вехи: «Развитие “российской революции” в 1917 году до большевицкого переворота 25 октября проходило через следующие этапы: отречение императора Николая II; отсрочка великим князем Михаилом Александровичем решения о принятии или непринятии власти до всенародного волеизъявления; государственный переворот, осуществленный 1 сентября 1917 года Керенским, – провозглашение России республикой, – причем последний акт отрицал оба предыдущих, будучи узурпацией не только существовавшей верховной власти, но и прав предстоящего Учредительного собрания, которое после этого (в условиях уже состоявшегося “предрешения” государственного строя) вряд ли может почитаться чем-то серьезным»[489]**489**
Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. Ч. 1. М., 2004. С. 47.

.

Депутат IV Государственной Думы В.В. Шульгин (1878–1976) также позднее писал по этому поводу: «Я приехал в Петроград очень удачно, в известном смысле. 1-го сентября Временное правительство объявило закрытой фиктивно существовавшую Государственную Думу. Конечно, фиктивную, так как жалованье (350 рублей) еще платили. Но не в этом дело. А в том, что одновременно 1-го сентября Временное правительство объявило Российскую державу республикой. На это оно не имело никакого права. Мы, поставившие Временное правительство у власти, поручили ему ведать временно делами, но не делами, имевшими не временное, а постоянное значение, или, иначе сказать, основными законами. Поэтому в этом смысле я составил протест против

преждевременного объявления России республикой и напечатал его в какой-то газете.

Император Николай II отрекся от престола в пользу своего брата Михаила. Последний не принял трона, но не окончательно, а условно. В тексте его отречения предусмотрено, что он может принять престол, только если ему поднесет его Всероссийское Учредительное собрание.

Великий князь Михаил Александрович был тогда еще жив, и, следовательно, Временное правительство не могло своею властью совершенно отнять престол у него, а значит, и у всей династии Романовых.

Конечно, мое заявление никакого реального значения не имело. Надежды на то, что Учредительное собрание пригласит великого князя Михаила Александровича на престол, не было. Но для меня и стоявших за мною киевских монархистов было важно, что этим моим заявлением мы предупреждаем, что в этом вопросе мы не послушаемся Временное правительство. Это оказалось важным и для дальнейшего, потому что и Деникин, и Колчак все же стояли в случае, если белые победят, за какое-то “волеизъявление народное”. Под волеизъявлением Деникин подразумевал Учредительное собрание»[490]**490** Лица: Биографический альманах. Т. 5. М.-СПб., 1994. С. 178–179.

.

Если детально разбираться в этом хитросплетенном узле политических событий, то главное, по нашему мнению, конечно, был не так называемый монархический заговор, а борьба за власть. Керенский не хотел никому ее уступать. Главной силой на тот момент были военные, как и в памятные дни свершения Февральской революции. Авторитет Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, в котором А.Ф. Керенский видел явную угрозу для своей популярности и «незаменимости» у руля России, подвинул главу Временного правительства пойти на явную провокацию. Генерал Л.Г. Корнилов был объявлен «мятежником», который даже не помышлял восстанавливать Романовых на троне, но хотел навести дисциплину и положить предел бесконечной вакханалии анархии. Документальные материалы вскоре созданной Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем Л.Г. Корнилове и его соучастниках убедительно показывают, что подавляющее число офицеров, принявших участие в «заговоре», не были монархистами. Так, ординарец В.С. Завойко в процессе следствия показал, ссылаясь на слова Верховного

главнокомандующего Л.Г. Корнилова, «что дорога к трону для любого из Романовых лежит через его, генерала Корнилова, труп»[491]**491**
Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. Сборник документов и материалов. Т. 2. М., 2003. С. 81.

.

В материалах комиссии имеются любопытные показания министра юстиции А.С. Зарудного от 18 сентября 1917 года: «На вопрос о том, известны ли мне какие-либо другие случаи контрреволюционных заговоров, отвечаю отрицательно, если не считать следующего: в тот день, когда в вечерних газетах появилось известие об аресте б. великого князя Михаила Александровича, А.Ф. Керенский в беседе со мною сообщил мне, между прочим, что был случай предложения ему составить “заговор в его пользу”, на каковое предложение он ответил отказом. Больших подробностей А.Ф. Керенский мне не сообщил, и я об этом деле ничего больше не знаю. По-видимому, об этом случае упомянул А.Ф. Керенский в своей речи 14 сентября в Демократическом совещании.

В бытность министром юстиции П.Н. Переверзева Временное правительство ассигновало министру юстиции сто тысяч рублей для расследования по делам о германском шпионаже. На эти средства П.Н. Переверзевым организована была при Министерстве юстиции контрразведка, начальником которой состоит Миронов, занимающий одновременно место и начальника контрразведки при Военном министерстве. За мою бытность министром юстиции я этою контрразведкою не пользовался и собирался преобразовать ее, слив ее с существующей в ведении Судебного ведомства уголовною милициею и подчинив ее прокурору палаты. От названного Миронова слышал, что он в августе был занят исполнением поручений А.Ф. Керенского по каким-то розыскам, каким именно, не знаю.

Дело о заговоре, по которому обвиняется фрейлина Хитрово, сколько мне известно, не имеет к делу Корнилова никакого отношения»[492]**492**
Там же. С. 121.

.

Однако политические деятели различной направленности лагерей и течений пытались в этой нестабильной ситуации в России в своих интересах воспользоваться военными. Были среди них и сторонники монархии. Так, кадет В.А. Маклаков еще за некоторое время до “корниловского выступления” пришел к убеждению, что главное изменение в политической ситуации в тот момент должно коснуться не отдельных лиц, а самой природы существующего строя. «Если настаивать на сохранении состояния “революции”, – писал он, – процесс будет продолжаться и придется испить чашу до дна. Поэтому, если бы Корнилов попытался остановить революцию, он должен был бы возвратиться к “законности”. Законность кончилась с отречением великого князя Михаила, и поэтому необходимо было бы вернуться к этой исходной точке. Он должен был бы опереться на акт отречения императора Николая II, который был последним законным актом, и восстановить монархию…»[493]**493**
Maklakoff W. Preface // La chute du regime tsarist: Interregatoires par la Comission Extrement du Gonvernement Provisoire de 1917. P., 1927. P. 85; Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988. С. 200.

. Те же ноты, надо заметить, прозвучали в выступлениях князя Е.Н. Трубецкого и Л.Н. Новосильцева.

Все это послужило поводом для А.Ф. Керенского объявить генерала Л.Г. Корнилова и его сторонников вне закона, а революцию в опасности. В связи с тем, что Михаил Романов раньше командовал «Дикой дивизией», которая в составе “мятежников” двигалась на Петроград, то, очевидно, надо было изолировать на всякий случай не только царскую семью, но и ряд великих князей. Недаром последний министр внутренних дел Временного правительства А.М. Никитин признавался в интервью корреспонденту «Известий ЦИК», опубликованном 20 сентября 1917 года:

«Временное правительство сочло необходимым удалить их из Петрограда для того, чтобы ослабить, или, вернее в корне пресечь мысль о попытке восстановления их власти. Дальнейшие события показали, что Временное правительство было совершенно право. Представьте себе, что в корниловские дни семья Романовых находилась бы в Царском Селе. Как известно, около Петрограда группировалось немало частей, сочувствующих Корнилову. Пребывание Николая Романова под самым Петроградом могло бы послужить для некоторых военных кругов, вернее, для маленьких групп сугубым соблазном…»[494]**494**
Известия ЦИК. 1917. 20 сентября.

.

Таким образом, с ликвидацией Корниловского мятежа была потеряна Временным правительством реальная опора, последняя сила в лице наиболее стойких и боеспособных воинских формирований, которые могли противостоять большевикам и окончательному развалу фронта.

Главная же нависшая угроза захвата власти большевиками не была устранена. По свидетельству кадета В.Д. Набокова: «До самого конца он (*имеется в виду А.Ф. Керенский. – В.Х.*) совершенно не отдавал себе отчета в положении. За четыре – пять дней до октябрьского большевистского восстания, в одно из наших свиданий в Зимнем дворце, я его прямо спросил, как он относится к возможности большевистского выступления, о котором тогда все говорили. “Я был готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло”, – ответил он мне. “А уверены ли вы, что сможете с ним справиться?” – “У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно”»[495]**495**
Набоков В. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991. С. 37.

.

Любопытно отметить, что подобный взгляд на события разделял и великий князь Николай Михайлович. О готовящемся выступлении большевиков он знал уже за неделю. «Я выступаю Фомой Неверующим, – писал он своему другу Ф. Массону 16 октября 1917 г., – потому что все эти трескучие объявления оказываются обыкновенно ложными». Но если оно все же произойдет, то, по его мнению, – тоже хорошо. «Это даже лучше, чтобы большевики двинулись, – полагает он, – потому что тогда с ними можно было бы покончить раз и навсегда, а иначе Коммуна водворится уже наверняка»[496]**496**
Цит. по: Соловьев Ю. Красный князь. // Родина. 1993. № 1. С. 99.

.

Политическую обстановку в стране и отношение к ней простого народа, в массе своей бывших крестьян в солдатской форме, рядовых рабочих и обывателей, передают следующие строки из воспоминаний П.А. Половцова: «Помню при посещении Гатчины забавный анекдот. Накануне происходила какая-то

манифестация, и в одной из артиллерийских казарм в разных углах валялись плакаты. Затем один с надписью: «да здравствует Интернационал», я спросил близ стоявшего солдатика, что эти слова значат, он смутился и заявил, что не знает, но что “депутат”, бравый унтер из батарейного комитета, может объяснить, а сей последний действительно быстро объяснил, что интернационал значит интересы нации. Я удовлетворился, вспомнив, что еще солдаты декабристы думали, что Конституция – жена Константина Павловича. Традицию солдатской изобретательности нужно уважать»[497]**497**
Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 81–82.

.

В октябре 1917 г. реальная власть быстро перетекала из Зимнего дворца в Смольный, к Петроградскому совету, который с 25 сентября возглавляли большевики. Демократия была дискредитирована как характером сложившейся власти, так и ее неспособностью создать четко работающий механизм государственного управления. Непосредственное «народоправие», или народное правление, оказалось утопией. Повсеместное внедрение самоуправления на местах привело общество в состояние хаоса. Хозяйственная разруха и ожесточение политической борьбы укоротили срок деятельности Временного правительства. Все сопротивление большевикам в смене режима свелось, по большому счету, в эти кризисные дни только к обороне Зимнего дворца.

Большинство же “доброжелателей” в лице либеральной и монархической оппозиции Временному правительству заняли выжидательную тактику, надеясь на этот раз, что большевики, свергнув Керенского и взяв власть, скоро ее сами потеряют и все плоды достанутся тем, кто мудро не лез в драку. Однако многие политические лидеры в этой стратегии «перехитрили самих себя», т. к. все случилось иначе, и мир в России перевернулся очередной раз «с ног на голову».

Эпилог

История порой задает своеобразные загадки, например, с магией имен. Династия Романовых началась в 1613 г., как мы отмечали выше, с царя Михаила, его преемником был сын Алексей Михайлович (Тишайший). В течение трех столетий царствования самодержцев эти два имени больше не встречались на Российском престоле. В мятежных событиях 1917 г. заговорщики стремились сделать Михаила Александровича регентом при

несовершеннолетнем племяннике цесаревиче Алексее Николаевиче, который бы позднее взошел на трон. Таким образом, с Михаила и Алексея мог быть открыт новый цикл конституционной монархии под скипетром Романовых, но по роковым обстоятельствам это не случилось. Подтвердилось неписаное, но не один раз подтвержденное в реальной жизни правило: история повторяется дважды… второй раз в виде фарса.

В известной книге американского писателя Роберта Мэсси «Николай и Александра» имеются любопытные строки: «Отречение Николая и Алексея сделало царем великого князя Михаила. В народе существовало старинное поверье: когда на трон взойдет Михаил, Россия достигнет своей многовековой цели – присоединит Константинополь. Со времен первого Романова, основателя династии, до сих пор не было царя по имени Михаил. Теперь младший брат Николая II становится Михаилом II. Были и другие благоприятные предзнаменования. Великобритания и Франция, прежде постоянно блокировавшие продвижение России на юг, сейчас стали ее союзниками и в этом вопросе. Константинополь был обещан России как награда в победоносной войне. Если бы Михаил взошел на трон, а союзные армии выиграли войну, создались бы необходимые предпосылки для того, чтобы народное поверье стало действительностью»[498]**498**
Мэсси Р. Николай и Александра. Биография. М., 2003. С. 504.

.

Дворцовый комендант генерал-майор В.Н. Воейков в воспоминаниях делает прозрачный намек на участие в разжигании революционной ситуации в Петрограде английского посла Бьюкенена, а также высказывает предположение: «Возможно, что благодарность русских революционеров должна была быть также направлена и по другому адресу. В апреле 1917 года известный американский банкир Яков Шифф публично заявил, что русская революция удалась благодаря его финансовой поддержке. Его заявлению можно поверить, так как, по словам Бразоля, он еще в 1905 г. тратил большие деньги на революционную пропаганду среди интернированных в Японии русских военнопленных»[499]**499**
Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995. С. 146.

.

Прошло девяносто пять лет после гибели царской семьи и ряда представителей династии Романовых. Сегодня Россия вновь на рубеже «перелома» истории и многие «легендарные» события революций и гражданской войны всеми нами переосмысливаются с точки зрения реалий и объективности. Невольно задаешься вопросом: почему все именно так произошло и могло ли быть по-другому?

В течение всей истории советского общества образ последнего императора Российского, как правило, преподносился нам в тенденциозном и негативном свете, как образ Николая Кровавого – врага жестокого и коварного. Документы свидетельствуют, что в самодержце, как и в любом смертном, были и положительные, и отрицательные стороны. Однако ему не откажешь в проявлении воли, благоразумия и искреннего патриотизма. Каждый из читателей, соприкоснувшийся с этими драматическими страницами истории России, видит прежде всего то, что ему импонирует, что он желает увидеть. Мы же старались показать события с полярных граней происходящего, с позиций противоборствующих лагерей, показать восприятие этих событий через призму отдельных представителей Императорской фамилии и, самое главное, изложить все максимально языком фактов, архивных документов и свидетельств очевидцев.

Грозные события Февральской революции, как мы видели, Николай II встретил при неблагоприятных обстоятельствах раздора Императорского Дома, фактически в политической изоляции и надломленном духовном состоянии, среди всеобщего нарастающего мятежа и надвигающейся разрухи. Все жаждали обновления, но каждый представлял это обновление на свой лад. После отречения царя, а фактически его низложения, бывшие недавние венценосные кумиры стали политическими заложниками новой власти. Но тень более чем 300-летней династии Романовых продолжала тревожить и Временное правительство, и Петросовет. Схватка за власть продолжалась и после свержения самодержавия уже между новыми политическими силами, а проблемы кризиса и разрухи в стране все более усугублялись.

Обвинения Николая II во всех грехах после его устранения с течением времени становились все менее состоятельными, так как в государстве при новых правителях не становилось (мягко говоря) лучше. Вспоминаются доводы императора при отречении от престола относительно «правительства доверия» и его состава, которые он приводил генералу-заговорщику Н.В. Рузскому и которые позднее были опубликованы в интервью генерала журналистам: «Основная мысль Государя была, что он для себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает себя не вправе передать все дело

управления Россией в руки людей, которые сегодня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, “подав с кабинетом в отставку…”. Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды всех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена в качестве ответственных перед палатами министров, и высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, – все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей»[500]**500**

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 636.

. Прогноз Николая II оказался верным.

Лидеры оппозиции, критиковавшие самодержавие, оказались лишь временщиками и плохими управленцами, не способными вывести из охватившей страну политической анархии и экономического хаоса. Не лучше было и положение на фронте. Романовы были отодвинуты на второй план, но продолжали оставаться в роли «громоотвода» при кризисных политических ситуациях.

Временное правительство назначило Чрезвычайную комиссию по расследованию злоупотреблений царских сановников, но, несмотря на пристрастное следствие, было вынуждено признать, что все обвинения и нападки на Николая II и его супругу не имели фактического основания. Тем не менее арест с царской семьи снят не был и начавшийся крестный путь в Тобольск завершился плахой в Екатеринбурге.

Бывший английский военный министр У. Черчилль (1874–1965) позднее писал в своих мемуарах о Первой мировой войне и российском императоре: «Ни в одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была в виду. Она уже перетерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снарядный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак – флотом. Кроме того, – ни каких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными

словами – держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.

… В марте царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерять по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начертывал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось ему. Стрелкою компаса был он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот – поля сражений Николая II. Почему не воздать ему за это честь? Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо; разве во всем этом не было его доли? Несмотря на ошибки большие и страшные, – тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру – к этому моменту выиграл войну для России.

Вот его сейчас сразят. Вмешивается темная рука, сначала облеченная безумием. Царь сходит со сцены. Его и всех его любящих предают на страдание и смерть. Его усилия преуменьшают; его действия осуждают; его память порочат… Остановитесь и скажите: а кто же другой оказался пригодным? В людях талантливых и смелых; людях честолюбивых и гордых духом; отважных и властных – недостатка не было. Но никто не сумел ответить на те несколько простых вопросов, от которых зависела жизнь и слава России. Держа победу уже в руках, она пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями»[501]**501**

Черчилль У. Мировой кризис. 1916–1918. Т. 1. Лондон, 1927. С. 223–225.

.

Однако были и другие высказывания об императоре Николае II английского политического деятеля Д. Ллойда Джорджа (1863–1945), которые часто цитировали в советские времена: «Заговорщиками, свергнувшими царизм, были, в сущности говоря, царица и Распутин; помощь в свержении царизма им оказали неспособные министры, которых сами выдвигали и которым оказывали поддержку царица и Распутин. Царь, сам того не сознавая, был главою заговора… Существовала корона, но без головы»[502]**502**
Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. 3. М., 1935. С. 373–374.

.

Посеявшие ветер Февральской революции пожали бурю Октября, которая не только разрушила радужные перспективы, но поломала и оборвала судьбы многих, привела страну на грань катастрофы. Известно, что год спустя, незадолго до смерти, бывший начальник штаба царской Ставки в Могилеве М.В. Алексеев, стоявший у истоков организации Белого движения, говорил, что «никогда не прощу себе»[503]**503**
Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 638.

той роли, которую он сыграл в отречении царя. Многие из уцелевших политических и военных лидеров, оказавшись за кордоном, еще долго изводили перья, чернила и бумагу, пытаясь задним числом оправдать свои поступки и действия, просто и коротко определявшиеся – «государственная измена».

Роль «громоотвода» была сохранена за Романовыми и после Октябрьской революции. Однако раскол общества, вылившийся в Гражданскую войну, изменил ситуацию. Новая волна революционеров, в массе своей воспитанная на примерах Великой французской революции, Робеспьера и Марата, во многом подражала им и опасалась возникновения российской «Вандеи». Следует заметить, что «реального» или сколько-нибудь значительного монархического заговора не было ни при Временном правительстве, ни при Советской власти. Тем не менее многие политические события, происходившие в России, преподносились с позиций реальной угрозы реставрации самодержавия и восстановления прежних порядков. Большой ажиотаж в это дело вносили

периодически распространявшиеся слухи об очередном побеге или убийстве Николая II. Опровержение слухов давалось в прессе, что в какой-то степени (преднамеренно или нет) подготавливало общество к самым непредсказуемым событиям. Постепенно готовилась планомерная акция по уничтожению Романовых, и срок ее все приближался по мере того, как более зыбким становилось положение новой власти.

Впоследствии А.Ф. Керенский (1881–1970), комментируя сложившуюся ситуацию в России, отмечал: «Ленин был сторонником беспощадного террора без малейшего снисхождения. Только так меньшинство может навязать свою власть в стране. Когда, уже будучи в эмиграции, я спрашивал друзей Ленина из членов левых партий Европы или из меньшевиков о различиях между Лениным и Сталиным, все говорили: в отношении к террору различий между ними не было».

Таких же взглядов на террор придерживался и один из идейных вождей революции Л.Д. Троцкий (1879–1940). Идеи революционного террора в условиях гражданской войны разделяли многие местные партийные организации. Это была вторая после Февральской революции волна требований о суде и казни Романовых. Так, 4 июля 1918 года на имя вождя «мировой революции» из Петрограда поступила телеграмма: «Коломенская организация большевиков единогласно постановила требовать от Совнаркома немедленного уничтожения всего семейства и родственников бывшего царя, ибо немецкая буржуазия совместно с русской восстанавливает царский режим в захваченных городах. [В] случае отказа [в] этом, решено собственными силами привести в исполнение это постановление.

Коломенский районный Комитет большевиков»[504]**504**
ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 2.

.

Таким образом, сложилась довольно острая ситуация, в Кремле оказались перед жесткой дилеммой: казнить или миловать Романовых? Ответственность за сложившееся положение в полной мере нес главный «куратор» дела Романовых – председатель ВЦИК Яков Михайлович Свердлов.

Вывозить Романовых с Урала в центр России, по мнению руководителей акции, было рискованно, проведение судебного процесса над Николаем II (как планировалось) в новой нестабильной обстановке было чревато непредсказуемыми последствиями. Осудить на смерть всю царскую семью было

невозможно. Требования немцев о выдаче Александры Федоровны, ее сына Алексея и немецких принцесс могли стать реальностью. Выход был найден самый простой, но жестокий и бесчеловечный. По отношению к Романовым был попран один из принципов цивилизованного государства: каждый отвечает только за себя, а не за поступки членов своей семьи.

В центре отдавали себе отчет в совершенном злодеянии, ибо обнародовали сообщение только о казни Николая II. О судьбе остальных Романовых предпочитали умалчивать. В дипломатической же игре шло затягивание времени и постыдный торг «душами усопших». Советский полпред в Берлине А.А. Иоффе 10 сентября 1918 г. официально обратился в МИД Германии с предложением обменять бывшую царицу на Либкнехта…

За границей, начиная с 1920-х годов, вышло немало книг, посвященных судьбе царской семьи. В некоторых из них утверждается, что Советское правительство нашло выход из «пиковой ситуации» с расстрелом Романовых, списав все грехи на самодеятельность местных функционеров и примерно наказав их. В частности, в книге английского корреспондента Р. Вильтона «Последние дни Романовых» (Берлин, 1923), указывается: «Советская “Правда” в сентябре 1919 г. сообщила, что революционный суд, заседавший 4/17 сентября 1919 г. в Перми, в помещении Совета, судил 28 человек за убийство царя, его семьи и свиты, всего 11 человек. Среди обвиняемых – 3 члена Екатеринбургского совета, Грузинов, Яхонтов, Малютин; 2 женщины, Мария Апраксина, Елизавета Миронова. Прения доказали, что жертвы погибли от пуль. Яхонтов утверждал, что он организовал убийство, главным образом с целью набросить тень на Советское правительство, так как с переходом в партию социал-демократов стал его противником… Яхонтов был приговорен к смертной казни за убийство царя. Грузинов, Малютин, Апраксина и Миронова были признаны виновными в краже царских вещей и тоже приговорены к смерти. Приговор был приведен в исполнение на следующий же день…»[505]**505**
Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923; М., 1991. С. 439–440.

.

Информация об этом, по нашему мнению, мифическом процессе, перекочевала в работы некоторых современных исследователей. Так, например, в них упоминается: «Приговор привели в исполнение на следующий же день. В состав Следственного комитета об убийстве Императора Николая II вошли… Янкель Свердлов, главный организатор убийства Царской Семьи, шесть его сородичей и трое русских»[506]**506**

Кузнецов В.В. Тайна пятой печати. Судьба царя – судьба России. СПб., 2002. С. 544.

. Любовь к сенсациям углубляет историю, но порой уводит от истины. В данном случае, необходимо искателям сенсаций напомнить, что Я.М. Свердлов скоропостижно скончался 16 марта 1919 г., т. е. задолго до начала судебного «процесса».

Любопытно, что ни один из советских и российских историков не видел этого материала в «Правде» и не упомянул о нем. Не видели его и мы. В чем дело?! Возможно, заграничное отделение РОСТА распространило эту информацию (или дезинформацию) со ссылкой на авторитетный советский источник. Может быть, это заметка какой-то провинциальной газеты с громким одноименным названием. Это еще одна тайна, требующая ответа в ближайшем будущем. Пока же определенно можем утверждать, что, по сообщениям местных газет Урала за 1919 год, «18 и 19 сентября в Пермском Революционном Трибунале рассматривалось шесть дел, из коих четыре имели широкое политическое значение». О процессе не сказано ни слова. О делах, имеющих «широкое политическое значение», можно только догадываться.

Имена представителей династии Романовых даже после их гибели активно использовались противоборствующими сторонами в политической и вооруженной борьбе. Организаторы белогвардейского движения и монархисты в корыстных целях объявляли то тут, то там о чудесном спасении Николая II, цесаревича Алексея и других членов царской семьи. Точно так же имя Михаила Романова использовали вплоть до 1922 года, призывая объединяться под его знаменами в военном походе против Советов и большевиков.

Из 65 членов императорского Дома Романовых в 1918–1919 годах 18 убили большевики и 47 оказалось за рубежом. Белогвардейский следователь по особо важным делам Н.А. Соколов (1882–1924), продолжавший расследование обстоятельств гибели царской семьи и великих князей Романовых, находясь уже в эмиграции во Франции, в июне 1922 г. отправил письмо генералу Н.А. Лохвицкому (1867–1933), в котором, в частности, подчеркивал: «Убийство всех членов Дома Романовых является осуществлением одного и того же намерения, выразившегося в одном (едином плане), причем самым первым из них по времени погиб вел. кн. Михаил Александрович. … За много лет до революции возник план действий, имеющий целью разрушение идеи монархии. … Вопрос о жизни и смерти членов Дома Романовых был, конечно, решен задолго до смерти тех, кто погиб на территории России. Непосредственным поводом для этого

послужила опасность Белого движения и, в частности, для судьбы великого князя Михаила Александровича не только в Сибири, но и в Северной России (Архангельск). …

Эта работа не прекращена и ныне, изменив приемы своей деятельности. Лица, ею руководящие, стараются всякими способами внести разложение в ряды русских людей, продолжающих интересоваться политическими вопросами и, в частности, посеять рознь и устранить активность действий Августейших особ. Самым главным приемом в этой деятельности является распространение версии о спасении членов царской семьи»[507]**507**
Пагануцци П.Н. Правда об убийстве царской семьи. М., 1992. С. 20; Гибель царской семьи. Материалы следствия… С. 14–15.

.

Со стороны советской власти с первых дней делалось все, чтобы окончательно дискредитировать даже память о Романовых. Эту цель, в частности, преследовала появившаяся в 1922 году в тверском издательстве брошюра «Последние дни последнего царя (Уничтожение династии Романовых)». В разделе «Романовы уничтожены основательно» указывалось: «В официальных советских сообщениях своевременно не были опубликованы полные постановления о расстреле членов семьи Романовых. Это обстоятельство дало возможность монархистам и контрреволюционерам говорить о побегах некоторых членов семьи Романовых, о появлении их за границей и прочем. Например, Михаил Александрович якобы “жил” в Крыму в ожидании, пока Врангель восстановит царский трон в России, принадлежащий ему после отречения Николая. Все это, конечно, вымыслы и бредни. В июле 1918 года уральские рабочие, выполняя волю всего пролетариата и крестьянства России, довольно основательно и глубоко загнали осиновый кол в могилу последних отпрысков романовской тирании»[508]**508**
Последние дни последнего царя. (Уничтожение династии Романовых). Тверь, 1922.

.

В бурно развивающихся событиях, когда участь «революционных завоеваний» решалась на многочисленных фронтах Гражданской войны, трагическая судьба представителей Императорского Дома Романовых осталась в тени и неоднозначно воспринималась современниками. Известно, что 26 августа 1918

года Добровольческая армия заняла Новороссийск. В этот период подтвердились слухи о расстреле большевиками императора Николая II в Екатеринбурге (на Урале). Из Екатеринодара с Северного Кавказа последовал приказ генерала А.И. Деникина отслужить добровольцам панихиды по Государю как по бывшему Верховному главнокомандующему Русской армии. Однако этот приказ был встречен на освобожденной от большевиков территории неоднозначно. Большинство офицеров и солдат молились об упокоении души «убиенного венценосца». В среде интеллигентской «революционной демократии», хлынувшей на юг России в Екатеринодар, этот приказ критиковался и осуждался. В частности, генерал А.И. Деникин писал об этом: «Когда во время второго Кубанского похода на станции Тихорецкой, получив известие о смерти императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиду, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати…»[509]**509**
Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 28.

.

Однако имеются и другие примеры. Так, командующий войсками А.А. Павлов, воюющий на Донском фронте, в телеграмме из Сотницкой от 24 июля 1918 года сообщал в Москву:

«Москва Высший Военный Совет. Копия Кремль Ленину, Троцкому.

Передаю копию приказа № 391 Всевеликому войску Донскому в гор. Новочеркасске седьмого июля (*по старому стилю. – В.Х.*) 1918 года: “Третьего июля в гор. Екатеринбурге большевиками красногвардейцами расстрелян отрекшийся от Всероссийского престола Государь император Николай Второй Александрович. Еще одно страшное кровавое злодеяние совершенно врагами русского народа убит больной измученный человек, который всегда желал только России, когда сознал, что оставался на престоле дать этого счастья не может, отрекся от престола, передав его тем, кто брался спасти. Еще целую и победоносную Россию мы донские казаки, мы русские люди, каких бы партий и мнений бы не были, не можем не скорбеть и не ужасаться пролитой крови, мы верою и правдою служившие многие десятки лет царю и отечеству и присягавшие царю на верность службы и им от присяги освобожденные соберемся помолиться об усопшем страдальце отрекшегося от престола Государя императора Николая Второго Александровича панихида будет отслужена в воинском соборе в понедельник в 12 час. дня. Донской атаман генерал-майор *Краснов*”. И в заголовке газеты напечатано крупными буквами

черный крест Императорское Величество отрекшийся от престола Государь император от руки злодеев в городе Екатеринбурге 3 июля сего года. Копия этой телеграммы мною объявляется в приказе по войскам [№] 1094. Командующий *Павлов*»[510]**510**
ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 1109. Л. 42–43.

.

Взгляды генерала А.И. Деникина на смысл его борьбы и на будущую форму правления в России на протяжении длительного периода остались неизменны. 16 января 1920 года на заседании Верховного казачьего круга он заявил: «Я веду борьбу за Россию, а не за власть… Тем, кто хочет непременно читать в душах, я могу облегчить труд и совершенно искренне высказать свой взгляд на самое больное место нашего символа веры.

Счастье родины я ставлю на первый план. Я работаю над освобождением России. Форма правления – для меня вопрос второстепенный. И если когда-либо будет борьба за форму правления, я в ней участвовать не буду. Но, нисколько не насилуя совесть, я считаю одинаково возможным честно служить России при монархии и при республике, лишь бы знать уверенно, что народ русский желает той или другой власти»[511]**511**
Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 211.

.

Стоит отметить, что значительная часть Белого движения разделяла монархические взгляды, но открыто, как правило, это не было провозглашено, не стало четкой общей целью. Среди противников диктатуры большевиков не было стержня, который объединял бы их в одно прочное целое. Белогвардейские правительства на территории России в годы Гражданской войны выступали чаще всего под знаменами «непредрешенчества» до созыва Учредительного собрания, которое должно было установить государственный строй в державе. По нашему мнению, главным образом, это было связано с тем, что многие из генералов и лидеров Белого движения чувствовали за собой вину клятвопреступников перед «Богом, Царем и Отечеством», а чтобы признаться в этом, нужно было иметь мужество. Правда, многие из них, поплатились за это своей жизнью, а другие, когда оказались в эмиграции, принесли свое

«покаяние» на страницах периодических изданий и в многочисленных мемуарах, но было уже поздно.

Генерал А.И. Деникин ощутит глубокое почтение к скорбному пути царской семьи, когда, спустя годы, узнает о глубине смирения, с которым Романовы ждали своего последнего часа. Он пишет в одном из писем: «Облик Государя и его семьи в смысле высокого патриотизма и душевной чистоты установлен в последнее время прочно бесспорными историческими документами»[512]**512**
Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999. С. 399.

.

Хорошо известно, что раз свершенное преступление подвигает преступников к свершению новых преступлений, и часто по уже отработанному шаблону. Когда полтора года спустя после убийства на Урале представителей династии Романовых чехословацкие легионеры передали в руки иркутских большевиков плененного ими адмирала А.В. Колчака, то В.И. Ленин направил шифрограмму Э.М. Склянскому для пересылки в Реввоенсовет 5-й армии: «Пошлите Смирнову шифровку. Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснением, что местные власти до нашего прихода поступили так и так (*имеется в виду расстрел Колчака. – В.Х.*) под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске. *Ленин*. Подпись тоже шифром. Беретесь ли сделать архинадежно?»[513]**513**
РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24362. Л. 1; Д. 6601. Л. 1; Бумаги Троцкого. 1920–1922. Ч. II. Париж, 1971. С. 30, 32.

. Как известно, адмирал Колчак «архинадежно» был расстрелян. Этот ленинский документ скрыть не удалось. Относительно недавно он был впервые опубликован в России[514]**514**
Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 118–119.

, а за рубежом был известен уже более двух десятилетий тому назад. В советской историографии был опубликован и задействован другой документ о расстреле А.В. Колчака, на который ссылались как на распоряжение местной власти. Это телеграмма И.Н. Смирнова (подтвержденная приказом через курьера) руководителям коммунистической организации и советских органов в

Иркутске о приведении казни в действие. Вот ее текст: «Ввиду движения каппелевских отрядов на Иркутск и неустойчивости положения советской власти в Иркутске, настоящим приказываю вам находящихся в заключении у вас адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева с поручением сего немедленно расстрелять. Об исполнении доложить»[515]**515**
Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 260.

.

Как мы видим, многое из перечисленных выше преступлений большевиков, напоминает обстоятельства дела по массовому убийству представителей императорского Дома Романовых на Урале летом 1918 г.

История не терпит сослагательного наклонения (если сделали бы, то…). Ее нельзя повернуть вспять и переиграть заново. Все свершается раз и навсегда. Другое дело, отношение современников или потомков к этим событиям, оценка их. Кстати, с течением времени оценка одних и тех же событий у разных поколений бывает неоднозначной. Примеров этому можно привести множество. Так, в 1989 году во Франции, в дни 200-летней годовщины Великой французской революции, была сделана инсценировка суда Конвента над королем Людовиком XVI. Суд транслировался по французскому телевидению, были повторены все доводы обвинения и защиты. Каждый из телезрителей имел возможность посредством голосования по телефону зарегистрировать свой приговор. В итоге большинство французов проголосовало за оправдание монарха. Из голосовавших граждан к смертной казни Людовика XVI не приговорил никто.

Династия Романовых, олицетворявшая собой в общественном мнении «реакционные силы старого мира», оказалась политическим заложником в военном противоборстве двух непримиримых лагерей на переломном рубеже истории России. Несмотря на то что большинство представителей Императорского Дома Романовых пытались стать рядовыми гражданами своего Отечества, они оказались под колесницей Гражданской войны. Кровавая расправа, проведенная над Романовыми и их приближенными в 1918–1919 годах, остается темным пятном в истории России.

Архиерейский Собор РПЦЗ в воскресенье 19 октября (1 ноября) 1981 года в Нью-Йорке (США) прославил со святыми (канонизировал) новых мучеников и исповедников Российской церкви, явившись выразителем желаний и молитвенных устремлений своих пастырей и паствы, а также неустрашенных

исповедников на Родине. Среди прославленных новомучеников находятся теперь Государь Николай Александрович, Государыня Александра Федоровна, цесаревич Алексей, цесаревны – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Это было сделано Поместным Архиерейским Собором РПЦ в августе 2000 г. в Москве.

Актом прославления церковь выражает свою любовь к мученикам, уверенность в том, что они святы у Господа, преклонение перед их подвигом, желание молиться им с любовью о помощи нам, грешным.

Приложение:
Кровавое воскресенье 9 января 1905 года в Санкт-Петербурге

Петиция петербургских рабочих Николаю II

Государь!

Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети, и беспомощные старцы – родители, пришли к тебе, Государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать. Мы и молчали, но нас толкают все дальше в омут нищеты, бесправия и невежества, нас душат деспотизм и произвол, и мы задыхаемся. Нет больше сил, Государь. Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук.

И вот мы бросили работу и заявили нашим хозяевам, что не начнем работать, пока они не исполнят наших требований. Мы не многого просили, мы желали только, без чего не жизнь, а каторга, вечная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вместе с нами обсудили наши нужды. Но в этом нам отказали – нам отказали в праве говорить о наших нуждах, находя, что такого права за нами не признает закон.

Государь! Разве это согласно с Божескими законами, милостью которых ты царствуешь? Не лучше ли умереть – умереть всем нам, трудящимся людям всей России? Пусть живут и наслаждаются капиталисты – эксплуататоры рабочего класса и чиновники – казнокрады и грабители русского народа. Вот что стоит перед нами. Государь, и это-то и собрало нас к стенам твоего дворца. Тут мы ищем последнего спасения. Не откажи в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия, нищеты и невежества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось с него невыносимый гнет чиновников. Разрушь стену между тобой и твоим народом, и пусть он правит страной вместе с тобой. Ведь

ты поставлен на счастье народу, а это счастье чиновники вырывают у нас из рук, к нам оно не доходит, мы получаем только горе и унижение. Взгляни без гнева, внимательно на наши просьбы, они направлены не ко злу как для нас, так и для тебя, Государь. Не дерзость в нас говори, а сознание необходимости выхода из невыносимого для всех положения. Россия слишком велика, нужды ее слишком многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею. Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы сам народ помогал себе и управлял собой. Ведь ему только и известны истинные его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчас же призвать представителей земли русской от всех классов. От всех сословий, представителей и от рабочих. Вот наши требования:

Немедленное освобождение и возвращение всех пострадавших за политические и религиозные убеждения, за стачки и религиозные беспорядки.

Немедленное объявление свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраний, свободы совести в деле религии.

Общее и обязательное государственное образование на государственный счет.

Ответственность министров перед народом и гарантия законности правления.

Равенство перед законом всех без исключений.

Отделение церкви от государства.

Отмена косвенных налогов и замена их прямым прогрессивным подоходным налогом.

Отмена выкупных платежей, дешевый кредит и постепенная передача земли народу.

Свобода потребительско-производственных и профессиональных рабочих союзов – немедленно.

Нормальная заработная плата – немедленно.

Непременное участие представителей рабочих классов в выработке законопроекта о государственном страховании рабочих – немедленно.

Вот, Государь, наши главные нужды, с которыми мы пришли к тебе; лишь при удовлетворении их возможно освобождение нашей Родины от рабства и нищеты, возможно ее процветание, возможно рабочим организоваться для защиты своих интересов от наглой эксплуатации капиталистов и грабящего и душащего народ чиновничьего правительства. Повели и поклянись исполнить их, и ты сделаешь Россию и счастливой, и славной, а имя твое запечатлеешь в сердцах наших и наших потомков на вечные времена, а не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, – мы умрем здесь, на этой площади, перед твоим дворцом. Нам некуда идти и незачем. У нас только два пути: или к свободе и к счастью, или в могилу… Пусть наша жизнь будет жертвой для исстрадавшейся России. Нам не жаль этой жертвы, мы охотно приносим ее.

Священник *Георгий Гапон*

Рабочий *Иван Васимов*

Список использованных источников и литературы

Справочники, хроники, документы и материалы

Александр Иванович Гучков рассказывает… М., 1993.

Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

Алексеев В.В. Гибель царской семьи: мифы и реальность (Новые документы о трагедии на Урале). Екатеринбург, 1993.

Архив ВЧК. Сборник документов. / Сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. М., 2007.

Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990.

Бумаги Троцкого. 1920–1922. Ч. II. Париж, 1971.

Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.). СПб., 2009.

Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). / Сост. В.М. Осин и В.М. Хрусталев. М., 2008.

Гибель Царской Семьи. Материалы следствия по делу об убийстве Царской Семьи (Август 1918 – февраль 1920). /Сост. Н. Росс. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Государственная Дума: Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916.

Дело генерала Л.Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. Сборник документов и материалов. Т. 2. М., 2003.

Дневник государственного секретаря А.А. Половцова. Т. 2. 1887–1892 гг. М., 1966.

Дневник Е.А. Святополк-Мирской //Исторические записки. 1965. № 77

Дневник и переписка великого князя Михаила Александровича (1915–1918 гг.). /Отв. ред. и сост. В.М. Хрусталев. М., 2112.

Дневник императора Николая II 1890–1906 гг. М., 1991.

Дневники императора Николая II. М., 1991.

Дневник императора Николая II (1894–1918) / отв. ред. С.В. Мироненко. Т. 1 (1894–1904). М., 2011.

Дневники и документы из личного архива Николая II. Мн., 2003.

Дневники императрицы Марии Федоровны. 1914–1920, 1923 годы. М., 2005.

Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Т. 1. (1 января – 31 июля 1917 г.). М., 2008.

Дневники Николая II и Императрицы Александры Федоровны. Т. 2. (1 августа 1917 – 16 июля 1918). М., 2008.

Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Хрусталев В.М. Архив спецслужб: “Суд над семьей Романовых организовать не представляется возможным”. НКВД СССР и МГБ СССР о судьбе царской семьи. Публикация документов. // Источник. 2001. № 6.

Жития русских святых. 1000 лет русской святости. Собрала монахиня Таисия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991. Т. 2.

Журналы заседаний Временного правительства. Том 1, март – апрель 1917 года./ Отв. ред. тома Б.Ф. Додонов. Сост. Е.Д. Гринько и О.В. Лавинская. //Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. М., 2001.

Записки Н.М. Романова. // Красный архив. 1931. № 6 (49).

Из дневника обер-гофмейстерины княгини Е.А. Нарышкиной. // Последние новости. Париж, 1936, 10 мая.

Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов. // Вопросы истории. 1998. № 11–12.

К.Р. Великий князь Константин Константинович. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. /Сост. Э.Е. Матонина. М., 1998.

Кузьмин Ю.А. Российская императорская фамилия 1797–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2005.

Ламздорф В.Н. Дневник: 1891–1892. М.-Л., 1934.

Ламздорф В.Н. Дневник. 1894–1896. М., 1991.

Лица: Биографический альманах. Т. 5. М.-СПб., 1994.

Максаков В., Нелидов Н. Хроника революции. Вып. 1. Пг., 1923.

Максимов А. Признание Гапона //Двуглавый Орел. 1930. № 37. 29 марта.

Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995.

Международный год памяти Государя императора Николая II. М., 1993.

Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александра. Любовь и жизнь. М., 1998.

Монархия перед крушением. М.-Л., 1927.

Н.А. Соколов. Предварительное следствие. 1919–1922 гг./Сост. Л.А. Лыкова // Российский Архив. Вып. VIII. М., 1998.

Николай II без ретуши. /Сост. Н.Елисеева. СПб., 2009.

Николай II и великие князья. М.-Л., 1925.

Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1998.

Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Верховного правительства. Т. I–VII. М.-Л., 1924–1927.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1915–1916 гг. /Т. IV. М.-Л., 1925.

Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. V. М.-Л., 1927.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний Исполнительного комитета и Бюро И.К. М.-Л., 1925.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Т. 1. Л., 1991.

Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. Берлин, 1922.

Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1996.

Письма преподобномученицы великой княгини Елизаветы Феодоровны. / Сост. Т.В. Коршунова и др. М., 2011.

Платонов О.А. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005.

«Позорное время переживаем». Из дневника великого князя Андрея Владимировича. /Публикация Хрусталева В.М. и Осина В.М. // Источник. 1998. № 3.

Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г. Сб. документов. /Ред. и сост. В.А. Козлов и В.М. Хрусталев. Новосибирск, 1999.

Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957.

Романов Н. Дневник великого князя Николая Михайловича. // Красный архив. 1931. № 4, 6, 9.

Романовы и союзники в первые дни революции. (Публикация документов). // Красный архив. 1926. № 16.

Россия перед Вторым Пришествием. Изд. 2-е. М., 1994.

Сахаров В., Хрусталев В. “Екатеринбургская трагедия”: Очередная версия или отблеск правды? Публикация документов // Источник. 2000. № 4.

Свод Законов Российской Империи. Том 1. Часть 1. Свод Основных Государственных Законов. С.-Петербург. 1906. Приложение IV.

Святой Царь Николай II-й и новые мученики российские: пророчества, чудеса, открытия и молитвы. Документы. /Сост. Владимир Губанов. М.: «Ставрос», 2004.

Семейная переписка Романовых.// Красный архив. 1923. № 4.

Скорбный путь Михаила Романова. От престола до Голгофы. Документы, материалы следствия, дневники, воспоминания. /Сост. В.М. Хрусталев, Л.А. Лыкова. Пермь, 1996.

Скорбный путь Романовых (1917–1918 гг.). Гибель Царской Семьи. Сб. документов и материалов. /Сост. В.М. Хрусталев //Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. III. М., 2001.

Стенографический отчет. Государственная Дума. Четвертый созыв. Сессия V. Пг., 1916.

Суворин А.С. Дневник. М., 1992.

Февральская революция 1917 г. (Документы Ставки Верховного Главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта). // Красный архив. 1927. № 21–22.

Федороченко В.И. Свита российских императоров. Кн. 1. М., 2005.

Хранить в Государственном архиве. К 90-леию Государственного архива Российской Федерации. Каталог выставки. М., 2010.

Хрусталев В.М. Похищение и гибель Михаила Романова. Публикация документов. // Россияне. 1994. № 4–6.

Хрусталев В., Осин В. Военные дневники великого князя Андрея Владимировича Романова. (Публикация документов). // Октябрь. 1998. № 4–5.

Хрусталев В., Осин В. «Позорное время переживаем». (Публикация документов). // Источник. 1998. № 3.

Хрусталев В., Осин В. Скандал в императорской семье. (Публикация документов). // Октябрь. 1998. № 11.

Воспоминания и мемуары:

Аксакова (Сиверс) Т.А. Семейная хроника. Кн. 1. М., 2005.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.

Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918.

Буксгевден С.К. Венценосная мученица. Жизнь и трагедия Александры Феодоровны, императрицы Всероссийской. М., 2006.

Буксгевден С.К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России. Воспоминания фрейлины в 3-х книгах. М., 2012.

Бьюкенен Дж. Моя миссия в России. Воспоминания дипломата. Т. 2. Берлин, 1924.

Бьюкенен М. Крушение великой империи. Ч. 2. Париж, 1932.

Великие дни Российской революции 1917 г. Пг., 1917.

Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.

Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания. М., 1999.

Великий князь Гавриил Константинович. В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи. СПб., 1993.

Вел. кн. Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. СПб., 1996.

Великий князь Николай Михайлович. Последние дни жизни возлюбленного Государя Императора Александра III. Тифлис, 1894.

Верховский А.И. На трудном перевале. М.,1959.

Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х т. М., 1960.

Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911. М., 1991.

Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя императора Николая II. М., 1995.

Волков А.А. Около царской семьи. М., 1993.

Воррес Й. Последняя великая княгиня. Воспоминания. М., 1998.

Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле. // «Минувшее». Исторический альманах. Т. 12. М.-СПб., 1993.

Гапон Г. История моей жизни. М., 1990.

Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М., 1991.

Гибель монархии. М., 2000.

Ден Л. Подлинная царица: Воспоминания; *Воррес Й.* Последняя великая княгиня: Воспоминания. М., 1998.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 1. М., 1997.

Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997.

Диллон Э. Александр III. / Александр Третий. Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.

Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России. //Русская летопись. Кн. 3. Париж, 1922.

Епанчин Н.А. На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. Вена, 1921; М., 1991.

Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и царской семьи. М., 1992.

Кантакузина Ю. Революционные дни. Воспоминания русской княгини, внучки президента США. 1876–1918. /Пер. с англ. И.Э. Балод. М., 2007.

Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993.

Кирилл Владимирович, вел. кн. Моя жизнь на службе России. М., 2006.

Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Пер. с фр. Берлин, б/д.

Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. /За кулисами политики. 1848–1914. М., 2001.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Кн. 1. М., 1992.

Кривенко В.С. В Министерстве Императорского Двора. Воспоминания. СПб., 2006.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992.

Кшесинская М.Ф. Из «Воспоминаний». / Николай II: Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.

Ллойд Джордж. Военные мемуары. Т. 3. М., 1935.

Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 г. М., 1994.

Лукомский А.С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922.

Лукомский А.С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012..

Мельник (Боткина) Т.Е. Воспоминания о Царской Семье и ее жизни до и после революции. М., 1993.

Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

Мордвинов А.А. Воспоминания. // Русская летопись. Кн. 5. Париж, 1923.

Мордвинов А.А. Из воспоминаний. Париж, 1925.

Мосолов А.А. При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992.

Набоков В.Д. Временное правительство. (Воспоминания). М., 1924; М., 1991.

Никитин Б.В. Роковые годы. (Новые показания участника). Париж, 1937.

Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. М., 2008.

Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж, 1930.

Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники (воспоминания). М., 1990.

Палей О.В. Воспоминания о России. М., 2005.

Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.-Пг., 1923.

Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.

Перетц Г.Г. В цитадели русской революции. Записки коменданта Таврического дворца 27 февраля – 23 марта 1917 г. Пг., 1917.

Половцов П.А. Дни затмения. (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова 1917 года). М., 1999.

Пронин В.М. Последние дни царской Ставки (24 февраля – 8 марта 1917 г.) // Русское возрождение. (Нью-Йорк, М., Париж). 1991. № 55–56.

Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891 /Автор-издатель кн. Э.Э. Ухтомский. Т. III. СПб.; Лейпциг, 1897.

Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. Ростов-на-Дону, 1919.

Родзянко М.В. Воспоминания. Прага, 1922.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990.

Родзянко М.В. Крушение империи и Государственная Дума и Февральская 1917 года революция. М., 2002.

Руднев В.М. Правда о русской царской семье и темных силах. Екатеринодар, 1919.

Рутберг П.М. Убийство Гапона. Л., 1925.

Саблин Н.В. Десять лет на императорской яхте «Штандарт». СПб., 2008.

Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. Воспоминания. Минск, 2004.

Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991.

Трубецкой С.Е. Минувшее. М., 1991.

Фабрицкий С.С. Из прошлого. Воспоминания флигель-адъютанта Государя императора Николая II. Берлин, 1926.

Фрейлина Ее Величества. “Дневник” и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990.

Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. М., 1999.

Черчилль У. Мировой кризис. 1916–1918. Т. 1. Лондон, 1927.

Шереметев С.Д. Император Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001.

Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923.

Шиллинг Н.Н. Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. / Сб. 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997.

Шульгин В.В. Дни. Л., 1925.

Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1990.

Статьи, брошюры и монографии:

Авдонин А.Н. Тайна старой Коптяковской дороги. Об истории поисков останков императорской семьи. // Источник. 1994. № 5.

Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989.

Алферьев А.А. Император Николай II как человек сильной воли. М., 1991.

Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. // Вопросы литературы. 1990. № 6.

Блок А. Последние дни императорской власти. Приложение. Пг., 1921.

Боткин П.С. Что было сделано для спасения императора Николая Второго. // Русская летопись. Кн. 7. Париж, 1925.

Боханов А.Н. Император Александр III. М., 1998.

Боханов А.Н. Император Николай II. М., 2001.

Буранов Ю.А. К вопросу о версиях и исторической истинности Екатеринбургской трагедии. (На архивных источниках). / «Тайны царских останков». Материалы научной конференции: «Последние страницы истории

царской семьи: итоги изучения Екатеринбургской трагедии». Екатеринбург, 1994.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Гибель императорского дома 1917–1919 гг. М., 1992.

Буранов Ю., Хрусталев В. Голубая кровь. Тайное убийство великих князей. // Совершенно секретно. 1990. № 12.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Романовы. Гибель династии. М., 2000.

Буранов Ю.А., Хрусталев В.М. Хронология Екатеринбургского убийства и методика дезинформации. / Тайны Коптяковской дороги. М., 1998.

Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967.

Вильтон Р. Последние дни Романовых. Берлин, 1923; М., 1991.

Гладышев В. "Репетиция" царской драмы. // Российская газета. 2003 г. 26 июня.

Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии, февраль – сентябрь 1917. М., 1991.

Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Ч. 1, 2. Владивосток, 1922.

Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Ч. 1–2. М., 1991.

Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

Думова Н.Г. Кончилось ваше время… М., 1990.

Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

Иоффе Г.З. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

Кавторин В. Первый шаг к катастрофе. Л., 1992.

Касвинов М.К. Двадцать три ступени вниз. М., 1978.

Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984.

Катков Г.М. Февральская революция. М., 1997.

Керенский А.Ф. Русская революция 1917. М., 2005.

Керенский А.Ф. Трагедия династии Романовых. М., 2005.

Кобылин В. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Нью-Йорк, 1970.

Козлов В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М., 2001.

Кудрина Ю.В. Императрица Мария Федоровна. 1847–1928 гг. М., 2000.

Кузнецов В.В. Тайна пятой печати. Судьба царя – судьба России. СПб., 2002.

Кузнецов В.В. Русская Голгофа. СПб., 2003.

Куликовская-Романова О.Н. Царского рода. Тихон Николаевич Куликовский-Романов. 1917–1993. М., 2004.

Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996.

Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.

Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. М., 1927.

Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Кн. 1. Ч. 1. М., 2004.

Миллер Л.П. Трагедия последнего Государя и его семьи. М., 2012.

Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.

Мэсси Р. Николай и Александра. Биография. М., 2003.

Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. М., 2007.

Невский В.И. Январские дни в Петербурге //Красная летопись. Пг., 1922. № 1.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Т. 2. Сан-Франциско, 1969.

Нилус С.А. На берегу Божьей реки. Ч. 2. Сан-Франциско, 1969.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Вашингтон, 1981.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПБ., 1991.

Павлова Т., Хрусталев В. Скорбный путь Романовых. // Уральский следопыт. 1992. № 1, 3, 5–6, 7, 10.

Пагануцци П.Н. Правда об убийстве царской семьи. М., 1992.

Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1. М., 1994.

Платонов О.А. Последний государь: жизнь и смерть. М., 2005.

Последние дни последнего царя. (Уничтожение династии Романовых). Тверь, 1922.

Правда о Екатеринбургской трагедии: Сб. статей под ред. доктора исторических наук Ю.А. Буранова. М., 1998.

Путешествие на Восток цесаревича Николая / Авторы-составители А.Г. Москвин, С.М. Бурыгин, Н.Н. Непомнящий. М., 2010.

Пушкарский Н.Ю. Всероссийский император Николай II (1894–1917). Жизнь. Царствование. Трагическая смерть. Саратов, 1995.

Радзинский Э.С. «Господи… спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993.

Рябов Г. Как это было. Романовы: сокрытие тел, поиск, последствия. М., 1998.

Рябов Г. «Принуждены вас расстрелять…». // Родина. 1989. № 4–5.

Сахаров В., Хрусталев В. Андрей Кочедаев «Все могло быть иначе…» Почему Николай II отказался спасти себя и свою семью? // Огонек. 1997. № 17.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Париж, 1924.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Буэнос-Айрес, 1969.

Соколов Н.А. Убийство царской семьи. М., 1990.

Соловьев В.Н. Тайны старой Коптяковской дороги. М., 2010.

Соловьев Ю. Красный князь. // Родина. 1993. № 1.

Сорокин Ф. Гвардейский экипаж в февральские дни 1917 г. М., 1932.

Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумф и поражение. СПб., 2004.

Фирсов С.Л. Николай II: Пленник самодержавия. М., 2010.

**censored*еш Э.* Николай II. Ростов-на-Дону, 1998.

Хрусталев В.М. Алапаевск: Жертвы и палачи. М., 2010.

Хрусталев В.М. Бородино сто лет спустя. Очерк к 200-летию Бородинской битвы. // Октябрь. 2012. № 9.

Хрусталев В.М. Великий князь Михаил Александрович. М., 2008.

Хрусталев В.М. До царя далеко, до Бога высоко. Страницы истории. // Химия и жизнь – XXI век. 2012. № 9.

Хрусталев В.М. Николай II. Арестован и сослан буржуазными вождями. Отвержен британским правительством. Расстрелян большевиками. // Международная жизнь. 1996. № 2.

Хрусталев В.М. Новые документы об убийстве царской семьи. // Известия. 14 мая 1993 г.

Хрусталев В.М. Петроград: Расстрел великих князей. М., 2011.

Хрусталев В.М. Полуночные страсти по Николаю II. Полемические заметки о фильме Сергея Мирошниченко «Убийство Императора. Версии». // Независимая газета. 2 июля 1997 г.

Хрусталев В.М. Претерпевшие за царя. // Держава. 1996. № 3 (6).

Хрусталев В.М. «Сколько впечатлений пережито, и таких светлых…» Об участии императора Николая II в праздновании столетнего юбилея Бородинской битвы (25–30 августа 1912 года). // Московский журнал. 2012. № 9.

Хрусталев В.М. Спекуляция на костях. Положит ли ей конец завтрашняя церемония в Санкт-Петербурге? // Вечерний клуб (Москва). 16 июля 1998 г.

Хрусталев В.М. Тайна «миссии» чрезвычайного комиссара Яковлева. // Россияне. 1993. № 10–12.

Хрусталев В.М. Тайное убийство великих князей в Алапаевске. // Россияне. 1993. № 10–12.

Черкасов-Георгиевский В.Г. Генерал Деникин. Смоленск, 1999.

Якобий И.П. Император Николай II и революция. СПб., 2005.

Периодика

Биржевые ведомости (Петроград). 1917. 23 августа.

Биржевые ведомости. 1917. 12 сентября.

Веди. 1999. № 7–8 (25).

Вестник Временного правительства. 1917 г. 9 марта. № 4.

Вестник Временного правительства. 1917. 3 сентября.

Двуглавый Орел. 1930. 29 марта. № 37.

Известия. 1917. 4 марта.

Известия (Петроград). 1917. 12 июля.

Известия (Петроград). 1917. 20 июля.

Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта

Известия Петроградского Совета. 1917. 3 марта.

Известия ЦИК (Петроград). 1917. 25 августа.

Известия ЦИК. 1917. 20 сентября.

Иллюстрированная Россия (Париж). № 3.

Историк и современник. Берлин, 1924.

Красная летопись. Пг., 1922. № 1.

Красный архив. 1923. № 4.

Красный архив. 1925. № 3 (10).

Красный архив. 1927. № 2 (21).

Красный архив. 1927. № 3 (22).

Красный архив. 1927. № 5 (24).

Красный архив. 1930. № 6 (43).

Новое время. 1909. 3 октября.

Освобождение. 1905. 18 марта. № 67.

Правительственный Вестник. 1894. 5 октября.

Православная Русь. 1991. № 13.

Пролетарская революция. 1923. Т. 1 (13).

Русское Слово. 1917 г. 5 марта.

Русское Слово. 1917. 23 августа.

Архивные фонды

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ):

Ф. 109. Третье отделение СЕИВ Канцелярии.

Ф. 130. Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР.

Ф. 601. Николай II, император.

Ф. 622. Брасова Наталия Сергеевна.

Ф. 640. Александра Федоровна, императрица.

Ф. 642. Мария Федоровна, императрица.

Ф. 644. Павел Александрович, великий князь.

Ф. 648. Сергей Александрович, великий князь.

Ф. 660. Константин Константинович, великий князь.

Ф. 662. Ксения Александровна, великая княгиня.

Ф. 668. Михаил Александрович, великий князь.

Ф. 675. Георгий Александрович, великий князь.

Ф. 677. Александр III, император.

Ф. 826. Джунковский Владимир Федорович.

Ф. 1235. Президиум ВЦИК.

Ф. 1741. Коллекция нелегальных изданий.

Ф. 1778. Канцелярия министра-председателя Временного правительства.

Ф. 1779. Канцелярия Временного правительства.

Ф. 1788. МВД Временного правительства.

Ф. 1840. Хитрово.

Ф. 5827. Деникин Антон Иванович, генерал-лейтенант.

Ф. 5849. Васильчиковы, князья.

Ф. 5881. Коллекция мемуаров российских эмигрантов.

Ф. 6501. Союз ревнителей чистоты русского языка.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ):

Ф. 1208.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ):

Ф. 2.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

Ф. 797.

Ф. 1276.

Ф. 2856.

Отдел Рукописей ГБЛ (ОР ГБЛ):

Ф. 218.

Ф. 1052.

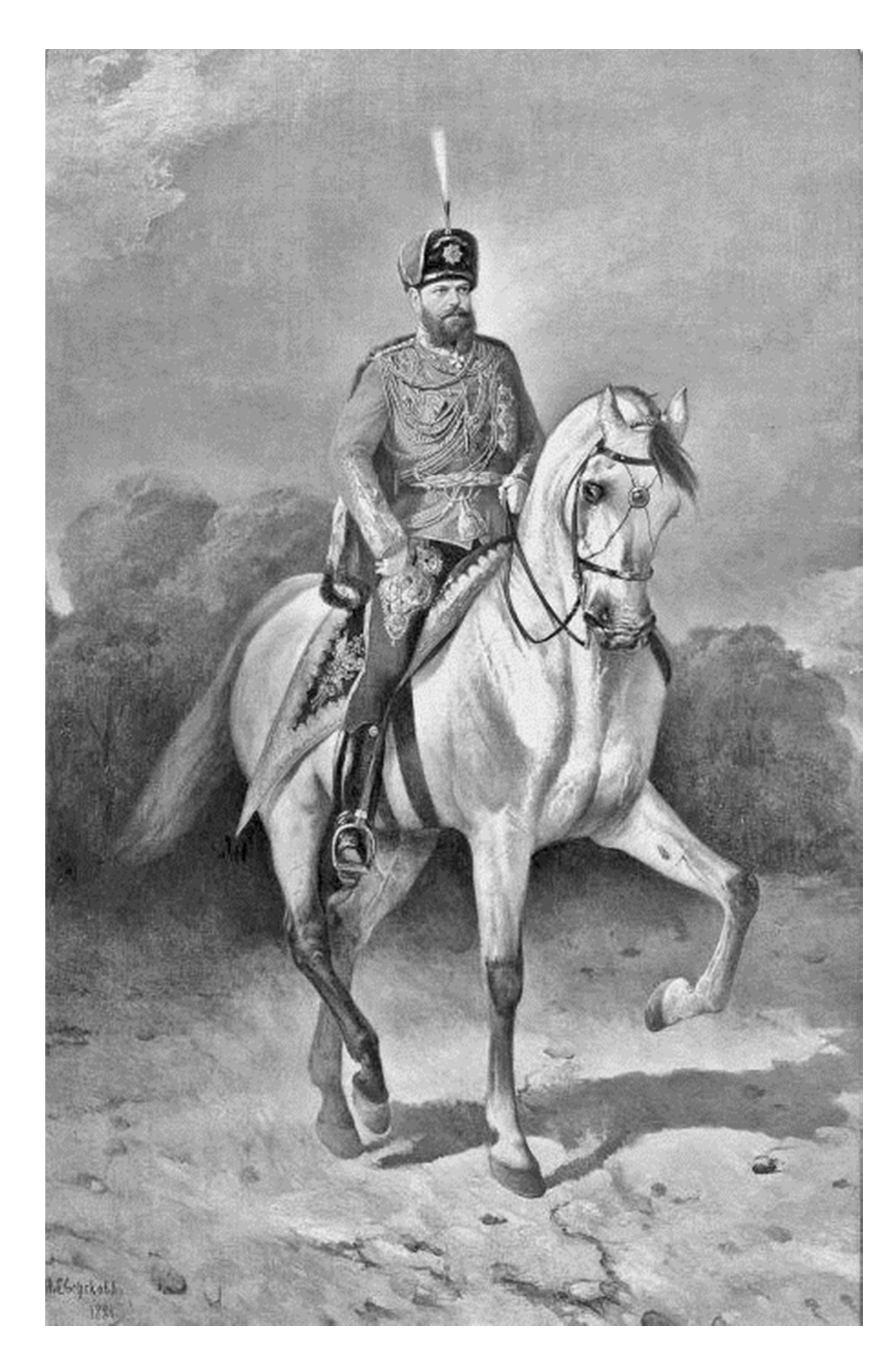
Фото с вкладки

Император Александр III

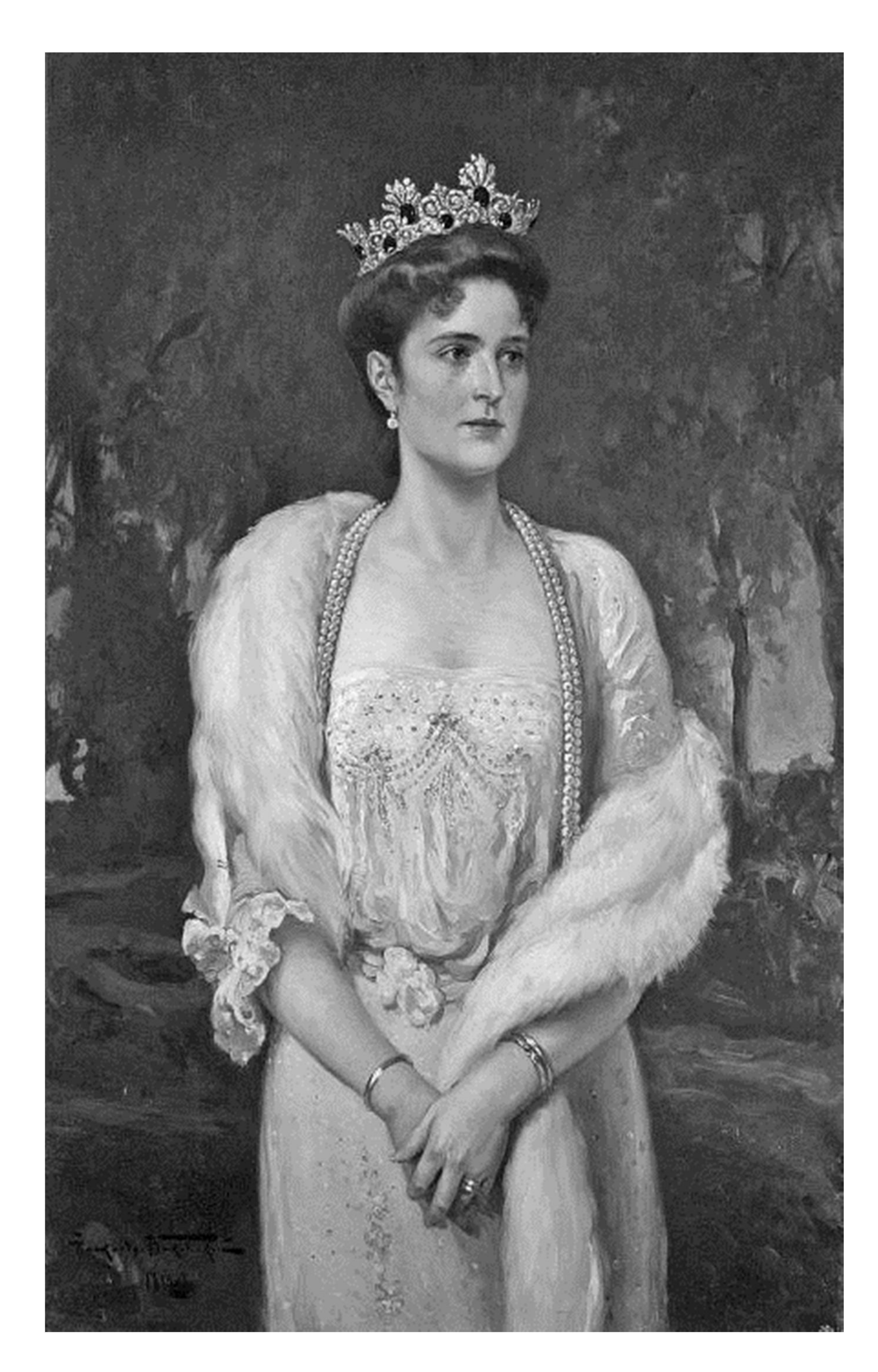
Императрица Мария Федоровна

Н.Е. Сверчков. Император Александр III в мундире лейб-гвардии Гусарского полка

Император Николай II

Императрица Александра Федоровна

Любимая резиденция Николая II – Царское Село

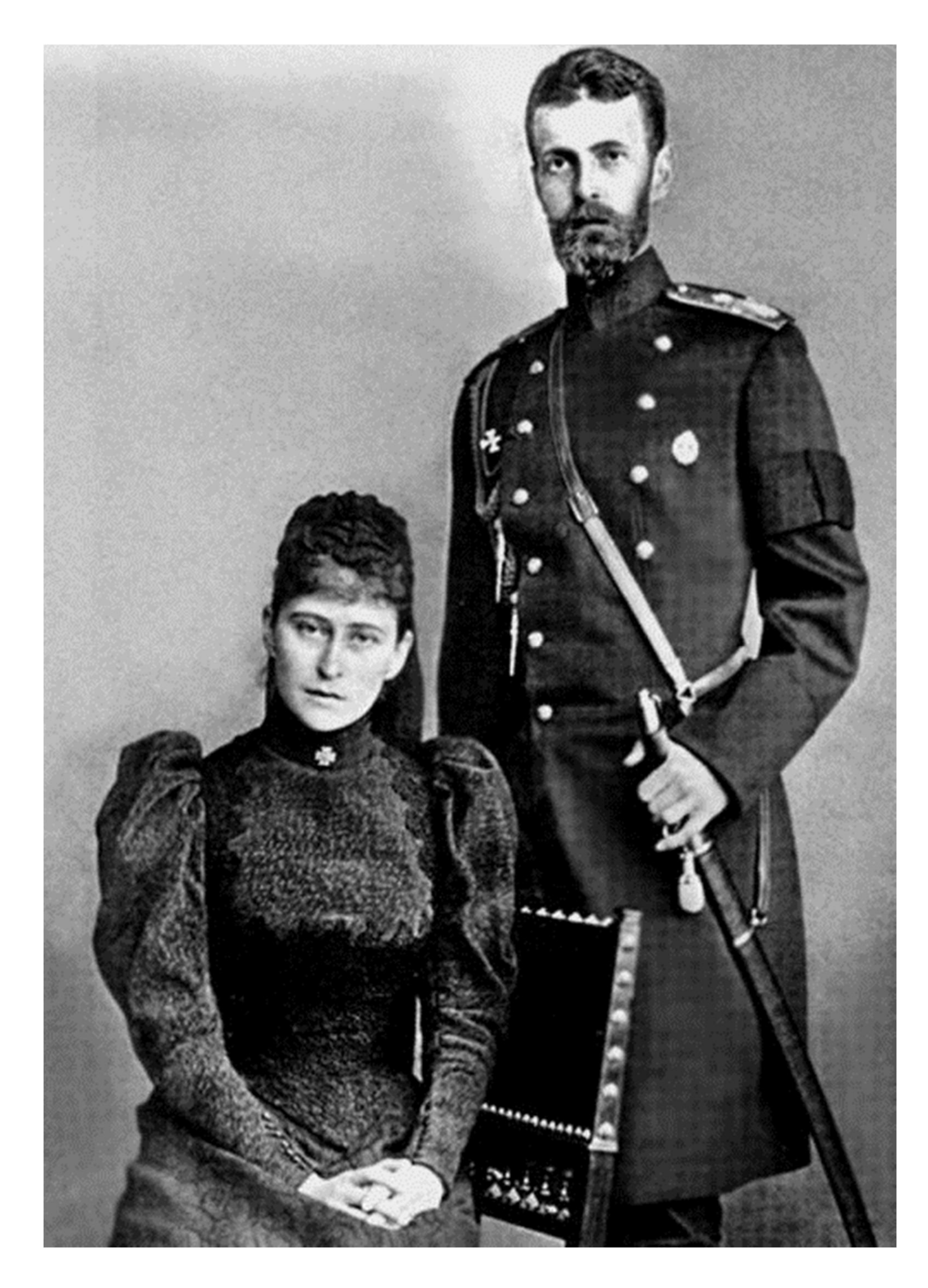
Императорская семья. Слева направо: Мария, Татьяна, Ольга, Анастасия, Николай II, Александра Федоровна, Алексей

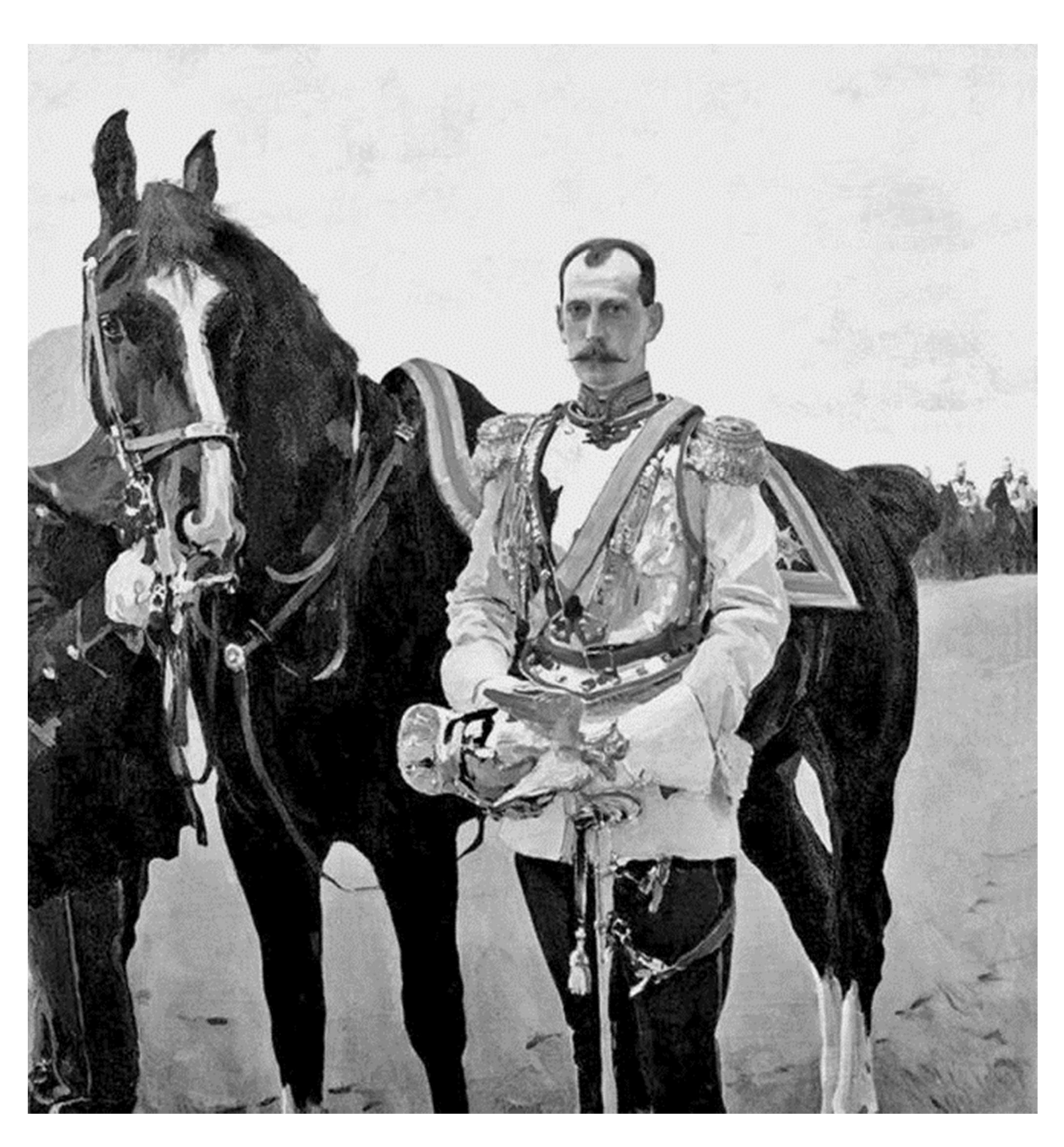
Великий князь Михаил Александрович

Великий князь Кирилл Владимирович

Великий князь Сергей Александрович с супругой, великой княгиней Елизаветой Федоровной

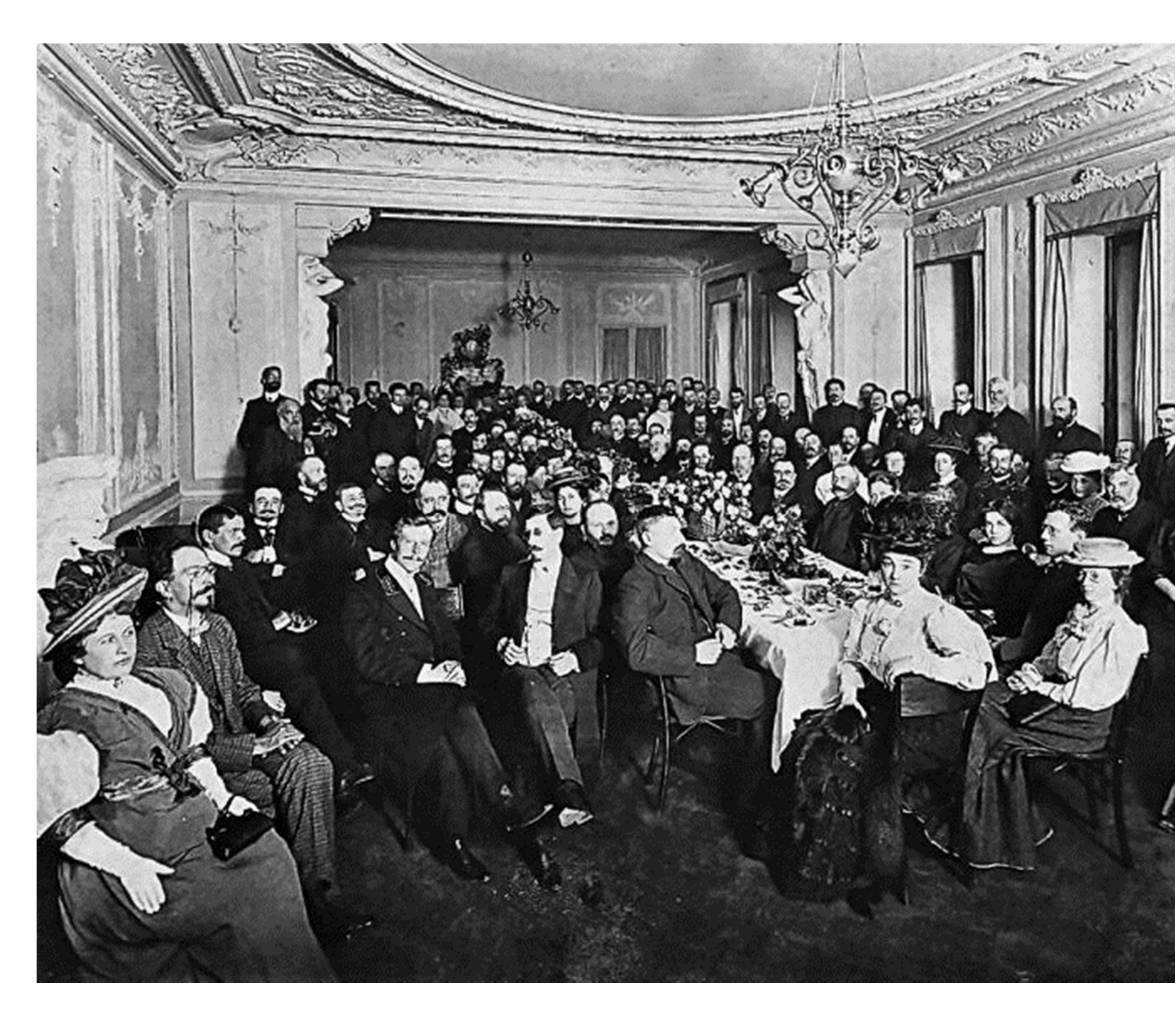
Великий князь Павел Александрович

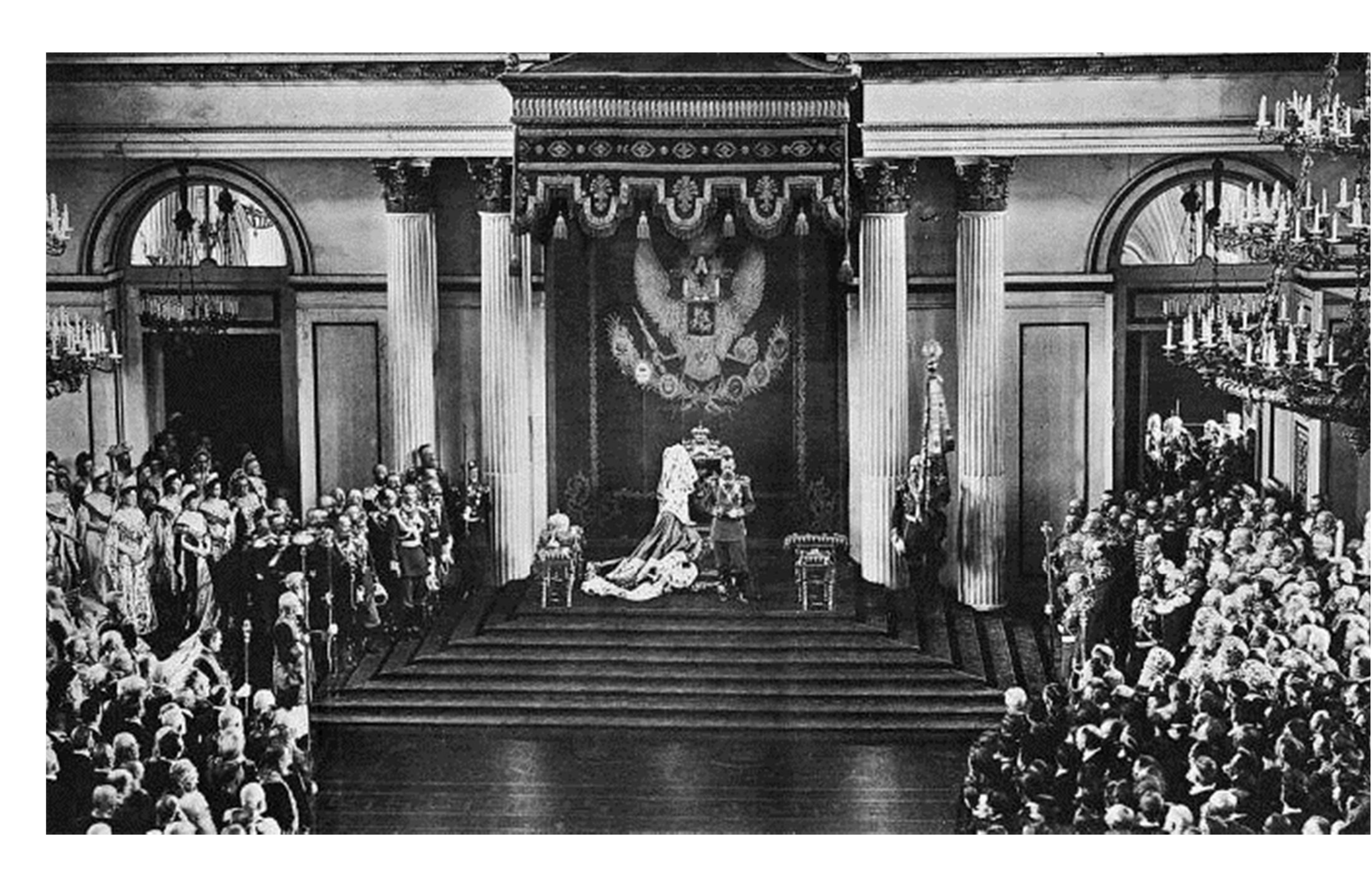
Великий князь Владимир Александрович

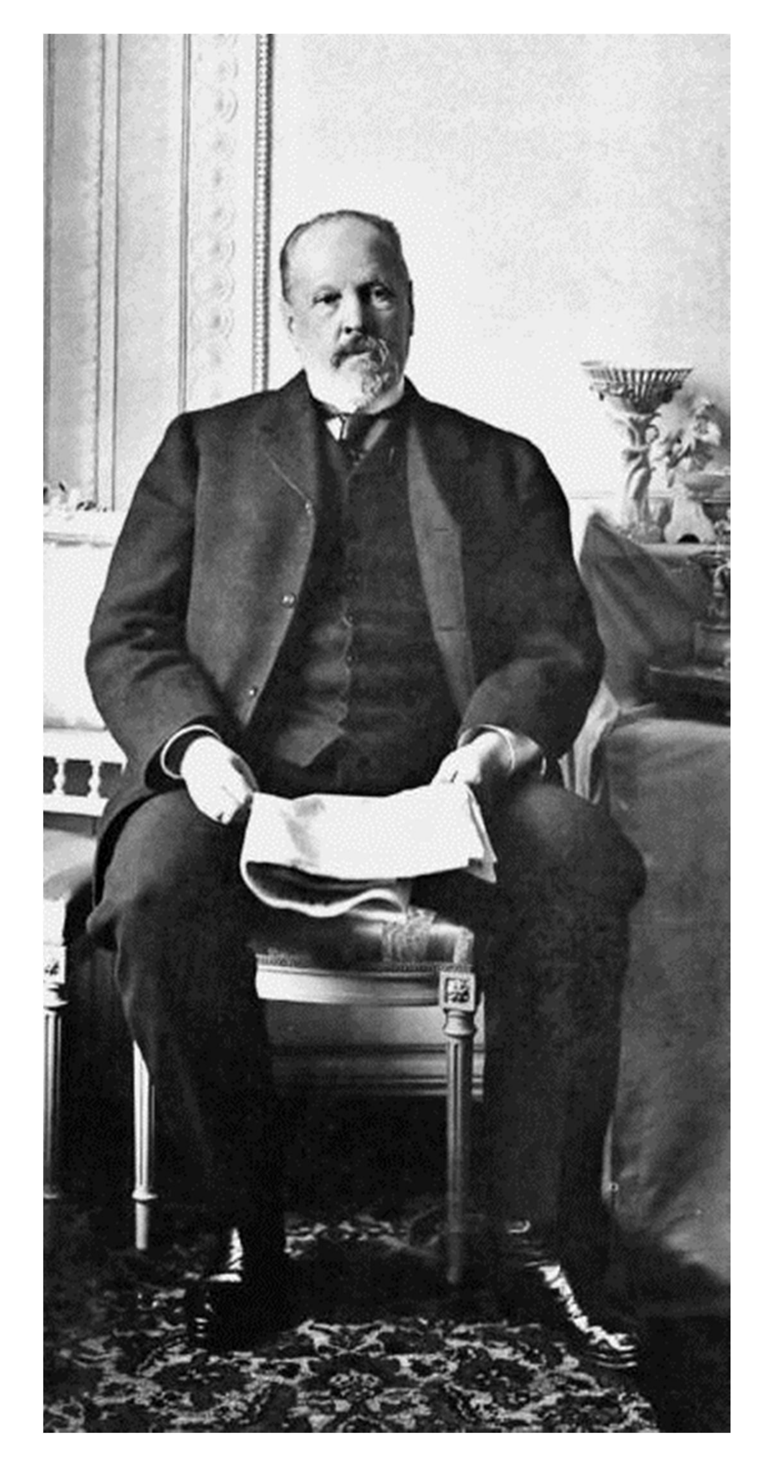
Великий князь Николай Николаевич

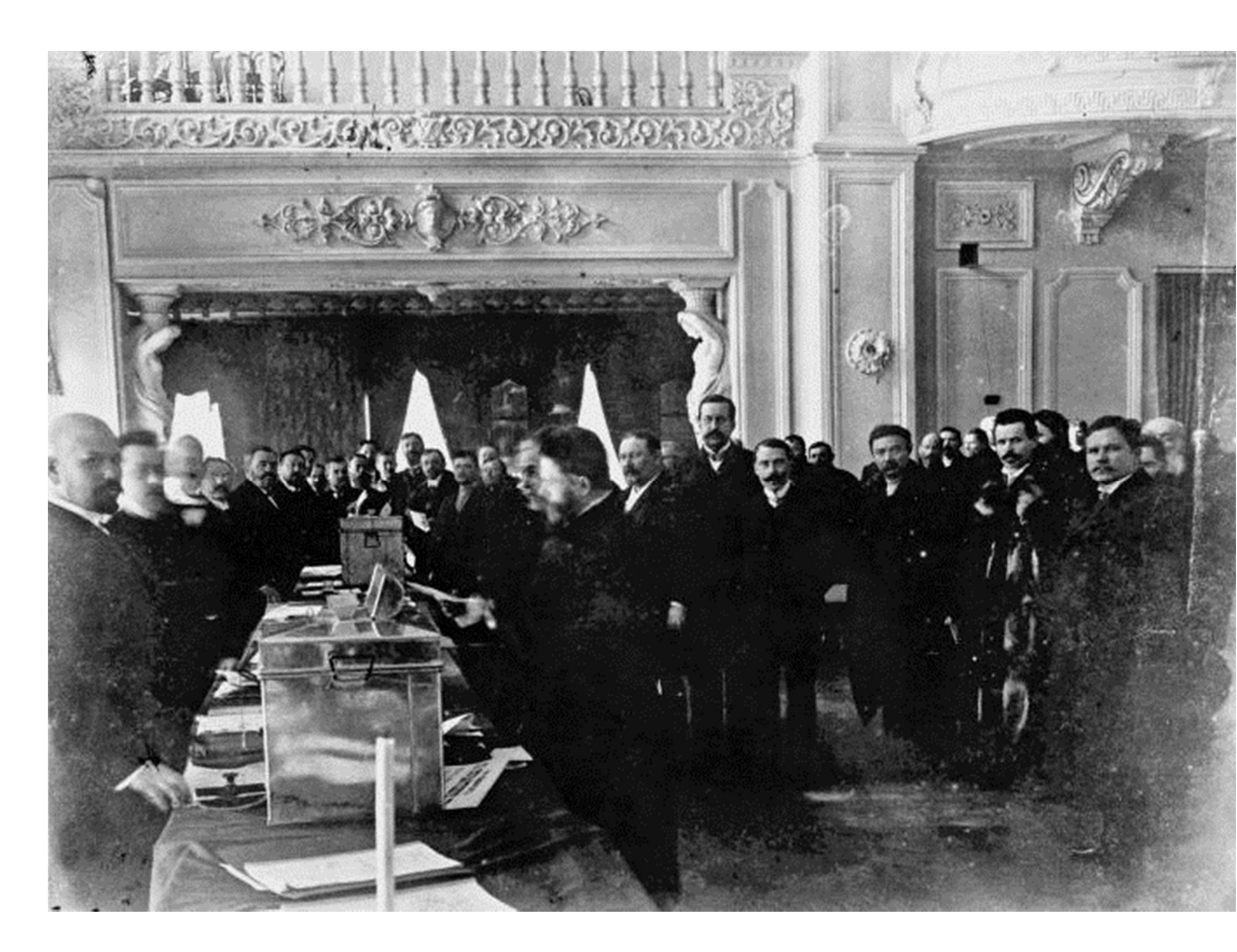
Банкет партии кадетов, 1910 г.

Прием Николаем II депутатов Государственной думы

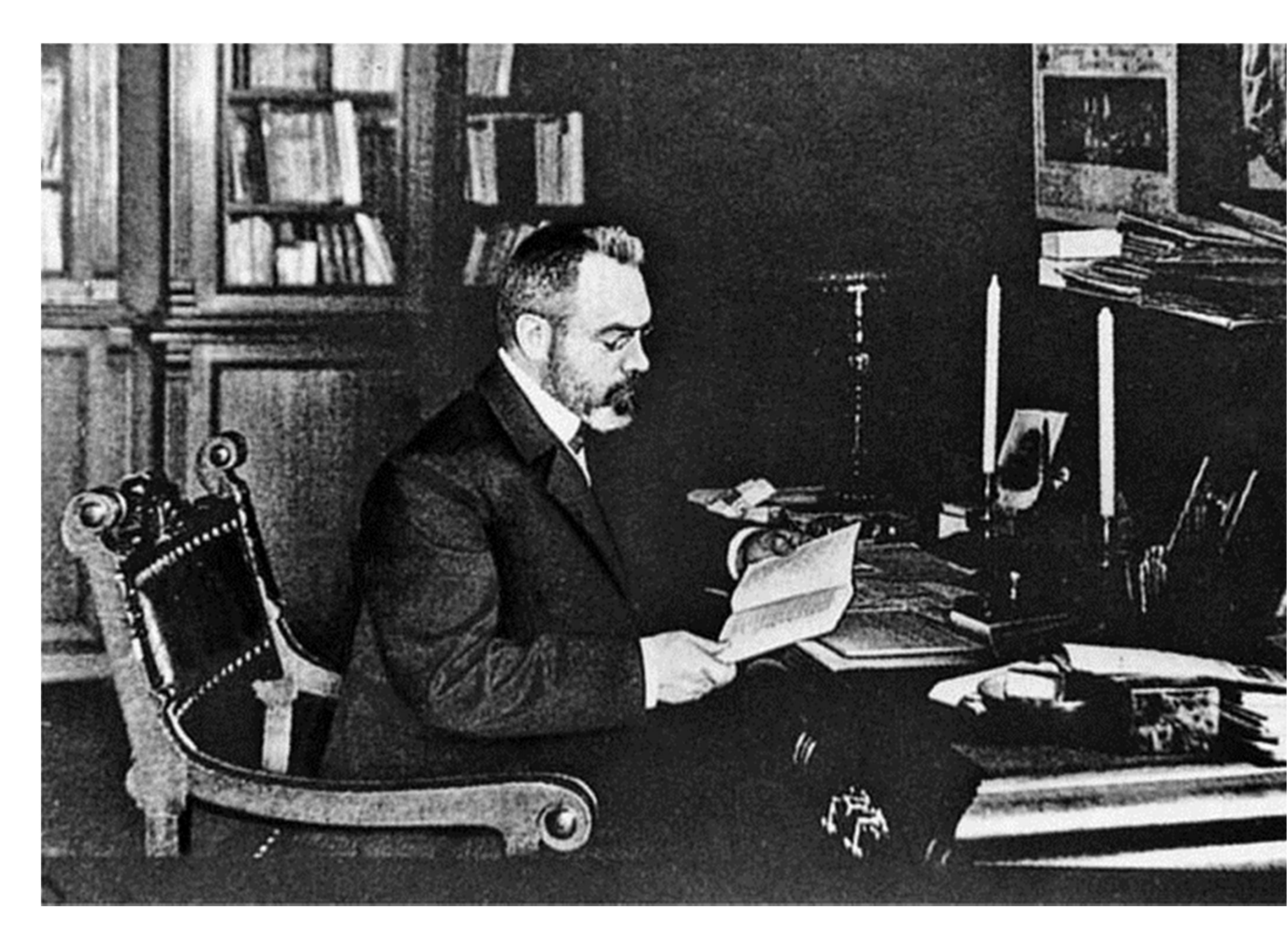
Автор текста Манифеста 17 октября 1905 г. С.Ю. Витте

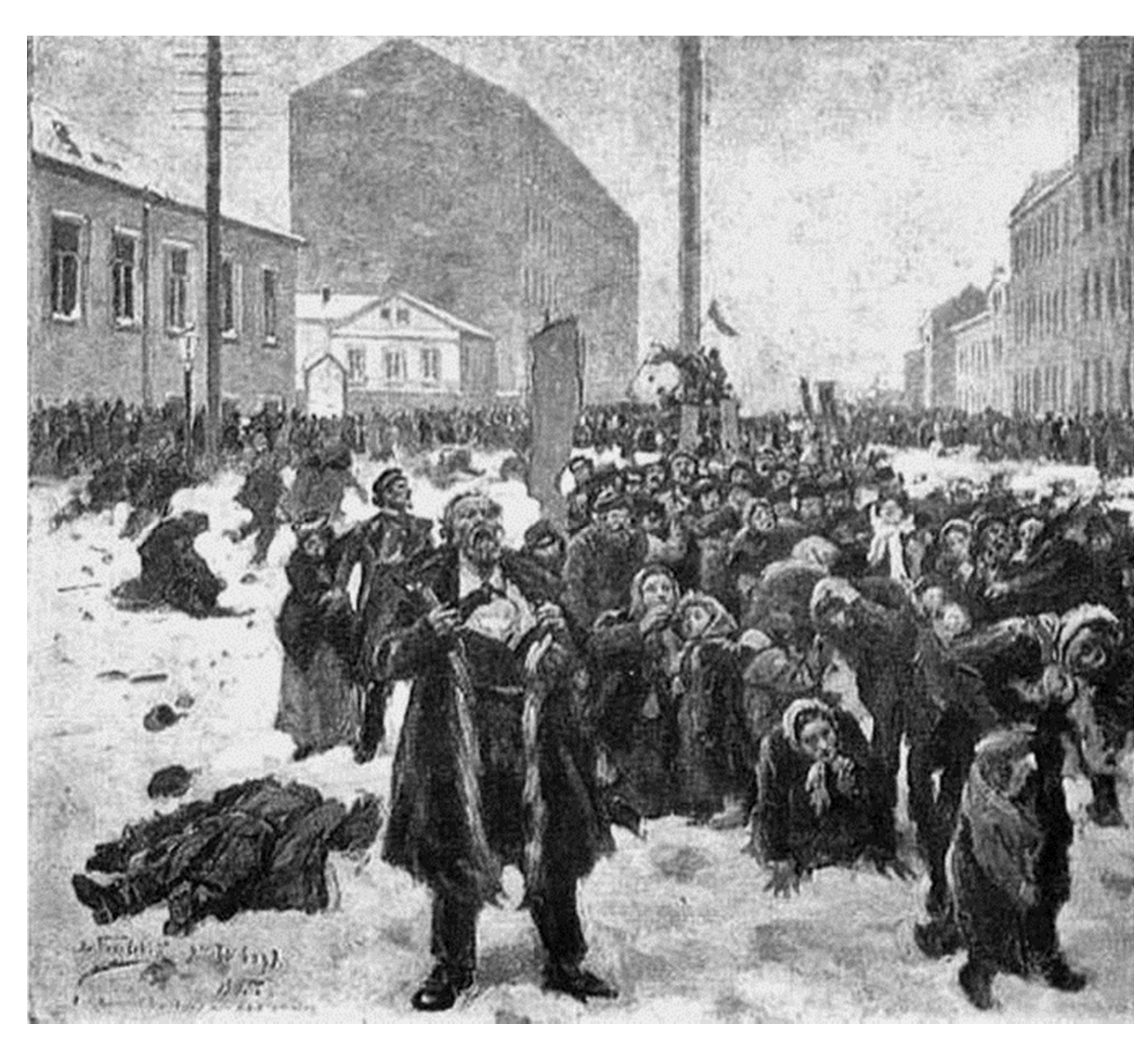
Выборы в Первую Государственную думу, 1905 г.

Лидер крайне правых в Государственной думе В.М. Пуришкевич

Председатель Третьей Государственной думы А.И. Гучков в своем кабинете

Маковский В.Е. «9 января 1905 года на Васильевском острове»

Петроград. Февраль 1917 г.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи НАШЕЙ великой и тяжкой скорбью преисполняютъ сердце НАШЕ. Благо Россійскаго ГОСУДАРЯ неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная ЕГО печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству державы НАШЕЙ.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ НАМЪ всѣми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, МЫ, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ предначертаемыхъ НАМИ къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ МЫ выполненіе непреклонной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ за симъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку, и

3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ НАСЪ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ НАМИ напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

Данъ въ Петергофѣ въ 17-й день Октября въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же НАШЕГО одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Манифест 17 октября 1905 г.

Манифест 17 октября 1905 года

Святые царственные великомученики. В 2000 г. император Николай II и его семья были причислены в лику святых